РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

6

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ

"НАУКА"
МОСКВА – 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Л.А. Янда (Тромсё). Русские приставки как система глагольных классификаторов 3

Анна А. Зализняк (Москва), И.Л. Микаэлян (Стейт Колледж). О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды 48

Е.Э. Разлогова (Москва). «Пиковая дама» в зеркале французских переводов 66

Б.А. Успенский (Москва). Имя Бога в славянской Библии (К вопросу о славяно-еврейских контактах в Древней Руси) 93

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Н.П. Шумарова (Киев). Социолингвистика Украины: постсоветский период 123

Рецензии

П.М. Аркадьев (Москва). *G. Booij*. Construction morphology. Oxford: Oxford university press, 2010 139

М.В. Кюсева (Москва). *R. Benczes, A. Barcelona, F.J.Ruiz de Mendoza Ibáñez* (eds.). Defining metonymy in cognitive linguistics: Towards a consensus view. Amsterdam: John Benjamins, 2011 144

Д.В. Сичинава (Москва). *B. Hansen, J. Grković-Major* (eds.). Diachronic Slavonic syntax: Gradual changes in focus. München: Sagner, 2010 150

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В.М. Алпатов (Москва). Международный коллоквиум «Розалия Шор (1894–1939) и ее культурное окружение» 155

Указатель статей, опубликованных в журнале «Вопросы языкознания» в 2012 г. 157

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), *Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, А.Е. Кибрик* (зам. главного редактора), *М.М. Маковский, А.М. Молдован, Т.М. Николаева* (главный редактор), *В.И. Подлесская, В.А. Плунгян* (отв. секретарь), *Е.В. Рахилина*

Зав. отделами: *Т.В. Зайцева, А.С. Кулева, М.М. Маковский, О.А. Шарыкина, М.В. Шкапа*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Редакция журнала «Вопросы языкознания»
Тел. (495) 637-25-16
Интернет-сайт журнала находится по адресу:
www.ruslang.ru, см. раздел «Издания»

© Российская академия наук, 2012 г.
© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2012 г.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 2012

© 2012 г. Л.А. ЯНДА

РУССКИЕ ПРИСТАВКИ КАК СИСТЕМА ГЛАГОЛЬНЫХ КЛАССИФИКАТОРОВ*

В настоящей статье предлагается гипотеза, согласно которой русские «чисто видовые» приставки представляют собой систему глагольных классификаторов. В статье приводится обширный набор данных, свидетельствующих в пользу этой гипотезы, включая сопоставление дистрибуции приставок по глаголам с существующими определениями систем классификаторов. Кроме того, приводятся результаты пяти статистических исследований, доказывающие, что поведение каждой приставки уникально и может быть объяснено на основе ее семантики. Все приведенные данные подтверждают нашу гипотезу и в то же время хорошо согласуются с идеей М. Вея и К. ван Схоневельда о том, что приставки никогда не являются семантически «пустыми», а скорее накладываются на значения глаголов. Предлагаемый анализ углубляет гипотезу Вея и ван Схоневельда, поскольку в настоящей статье для каждой приставки устанавливается индивидуальная сеть взаимосвязанных значений, а не абстрактное инвариантное определение. Подход к русскому языку как к языку с глагольными классификаторами обладает целым рядом описательных и педагогических преимуществ, а также упрощает сравнение с другими языками.

Ключевые слова: русский язык, приставки, вид, классификаторы, семантика, статистический анализ

I hypothesize that the Russian «purely aspectual» prefixes are a verb classifier system. I present an extensive set of tests for this hypothesis. The tests include comparison of distributional data with definitions for classifier systems, plus five different statistical studies proving that the behavior of each prefix is unique and explainable by recourse to its meaning. All of the evidence confirms the hypothesis and at the same time supports the Vey and van Schooneveld proposal that the prefixes are never «empty» but instead overlap with the meanings of the verbs. My analysis goes beyond the Vey and van Schooneveld overlap proposal in that I establish a specific network of meanings for each prefix, rather than assigning an abstract invariant meaning. Recognizing Russian as a verb classifier language brings numerous advantages, facilitating cross-linguistic comparisons and improving both description and pedagogy.

Keywords: Russian, prefixes, aspect, classifiers, semantics, statistical analysis

1. ГИПОТЕЗА О ГЛАГОЛЬНЫХ КЛАССИФИКАТОРАХ

Цель настоящей статьи заключается в проверке следующей гипотезы: **«Чисто видовые» глагольные приставки в русском языке представляют собой систему глагольных классификаторов.**

В основе этой гипотезы лежит идея об аналогии между существительными и глаголами. Конечно, эти два грамматических класса слов существенно отличаются друг от друга, поэтому аналогия не может быть полной. Идея об аналогии между существи-

---

* В настоящей статье представлены результаты исследований, проведенных совместно с Юлией Кузнецовой, Ольгой Ляшевской, Анастасией Макаровой, Туре Нессетом, Светланой Соколовой и Анной Эндресен. Исследования были поддержаны грантами Норвежского совета по исследованиям, Центра углубленных исследований Норвежской академии наук и Университета Тромсё. За перевод статьи на русский язык я благодарю Павла Иосада и Анну Эдресен.

тельными и глаголами была выдвинута в обширной работе У.Б. Макгрегора, где были подробно рассмотрены теоретические и практические достоинства и недостатки этой идеи на материале австралийских языков [McGregor 2002].

Эту гипотезу нельзя назвать совершенно новой. В последнее время предложение рассматривать приставки, выражающие категорию вида в русском языке, как глагольные классификаторы было выдвинуто двумя разными исследователями. В типологическом исследовании, посвященном глаголам движения и позиции, Т.А. Майсак утверждает, что перфективизирующие приставки могут функционировать в языках мира в качестве глагольных классификаторов [Майсак 2005: 339–345], причем русский включен в список таких языков на с. 298. В.А. Плунгян использует термины «классифицирующий эффект» и «классифицирующая перфективизация» при описании категории вида в нескольких языках, включая славянские [Плунгян 2011: 413–416; 2012].

Несмотря на многообещающий характер этих гипотез, они пока не подвергались масштабной проверке. Цель настоящей работы заключается в том, чтобы проанализировать гипотезу о глагольных классификаторах с использованием строгих критериев, позволяющих добиться четкого и непротиворечивого результата. В разделе 2 содержится краткий обзор систем классификаторов, причем особое внимание уделяется числовым классификаторам, которые представляют собой ближайшие аналоги русских глагольных приставок. Раздел 3 посвящен рассмотрению русских «чисто видовых» приставок с точки зрения общепринятых определений классификаторов. Для решения этой задачи используются сведения по распределению приставок, извлеченные из базы данных, разработанной в Университете Тромсё. Эта же база, дополненная данными из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], стала основным источником информации о пяти различных аспектах поведения глагольных приставок, представленной в разделе 4. В заключении приводятся типологические, описательные и педагогические результаты настоящего исследования.

В данной работе проводится различие между четырьмя основными типами глаголов совершенного вида в русском языке (см. [Janda 2007]):

• **Естественные перфективы**, лексическое значение которых совпадает с лексическим значением бесприставочного глагола несовершенного вида, например *написать* и *сварить*. Приставки, используемые при образовании естественных перфективов, часто характеризуются как «чисто видовые» или семантически «пустые»[1];

• **Специализированные перфективы**, лексическое значение которых отличается от лексического значения соответствующего бесприставочного глагола. В качестве примера можно назвать лексемы *переписать*, *подписать* и *разварить*. Соответствующий вторичный имперфектив обычно образуется от таких глаголов суффиксальным способом, например *переписывать*;

• **Комплексные перфективы**, в которых приставка ограничивает действие, описываемое бесприставочным глаголом. Комплексные перфективы описывают действия, которые начинаются, заканчиваются или длятся в течение некоторого времени. К этой группе относятся такие лексемы, как *поварить* и *зачихать*. Комплексные перфективы обычно не образуют вторичных имперфективов[2];

• **Однократные перфективы**, описывающие единичное действие из ряда повторяющихся (*чихнуть*, *сглупить*). Однократные перфективы обычно не имеют вторичных имперфективов.

---

[1] В классических работах префиксы часто описываются как семантически «пустые» при употреблении в этой функции [Шахматов 1952; Авилова 1959; 1976; Тихонов 1964; 1998; Forsyth 1970; Виноградов 1972; Русская грамматика 1980]. В числе научных работ, которые критикуют идею «пустых» приставок, нужно отметить [Горбова 2011] и [Кронгауз 1998].

[2] Различие между приставками в специализированных и комплексных перфективах ранее описывалось как различие между «квалифицирующими» и «модифицирующими» [Исаченко 1960: 222–224], «внутренними» и «внешними», «лексическими» и «суперлексическими» морфемами [Svenonius 2004a; 2004b, 2008; Ramchand 2004; Митренина и др. 2012].

Несмотря на то, что существует много ясных примеров каждого типа перфективов и в большинстве случаях их можно классифицировать довольно легко, жестких границ между этими типами нет. Таким образом, предлагаемая классификация описывает сильные тенденции, существующие в русском языке, а также учитывает такие глаголы, которые можно отнести более чем к одному типу перфективов.

Определение того, какие перфективы являются естественными, было проведено не автором данной статьи, а группой носителей русского языка на базе самостоятельных и общепризнанных авторитетных источников. К естественным перфективам в настоящей работе отнесены глаголы, включенные в базу данных Exploring Emptiness, доступную на сайте http://emptyprefixes.uit.no/. В этой базе данных содержится информация о видовых глагольных парах, в которых глагол совершенного вида образуется от глагола несовершенного с помощью приставки (таких пар 1981). В базу внесены все естественные перфективы, приведенные в трех различных источниках и одобренные группой носителей русского языка[3]. Таким образом, каждая пара в Exploring Emptiness была проверена четырьмя русскоязычными лингвистами, которые пользовались критерием Маслова. В результате такой проверки из базы данных было удалено более ста пар. Для каждого глагола в базе данных указан его вид, приставка, с помощью которой образуется видовая пара, кроме того приводится информация о других приставках, при помощи которых от данного глагола несовершенного вида можно образовать видовые пары, морфологический и семантический класс глагола, частотность глагола в НКРЯ, толкование глагола согласно использованным словарям, а также информация о том, из какого источника взят данный глагол.

Было бы, конечно, идеально найти исчерпывающий, окончательный и бесповоротный список естественных перфективов. Но, к сожалению, такого списка нет, и, наверное, не может быть. Во время работы с базой данных мы постоянно сталкивались с реальной картиной, а именно с тем, что в отношении отдельных примеров носители русского языка не соглашаются ни друг с другом, ни с авторами словарей. Из-за такого различия языковых интуиций полностью устранить спорные примеры было невозможно, однако мы постарались свести их число к минимуму (приблизительно 1 %). Следует добавить, что существование «спорных» примеров отражает реальность естественного языка, где мы сталкиваемся главным образом со статистическими тенденциями и редко – с жесткими и абсолютными правилами. Е. Дамбровска в ряде работ [Dąbrowska 2008; 2010; Street, Dąbrowska 2010] убедительно показала, что существуют измеримые различия в грамматике носителей одного и того же языка. Вероятно, каждый носитель русского языка располагает своим набором естественных перфективов. Во многом эти наборы, конечно, совпадают, а в чем-то расходятся (имеет место идиолектное варьирование, дисперсия). Поэтому и в данной статье могут встретиться такие примеры, которые, возможно, вызовут у читателя некоторые сомнения, но их довольно мало и при этом всегда можно обратиться к информации, помещенной на сайте, и найти тот источник, согласно которому в базу данных включен в качестве естественного перфектива каждый конкретный глагол.

Нас интересует в первую очередь поведение приставок в естественных перфективах, так как именно в этом случае префиксы описываются как «пустые» и «имеющие чисто видовое значение». В настоящей работе использование приставок в естественных перфективах сравнивается с их использованием во всех остальных типах перфективов, где наличие самостоятельного значения у приставок не вызывает сомнений.

---

[3] Были использованы следующие источники: [МАС; Ожегов, Шведова 2001; Cubberly 1982]. В качестве носителей языка выступали Юлия Кузнецова, Ольга Ляшевская, Анастасия Макарова, Светлана Соколова.

2. ЧИСЛОВЫЕ КЛАССИФИКАТОРЫ КАК ОБРАЗЕЦ ДЛЯ СРАВНЕНИЯ

Среди систем именных классификаторов наиболее распространенным является грамматический род, а второе место занимают системы числовых классификаторов[4]. Для данной статьи наибольший интерес представляет именно второй тип именных классификаторов, то есть числовые классификаторы, которые характерны в первую очередь для языков Азии и Южной Америки [Aikhenvald 2000: 98–124]. К настоящему времени эти системы уже достаточно хорошо изучены, и они могут послужить хорошей аналогией для систем глагольных классификаторов, подобных русской. В настоящем разделе кратко описывается система числовых классификаторов юкатекского языка ([Lucy 2000: 331–333], см. также [Lucy 1992; 2004]), после чего проводятся параллели с русскими «чисто видовыми» приставками.

Юкатекский язык распространен в Мексике и Гватемале и относится к семье языков майя. В юкатекском языке существительное *kib'* обычно переводится как 'свеча', поскольку обычно это слово используется именно при назывании свечей. Если необходимо прояснить, что речь идет именно об одной свече, в дополнение к числительному *'un* 'один' используется классификатор *tz'iit*, часто переводимый как 'длинный-тонкий', так как он используется с названиями длинных и тонких предметов: *'un-tz'iit kib'* буквально означает 'одна длинная тонкая свеча'. Это уточнение может показаться излишним – свечи обычно длинные и тонкие, – и классификатор кажется пустым формальным маркером, который добавляется при счете длинных тонких предметов. В юкатекском языке для счета плоских предметов употребляется другой классификатор – *wáal* 'плоский', для счета предметов других форм также существуют особые классификаторы.

Однако Дж.А. Люси указывает, что трактовка классификаторов как семантически пустых и излишних морфем основана на ошибочном предположении, будто юкатекский язык использует те же принципы деления предметов и веществ, что и английский (а также русский). В русском языке проводится различие между классами исчисляемых и неисчисляемых имен. Так, русское исчисляемое имя *свеча*, естественно, описывает определенный предмет и имеет форму множественного числа *свечи*, которая обязательна для описания более чем одного предмета. Более того, исчисляемые имена непосредственно сочетаются с числительными: *одна свеча*, *две палки*, *три банана*. Русские неисчисляемые имена, например *вода*, обозначают вещества. Формы множественного числа таких имен (*воды*) малоупотребительны, а при счете необходимо указывать единицу измерения: *один стакан воды*, *два комка глины*, *три кубика сахара*. С точки зрения русского языка исчисляемые существительные называют большинство объектов, существующих в виде отдельных предметов: свечи, палки, бананы. Однако для юкатекского языка существенно, из какого вещества состоит называемый объект. Описание вещества первично и зачастую обязательно, в то время как указание на предметность второстепенно и часто необязательно. Если указать на свечу и спросить носителя юкатекского языка, что это, ответом будет *kib'*. Но *kib'* на самом деле означает не 'свеча', а 'воск'. Более того, пример *kib'* отражает общее положение дел в этом языке: юкатекские существительные описывают вещества. Люси утверждает, что с точки зрения юкатекского языка окружающий мир представляет собой набор веществ. Роль таких классификаторов, как *tz'iit* и *wáal*, заключается в том, чтобы в случае необходимости – например при счете – уточнять возможные единицы измерения для этих веществ. Ниже приводится несколько примеров того, как классификаторы сочетаются с существительными в юкатекском языке.

---

[4] Несмотря на термин «числовые классификаторы», эти единицы определяют имена существительные, а не числительные. Числовые классификаторы представляют собой подтип именных классификаторов.

Таблица 1

Примеры числовых классификаторов в юкатекском языке
(цит. по [Lucy 2000: 329])

'un-tz'íit kib'	[один длинный-тонкий воск]	'одна свеча'
'un-tz'íit che'	[один длинный-тонкий дерево]	'одна палка'
'un-tz'íit nal	[один длинный-тонкий кукуруза]	'один початок кукурузы'
'un-tz'íit há'as	[один длинный-тонкий банан]	'один плод банана'
'un-wáal há'as	[один плоский банан]	'один лист бананового дерева'
'un-kúul há'as	[один посаженный банан]	'одно банановое дерево'
'un-kúuch há'as	[один груз банан]	'одна связка бананов'

Числовые классификаторы играют важную роль в юкатекском языке, поскольку без них невозможно называние отдельных объектов. Классификаторы превращают значения существительных в исчисляемые единицы, соответствующие предметам. Эти языковые объекты называются классификаторами, так как распределяют все существительные языка по группам в зависимости от типов предметов, в виде которых обычно выступают вещества. Некоторые существительные, такие как *há'as* 'банан', сочетаются с несколькими классификаторами, в то время как другие имеют только один характерный классификатор, потому что вещество, из которого они состоят, существует в виде одного типичного предмета.

Система классификаторов в юкатекском языке обеспечивает существование двух типов референции: существительное, не оформленное классификатором, описывает вещество, а информация о предметах уточняется путем добавления классификаторов. В русском языке существует два типа глаголов: глаголы несовершенного вида, к которым в общем случае относятся бесприставочные основы, и совершенного вида, часто оформленные приставками. В работе [Janda 2004] показано, что русские глаголы несовершенного вида ведут себя как существительные с вещественным значением, в то время как глаголы совершенного вида – как существительные с предметной семантикой[5]. У вещества нет границ, нет формы, оно единообразно и не поддается счету. Русские глаголы несовершенного вида не определяют начало и конец ситуации (отсутствие границ и формы), описывают непрерывные, единообразные и длящиеся во времени состояния и действия и не описывают единичные законченные события (несчетны). Другими словами, бесприставочный глагол в русском языке практически всегда описывает глагольный эквивалент веществ. В немодифицированной форме русские глаголы подобны юкатекским существительным: они описывают окружающий мир как множество ничем не ограниченных состояний и действий. Для описания события русский язык требует приставочной перфективизации глагола, которая аналогична использованию классификаторов в юкатекском языке для описания предметов.

В юкатекском классификаторы используются вместе с числительными. Вид в русском языке, в особенности совершенный, не раз описывался как тип квантификации. На связь русского вида с квантификацией указывал еще Р.О. Якобсон [Jakobson 1971: 136]; см. также [Brinton 1991; Smith 1991; Mourelatos 1978; Dahl 1985; Kresin 2000]. Связь

---

[5] Это, конечно, не мое открытие. Как пишет Э. Даль [Dahl 1985: 76], аналогия между вещественными vs. счетными существительными, с одной стороны, и видом глагола, с другой, «уже много раз замечена». В работе [Janda 2004] можно найти более обширное обсуждение научной литературы по данному вопросу, а также детальную разработку идеи такой аналогии на материале русского языка. В этой статье я подробно описываю 14 параметров, отличающих жидкие вещества от дискретных твердых предметов и имеющих параллели в использовании русских глаголов совершенного и несовершенного вида. Эта модель объединяет все типы глаголов совершенного и несовершенного вида (причем не только бесприставочных) и описывает все общепризнанные типы употребления вида в русском языке, включая событийные употребления.

между квантификацией и видом характерна не только для русского языка (ср. [Carlson 1981; Bach 1986]). Русские глаголы совершенного вида используются с дополнительными квантификаторами, такими как обстоятельства меры или времени, например ***прочитать*** *книгу за два часа*, или родительный партитивный, например ***выпить*** *чаю*. Таким образом, префиксальное образование глаголов совершенного вида аналогично использованию числительных при квантификации имен.

Классификаторы в юкатекском языке обычно дают информацию о форме описываемого предмета, что типично для языков, в которых существуют классификаторы. Форма является наиболее распространенным параметром, управляющим распределением числовых классификаторов в языках мира (см. [Lyons 1977: 465–466; Aikhenvald 2000: 98]). Приставки в русском языке описывают «форму» действия как путь в пространстве. Природа русских приставок как пространственных элементов не вызывает возражений во многом потому, что большинство из них несомненно связаны с предлогами, имеющими пространственное значение. Это особенно хорошо видно при использовании приставок для образования специализированных перфективов от глаголов движения, как в случае глагола *бежать*: *прибежать*, *убежать*, *вбежать*, *выбежать*. Форма, которую предмет принимает в пространстве, таким образом, аналогична пространственно-временным контурам события. У.Б. Макгрегор [McGregor 2002: 29] называет выражение траектории с помощью глагола «векторной конфигурацией» и считает его важнейшим параметром при выборе глагольных классификаторов наряду с аспектом и валентностью. Кроме того, он утверждает, что «векторная конфигурация у глаголов аналогична параметру формы в языковых системах с именными классификаторами»[6].

Существительные в юкатекском языке распределены по группам в зависимости от того, с какими классификаторами они могут сочетаться. Например, такие существительные, как *kib'* 'воск', используются с классификатором *tz'iit* 'длинный-тонкий', другие существительные используются с классификатором *wáal* 'плоский' и т. д. Точно так же русские приставки делят бесприставочные глаголы на несколько групп: существует группа глаголов, которые присоединяют приставку *по-*, глаголы, присоединяющие приставку *с-*, и т. д. Все бесприставочные глаголы, от которых могут образовываться естественные перфективы, классифицированы таким образом в зависимости от приставок, с которыми они употребляются. Рис. 1 демонстрирует этот эффект на примере естественных перфективов в базе данных Exploring Emptiness. Каждый столбец представляет количество бесприставочных глаголов, образующих естественные перспективы с помощью соответствующей приставки. Это количество может составлять от 3 (приставка *в-*) до 417 (приставка *по-*).

В юкатекском языке некоторые существительные могут присоединять более одного классификатора, хотя большинство существительных чаще всего употребляются всего с одним классифицирующим элементом. Подобное поведение демонстрируют и бесприставочные глаголы русского языка. Из 1 429 бесприставочных глаголов, от которых образуется естественный перфектив, большинство (1 043 глагола) используют всего одну приставку. Тем не менее 386 глаголов могут использовать для этой цели от двух до шести приставок. Этот феномен, названный нами «вариативность», подробно рассматривается в разделе 4.4.

Из воска делаются самые разнообразные объекты, но в то же время самый обычный восковой предмет – это свеча, и это обусловливает использование классификатора *tz'iit* 'длинный-тонкий' с существительным *kib'* 'воск' в юкатекском языке. Аналогично и русские приставки по своему значению могут пересекаться с бесприставочными глаголами. Существует много типов событий, включающих связывание, но наиболее характерным из них является связывание чего-либо вместе (так что оно становится полностью связанным). Это мотивирует выбор приставки *с-*, имеющей значение TOGETHER, в естественном перфективе *связать*. Точно так же приставка *раз-* имеет значение SPREAD,

---

[6] Здесь и далее перевод наш. – *Л.Я.*

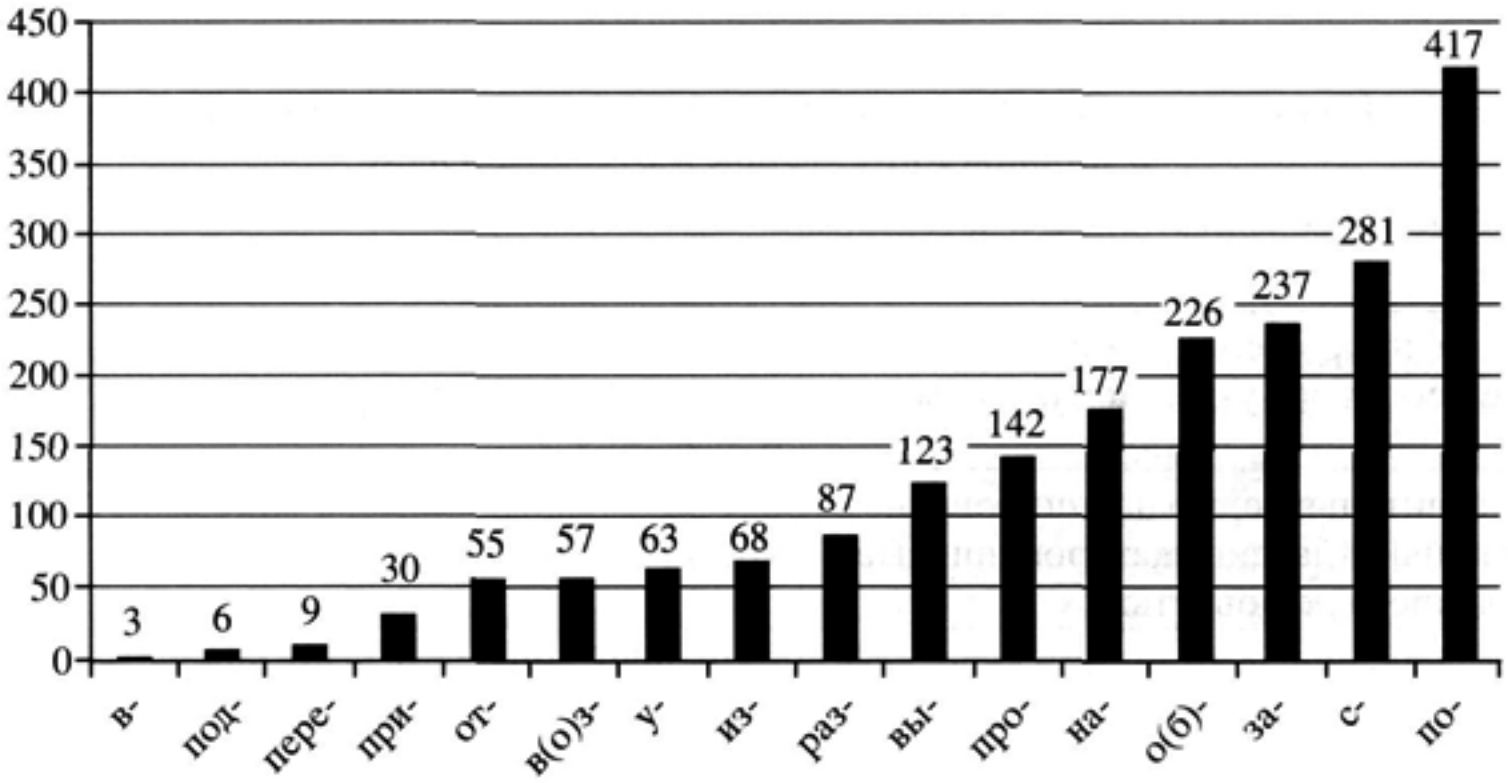


Рис. 1. Распределение естественных перфективов по приставкам

совместимое с событием, описываемым глаголом *ветвиться*, приставка *при-* имеет значение ATTACH, совместимое с событием, описываемым глаголом *липнуть*, а приставка *в(о)з-* – значение MOVE UPWARD, подходящее для события, описываемого глаголом *карабкаться*. Феномен понятийного наложения в русских естественных перфективах рассматривается более подробно в разделах 4.1 и 4.2.

Как указывает А.Ю. Айхенвальд [Aikhenvald 2000: 98], в системах числовых классификаторов обычно существует классификатор, используемый по умолчанию, то есть сочетающийся с гораздо большим количеством существительных, чем все прочие; в некоторых системах такой классификатор может употребляться со всеми именами. Похожим образом русская приставка *по-* употребляется гораздо чаще всех прочих префиксов и постепенно становится классификатором, используемым «по умолчанию» в рамках русской глагольной системы [Dickey 2007].

Наконец, примечательно, что и именные классификаторы в юкатекском языке, и «чисто видовые» приставки в русском рассматриваются некоторыми учеными как исключительно формальные, семантически пустые маркеры. Таким образом, гипотеза о том, что в русском языке существует система глагольных классификаторов, по сути, опровергает признаваемое традицией существование пустых приставок.

В целом поведение русских приставок при образовании естественных перфективов в высшей степени сходно с поведением классификаторов при образовании счетных / количественных выражений в юкатекском языке, как показано в таблице 2. В разделе 3 доказывается, что распределение русских глагольных приставок соответствует тому, как функционируют описанные в литературе системы классификаторов. Все эти аргументы говорят в пользу того, чтобы рассматривать русский язык как имеющий глагольные классификаторы, а саму систему русских приставок – как систему аспектуальных классификаторов.

Гипотеза о том, что приставки в русском языке являются глагольными классификаторами, резко отличается от традиционного взгляда на приставки как на семантически пустые маркеры совершенного вида. В разделе 4 представлен обширный набор данных, свидетельствующих в пользу гипотезы о глагольных классификаторах. Но почему русский язык не считался языком с глагольными классификаторами раньше? Каковы преимущества нашего подхода?

Трудно найти что-либо, если не знать, что искать. Системы глагольных классификаторов вошли в научный оборот совсем недавно, и до настоящего времени их поиск производился в основном в «экзотических» языках. Таким образом, ответ заключается

Таблица 2

Сравнение числовых классификаторов в юкатекском языке и видовых приставок в русском языке

Числовые классификаторы в юкатекском языке	Видовые приставки в русском языке
немодифицированные имена описывают вещества без указания на форму	бесприставочные глаголы несовершенного вида описывают неограниченные состояния и действия
существительные, модифицированные с помощью классификаторов, описывают дискретные объекты	префиксальные глаголы описывают дискретные события
квантификация ассоциирует классификаторы с числительными	квантификация связывает приставки с совершенным видом
классификаторы описывают форму объекта	приставки описывают форму события
классификаторы разделяют имена на классы	приставки разделяют глаголы на классы
некоторые существительные употребляются более чем с одним классификатором	некоторые глаголы употребляются более чем с одной приставкой
значение классификатора соответствует образцовому представителю объекта данного класса	значение приставки отражает наиболее существенные особенности события данного класса
изначально рассматривались в литературе как семантически пустые формальные единицы	традиционно рассматриваются как семантически пустые формальные единицы

просто-напросто в том, что соответствующим данным не уделялось достаточно внимания. Подводя итоги обсуждения глагольной классификации, У.Б. Макгрегор [McGregor 2002: 404] заключает, что это языковое явление «еще не введено в научный оборот центральных направлений современной лингвистики в качестве категории, которую можно было бы ожидать в языке», при том что глагольная классификация – это «далеко не экзотический феномен». Далее, он пишет: «Без сомнения, она <глагольная классификация> не ограничивается сравнительно небольшим числом языков, в которых была описана, хотя определение степени распространенности этого феномена в языках мира до сих пор остается задачей лингвистики».

В настоящей статье представлены данные, показывающие необходимость рассматривать русские приставки как глагольные классификаторы. Важнейшая составляющая этого исследования – целостный подход к сбору и количественному анализу данных. Работа не относится к жанру полемического эссе, в котором для иллюстрации используется несколько специально отобранных примеров. Здесь приводится и подвергается тщательному статистическому анализу полный спектр доступных данных.

3. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИСТАВОК

У.Б. Макгрегор [McGregor 2002: 16–22] и М. Гернер [Gerner 2009: 708; forthcoming] предлагают дистрибуционные критерии для определения систем классификаторов. Это позволяет проверить, соответствуют ли их требованиям русские приставки. У.Б. Макгрегор и М. Гернер описывают четыре критерия, которым должны отвечать системы

классификаторов (приведены ниже разрядкой). Настоящий раздел посвящен оценке соответствия русского языка этому описанию, если рассматривать приставки как «классификаторы», а глаголы как «классифицируемые» единицы.

1. Количество возможных сочетаний классификаторов и классифицируемых единиц конечно. В русском языке префиксы и глагольные основы сочетаются в приставочных глаголах, которые могут быть естественными, специализированными и комплексными перфективами. Классификация играет особенно важную роль при образовании естественных перфективов;

2. В группу классификаторов входит более одного элемента. Количество классификаторов, конечно, зависит от языка: в некоторых языках их только несколько, но есть языки, в которых классификаторов гораздо больше ([Макгрегор 2002] описывает языки с разным количеством классификаторов, в некоторых случаях их число превышает двести; в [Gao, Malt 2009] представлено 126 высокочастотных числовых классификаторов китайского языка, который кроме того располагает значительным числом классификаторов с более низкой частотностью). Этому критерию, безусловно, удовлетворяют данные русского языка, в котором имеется 16 приставок, образующих естественные перфективы[7];

3. В группу классифицируемых объектов входит значительно больше элементов, чем в группу классификаторов. Это верно и для русского языка, где 1429 глаголов[8] классифицируются шестнадцатью приставками;

4. Как минимум две группы классифицируемых объектов, ассоциированные с двумя различными классификаторами, должны существенно отличаться друг от друга. Подробные доказательства того, что каждая приставка связана с отдельной группой глаголов, приведены в разделах 4.1 и 4.2.

Таким образом, приставки русского языка имеют все четыре свойства классификаторов. У.Б. Макгрегор [McGregor 2002: 17] вводит еще одно требование: элементы множества классификаторов «должны демонстрировать различное поведение» («must show different behaviours»). Пять конкретных исследований, результаты которых представлены ниже, показывают, что приставки ведут себя по-разному. Первые два из них посвящены значению приставок, которые разделены на две группы в примерном соответствии с количеством естественных перфективов, образующихся с их помощью. На нашем сайте (http://emptyprefixes.uit.no/methodology_rus.htm) можно найти подробное описание статистических процедур и их интерпретации. Читатель может скачать оттуда наши данные, найти ссылки на программы для статистической обработки данных и провести все анализы на собственном компьютере. В разделе 4.1 рассматриваются 11 «малых» приставок, которые образуют сравнительно небольшое число естественных перфективов; в этом разделе показано, что все приставки этой группы: *в-*, *под-*, *пере-*, *при-*, *от-*, *в(о)з-*, *у-*, *из-*, *раз-*, *вы-*, *о(б)-* – связаны с определенной семантической группой глаголов. Раздел 4.2 посвящен пяти «крупным» приставкам *по-*, *с-*, *на-*, *за-*, *про-*, которые образуют большие группы естественных перфективов. В этом разделе показано, что каждая приставка имеет собственный семантический профиль. В разделе 4.3 продемонстрировано, что приставки *на-*, *за-* и *по-* ведут себя по-разному в том, что касается сочетаемости в рамках грамматических конструкций. Предметом раздела 4.4 являются различия между приставками, присоединяемыми к одним и тем же глаголам. Наконец, в разделе 4.5 будет показано, что некоторые приставки имеют большую продуктивность при образовании вторичных имперфективов, чем другие.

---

[7] Подсчет приставок может производиться несколькими способами; здесь мы используем максимально консервативный метод, не проводя различий между *вз-*, *воз-* (*в(о)з-*) и *о-*, *об-*, *обо-* (*о(б)-*). Обоснование этих решений см. в разделе 4.1.

[8] Это число здесь приведено в соответствии с базой данных Exploring Emptiness.

4. ПОВЕДЕНИЕ ПРИСТАВОК

4.1. Профили радиальных категорий для *в-*, *под-*, *пере-*, *при-*, *от-*, *в(о)з-*, *у-*, *из-*, *раз-*, *вы-*, *о(б)-*[9]

Для того чтобы оптимизировать наш анализ, набор из шестнадцати приставок был разделен на две группы. Одиннадцать «малых» приставок[10] образуют достаточно мало естественных перфективов, чтобы их можно было проанализировать подробно, но недостаточно много, чтобы обеспечить достоверность при статистическом моделировании. «Малые» приставки рассматриваются в настоящем разделе. Остальные пять приставок встречаются чаще, что не дает возможности проанализировать все глаголы по отдельности, но в то же время обеспечивает достаточно данных для статистического анализа, результаты которого представлены в разделе 4.2.

Эмпирический метод, примененный в настоящем разделе, входит в инструментарий количественных методов, разработанный в Университете Тромсё для анализа языковых данных, в первую очередь для рассмотрения взаимоотношений формы и значения. Одним из таких методов является анализ профилей радиальных категорий, то есть рассмотрение распределения данных в сетевых семантических структурах, организованных по принципу радиальных категорий, таких как взаимосвязанные частные значения языковых единиц. Однако, прежде чем продемонстрировать применение этого метода, необходимо определить понятие радиальной категории и показать, как оно может быть использовано для выявления семантических наложений.

Полисемия является распространенным феноменом, в особенности характерным для русских приставок, ср. выборку специализированных перфективов с приставкой *раз-* в таблице 3.

Таблица 3

Примеры специализированных перфективов с указанием значения, привносимого приставкой *раз-*

Бесприставочный глагол	Глагол, образованный с помощью приставки *раз-*	Значение приставки *раз-*
пилить	*распилить*	APART
топтать	*растоптать*	CRUSH
катать	*раскатать*	SPREAD
дуть	*раздуть*	SWELL
грузить	*разгрузить*	UN-

---

[9] Описанное здесь исследование полностью представлено в [Endresen et al. forthcoming].

[10] В перечне «малых» приставок не проводится различие между некоторыми префиксами, связанными этимологически, но не полностью идентичными по своему поведению: *о-*, *об-*, *обо-* и *вз-*, *воз-*. Многие важные описания и теоретические работы рассматривают *о(б)-* как единый префикс, например [Зализняк, Шмелев 1997: 73; 2000: 83; Wade 1992: 277; Timberlake 2004: 404; Townsend 1975: 127; Грамматика русского языка 1952, 1: 589–592; Исаченко 1960: 148; Барыкина и др. 1989; Hougaard 1973; Roberts 1981]. Противоположный взгляд представлен в [Алексеева 1978; Andrews 1984; Кронгауз 1998: 131–148]. В работе [Baydimirova 2010] приводится углубленный анализ естественных и специализированных перфективов, образованных с помощью приставок *о-*, *об-*, *обо-*, а также результаты психолингвистического эксперимента с использованием квазислов. Полученные результаты показывают, что все три варианта могут выражать каждое из выделяемых значений, что поддерживает преобладающую интерпретацию *о(б)-* как единого префикса. Несмотря на большое количество естественных перфективов, образованных с помощью *о(б)-*, мы рассматриваем этот префикс в числе «малых» приставок, используя результаты А. Байдимировой. В интерпретации *вз-* и *воз-* как единой приставки мы следуем работе [Townsend 1975: 123]. В [Исаченко 1960: 149; Русская грамматика 1980: 357–358; Виноградова 1984: 24–26] *вз-* и *воз-* рассматриваются как две отдельные морфемы с рядом стилистических различий. Этот вопрос освещался в работе [Endresen, Sokolova 2011], авторы которой заключают, что, несмотря на существование небольших различий значения, обе приставки могут быть описаны в рамках одной сети подзначений.

Хотя в этих примерах присутствует пять различных значений приставки *раз-*, создается впечатление, что между ними могут существовать определенные взаимоотношения. Как минимум SPREAD и SWELL кажутся довольно близкими и, возможно, связаны с APART и с другими значениями. Таким образом, полисемия демонстрирует как разнообразие подзначений, так и возможность их объединения. Разные семантические теории по-разному трактуют эти противоположные свойства полисемии.

Некоторые модели рассматривают полисемию как список значений, что примерно соответствует перечислению значений приставки *раз-* в таблице 3 (ср. [Тихонов 1962; Bogusławski 1963; Русская грамматика 1980]). Списочная модель предполагает существование пяти (или более) различных приставок *раз-*: $раз_1$- со значением APART, $раз_2$- со значением CRUSH, $раз_3$- со значением SPREAD и т. д. Списочные модели хорошо подходят для сбора данных о разнообразии значений и различиях между ними, но они неспособны адекватно отобразить связи между этими значениями. Такая модель позволяет сравнивать два списка значений и констатировать наличие полного или частичного соответствия, однако не позволяет извлечь никакой информации о семантической структуре. Это значит, что списочные модели неспособны отличить систематические пересечения от случайных. Иными словами, если одна единица обладает десятью значениями, а другая – пятью значениями из того же списка, то как узнать, образуют ли пять пересекающихся значений какое-либо естественное подмножество или выбраны случайно?

Существуют также модели, в рамках которых значение рассматривается в терминах инвариантов и признаков, обычно имеющих абсолютные значения (+ или –). Цель признаковых моделей заключается в определении семантического инварианта и выявлении единства языковых форм. Однако такие модели обычно оперируют настолько абстрактными и нечетко определенными значениями, что оказываются неспособны описать реальное семантическое разнообразие. В качестве примера можно привести анализ приставки *на-* как имеющей значение ‘проявления, свидетельства’ [van Schooneveld 1978] или приставки *в(о)з-* со значениями ‘+горизонтальная граница, +переход’ [Gallant 1979]. Подобные определения ничего не говорят о конкретных значениях и их взаимосвязях. Они допускают только полное пересечение, в то время как частичное пересечение в таких описаниях почти никогда не отражается; кроме того, точно так же нерешенным остается вопрос о систематичности или случайности семантических соответствий.

Семантическая модель, основанная на радиальных категориях, сочетает преимущества списочных и признаковых теорий, позволяя выявить не только наличие пересечений, но и их объем, а также понять, являются ли они систематическими. Семантическая концепция радиальных категорий опирается на результаты Э. Рош [Rosch 1978], которая показала, что человеческое мышление организует экземпляры понятий в радиальные категории, состоящие из центрального прототипа и менее центральных экземпляров, так или иначе связанных с прототипом. Например, английское слово *mother* [Lakoff 1987: 83–84] прототипически означает женщину, находящуюся в браке с отцом ребенка, зачавшую, родившую и воспитавшую этого ребенка. Тем не менее существует множество других типов матерей: мачехи, приемные матери, биологические матери, патронатные матери, генетические матери (доноры яйцеклеток) и т. д. Структуру категории *mother* можно изучить путем анализа взаимоотношений между членами этой категории. В когнитивной лингвистике (ср. [Lakoff 1987; Taylor 2003]) модель радиальных категорий используется для семантического анализа, и она доказала себя как эффективный инструмент моделирования сложных семантических сетей. Радиальные категории определяются не в терминах признаков и границ, а в терминах отношения к прототипу. Прототипический экземпляр в рамках категории является ее семантическим центром тяжести; обычно это наиболее характерный ее представитель, обладающий наибольшим количеством связей с другими членами той же категории [Geeraerts 1995: 25; Croft, Cruse 2004: 78, 81; Lewandowska-Tomaszczyk 2007: 155]. Например, биологическая мать вынашивает и рожает ребенка, а мачеха состоит в браке с его отцом. Эти два периферийных элемента не имеют прямого отношения друг к другу, так как ‘биологическая мать’ и ‘мачеха’ не имеют между собой ничего общего. ‘Генетическая мать’ связана

с ‘биологической матерью’, поскольку обе передают ребенку генетический материал, а ‘приемная мать’ связана с ‘мачехой’, поскольку и та, и другая обычно участвуют в воспитании ребенка. Все эти виды ‘матери’ связаны с прототипической ‘матерью’, поскольку имеют те или иные общие характеристики. Кроме того, существует схематическое значение, объединяющее все элементы категории ‘мать’: во всех случаях речь идет о женщине, находящейся в семейных отношениях с ребенком.

Модель радиальных категорий позволяет отразить как разнообразие, характерное для полисемии, так и существование общей структуры значений. Кроме того, структура радиальной категории показывает, какие значения ближе связаны друг с другом, а какие не имеют друг к другу прямого отношения. Используемый нами метод заключается в сравнении радиальных категорий. Если оказывается, что две радиальные категории включают ряд общих значений, то внутренняя структура этих категорий покажет, распределены пересекающиеся значения случайно или объединены во взаимосвязанные блоки. Наличие пересечений, в которых участвуют взаимосвязанные подмножества значений, говорит о наличии одной и той же радиальной категории в случае сравниваемых объектов, хотя она может наличествовать в разных случаях в различном объеме.

Анализ приставок с использованием радиальных категорий подразумевает сравнение поведения естественных перфективов со свойствами перфективов специализированных и комплексных. Для каждой приставки анализ был проведен в три этапа. Сначала устанавливалась радиальная категория значений каждой приставки на основе анализа тех глаголов, в которых семантика префикса не вызывает никаких затруднений: специализированных (и комплексных) перфективов, подобных приведенным в таблице 3. Значения префикса были описаны в рамках модели радиальной категории. Затем анализировались значения бесприставочных глаголов, образующих естественные перфективы с помощью того же префикса, и также составлялась схема радиальной категории. Наконец, было проведено сравнение полученных радиальных категорий на предмет соответствий. Анализ радиальных категорий, наряду с построением семантических (раздел 4.2) и конструкционных (раздел 4.3) профилей, представляет собой тип построения поведенческих профилей [Divjak, Gries 2006; Gries, Divjak 2009].

При анализе глаголов использовались следующие способы измерения. Классы перфективов значительно различаются по своей частоте (как частоте типа, так и частоте экземпляра). Естественные перфективы представляют собой относительно небольшой класс глаголов, для которых обычно характерна высокая частота употребления. Специализированные и комплексные перфективы – это, напротив, большой класс глаголов, многие из которых низкочастотны. Средняя частота (медиана) естественных перфективов в НКРЯ составляет 107, в то время как для прочих приставочных глаголов совершенного вида этот показатель составляет 9,7 [Kuznetsova 2010]. Поскольку здесь нас интересует в первую очередь использование приставок для образования естественных перфективов, в рамках настоящего исследования были проанализированы все естественные перфективы. При подборе специализированных и комплексных перфективов был выбран порог частоты, сопоставимый с обычной частотой естественных перфективов: таким образом, анализу были подвергнуты только специализированные и комплексные перфективы, встречающиеся в НКРЯ 100 или более раз. Поскольку все рассмотренные естественные перфективы соотносятся с бесприставочными глаголами несовершенного вида, мы исключили из рассмотрения те специализированные перфективы, которые не имеют соответствующего мотивирующего бесприставочного глагола несовершенного вида. В их число вошли глаголы, у которых соответствующий мотивирующий глагол является глаголом совершенного вида (*раздать*), вовсе не имеющие бесприставочного соответствия (*разуться*), а также приставочные глаголы, образованные от других частей речи, например существительных (*рассекретить*), прилагательных (*утяжелить*), местоимений (*присвоить*) и числительных (*удесятерить*). Кроме того, когда глагол с рефлексивной морфемой *-ся/-сь* отличается от невозвратного аналога только переходностью, оба глагола рассматриваются как одна единица.

Анализ радиальных категорий был проведен примерно в объеме двух тысяч глаголов для всех 11 «малых» префиксов. Полученные результаты доступны на сайте http://emptyprefixes.uit.no/book_rus.htm (все данные и статистические модели по остальным разделам настоящей статьи также могут быть найдены на этом сайте). В настоящем разделе подробно описана всего одна приставка (*раз-*), после чего кратко излагаются результаты анализа радиальных категорий по всем 11 префиксам.

Структура радиальной категории, изображенной на рис. 2, представляет собой результат рассмотрения 148 специализированных перфективов. На рисунке представлены все три этапа анализа. Ячейки соответствуют значениям приставки *раз-*, выявленным по итогам анализа специализированных перфективов, они пронумерованы для удобства чтения. Числа в скобках указывают количество глаголов с каждым значением для каждого типа перфектива; для каждого типа приведен один пример. Ячейки, показывающие пересечение между значениями приставки *раз-* и значениями глаголов, образующих естественные перфективы с этой приставкой, выделены серым цветом. Например, ячейка 1 соответствует значению APART: существует 38 специализированных перфективов (типа *распилить*) и 22 естественных перфектива (типа *разгрызть*) с этим значением.

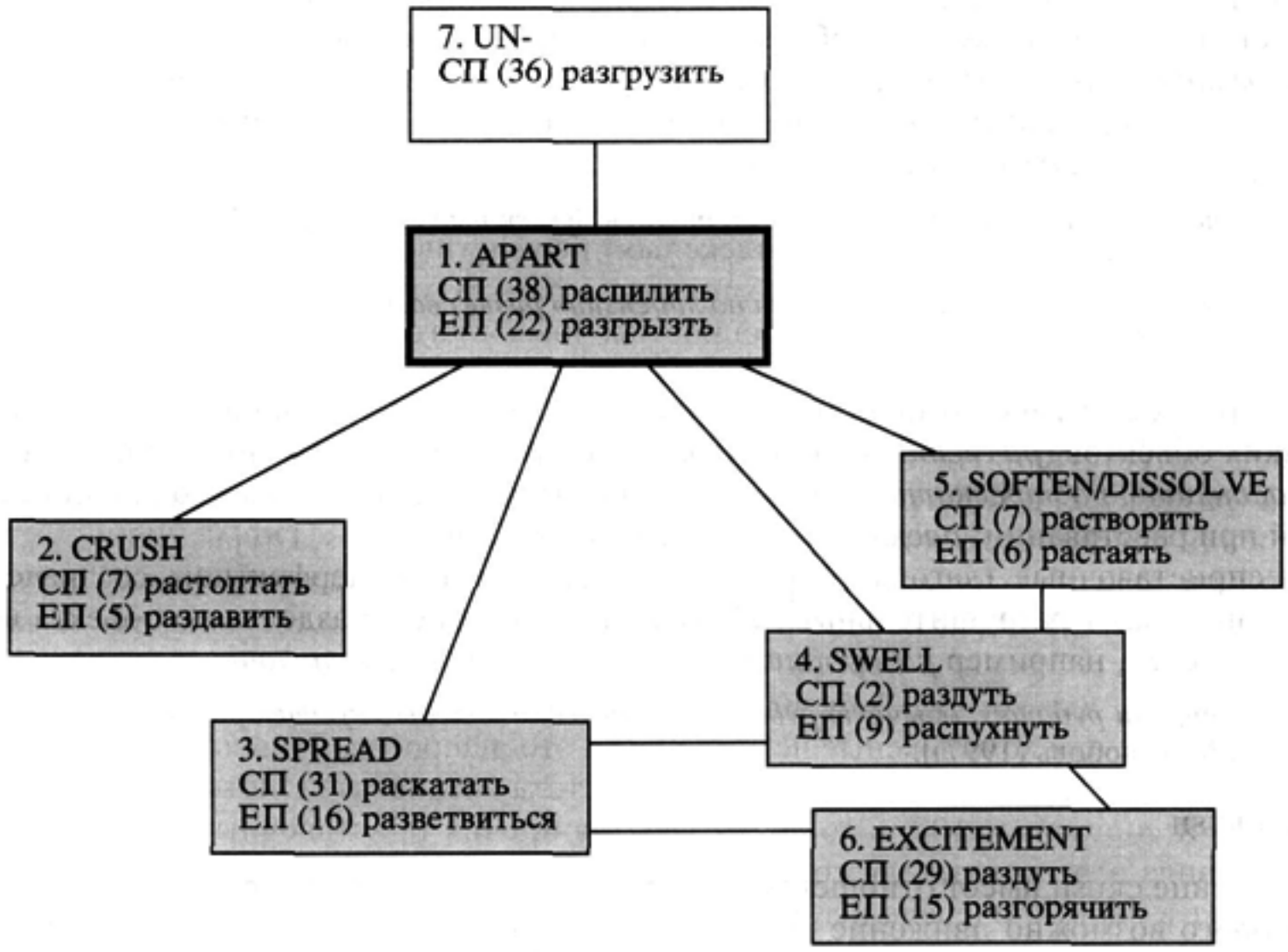


Рис. 2. Радиальная категория приставки *раз-*

Прототипическое значение приставки *раз-* – APART – предполагает разрушение единства отдельного объекта или группы объектов, в результате которого отдельные объекты или части объекта перестают быть соединены между собой и движутся в разные стороны. Связь между значениями APART и CRUSH обусловлена тем, что при разрушении внутренняя структура разрушенного объекта уничтожается, в результате чего может произойти расширение его пределов. Можно выделить группу значений (3–6), тесно связанных с идеей рассеяния, имеющей непосредственное отношение к значению APART; сюда относятся SPREAD, SWELL и SOFTEN/DISSOLVE. Поскольку возбуждение часто распространяется, а также приводит к увеличению размера, к этой же группе относится значение EXCITEMENT. В верхней части радиальной категории содержится последнее значение, UN-, которое связано с прототипом постольку, поскольку аннулиро-

вание последствий какого-либо действия можно осмыслить как демонтаж. Все ячейки, кроме 7, на рисунке 2 выделены серым цветом. Это означает, что в большинстве подзначений этой радиальной категории засвидетельствованы как специализированные, так и естественные перфективы. Легко объяснимо, почему отсутствуют естественные перфективы со значением UN-: естественный перфектив по определению является глаголом, имеющим то же значение, что и соответствующий бесприставочный глагол. Значение UN- имеют приставочные глаголы совершенного вида, противоположные по значению производящим бесприставочным глаголам. Это противоречие делает невозможным существование естественных перфективов с приставкой *раз-*, имеющих такое значение.

Ниже мы рассмотрим отдельные значения приставки *раз-* и продемонстрируем, как специализированные и естественные перфективы свидетельствуют в пользу выделяемых нами подзначений приставки *раз-*.

1. APART

Одиннадцать из 36 специализированных перфективов с прототипическим значением приставки *раз-* представляют собой глаголы движения. Глаголы, обозначающие, что предмет движется сам по себе, образуются присоединением возвратной частицы *-ся/сь* (*разбежаться*, *разлететься*), как показано в примере (1)[11]. Если это переходные глаголы, специализированные перфективы описывают перемещение объектов в различные места (*разнести*, *развезти*), см. пример (2).

(1) *Шлиппенбах захохотал так, что* ***разлетелись*** *бумажные салфетки* [С. Довлатов. Чемодан (1986)].

(2) *После поминального обеда «таксист по лицензии»* ***развез*** *всех по домам* [В. Слипенчук. Зинзивер (2001)].

К этой же группе относятся глаголы движения, описывающие рассеивание нескольких объектов (*разметать*, *разослать*), а также глаголы, связанные с повреждением (*распилить*, *растрескаться*). Сюда же относятся глаголы, описывающие поведение людей при расставании: *раскланяться* и *распрощаться*.

Бесприставочные глаголы, образующие естественные перфективы со значением APART, описывают разрушительные действия, приводящие к разделению объекта на несколько частей, например *раздробить(ся)*, *распороть(ся)*, *растолочь*.

(3) *Я* ***распорола*** *рубашку, обычную рубашку, по швам, и каждый кусочек разгладила* [Л. Смирнова. Моя любовь (1997)].

2. CRUSH

Значение CRUSH имеет отношение к разрушению внутренней структуры, в результате которого возможно движение краев в стороны друг от друга. Специализированные перфективы с этим значением в первую очередь образуются от глаголов, описывающих ожесточенные действия и акты насилия, например *раздолбать*, *растоптать*, *разбомбить*.

(4) *Миша докурил сигарету до самого фильтра и яростно* ***растоптал*** *ее каблуком* [Е. Прошкин. Механика вечности (2001)].

Значение CRUSH имеют пять естественных перфективов, непосредственно обозначающих разрушение путем применения давления, такие как *раздавить* и *расплющить*. Кроме того, в этой группе имеется глагол с достаточно общим значением разрушения: *разгромить*.

(5) *Вот видите! – тонко воскликнул Будяев и с треском* ***раздавил*** *окурок в пепельнице* [А. Волос. Недвижимость (2000)].

---

[11] Если не указано иначе, все примеры взяты из Национального корпуса русского языка.

3. SPREAD

Это значение описывает ситуации, когда края движутся друг от друга, но разрушения не происходит. Многие глаголы, чьи специализированные перфективы имеют такое значение, описывают манипуляции с веществами, которые возможно разлить или растянуть, такими как жидкости, тесто или ткань: *раскрасить*, *раскатать*, *расстелить*.

(6) ***Раскатала*** *тесто, поставила пирог в духовку, и тут позвонили в дверь...* [С. Соловейчик. Ватага «Семь ветров» (1979)].

Другие типы действий приводят к распространению объектов: *разрастись*, *разрекламировать*. Поскольку письмо предусматривает размещение символов на бумаге, а живопись – размещение изображения на какой-либо поверхности, сюда же относится глагол *расписать*, имеющий также значение 'уточнить описание многочисленными деталями'. Поскольку доработка осмысливается как тип расширения, к этой же группе относятся глаголы с более общим значением, такие как *развить(ся)* и *разработать*.

(7) *Я* ***разработал*** *стратегический план, который вам станет ясен впоследствии* [В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)].

Значение SPREAD имеют 16 естественных перфективов, в число которых входят глаголы с конкретным значением распространения, например *расплодить(ся)*. Группа SPREAD также включает глаголы распределения объектов по категориям, такие как *рассортировать*, а также глаголы, описывающие распространение денег или информации (*растранжирить*, *растрезвонить*). Пример (8) хорошо показывает наличие пересечения, поскольку в нем практически как синонимы употреблены специализированный перфектив *разрастись* и естественный перфектив *разветвиться*:

(8) *Если корневая система сильно* ***разрослась****, хорошо* ***разветвилась****, то она подает сигнал вверх, в надземную часть* [В. Чуб. Что изучает наука ботаника? (1998)].

4. SWELL

Глаголы этой группы описывают увеличение физического размера, как в специализированных перфективах типа *раздуть(ся)*, а также увеличение чьего-либо состояния (*разжиться*).

(9) *Неожиданно порыв так* ***раздул*** *ее юбку, что мне показалось – она вот-вот взлетит, прежде чем я успею подойти* [Ф. Искандер. Созвездие Козлотура (1966)].

(10) *Да, народ* ***разжился*** *деньгами и оброс торговыми центрами, но все равно в массе своей лишних денег у людей нет* [В. Ляпоров. Контракт нерезидента (2004) // «Бизнес-журнал»].

В группу SWELL входят естественные перфективы, образованные от бесприставочных глаголов со значением распухания, толстения или увеличения площади поверхности: *распухнуть*, *растолстеть*, *распушить*. Сюда же отнесен глагол *разбогатеть*, описывающий увеличение денежного состояния и параллельный специализированному перфективу *разжиться*.

(11) *Средний палец у него* ***распух*** *от удара* [С. Спивакова. Не всё (2002)].

(12) *У нас есть категория людей, которые* ***разбогатели*** *и стали миллиардерами, как у нас говорят, в одночасье* [В. Лебедев. Отечество в опасности (2003) // «Лебедь» (Бостон)].

5. SOFTEN/DISSOLVE

Глаголы с этим значением описывают потерю внутренней связности, приводящую к распространению вещества. К специализированным перфективам этой группы относятся такие глаголы, как *размять(ся)*, *размыть* и *растворить(ся)*.

(13) *Река* ***размыла*** *почти половину холма, однако сохранившаяся часть занимает площадь больше одного гектара* [Н. Бадер. У истоков земледелия (1979) // «Наука и жизнь»].

Значение SOFTEN/DISSOLVE имеют шесть естественных перфективов, включая *размякнуть*, *растаять* и *расплавить(ся)*.

(14) *Два дня сыпал снег, потом* ***растаял****, и полил дождь* [С. Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969–1981)].

6. EXCITEMENT

Специализированные перфективы этой группы с конкретным значением обычно описывают ситуацию нагрева: *разогреть(ся)*, *раскалить(ся)*. Метафорические значения чаще всего связаны с человеческими эмоциями и их проявлениями, как в случае глаголов *развеселить(ся)*, *разволновать(ся)*, *расплакаться*.

(15) *Зинаида Николаевна поставила хрустальные рюмки, нарезала сыр, колбасу,* ***разогрела*** *в духовке французский батон* [О. Новикова. Женский роман (1993)].

(16) *Сердце застучало. Я чуть не* ***расплакался*** [Г. Горин. Иронические мемуары (1990–1998)].

Подобно специализированным перфективам, естественные перфективы группы EXCITEMENT описывают как конкретные акты возбуждения (*разбередить*, *расшевелить*), так и человеческие эмоции и виды поведения, например *рассмешить*, *рассердить(ся)*.

(17) *И так она оделась, но опять как-то неосторожно двинулась,* ***разбередила*** *ногу и застонала* [Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)].

(18) *Вопрос мой* ***рассмешил*** *Элоизу, и она истерически рассмеялась* [В. Ломов. Музей (2002) // «Октябрь»].

7. UN-

Многие специализированные перфективы с этим значением образованы от бесприставочных глаголов, описывающих соединение объектов; соответственно, глагол совершенного вида относится к обратным действиям: *развязать(ся)*, *разлепить*, *разъединить(ся)*.

(19) ***Развязала*** *веревки, которыми были спутаны его руки и ноги* [Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)].

Другие примеры «обратных» действий – глаголы типа *разгрузить* и *расшифровать*. Метафорические употребления связаны со сменой взглядов (*раздумать*, *расхотеть(ся)*). *Расслышать* и *рассмотреть* аналогичны *расшифровать*, поскольку описывают ситуацию извлечения информации.

(20) *Она* ***расслышала*** *в его голосе едва различимую хрипотцу* [А. Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)].

Естественные перфективы со значением UN- не засвидетельствованы.

Кроме периферийного значения UN-, все элементы радиальной категории *раз-* представлены бесприставочными глаголами, образующими естественные перфективы с помощью этого префикса. Это пересечение является постоянным и систематическим; оно касается прототипического значения и большинства значений, непосредственно связанных с прототипом. В сущности, все значения, которые могли бы быть использованы при образовании естественных перфективов, действительно засвидетельствованы в этом контексте: исключением является значение UN-, для которого такое употребление невозможно по семантическим причинам.

Все 11 «малых» префиксов демонстрируют сходное поведение. Пересечение в значении радиальных категорий обнаруживается в 50 из 67 случаев (75%). У двух приставок пересекаются все значения радиальной категории (*у-* и *в-*). Для семи приставок пересекается большинство значений: *раз-*, *при-*, *от-*, *в(о)з-*, *о(б)-*, *вы-*, *из-*. Два префикса: *пере-* и *под-* – демонстрируют пересечения меньшинства значений. Во всех случаях неполных пересечений к числу общих относятся прототипическое значение и имеющий четкую внутреннюю структуру набор дополнительных значений. Таким образом, пересечения одновременно достаточно масштабны и систематичны. Кроме того, исключение значе-

ний из набора пересекающихся также следует четкой логике. Значения, не используемые при производстве естественных перфективов, несовместимы с простой перфективизацией, поскольку всегда связаны с отрицанием, сравнением, уточнением, квантификацией или другим типом семантического сужения. Все значения, не используемые для естественных перфективов, указаны в таблице 4; для каждого значения, определенного на основе данных о специализированных и комплексных перфективах, приведен пример.

Таблица 4

Значения, не связанные с естественными перфективами

Префикс	Значение	Пример	Комментарий
раз-	UN-	*разгрузить*	отмена действия
от-	UNSTICK	*отвинтить(ся)*	отмена действия
при-	ATTENUATE	*притормозить*	малое количество
под-	INCREMENT	*подлить*	малое количество
под-	SECRETLY	*подсыпать*	малое количество
под-	MINIMAL	*подсохнуть*	малое количество
вы-	ENDURE	*вытерпеть*	большое количество
об(о)-	AFFECT MANY	*обзвонить*	большое количество
пере-	SUPERIORITY	*перегнать*	большое количество
пере-	OVERDO	*перегрузить*	большое количество
пере-	SERIATIM	*перепробовать*	большое количество
пере-	THOROUGH	*перепачкать*	большое количество
в(о)з-	REBUILD	*возродить*	повтор действия
пере-	REDO	*переделать*	повтор действия
пере-	DIVIDE	*перегородить*	иное
под-	HORIZONTAL APPROACH	*подбежать*	иное
о(б)о-	PASS	*обойти*	иное

Поскольку значения UN- и UNSTICK обозначают отмену действия, они явно несовместимы с целью образования естественного перфектива (простой перфективизацией бесприставочного глагола). Значения, связанные с квантификацией действия как сравнительного большого или малого по количеству также не могут участвовать в создании естественных перфективов; важно, что они часто также носят оценочный – обычно негативный – оттенок. Повтор какого-либо события или возвращение к предыдущему состоянию также несовместимы с образованием естественного перфектива, как в случае значения REBUILD у приставки *в(о)з-* и значения REDO у приставки *пере-*. Многие из этих значений предполагают сравнение с предыдущим действием, которое отменяется, или повторяется, или используется как ориентир для сравнения, либо сравнение с некоторым количественным стандартом: возможно, именно эта сложность – необходимость учитывать не только само действие, но и другое событие, с которым оно сравнивается, – обусловливает несовместимость этих значений с естественными перфективами. Можно предположить, что и остальные значения слишком сложны для естественных перфективов. Во всех указанных случаях трудно представить, каким должно было быть значение бесприставочного глагола, настолько близкое к новому значению, чтобы производный глагол можно было отнести к естественным перфективам.

Итоги этого масштабного исследования позволяют нам провести сравнение различных приставок. Например, приставки *у-*, *от-*, *раз-*, *вы-* и *из-* имеют значение, примерно описываемое как ‘отделение’, но каждый из этих префиксов имеет свои семантические нюансы. Приставка *у-* описывает уход «от» чего-либо в место, расположенное за горизонтом доступности, в некотором смысле под ним, а также относится к сравнительно

контролируемым действиям. Приставка *от-* не предполагает столь далекого ухода, а описывает в первую очередь начальную стадию, прекращение контакта. Префикс *раз-* связан с ситуациями, когда в «отделении» участвует несколько объектов или частей одного объекта. Приставка *вы-* связана в первую очередь с перемещением из контейнера; похожее значение имеет приставка *из-*, но в этом случае более вероятно значение, связанное с последствиями перемещения, то есть с опустошением. Приставки *в-*, *при-* и *под-* описывают движение 'к' чему-либо, но при этом *в-* описывает перемещение внутрь контейнера, *при-* используется для описания более общих, внешних действий, а *под-* относится к глаголам, описывающим перемещение к чему-то большему по размеру, и поэтому более высокому. И *раз-*, и *в(о)з-* описывают возбуждение, но *раз-* предусматривает его осмысление как разбухание или распространение, в то время как *в(о)з-* ассоциируется с движением вверх, а не в стороны. Как и *в(о)з-*, приставка *под-* связана с вертикальной осью, но *под-* предполагает движение из-под чего-либо. И *под-*, и *при-* имеют уменьшительный оттенок, но *при-* предполагает редукцию интенсивности действия. И *от-*, и *раз-* связаны со специализированными перфективами, описывающими устранение последствий ранее совершенных действий, но приставка *от-* связана скорее с ситуациями непосредственного скрепления (*отвинтить(ся)*), в то время как *раз-* характеризуется большим разнообразием значений и сочетается с большим количеством глаголов: *развить(ся)* (о волосах), *разучиться*. Четыре приставки используются для описания глаголов сосредоточения восприятия; приведем для примера специализированные перфективы глагола *смотреть*, образованные с помощью приставок *у-*, *в-*, *раз-* и *при-*. Префикс *у-* направляет внимание «от» наблюдателя в сторону объекта: *усмотреть*. Префикс *в-* описывает как бы «вход» в объект: *всмотреться*. Приставка *раз-* используется для раскрытия воспринимаемой информации об объекте: *рассмотреть*. Наконец, приставка *при-* всего лишь обращает внимание на объект: *присмотреться*. Общий диапазон значений в каждой радиальной категории позволяет контекстуализировать интерпретацию каждого конкретного значения в сочетании с конкретным бесприставочным глаголом. Иными словами, когда префикс используется для перфективизации глагола, он привносит и всю информацию о своей радиальной категории.

Мы утверждаем, что эта информация о радиальной категории присутствует в семантике глагола и тогда, когда перфективизация глагола является единственным необходимым эффектом. Воздействие префикса на глагол в случае естественных перфективов значительно уменьшается из-за наложения значения приставки и значения глагольной основы. Все приставки сочетаются с теми бесприставочными глаголами, которые лучше всего соответствуют значениям радиальной категории префикса. Это указывает на то, что одна из функций приставок, используемых для образования естественных перфективов, заключается в разделении перфективизируемых бесприставочных глаголов на группы по критерию семантической совместимости с префиксами. Таким образом, полученные данные подтверждают гипотезу о глагольных классификаторах. Однако пока мы рассмотрели всего 11 из 16 приставок. Следующей задачей является поиск значений остальных пяти префиксов в естественных перфективах. Этому посвящен раздел 4.2.

4.2. Семантические профили приставок *по-*, *с-*, *на-*, *за-* и *про-*[12]

В НКРЯ используется система семантической разметки, отражающая взгляды Московской семантической школы[13]. Семантическая разметка проведена для 92% всех ес-

---

[12] Описанное здесь исследование полностью представлено в работе [Janda, Lyashevskaya forthcoming].

[13] Система семантической разметки в НКРЯ представляет собой переработанный вариант системы, предложенной группой «Лексикограф» (http://lexicograf.ru/main.html; ср. также [Падучева 2004; Кустова и др. 2005; Kustova 2009], и в целом находится в рамках традиции, связанной с такими работами, как [Апресян 2005]. Описание системы и список всех помет приведены на странице http://www.ruscorpora.ru/en/corpora-sem.html.

тественных перфективов, зафиксированных в НКРЯ, и наш семантический анализ основан на этих данных. Здесь мы проанализируем распределение семантических помет (признаков) в естественных перфективах, образованных с помощью приставок *по-*, *с-*, *на-*, *за-* и *про-*, и подвергнем результаты статистическому анализу на предмет значимости, размера эффекта и силы притяжения (или отталкивания) в различных комбинациях приставок и семантических помет.

Прежде чем приступать к статистическому анализу, необходимо убедиться, что имеющиеся данные совместимы с ограничениями и предположениями, обеспечивающими применимость критерия Пирсона (критерия χ^2 «хи-квадрат»). Критерий Пирсона используется в тех случаях, когда для каждой ячейки в таблице сопряженности ожидается как минимум пять наблюдений, причем наблюдения являются независимыми. Это означает, что подобное исследование может быть проведено на материале высокочастотных префиксов и семантических помет. Более 63 % всех естественных перфективов в русском языке образованы с помощью приставок *по-*, *с-*, *на-*, *за-* и *про-*, что обеспечивает наличие значительного объема данных по небольшому количеству префиксов. Если рассматривать только те семантические пометы, для которых имеется как минимум 50 глаголов со всеми пятью приставками, то анализ возможно провести для четырех категорий семантических помет: 'impact' (включая 'impact:creat' и 'impact:destr'), 'changest' и 'behav', а также комбинированной категории 'sound' и 'speech'.

Презумпция независимости наблюдений означает, что для проведения анализа с использованием критерия Пирсона было необходимо предпринять меры, чтобы устранить 1) глаголы, сочетающиеся более чем с одной приставкой (о вариативности см. раздел 4.4) и 2) глаголы, получившие более чем одну семантическую помету в НКРЯ. Таким образом, материал для исследования ограничен пятью префиксами и пятью семантическими пометами, причем рассматриваются только глаголы, сочетающиеся ровно с одной приставкой и имеющие ровно одну семантическую помету. Полученный таким образом список включает 382 глагола, распределение которых показано в таблице 5. Полный список глаголов, организованный по приставкам и семантическим меткам, а также подробное описание расчетов, приведены на нашем сайте.

Таблица 5

Распределение приставок по семантическим меткам[14]

	по-	*с-*	*на-*	*за-*	*про-*	Итого по строкам
'impact'	11	23	31	47	10	122
'changest'	62	11	3	22	4	102
'behav'	11	23	17	1	0	52
'sound' и 'speech'	37	9	8	1	51	106
Итого по столбцам	121	66	59	71	65	Итого: 382

Данные таблицы 5 наглядно представлены на рис. 3, где мы для сопоставимости цифр используем процентные значения. Сумма значений по всем столбцам в каждой группе составляет 100 % (±1 % из-за погрешности при округлении). Глаголы с приставкой *по-* предпочитают помету 'changest', а *про-* ассоциируется практически только с

[14] Несмотря на наличие в таблице значений меньше 5, ни одно ожидаемое значение не опускается ниже этой цифры. Ожидаемые значения рассчитаны исходя из сумм по столбцам и строкам по следующей формуле: ExpV = ColSum × RowSum / Total, где ExpV – это ожидаемое значение, ColSum – сумма значений в столбце, RowSum – сумма значений в строке и Total – сумма всех значений. Например, в ячейке *на-*/'behav' сумма по столбцу равна 23 + 11 + 23 + 9 = 66, сумма по строке равна 11 + 23 + 17 + 1 + 0 = 52, сумма всех значений равна 382. Значит, ожидаемое значение – (66 × 52)/382 = 8.984293, это самое маленькое ожидаемое значение в таблице 5.

пометами ‘sound’ и ‘speech’. Помета ‘impact’ показывает хорошие результаты при *с-*, *на-* и *за-*, но распределение других помет различно для каждой из рассматриваемых приставок.

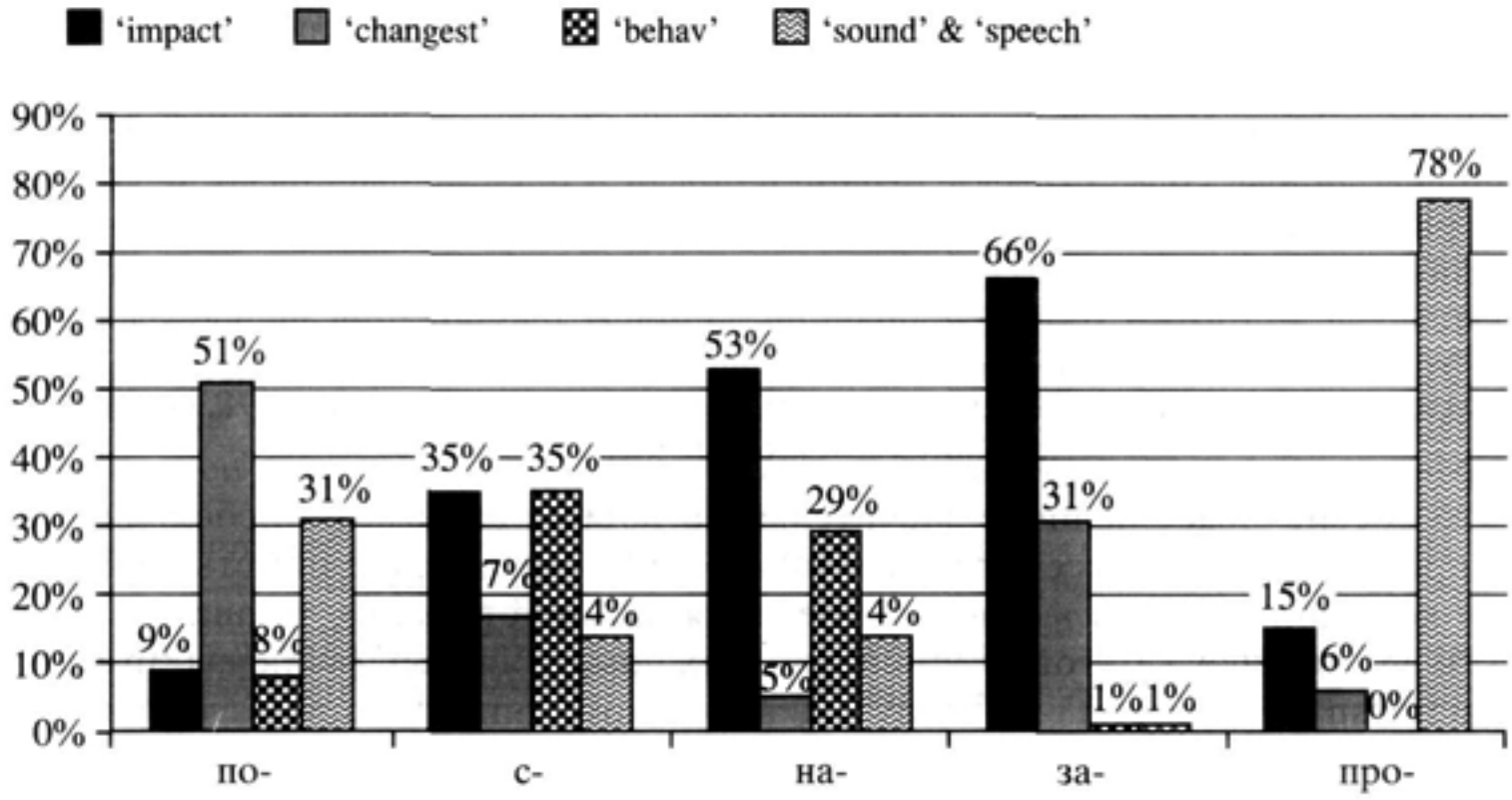


Рис. 3. Семантические профили приставок *по-*, *с-*, *на-*, *за-*, и *про-*

Значение p (значение вероятности) при использовании критерия согласия Пирсона показывает вероятность получить наблюдаемое (или еще менее равномерное) распределение в том случае, если семантические пометы и префиксы никак не связаны между собой. Значение χ^2 при 12 степенях свободы составляет 248, а значение вероятности – $2{,}2 \cdot 10^{-16}$. Значения вероятности меньше 0,05 обычно рассматриваются как указывающие на статистическую значимость. Полученное нами значение вероятности значительно ниже этого порога: в действительности это самое малое число, которое может быть рассчитано программой для статистической обработки данных R при анализе с использованием критерия χ^2. Иными словами, полученные результаты имеют очень высокий уровень статистической достоверности.

Анализ статистической значимости показывает только вероятность случайного получения данного распределения, но ничего не говорит нам о размере различий в распределении (эффект). Чтобы измерить размер эффекта, применяется показатель V Крамера; если его значение равно 0,1, это говорит о малом эффекте, если значение равно 0,3 – об умеренном, если значение равно 0,5 – о крупном эффекте[15]. Значение V Крамера на наших данных составляет 0,8, что значительно превышает стандартный порог для крупного эффекта.

Таким образом, распределение приставок по семантическим пометам демонстрирует одновременно высокий уровень значимости и большой размер эффекта, что позволяет нам с уверенностью говорить о том, что показанные на рисунке 3 различия устойчивы и неслучайны. Этот результат является свидетельством в пользу гипотезы о глагольных классификаторах: он показывает, что, во-первых, между выбором префикса и значением глагола существует связь, а во-вторых – что каждый префикс ассоциирован с собственной группой глаголов.

Дополнительные данные о взаимоотношениях между приставками и семантическими пометами можно получить, проанализировав силы притяжения и отталкивания. Наши данные распределены крайне неравномерно, что затрудняет проведение такого анализа. Например, в таблице 5 имеется три ячейки с 11 глаголами:

[15] Подробное описание интерпретации размера эффектов см. в [Cohen 1988: 215–271; Cohen et al. 2003: 182; King, Minium 2008: 327–330].

по-/‘impact’, *по*-/‘behav’ и *с*-/‘changest’, – но суммы по столбцам и строкам во всех этих случаях значительно различаются, так что сравнение этих значений требует калибровки.

Критерий Фишера позволяет учесть общее распределение значений в таблице и показывает для каждой ячейки вероятность еще большего отклонения ее значения от ожидаемого. Иными словами, низкая вероятность говорит о сильном притяжении или отталкивании. В таблице 6 приведены значения по критерию Фишера по всем ячейкам таблицы 5, организованные с учетом сил притяжения (+, когда значение больше ожидаемого) или отталкивания (–, когда значение меньше ожидаемого).

Таблица 6

Притяжение, нейтральные отношения и отталкивание между приставками и семантическими классами

Притяжение		Нейтральные отношения		Отталкивание	
Приставка и семантическая помета	Значение по критерию Фишера	Приставка и семантическая помета	Значение по критерию Фишера	Приставка и семантическая помета	Значение по критерию Фишера
про-/‘sound’ и ‘speech’	[+]$5{,}7 \cdot 10^{-25}$	*с*-/‘changest’	[–]0,3	*за*-/‘sound’ и ‘speech’	[–]$2{,}0 \cdot 10^{-6}$
по-/‘changest’	[+]$1{,}3 \cdot 10^{-18}$	*про*-/‘impact’	[–]0,1	*по*-/‘impact’	[–]0,0002
за-/‘impact’	[+]$1{,}5 \cdot 10^{-15}$	*с*-/‘sound’ и ‘speech’	[–]0,1	*про*-/‘behav’	[–]0,0004
с-/‘behav’	[+]$2{,}1 \cdot 10^{-8}$	*на*-/‘sound’ и ‘speech’	[–]0,1	*на*-/‘changest’	[–]0,001
на-/‘impact’	[+]$5{,}3 \cdot 10^{-7}$	*по*-/‘behav’	[–]0,05	*за*-/‘behav’	[–]0,002
на-/‘behav’	[+]$5{,}5 \cdot 10^{-5}$			*про*-/‘changest’	[–]0,002
по-/‘sound’ и ‘speech’	[+]0,0008				
за-/‘changest’	[+]0,01				
с-/‘impact’	[+]0,015				

В таблице 6 использован стандартный способ интерпретации значения вероятности: значимыми считаются все значения менее 0,05. Все значения выше 0,05 отнесены в столбец «Нейтральные отношения», где наверх вынесена самая нейтральная пара – *с*-/‘changest’. Среди пар, демонстрирующих притяжение, самое низкое значение критерия Фишера – то есть самое сильное притяжение – показывает пара *про*-/‘sound’ и ‘speech’. Ниже в том же столбце указаны другие пары в порядке убывания силы притяжения. Самое сильное отталкивание наблюдается в паре *за*-/‘sound’ и ‘speech’, а остальные отталкивающиеся пары приведены ниже по тому же принципу.

В таблице 7 приведены примеры притяжения и отталкивания, показывающие взаимоотношения этих сил с семантическим профилем приставок. Отношения, описываемые значениями критерия Фишера порядка 10^{-5} (1/100 000) или менее, выделены полужирным шрифтом, так как они являются наиболее сильными. Для иллюстрации приведено несколько примеров естественных перфективов, где между приставкой и семантическим классом существуют отношения притяжения или отталкивания либо нейтральные отношения. В нижней части таблицы 7 приведены значения приставок,

Таблица 7

Семантические профили приставок в терминах притяжения, отталкивания и нейтральных отношений с семантическими пометами

	по-	*с-*	*на-*	*за-*	*про-*
Притяжение	**'changest'** 'sound' и 'speech'	**'behav'** 'impact'	**'impact' 'behav'**	**'impact'** 'changest'	**'sound' и 'speech'**
Примеры притягивающихся глаголов	*поглупеть* *поголубеть* *подешеветь* *посмеяться* *поблагодарить* *посоветовать*	*схитрить* *смалодушничать* *связать* *смастерить* *сделать* *срубить* *сжечь*	*навощить* *намылить* *напичкать* *накостылять* *набезобразничать* *нахулиганить*	*заасфальтировать* *замаскировать* *закрепить* *законсервировать* *захлороформировать* *заиндеветь* *затвердеть*	*прогудеть* *прогреметь* *пролаять* *промычать* *пробасить* *пробормотать* *продиктовать* *проинтервьюировать* *продекламировать* *прокричать*
Нейтральные отношения	'behav'	'sound' и 'speech', 'changest'	'sound' и 'speech'		'impact'
Примеры нейтральных глаголов	*пожадничать* *полениться* *послушаться*	*сострить* *скаламбурить* *сформулировать* *состариться* *сгнить* *сконденсировать*	*нагрубить* *наклеветать*		*продезинфицировать* *провентилировать* *пробурить* *протаранить*
Отталкивание	'impact'		'changest'	'behav' **'sound' и 'speech'**	'changest' 'behav'
Примеры отталкивающихся глаголов	*побриться* *подоить* *пощупать* *пощекотать*		*наэлектризовать* *надымить*	*задурить* *законтрактовать*	*пропитаться* *прогоркнуть* *прояснеть* *прохудиться*
Значения приставок при естественных перфективах	RESULT, SOME	TOGETHER, DOWN, ONCE	SURFACE, ACCUMULATE	ATTACHMENT, COVER, FILL, CHANGE TO A FIXED STATE	THROUGH, THOROUGH, DURATION
Значения приставок, отсутствующие в естественных перфективах	DISTRIBUTE, START			DEFLECT, EXCESS, BEGIN, EXCHANGE	DISTANCE, PASS

засвидетельствованные и не засвидетельствованные при образовании естественных перфективов[16].

Эти данные позволяют описать силы притяжения и отталкивания для каждой приставки. Префикс *по-* сильнее всего притягивается к 'changest'; *с-* больше всего ассоциирован с 'behav'; *на-* тесно связан и с 'impact', и с 'behav'; *за-* сильнее притягивается к 'impact'; *про-* тесно связан с 'sound' и 'speech'. Этот результат поддерживает гипотезу о глагольных классификаторах, поскольку она предсказывает, что у каждой приставки имеется уникальное значение, позволяющее предсказать, с какими семантическими пометами (признаками) она сочетается хорошо, а с какими – плохо.

Проведенный нами анализ показал, что значения бесприставочных глаголов неслучайным образом связаны со значениями приставок. Семантическое пересечение приставок и бесприставочных глаголов может быть полным – в случае *с-* и *на-* – или частичным – в случае *по-*, *за-* и *про-*. При образовании естественных перфективов не встречаются значения префиксов, имеющие отношение только к части действия (START и BEGIN), предполагающие уточняющую квантификацию (DISTRIBUTE, EXCESS и DISTANCE) или другим образом непригодные для естественной перфективизации (DEFLECT, EXCHANGE и PASS). Иными словами, полученные результаты совершенно аналогичны итогам анализа радиальных категорий, описанным в разделе 4.1.

Значения естественных перфективов выражаются достаточно последовательно, даже в рамках групп глаголов, чьи семантические пометы плохо совместимы с использованной приставкой. Например, глаголы, образованные с помощью префикса *про-* имеют значения, совместимые с категориями THROUGH, THOROUGH и DURATION, независимо от того, в каких отношениях с *про-* находятся их семантические пометы. Каждый префикс «отбирает» для сочетания те глаголы, с которыми он наилучшим образом совместим по значению. Этот эффект проявляется в общем распределении, в рамках которого те или иные семантические пометы ассоциируются с соответствующими приставками, но не исчезает и тогда, когда между семантической пометой и префиксом существуют отношения отталкивания.

4.3. Конструкционные профили префиксов *на-*, *за-* и *по-*[17]

Русский глагол *грузить* имеет три естественных перфектива с приставками *на-*, *за-* и *по-*. Все эти глаголы могут употребляться как в конструкции с тематическим объектом, например *грузить ящики на телегу*, так и в конструкции с целевым объектом, например *грузить телегу ящиками*[18]. В настоящем разделе будет показано, что эти три приставки по-разному распределены между двумя указанными конструкциями. Эта разница в поведении приставок свидетельствует в поддержку гипотезы о глагольных классификаторах.

Анализ конструкций – полезный метод разграничения слов с очень близкими значениями. Исследование русских синонимов со значением 'печаль' (*грусть*, *печаль*, *тоска*,

---

[16] Приведенные здесь значения приставок основаны на предложенных для *по-*, *с-*, *на-*, *за-* и *про-* в существующей литературе. Материалом послужили в первую очередь их значения в специализированных, комплексных и однократных перфективах, что аналогично методу, примененному в разделе 4.1. Значения приставки *по-* даются по [Дмитриева 1991; Dickey 2007; LeBlanc 2010], приставки *с-* – по [Dickey 2005], приставки *на-* – по [Русская грамматика 1980; Russell 1985], приставки *за-* – по [Bogusławski 1963; Русская грамматика 1980; Janda 1986; Зализняк 2006; Braginsky 2008], приставки *про-* – по [Flier 1975; Русская грамматика 1980; Кронгауз 1998].

[17] Описанное здесь исследование полностью представлено в работе [Sokolova et al. forthcoming].

[18] Термины «тематический объект» и «целевой объект» предложены в работах [Brinkmann 1997; Nichols 2008]. Под другими названиями эти же понятия рассматривались (в основном на материале английского языка) другими учеными, например [Bowerman 1982; Rappaport Hovav, Levin 1988; Pinker 1989; Goldberg 1995; 2006; Mateu 2000; Boas 2003; 2006; Olbishevska 2004; Iwata 2005; 2008].

меланхолия, *уныние*, *хандра*) и ‘счастье’ (*ликование*, *наслаждение*, *радость*, *удовольствие*, *восторг*) показало, что они различаются по тем грамматическим конструкциям, в которых они употребляются [Janda, Solovyev 2009]. *Грусть*, к примеру, предпочтительно выступает в конструкции *с грустью*, в то время как *хандра* – в конструкции *от хандры*. Эта разница связана с семантическими различиями. Поскольку три естественных перфектива от глагола *грузить* формально различаются только приставками, разница в значениях, обнаруженная при анализе конструкционных профилей, поможет выявить семантические различия между приставками.

Представленное исследование основано на данных из современного подкорпуса НКРЯ (1950–2009 гг., 98 миллионов слов)[19]. В выборке содержится 1 920 примеров глаголов со значением «грузить», из которых 895 – формы действительного залога, а 1025 – страдательные причастия. Распределение активных форм показано в таблице 8, а на рисунке 4 те же данные представлены в более наглядной форме с использованием процентных долей. Сумма значений по двум столбцам для каждой конструкции составляет 100 % для каждого глагола.

Таблица 8

Количество форм активного залога для двух конструкций

	Конструкции с тематическим объектом	Конструкции с целевым объектом	Итого
грузить	208	78	286
нагрузить	34	113	147
загрузить	94	114	208
погрузить	253	1	254

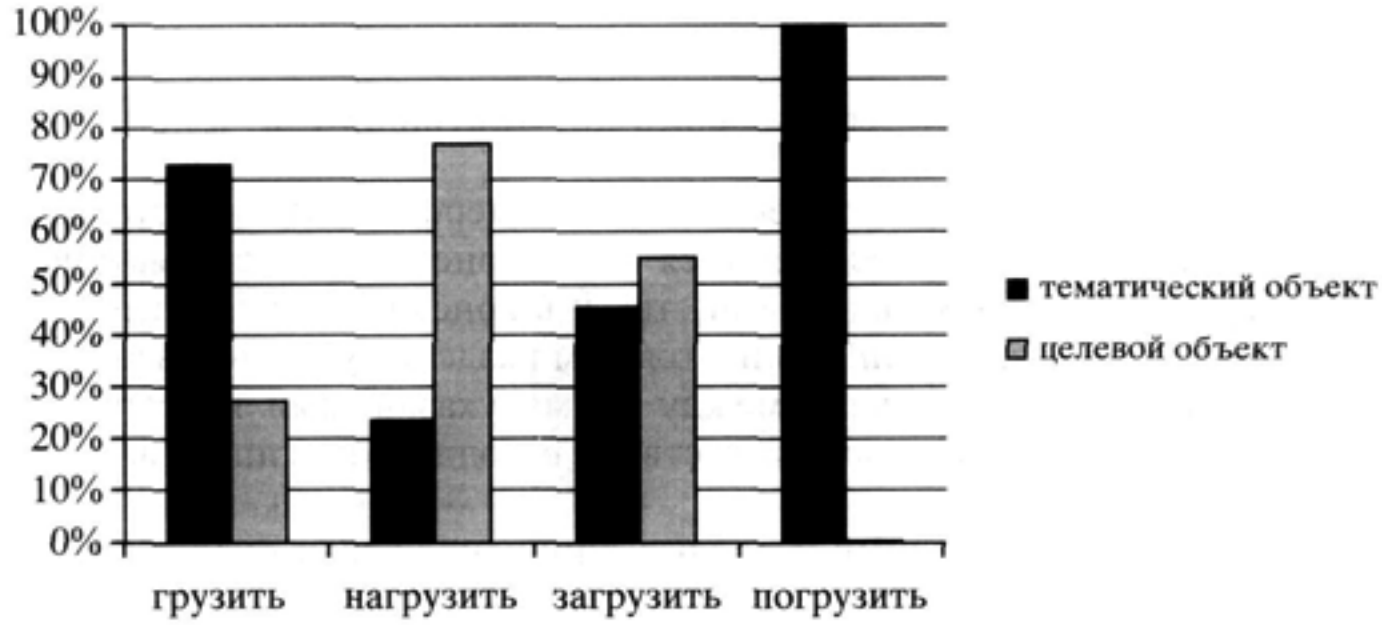


Рис. 4. Процентная доля активного залога по каждому глаголу

Каждый из глаголов со значением ‘грузить’ имеет уникальный конструкционный профиль: *грузить* предпочитает конструкцию с тематическим объектом (21), но может также выступать в конструкции с целевым объектом (22). *Нагрузить* демонстрирует противоположную тенденцию: конструкция с тематическим объектом (23) встречается реже, чем с целевым (24). Глагол *загрузить* распределен между конструкциями практически равномерно (25–26). Наконец, *погрузить* встречается практически исключительно в конструкции с тематическим объектом (27).

[19] Для того, чтобы воспрепятствовать ситуации, когда предпочтения одного автора влияют на наши данные, из каждого документа было взято по одному примеру.

(21) ***Грузи*** *все в машину и вези сюда* [Л. Дворецкий. Шакалы (2000)].
(22) *В сорок пятом или в сорок шестом году в Мариупольском порту* ***грузили*** *судно пшеницей* [П. Сиркес. Труба исхода (1990–1999)].
(23) *Богопослушный Авраам взял нож,* ***нагрузил*** *дрова на ослика и повел с собой сына Исаака к месту жертвоприношения* [Ф. Искандер. Поэт (1998)].
(24) *...****нагрузила*** *сумку арбатским породистым товаром – чай индийский, пирожные, печенье* [Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света (2000)].
(25) *Но когда реквизит* ***загрузили*** *в товарные вагоны и состав должен был вот-вот тронуться...* [И. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)].
(26) *Пароход* ***загрузили*** *провизией, живым скотом и птицей, самыми крепкими в мире велосипедами «ЗИФ» и лучшими в мире галошами фабрики «Красный треугольник»* [Ю. Буйда. Отдых на пути в Индию (1998)].
(27) *Деньги* ***погрузили*** *в три грузовика* [В. Абаринов. Меньше половины колоды (2003) // «Совершенно секретно»].

Хотя это распределение является статистически значимым при значительном размере эффекта[20], на эти данные приходится менее половины всех примеров. Вероятно, следует принять во внимание и другие факторы, так что простого анализа с использованием критерия Пирсона здесь недостаточно. Далее мы рассмотрим оставшиеся данные, а именно пассивные формы глаголов со значением ‘грузить’.

Таблица 9 представляет частоту встречаемости пассивных форм, проиллюстрированную в процентах на рисунке 5.

Таблица 9

Количество форм пассивного залога для двух конструкций

	Конструкции с тематическим объектом	Конструкции с целевым объектом	Итого
гружен	1	106	107
нагружен	1	220	221
загружен	11	237	248
погружен	447	2	449

Рис. 5. Процентная доля пассивного залога по каждому глаголу

Очевидно, что использование пассивных форм влияет на выбор конструкции. В страдательном залоге одна из конструкций употребляется более чем в 95% примеров для каждого глагола. Бесприставочный глагол *грузить* ведет себя не так, как в действительном залоге: для пассивных форм конструкция с целевым объектом (28) является

[20] Для форм активного залога: $\chi^2 = 293{,}3285$ (3 степени свободы), $p < 2{,}2 \cdot 10^{-16}$, V Крамера = 0,6.

предпочтительной, а конструкция с тематическим объектом практически исключена. *Нагрузить* и *загрузить* предпочитают конструкцию с целевым объектом в активном залоге, а в пассивном употребляется практически только она (29–30). Наконец, конструкционный профиль глагола *погрузить*, предпочитающего конструкцию с тематическим объектом (31), остается неизменным.

(28) *Навстречу двигались тяжело* ***груженные*** *машины* [В. Щербань. Свалка (1989) // «Работница»].
(29) *Ирина Владимировна шла* ***нагружённая*** *сумками и сумочками* [В. Крейд. Георгий Иванов в Йере (2003) // «Звезда»].
(30) *...первый танкер был* ***загружен*** *в присутствии президентов Путина и Назарбаева* [А. Дернятин. Нефть пошла по трубам. Как эффективно осуществлять прибыльные проекты без «пиара» (2001) // «Известия»].
(31) *К двум часам все вещи были вынесены на улицу и* ***погружены*** *в автомобиль* [Происшествия (2003) // «Встреча» (Дубна)].

Примеры (21–27) иллюстрируют полные конструкции: во всех примерах названы и тема, и цель. В (21) приведен полный вариант конструкции с тематическим объектом, где тема – *все*, а цель – *в машину*. Пример (32) также содержит конструкцию с тематическим объектом, но названа только тема: *лес и камень*. Цель (предположительно железнодорожные вагоны) не упомянута, так что мы называем такие конструкции редуцированными.

(32) *Мужики подрабатывали на станции,* ***грузили*** *лес и камень* [В. Балина. Три сестры (2001) // «Звезда»].

Конструкция с целевым объектом также может быть редуцирована. В полной конструкции в (22) цель – *судно*, а тема – *пшеницей*. Пример (33) показывает редуцированный вариант конструкции с целевым объектом, где цель – *трейлеры* – названа, а тема отсутствует.

(33) *Рабочие сцены переставляли декорации и одновременно* ***грузили*** *трейлеры* [А. Эфрос. Профессия: режиссер (1975–1987)].

Редуцированные варианты конструкций, где в конструкции с тематическим объектом названа только тема, а в конструкции с целевым объектом – только цель, достаточно распространены. Они употребляются со всеми тремя приставочными глаголами. Всего в базе данных было найдено 1353 примера полных конструкций и 567 примеров редуцированных. В таблицах 10 и 11 приведено сравнение данных по полным и редуцированным конструкциям.

Таблица 10

Количество примеров с полными конструкциями

	Конструкции с тематическим объектом	Конструкции с целевым объектом	Итого
грузить	138	122	260
нагрузить	28	204	232
загрузить	70	157	227
погрузить	634	0	634

Таблица 11

Количество примеров с редуцированными конструкциями

	Конструкции с тематическим объектом	Конструкции с целевым объектом	Итого
грузить	71	62	133
нагрузить	7	129	136
загрузить	35	194	229
погрузить	66	3	69

Цель анализа заключается в том, чтобы определить, влияют ли приставки в естественных перфективах на выбор грамматической конструкции. Задача осложняется присутствием двух других факторов, также влияющих на выбор конструкции: залога и различий между полными и редуцированными конструкциями. Чтобы оценить влияние различных факторов, необходимо использовать модель логистической регрессии. Она позволяет оценить вероятность того, что независимые переменные (приставка, залог, полная или редуцированная конструкция) значимым образом влияют на зависимую переменную (конструкция), имеющую два дискретных значения (тема-объект и цель-объект). В дополнение к оценке индивидуального вклада каждой переменной – основного эффекта – модель логистической регрессии позволяет выявить комбинированный эффект двух или более независимых переменных (взаимодействие).

Использованные нами база данных и команды, необходимые для проведения логистической регрессии, доступны на нашем сайте вместе с полными результатами анализа[21]. Построенная нами модель показывает, что все независимые переменные: выбор приставки, использование пассивных причастий и использование редуцированных или полных конструкций – выступают в качестве основных эффектов. Кроме того, значимым оказывается взаимодействие между выбором приставки и залогом. Модель показывает наличие следующих значимых корреляций, перечисленных здесь в порядке убывающей силы:

• *Нагрузить* и *загрузить* предпочитают конструкцию с целевым объектом;

• Бесприставочный глагол *грузить* и его естественный перфектив *погрузить* лучше сочетаются с конструкцией с тематическим объектом;

• Использование пассивных причастий существенно для выбора конструкции и различно в зависимости от приставки;

• Полные конструкции чаще используют тематический объект, в то время как конструкции с целевым объектом чаще редуцируются.

Построенная модель показывает высокий уровень корреляции и позволяет верно предсказать выбор конструкции для 88,5% примеров[22].

Подводя итоги, можно сказать, что анализ поддерживает гипотезу о глагольных классификаторах: приставки ведут себя по-разному в плане выбора конструкции, причем эффект сохраняется и при наличии других немаловажных факторов.

---

[21] Анализ был проведен по образцу [Baayen 2008; Gries 2009] с использованием программы для статистической обработки данных R.

[22] Коэффициент детерминации (R2) в рамках модели составил 0,796, коэффициент соответствия – 0,964, ранговая корреляция между предсказанными и наблюдаемыми данными – 0,928. Все это высокие показатели, говорящие о хорошем качестве модели; во всех этих случаях максимальное значение составляет 1. Общее значение p (вероятность случайного появления данного или еще более неравномерного распределения в отсутствие связи) равно нулю.

Как связаны эти результаты со значениями приставок? Ниже приведены значения этих приставок, которые, как показано в разделе 4.2, совместимы с образованием естественных перфективов:

на-: SURFACE, ACCUMULATE;

за-: ATTACHMENT, COVER, FILL, CHANGE TO A FIXED STATE;

по-: RESULT, SOME.

Теперь мы можем рассмотреть, как эти значения соотносятся с предпочитаемыми каждой приставкой конструкциями. Многие глаголы класса 'impact' образуют естественный перфектив с приставкой *на-* и описывают нанесение чего-либо на поверхность (SURFACE), например *намылить*. Нанесение мыла на кожу аналогично укладке груза на поверхность транспортного средства или спины животного, которое будет его перевозить. Этим обусловлено то, что глагол *нагрузить* предпочитает конструкцию с целевым объектом, где цель представляет собой поверхность. Значение ACCUMULATE совместимо с конструкцией с тематическим объектом, которая описывает приводящую к накоплению погрузку того, что названо темой. Этот же факт объясняет то, что конструкция с тематическим объектом хорошо засвидетельствована с глаголом *нагрузить*. Значение CHANGE TO A FIXED STATE, присущее приставке *за-*, совместимо с обеими конструкциями: когда предметы помещаются на транспортное средство, они закрепляются на месте, а само транспортное средство переходит в новое, часто менее мобильное состояние. Значение ATTACHMENT лучше совместимо с конструкцией с тематическим объектом; здесь тема аналогична объекту глагола *закрепить*. Значения COVER и FILL обусловливают выбор конструкции с целевым объектом, что аналогично использованию таких естественных перфективов, как *забалластировать*. Эти значения приставки *за-* мотивируют использование глагола *загрузить* в обеих конструкциях. Значение SOME, характерное для приставки *по-*, относится главным образом к теме: погрузить можно часть (SOME) темы; это обусловливает преобладание конструкции с тематическим объектом при глаголе *погрузить*.

4.4. Вариативность[23]

Глагол *грузить*, проанализированный в части 4.3, иллюстрирует вариативность в выборе префиксов, потому что естественные перфективы от него образуются с помощью не одной, а трех приставок. Измерение этой вариативности крайне важно для демонстрации того, что ее существование не вступает в конфликт с параметрами дистрибуции, которые необходимы для признания русского языка языком с глагольными классификаторами. Подобная вариативность, допускающая сочетание отдельных классифицируемых объектов более чем с одним классификатором, достаточно характерна для таких систем. Тем не менее большинство классифицируемых объектов должно использовать только один классификатор, а вариативность должна быть систематической и отражать семантические закономерности.

В базе данных Exploring Emptiness содержится 1 429 русских бесприставочных глаголов несовершенного вида, которые образуют 1 981 естественный перфектив приставочным способом. 1 043 бесприставочных глагола ведут себя в точном соответствии с предсказаниями парной модели: они выбирают одну и только одну приставку. Оставшиеся 386 (27 %) бесприставочных глаголов демонстрируют вариативность: к одному и тому же бесприставочному глаголу может присоединяться по отдельности до шести приставок. В таблице 12 показан масштаб приставочной вариативности и количество затронутых ею бесприставочных глаголов.

Как видно из таблицы 12, 283 бесприставочных глагола, такие как *вязнуть*, образуют два естественных перфектива; 75 бесприставочных глаголов, таких как *грузить*, образуют три естественных перфектива и т.д. Последняя колонка таблицы 12 показывает набор приставок, с которыми сочетается каждый глагол. Под набором приставок

[23] Описанное здесь исследование полностью представлено в [Janda; Lyashevskaya 2011].

Таблица 12

Масштаб вариативности в выборе префиксов (с примерами)

Итого		Репрезентативные примеры		
Количество приставочных естественных перфективов	Количество глаголов, от которых образуется соответствующее количество естественных перфективов	Непроизводный глагол несовершенного вида	Приставочные естественные перфективы	Набор приставок
1	1043	*писать*	*написать*	–
2	283	*вязнуть*	*завязнуть, увязнуть*	*за-|у-*
3	75	*грузить*	*загрузить, нагрузить, погрузить*	*за-|на-|по-*
4	21	*марать*	*вымарать, замарать, измарать, намарать*	*вы-|за-|из-|на-*
5	4	*мотать*	*замотать, намотать, помотать, промотать, умотать*	*за-|на-|по-|про-|у-*
6	3	*мазать*	*вымазать, замазать, измазать, намазать, помазать, промазать*	*вы-|за-|из-|на-|по-|про-*

мы понимаем группу префиксов, используемых при одном бесприставочном глаголе или их группе, участвующих в вариативности. Так, глагол *вязнуть* соотнесен с набором приставок *за-\|у-*, но это только один из многочисленных наборов, возможных при 283 бесприставочных глаголах, для образования естественных перфективов от которых используется два префикса.

Как показывает таблица 12, приставочная вариативность представляет собой в первую очередь наборы из двух приставок; назовем такие наборы бинарными сочетаниями. В таблице 13 вариативность описана с точки зрения распространенности отдельных приставок.

Строки в таблице 13 отсортированы по общему количеству естественных перфективов во второй колонке в порядке убывания. Например, 417 естественных перфективов образуются с помощью приставки *по-*, и 164 из них затронуты приставочной вариативностью. В этих 164 случаях *по-* чередуется с четырнадцатью другими приставками (всеми, кроме *в-*). Таблица 13 показывает, что в вариативности участвуют все шестнадцать приставок. Кроме того, степень вовлеченности префикса в вариативность примерно соответствует его общей частоте. Часто встречающиеся приставки, такие как *по-*, *с-* и *за-*, также чаще других вовлечены в вариативность и могут чередоваться со всеми или почти всеми остальными приставками. Исключение здесь составляют префиксы *про-* и *вы-*: *вы-* участвует в вариативности почти в два раза чаще, чем *про-*, хотя в целом

Таблица 13

Вариативность среди отдельных приставок

Приставка	Общее количество естественных перфективов с данной приставкой	Количество бесприставочных глаголов, выбирающих данную приставку как одну из возможных	Количество префиксов, с которыми чередуется данная приставка
по-	417	164	14
с-	281	123	15
за-	237	115	15
о(б)-	226	83	13
на-	177	81	12
про-	142	44	12
вы-	123	87	13
раз-	87	56	13
из-	68	48	12
у-	63	38	13
в(о)з-	57	19	9
от-	55	25	10
при-	30	18	11
пере-	9	7	6
под-	6	4	5
в-	3	3	5

приставка *вы-* менее частотна. Также следует отметить, что *в(о)з-* несколько менее вовлечена в вариативность, чем другие приставки с сопоставимой частотой. Тем не менее даже самая редкая «чисто видовая» приставка *в-* активно участвует в вариативности: все три глагола, образующие естественные перфективы с *в-*, делают это в контексте приставочной вариативности: *колоть* – с чередованием *в-|за-|раз-|у-*, *путать* и *путаться* – с чередованием *в-|за-|пере-|с-*.

В таблице 14 приведены все наборы приставок, использующиеся тремя или более бесприставочными глаголами.

В таблице 14 представлены 36 наборов приставок, начиная с набора *по-|с-*, который встречается при 35 бесприставочных глаголах, например *валить*[24]. 31 набор представляет собой бинарные сочетания, в то время как пять включают три приставки: *из-|по-|с-*, *за-|по-|с-*, *вы-|за-|на-*, *вы-|раз-|с-* и *от-|про-|с-*. Все другие сочетания приставок или встречаются редко (только при одном-двух бесприставочных глаголах), или не существуют. Таблица 14 показывает преобладание бинарных сочетаний, и в дальнейшем мы сосредоточимся на них.

---

[24] В таблице 14 представлены только полные наборы и отсутствуют те, которые встречаются только как подмножества других наборов. Например, набору *за-|по-* в таблице 14 приписано 4 глагола, хотя существует еще 4 глагола, сочетаемых с набором *за-|по-|с-*, приведенным на следующей строке. Вместе эти строки описывают вариативность, в которой участвуют восемь бесприставочных глаголов, от которых образуются естественные перфективы с приставками *за-* и *по-*.

Таблица 14

Наборы приставок, используемые тремя или более бесприставочными глаголами

Набор приставок	Репрезентативный пример глагола, использующего данный набор приставок	Количество бесприставочных глаголов, использующих данный набор приставок
по-|с-	*валить*	35
за-|о(б)-	*глохнуть*	23
о(б)-|по-	*беспокоить*	16
на-|по-	*вредить*	11
по-|у-	*терять*	11
вы-|по-	*браниться*	10
на-|с-	*врать*	10
за-|на-	*бальзамировать*	10
по-|раз-	*веселить*	9
за-|из-	*мучить*	9
за-|с-	*планировать*	8
вы-|с-	*ткать*	7
за-|про-	*компостировать*	7
по-|при-	*грозить*	7
в(о)з-|раз-	*кипятиться*	6
из-|по-	*калечить*	6
из-|по-|с-	*дохнуть*	6
вы-|про-	*полоть*	5
за-|у-	*вязнуть*	5
на-|раз-	*мякнуть*	5
вы-|из-	*купать*	4
вы-|на-	*драить*	4
за-|по-	*деваться*	4
за-|по-|с-	*вечереть*	4
из-|раз-	*кромсать*	4
о(б)-|с-	*валять*	4
вы-|за-	*желтить*	4
про-|с-	*вертеть*	3
вы-|о(б)-	*зябнуть*	3
вы-|за-|на-	*зубрить*	3
вы-|раз-|с-	*кроить*	3
на-|от-	*волгнуть*	3
о(б)-|пере-	*крестить*	3
от-|про-	*рецензировать*	3
от-|про-|с-	*корректировать*	3
про-|раз-	*будить*	3

Теоретически возможно 120 ((16 × 15)/2) бинарных сочетаний шестнадцати приставок. В дополнение к 31 бинарному сочетанию, представленному в таблице 14, существует 23 редких набора, а 66 сочетаний относятся к незасвидетельствованным.

Учитывая высокую общую частотность приставок *о(б)-* и *про-* (таблица 13), закономерно было бы ожидать, чтобы пара *о(б)-|про-* была распространенным набором. Тем не менее набор *о(б)-|про-* встречается достаточно редко, только с двумя глаголами: *трезвить* и *трезветь*. Глагол *протрезветь* чаще встречается в контексте описания состояния отрезвения после выпивки (см. пример (34)); он встречается в 276 примерах в НКРЯ против 93 примеров с *отрезветь*. Напротив, глагол *отрезветь* чаще употребляется в метафорическом смысле для описания неожиданного изменения ментального состояния человека, как в примере (35):

(34) *Уже ожидая трамвая, я начал трезветь. А сейчас* ***протрезвел*** *окончательно* [П. Мейлахс. Отступник (2002)].
(35) ***Отрезвели****, когда увидели, что армия – это серьезно* [В. Морозов. Адмирал ФСБ (2004) // «Наш современник»].

Различия между *протрезветь* и *отрезветь* соответствуют тому, что нам уже известно о значениях приставок *о(б)-* и *про-* (см. разделы 4.1 и 4.2). Приставка *про-* плохо подходит для описания моментальных изменений состояния, поскольку ее основное значение связано с движением по оси времени, например с постепенным насыщением. Это соответствует обычному процессу отрезвения после интоксикации, который занимает некоторое время, что видно из примера (34). Прототипическое значение *о(б)-* – AROUND, и *отрезветь* носит значение IMPOSE / ACQUIRE A NEW FEATURE, ассоциированное с этой приставкой. Логично, что этот глагол может описывать внезапное изменение, вызванное внешними событиями, например суровой реальностью армейской жизни в примере (35). Эти две приставки имеют мало общего, так что неудивительно, что они редко сочетаются друг с другом.

Вероятно, отсутствие некоторых наборов приставок обусловлено одновременно их частотностью и значением. Двадцать семь из отсутствующих сочетаний включают три приставки с самой низкой частотой встречаемости в естественных перфективах: *пере-*, *под-* и *в-*. Некоторые из них, кроме того, имеют несовместимые значения, например *в-|вы-*, которое представляет собой маловероятное сочетание значения INTO (*в-*) и OUT OF A CONTAINER (*вы-*). Значения могут быть несовместимыми и в несуществующих сочетаниях более частотных приставок, например *от-|при-*, для которого пришлось бы найти что-то общее между значениями DEPART для *от-* и ARRIVE для *при-*.

Чтобы продемонстрировать динамические взаимоотношения между совместимыми и несовместимыми значениями в бинарных сочетаниях приставок, мы рассмотрим один конкретный пример. В таблице 15 перечислены все бесприставочные глаголы, способные образовывать естественные перфективы с приставками *за-* и *у-*, включая и бинарные сочетания, и наборы с большим количеством приставок. Большинство этих глаголов могут быть объединены в семантические группы, перечисленные слева.

Существование бесприставочных глаголов, образующих естественные перфективы с приставками *за-* и *у-*, подчеркивает их общность. И *за-*, имеющее значение CHANGE TO A FIXED STATE, и *у-*, имеющее значение HARM, описывают события, ограничивающие свободу действий и мобильность, что позволяет отнести их к группе DAMAGE. Похожие взаимоотношения представлены в группе CHANGE OF STATE, которая также ориентирована на фиксированные состояния и на уменьшение. Глаголы группы WRAP пользуются тем, что обе приставки описывают покрытие и помещение предметов в контейнеры.

Семантические группы, представленные в таблице 15, пересекаются между собой. Действия, описываемые глаголами групп DAMAGE и WRAP, приводят к изменению состояния (CHANGE OF STATE). Все события, описываемые глаголами группы WRAP, предполагают потерю мобильности и усиление контроля. Таким образом, пересечение значений DAMAGE, WRAP и CHANGE OF STATE определяет практически всю группу глаголов, сочетающихся с приставками *за-|у-*, за исключением лексем *чинить* и *платить*.

Таблица 15

Бесприставочные глаголы, сочетающиеся с приставками *за-|у-*

Семантическая группа	Бесприставочный глагол	Значение приставки *за-*	Значение приставки *у-*	Набор приставок
DAMAGE	*давить*	CHANGE TO A FIXED STATE	HARM	*за-|по-|у-*
	душить	CHANGE TO A FIXED STATE	HARM	*за-|по-|у-*
	морить	CHANGE TO A FIXED STATE	HARM	*вы-|за-|по-|у-*
	колоть	CHANGE TO A FIXED STATE	HARM	*в-|за-|раз-|у-*
	вянуть	CHANGE TO A FIXED STATE	HARM	*за-|у-*
	трамбовать	CHANGE TO A FIXED STATE	MOVE DOWNWARDS	*вы-|за-|у-*
CHANGE OF STATE	*вязнуть*	CHANGE TO A FIXED STATE/ ATTACHMENT	KEEP/SAVE	*за-|у-*
	гасить	CHANGE TO A FIXED STATE	REDUCE	*за-|по-|у-*
	молкнуть	CHANGE TO A FIXED STATE	REDUCE	*за-|с-|у-*
WRAP	*кутать*	COVER	COVER COMPLETELY	*за-|о(б)-|у-*
	мотать	COVER	COVER COMPLETELY	*за-|на-|по-|про-|у-*
	паковать	COVER	PLACE/FIT	*за-|у-*
OTHER	*чинить*	CHANGE TO A FIXED STATE	HARM	*за-|о(б)-|по-|у-*
	платить	CHANGE TO A FIXED STATE	MOVE AWAY	*за-|у-*

Некоторые естественные перфективы с этими двумя приставками практически полностью синонимичны, что видно из примеров с *задушить* и *удушить*:

(36) *Горянский был известен тем, что* ***задушил*** *охранника в немецком концентрационном лагере* [С. Довлатов. Чемодан (1986)].
(37) *Югов обиделся и ударом кулака сбил тетку наземь, схватил за горло и* ***удушил*** [А. Приставкин. Долина смертной тени (1999)].

Тем не менее между ними существуют и различия. Например, результат действия, описываемого глаголом *уколоть*, является менее катастрофическим, чем для глагола *заколоть*, что видно из примеров (38–39):

(38) *Петрович, кажется,* ***уколол*** *обо что-то палец* [А. Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000)].
(39) *Тут же дядя Гриша* ***заколол*** *его ударом ножа* [А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)].

Естественные перфективы группы CHANGE OF STATE также могут быть взаимозаменяемы в некоторых контекстах, что показано в примерах (40–41). Тем не менее эти два приставочных перфектива мотивируются немного по-разному: *завязнуть* означает 'быть пойманным во что-то', что обусловлено значениями ATTACH и CHANGE TO A FIXED STATE приставки *за-*, в то время как значение *увязнуть* ориентировано на направление движения вниз, предполагаемое приставкой *у-*, и описывает погружение во что-либо.

(40) *Идет заяц мимо болота, вдруг видит – лось в трясине* ***завяз*** [Коллекция анекдотов: звери (1970–2000)].
(41) *Представляешь, я сегодня на берегу в глине* ***увяз****, а она меня выволокла* [В. Крапивин. Болтик (1976)].

Платить – уникальный пример глагола, семантика которого ориентирована на значение EXCHANGE приставки *за-* (которое встречается у естественных перфективов довольно редко, но здесь относится к обмену товаров или услуг на деньги) и значение MOVE AWAY приставки *у-*. Во многих случаях эти два естественных перфектива могут заменять друг друга. Тем не менее *заплатить* имеет гораздо более высокую частоту, чем *уплатить*, а также является более гибким в метафорическом смысле (*дорого* ***заплатить*** *за свободу*), и только *заплатить* может использоваться для регулярных выплат (*заплатить зарплату / пенсию / стипендию*).

Подводя итоги, следует указать, что в префиксальную вариативность вовлечены все шестнадцать приставок и свыше четверти всех бесприставочных глаголов, которые образуют естественные перфективы. В то время как в большинстве случаев вариативность предполагает возможность присоединить к бесприставочному глаголу всего две приставки, оказывается, что для образования естественных перфективов к одному глаголу можно присоединить до шести различных приставок.

Очевидно, что вариативность управляется значениями участвующих в ней приставок. Бесприставочные глаголы, которые демонстрируют пересечение с более чем одной приставкой, склонны объединяться в группы в зависимости от своих значений. В то время как многие случаи вариативности мотивированы семантической схожестью префиксов, чаще всего они обнаруживают различия между естественными перфективами, образованными от одного и того же бесприставочного глагола; сами приставки часто подчеркивают контрасты, заключенные в значении производящей лексемы. Между схожестью значения и семантическим контрастом устанавливается неустойчивое равновесие: даже очень близкие синонимы могут в определенных контекстах обнаруживать семантические различия. Кроме того, значение оказывается решающим фактором в образовании наборов префиксов, которые встречаются редко или не засвидетельствованы вовсе, так как приставки с несочетаемыми значениями избегают участия в префиксальной вариативности.

В целом наше исследование вариативности употребления приставок поддерживает гипотезу о глагольных классификаторах: оно показывает, что вариативность управляется взаимоотношениями между значениями приставок и значениями бесприставочных глаголов. Вариативность приставок существует потому, что различные приставки подчеркивают различные аспекты значения бесприставочного глагола. Таким образом, чередование приставок обогащает спектр оттенков значений, выражаемых глаголами в русском языке.

4.5. Видовые тройки

Видовая тройка – набор из трех лексем, куда входят бесприставочный глагол, приставочный естественный перфектив и вторичный имперфектив, образованный от естественного перфектива с помощью суффикса. Все три глагола имеют одинаковое лексическое значение: члены видовой тройки отличаются друг от друга в первую очередь аспектуальными характеристиками. Пример видовой тройки – *множиться*, *умножиться*, *умножаться*.

Тем не менее традиционно исследователи русского языка не признавали существования видовых троек; вместо этого предполагалось, что вторичные имперфективы образуются только от специализированных перфективов, а не от естественных[25].

Тройки, как и вариативность, описанная в разделе 4.4, представляют собой проблему для «парной» модели русского вида, которая подразумевает, что все русские глаголы организованы в видовые пары, включающие один глагол несовершенного вида и один совершенного. Существование префиксальной вариативности противоречит модели «пар», потому что многие бесприставочные глаголы несовершенного вида ассоциированы с двумя или более глаголами совершенного вида. Кроме того, существование видовых троек показывает, что многие глаголы совершенного вида также соотнесены более чем с одним глаголом несовершенного вида. Цель настоящего раздела заключается в том, чтобы определить масштабы явления видовых троек и показать, что их функционирование управляется значениями приставок. Приставки демонстрируют различное поведение в том, что касается участия в формировании троек, и это является еще одним доводом в поддержку гипотезы о глагольных классификаторах.

Назначение русских имперфективирующих суффиксов *-ыва/-ива, -ва, -а/-я* заключается в образовании имперфективных соответствий для глаголов совершенного вида. Эта стратегия является практически универсальной среди специализированных перфективов, где глагол совершенного вида в противном случае не имел бы видовой пары. Например, специализированный перфектив *переписать* образован от бесприставочного *писать*. Так как специализированный перфектив явно имеет другое значение, этот бесприставочный глагол не может служить его видовым партнером, так что с помощью суффикса *-ыва* образуется вторичный имперфектив *переписывать*.

Естественный перфектив, образованный приставочным способом от бесприставочного глагола, уже имеет пару несовершенного вида, так как бесприставочный глагол имеет то же лексическое значение. Например, естественный перфектив *умножиться* уже имеет парный глагол несовершенного вида *множиться*. В этом случае существование еще одного соотнесенного глагола несовершенного вида не является необходимым. Тем не менее вторичный имперфектив *умножаться* засвидетельствован неоднократно: в НКРЯ содержится около 500 примеров типа (42).

(42) *А ведь зазеркалье – продолжение дома, с помощью зеркал раздвигаются стены,* ***умножается*** *количество светильников* [М. Маганова. Чары зазеркалья (2004) // «Homes & Gardens»]

Однако если предположить, что значения приставки и бесприставочного глагола пересекаются и что использование приставки при образовании естественного перфектива сужает и уточняет значение бесприставочного глагола, то можно ожидать, что значения бесприставочного глагола и его естественного перфектива будут различаться. Следовательно, должно быть возможным образование вторичных имперфективов, которые подчеркивают значение, характерное именно для естественного перфектива, и позволяют выразить его в несовершенном виде.

Русская видовая морфология позволяет образовывать вторичные имперфективы от естественных перфективов, так как они в некотором смысле заполняют пробел в системе. В принципе в языке отсутствуют ограничения на сочетания корней, приставок и суффиксов, которые запрещали бы образование таких вторичных имперфективов, как *сделывать*, *написывать* и *сгорать*. Но существуют ли эти глаголы? В некотором роде да, хотя некоторые из них могут не признаваться авторитетными источниками. Глагол

---

[25] В академической грамматике русского языка [Грамматика русского языка 1952, 1: 431–432] говорится, что вторичные имперфективы образуются от префиксальных глаголов совершенного вида только тогда, когда приставка привносит новый элемент лексического значения. В [Townsend 1975: 134–141] образование вторичных имперфективов представлено только в отношении тех глаголов, для которых «префиксация <...> приводит к лексическим изменениям основы» («the addition of a prefix <...> alters a stem lexically»).

с*делывать* отсутствует в НКРЯ, но примеры можно найти в Интернете, см. (43). *Написывать* встречается достаточно редко: всего пять вхождений в НКРЯ (в основном из источников XIX в.), но поиск в Google дает более 22 000 вхождений, включая пример (44). *Сгорать*, напротив, встречается достаточно часто – более 1100 вхождений в НКРЯ (45).

(43) *И все равно можно делать и* ***сделывать****, важно делать*[26].
(44) *...люди уже устали одно и тоже* ***написывать****, отвечая на такие типичные вопросы*[27].
(45) *Те письма, у которых не было обратного адреса, актировались и* ***сгорали*** *в костерке за зданием начальной школы* [В. Астафьев. Обертон (1995–1996)].

Для целей настоящего исследования мы признаем видовыми тройками только те сочетания бесприставочных глаголов, глаголов совершенного вида и вторичных имперфективов, которые включают естественный перфектив, содержащийся в базе данных Exploring Emptiness. При существовании специализированных перфективов мы не рассматриваем такие сочетания как видовые тройки.

Если в принципе все приставочные естественные перфективы могут образовывать вторичные имперфективы, должно быть возможно взять список всех естественных перфективов в русском языке и проверить наличие видовых троек. Именно так мы и поступили. Следует отметить, что обычно в литературе признается существование не более сорока таких троек[28]. Ни одно из предыдущих исследований не отталкивалось от исчерпывающего списка русских естественных перфективов и не предполагало систематический поиск вторичных имперфективов с использованием корпуса и поиска в Интернете. Наш подход к исследованию был другим, как и наши результаты.

Мы образовали гипотетические вторичные имперфективы для всех 1 981 естественных перфективов, содержащихся в базе данных Exploring Emptiness. Затем мы осуществили поиск всех гипотетических вторичных имперфективов в НКРЯ и в поисковой системе Google[29].

733 из наших гипотетических вторичных имперфективов засвидетельствованы в НКРЯ. Многие из них встречаются редко: 203 содержатся в 2–9 примерах, а 95 встречаются всего один раз. В процентном отношении 37% гипотетических вторичных имперфективов отмечены в НКРЯ: 5% встречаются только один раз, 10% возможных вторичных имперфективов встречаются редко. В то же время 22% (435) теоретически возможных вторичных имперфективов встречаются в десяти или более примерах.

Поиск в Google позволил выявить существование еще большего количества видовых троек. Было найдено 1 536 (77%) возможных вторичных имперфективов. 165 (8%) встретились редко (от двух до девяти примеров), 92 (5%) встретились только один раз, а 1 279 (65%) встретились десять и более раз.

Мы обнаружили во много раз больше видовых троек, чем сообщали авторы предыдущих исследований. Создается впечатление, что масштаб этого явления был недооценен на порядок. Видовые тройки вовсе не являются редкостью. Некоторые из них встречаются редко, но многие распространены достаточно широко.

---

[26] http://protiv-putina.ru/forum/index.php?showtopic=16&st=16.000000000000004; поиск был произведен 5 декабря 2011.

[27] http://www.biznet.ru/topic64701.html; поиск был произведен 5 декабря 2011.

[28] В [Храковский 2005] приводится три тройки, в [Ясаи 2001] – 13, в [Апресян 1995] – 40. В работе [Зализняк, Микаэлян 2010] описывается 39 троек, которые были собраны на основе анализа данных, приведенных в [Ожегов, Шведова 2001], и их проверки по НКРЯ. Исключение составляет работа [Veyrenc 1980], где содержится список из 190 видовых троек.

[29] Для того чтобы обеспечить соответствие корпусных данных сегодняшнему узусу, поиск производился только в современном подкорпусе НКРЯ [Ляшевская, Шаров 2010]. Поиск в Google проводился в апреле – мае 2010 г.

Очевидно, носители русского языка не испытывают существенных трудностей с образованием и использованием вторичных имперфективов от естественных перфективов, пусть даже большинство из них не признано словарями. Носители языка также должны знать, что означают эти вторичные имперфективы, и иметь доступ к стратегиям их использования в контексте противопоставления с существующими бесприставочными глаголами. Ниже мы рассмотрим вопрос о значении и использовании вторичных имперфективов.

В отличие от предыдущих исследователей, которые изучали видовые тройки, Ж. Вейранк [Veyrenc 1980] выдвинул гипотезу о том, что вторичные имперфективы мотивированы общим значением. По его мнению, вторичный имперфектив делает особый акцент на результате действия. В настоящем разделе мы представляем данные, свидетельствующие в пользу гипотезы Ж. Вейранка, демонстрируя, что глаголы со значениями, ориентированными на ощутимые, намеренные или контролируемые результаты, тяготеют к образованию вторичного имперфектива.

В любой видовой тройке существуют две формы: бесприставочный имперфектив и вторичный имперфектив, – которые соперничают в качестве глаголов несовершенного вида, парных к естественному перфективу. Другими словами, говорящий, которому требуется глагол несовершенного вида, соответствующий естественному перфективу, может выбирать между бесприставочным и вторичным имперфективом. Этот выбор не всегда делается одинаково. Для некоторых естественных перфективов наиболее распространенным выбором является бесприставочный глагол, в других случаях доминирует вторичный имперфектив, а в некоторых случаях обе формы выбираются с примерно одинаковой частотой. Таблица 16 демонстрирует примеры того, как делается этот выбор для нескольких глаголов, которые часто используются в несовершенном виде.

Таблица 16

Конкуренция между бесприставочными и вторичными имперфективами в видовых тройках

Естественный перфектив	Значение приставки	Бесприставочный имперфектив	Доля	Вторичный имперфектив	Доля	Итого в НКРЯ
выругать	NEGATIVE EXHAUSTION	*ругать*	99,99%	*выругивать*	0,01%	7193
взволноваться	AGITATE	*волноваться*	99,97%	*взволновываться*	0,03%	7763
растаять	SOFTEN / DISSOLVE	*таять*	99,34%	*растаивать*	0,66%	3465
ошалеть	ACQUIRE A NEW FEATURE	*шалеть*	87,76%	*ошалевать*	12,24%	98
зажарить	CHANGE TO A FIXED STATE	*жарить*	84,13%	*зажаривать*	15,87%	1821
убаюкать	CONTROL	*баюкать*	41,85%	*убаюкивать*	58,15%	454
зажмурить	COVER	*жмурить*	37,30%	*зажмуривать*	62,70%	984
освятить	IMPOSE A NEW FEATURE	*святить*	20,00%	*освящать*	80,00%	130
замолкнуть	CHANGE TO A FIXED STATE	*молкнуть*	0,71%	*замолкать*	99,29%	1,692

Каждая строка в таблице 16 соответствует видовой тройке, все три глагола которой встречаются в НКРЯ. Левая колонка таблицы содержит естественные перфективы каждой тройки. В следующей колонке дается значение приставки в естественном перфективе, установленное по процедуре, описанной в разделах 4.1 и 4.2. Следующие четыре колонки описывают конкуренцию между бесприставочным имперфективом и вторичным имперфективом: для каждой формы приводится частота ее использования в процентном выражении. Завершающая колонка содержит общее количество вхождений имперфективов из тройки в НКРЯ. Например, в первой строке естественный перфектив – *выругать*, а значение приставки *вы-* для этого глагола – NEGATIVE EXHAUSTION. В НКРЯ встречается 7 193 примера соответствующих глаголов несовершенного вида. Из них 99,99% – это формы бесприставочного глагола *ругать*, а 0,01% – формы вторичного имперфектива *выругивать*. Строки, представляющие тройки, отсортированы в порядке уменьшения доли бесприставочных глаголов.

Таблица 16 демонстрирует значительные различия в типах конкуренции между бесприставочными и вторичными имперфективами в видовых тройках. Такие естественные перфективы, как *выругать*, почти исключительно соотносятся с бесприставочными имперфективами, а такие естественные перфективы, как *замолкнуть*, – с вторичными имперфективами; некоторые естественные перфективы представляют собой промежуточные случаи. Чтобы понять природу этих различий, можно проанализировать несколько троек, где одинаково хорошо представлены оба типа имперфективов. Здесь мы рассмотрим тройки, включающие глаголы *убаюкать* и *зажмурить*. Примеры (46) и (48) демонстрируют использование бесприставочных имперфективов *баюкать* и *жмурить*, примеры (47) и (49) иллюстрируют соответствующие вторичные имперфективы *убаюкивать* и *зажмуривать*.

(46) *Девочка капризничала и требовала, чтобы вместо бабушки ее* ***баюкал*** *Димка* [М. Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы (1971)].

(47) *Днем Гуся* ***убаюкивала*** *дочь под одну и ту же песенку* [Т. Марчант. Квартиранты (2003) // «Лебедь» (Бостон)].

(48) *Он* [*кот*] *сидел у ножки стола и* ***жмурил*** *зеленые свои глаза* [Ю. Дружков (Постников). Волшебная школа (1984)].

(49) *Он мне рассказывал, что мальчишкой, идя домой с тренировки,* ***зажмуривал*** *глаза, проходя мимо киоска с мороженым* [Т. Тарасова, Виталий Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984–2001)].

Эти примеры поддерживают предположение Ж. Вейранка о том, что вторичные имперфективы ориентированы на результат действия. В дополнение к этому можно заключить, что для вторичных имперфективов более характерно описание действия, которое не только завершено, но и повторено. В (46), где используется бесприставочный глагол, девочку интересует только то, кто будет ее укачивать, а не результат укачивания (она может заснуть, а может и не заснуть). В (47), напротив, используется вторичный имперфектив, и убаюкивание дочери до засыпания – это то, что Гуся делает днем успешно и неоднократно, используя одну и ту же песенку. В (48), где используется бесприставочный глагол, зажмуренные глаза являются частью описания кота, а не результатом намеренного действия. Пример (49) с вторичным имперфективом – часть большего повествования о трудностях мальчика, растущего в бедности: он всегда был голоден после тренировок, но знал, что его родители очень бедны, поэтому зажмуривал глаза каждый раз, проходя мимо киоска с мороженым, чтобы избежать искушения.

Эти примеры служат иллюстрацией общих тенденций в распределении имперфективов в видовой тройке. Бесприставочные имперфективы в основном описывают событие, не привлекая внимание к результату. Вторичные имперфективы, напротив, обычно описывают нечто, что создает результат (часто намеренный), предсказуемые,

повторяющиеся события. Такова общая тенденция; но связана ли она с семантикой приставок?

Если значения приставок являются здесь существенным фактором, то, конечно, ожидается, что они будут влиять на поведение вторичных имперфективов (у которых есть приставки), но не на поведение бесприставочных глаголов (у которых их нет). Обратимся снова к значениям приставок во второй колонке таблицы 16. В первых трех тройках бесприставочным имперфективам отдается такое сильное предпочтение, что вторичные имперфективы почти не встречаются (менее 1% всех вхождений). Все эти три тройки можно проанализировать так: значение приставки не связано с конкретным результатом, который может быть достигнут намеренно и неоднократно. И NEGATIVE EXHAUSTION, и DISSOLVE – спонтанные действия, заканчивающиеся отсутствием чего-либо; AGITATE тоже не является конкретным результатом. Следующая тройка построена на глаголе *ошалеть*, имеющем приставку со значением ACQUIRE A NEW FEATURE, что предполагает переход в новое состояние. Хотя такой переход в основном спонтанен и часто является единичным событием, он может быть повторен и имеет конкретный результат, что мотивирует ограниченное использование вторичного имперфектива. Для всех остальных троек в таблице 16 значения приставок связаны с намеренными действиями, нацеленными на результат: CHANGE TO A FIXED STATE, CONTROL, COVER и IMPOSE A NEW FEATURE. Они отсортированы в зависимости от использования вторичного имперфектива и возможности повторить действие, называемое глаголом. Например, *зажарить* и *замолкнуть* иллюстрируют значение CHANGE TO A FIXED STATE приставки *за-*, но в случае первого глагола использование вторичных имперфективов является редким, а для второго оно почти обязательно. Зажаривание чего-либо менее повторяемо (если только не жарится несколько объектов), чем замолкание, которое легко можно повторить.

Значение приставок может добавлять к естественным перфективам акцент, менее заметный в бесприставочных глаголах. В шести строках в нижней части таблицы 16 все бесприставочные глаголы могут иметь нейтральные интерпретации, которые не требуют какого-либо намеренного акцента или результата. Три из них описывают продолжающиеся действия, которые сходны с состояниями: *шалеть*, *жмурить*, *молкнуть*. Три других: *жарить*, *баюкать* и *святить* – можно интерпретировать и как процессы, и как повторяющиеся события. Акцент, который приставки добавляют к естественным перфективам, является частью значения вторичных имперфективов. Как видно из примера (47), вторичный имперфектив ориентирован на повторение ситуации, когда мать получает контроль (CONTROL) над ребенком, усыпляя его. В примере (49) вторичный имперфектив подчеркивает тот факт, что мальчик намеренно закрывает (COVER) глаза, зажмуриваясь, чтобы не видеть киоск с мороженым.

Роль приставок в видовых тройках можно также проиллюстрировать распределением приставки *по-*. Как было показано в разделе 2, *по-* является наиболее продуктивной приставкой, образующей естественные перфективы: 417 (21%) всех естественных перфективов в базе данных Exploring Emptiness имеют этот префикс. Высокая относительная частота *по-* хорошо согласуется с полученными нами результатами: в разделе 4.3 *по-* встречается чаще двух других приставок, использующихся с глаголом *грузить*, а в разделе 4.4 показано, что префикс *по-* больше вовлечен в приставочную вариативность, чем любой другой. Однако наши данные показывают и то, что в видовых тройках приставка *по-* используется сравнительно редко. Если учесть, что в НКРЯ содержится 733 вторичных имперфектива, то можно было бы ожидать, что 154 (21%) из них будут иметь приставку *по-*. Тем не менее в корпусе обнаружено всего 94 (13%) вторичных имперфектива с этой приставкой. Очевидно, значение SOME, присущее префиксу *по-*, блокирует образование вторичных имперфективов, так как среди глаголов с приставкой *по-* было найдено примерно на 40% меньше троек, чем можно было бы ожидать, принимая во внимание общее распределение префиксов по глаголам.

Подробный корпусный анализ видовых троек русского языка также поддерживает гипотезу о глагольных классификаторах. Видовые тройки нельзя назвать редким или

случайным явлением. В зависимости от использованных источников, от 37% (НКРЯ) до 77% (Google) всех естественных перфективов образуют вторичные имперфективы путем суффиксации. Как и вариативность префиксов, широкое распространение троек представляет собой значительную проблему для «парной» модели русского вида, которая предполагает, что русские глаголы объединяются в пары, состоящие из одного глагола несовершенного и одного совершенного вида. Еще более осложняет ситуацию то, что приставочная вариативность и видовые тройки могут сосуществовать. Так, например, рассмотренный в разделе 4.3 глагол *грузить* образует три естественных перфектива с приставками *на-*, *за-* и *по-*. Кроме того, каждый из этих трех естественных перфективов образует вторичные имперфективы: *нагружать*, *загружать* и *погружать*, – в достаточном количестве представленные в НКРЯ.

Образование вторичных имперфективов не является ни единообразным, ни случайным: некоторые тройки используют почти исключительно бесприставочные глаголы, некоторые предпочитают вторичные имперфективы, а некоторые демонстрируют более равномерное распределение. Выбор между бесприставочным и вторичным имперфективом, по всей видимости, обусловлен значениями приставок. Вторичные имперфективы предпочтительны тогда, когда значение приставки мотивирует акцент на результате, желательно произведенном намеренно и/или неоднократно. Глаголы с приставками, семантика которых хуже совместима с этим значением, допускают образование вторичных имперфективов значительно реже.

Поскольку вторичные имперфективы образуются и от естественных, и от специализированных перфективов, наличие вторичного имперфектива не может использоваться как абсолютный критерий разграничения между этими двумя типами глаголов совершенного вида. Этот результат ожидаем, если предположить, что и специализированные, и естественные перфективы имеют значимые приставки. Однако это не означает, что специализированные и естественные перфективы должны быть объединены в одну группу. Напротив, они образуют континуум, где большинство примеров специализированных перфективов сгруппированы в одном конце, многие яркие примеры естественных перфективов находятся на другом, а некоторые примеры существуют в диффузной зоне между ними.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель настоящей работы заключается в обосновании гипотезы, согласно которой русский язык является языком с глагольными классификаторами, а русские глагольные приставки, образующие естественные перфективы, представляют собой систему видовых классификаторов. В статье приводятся различные доводы в поддержку гипотезы о глагольных классификаторах, включая сравнение систем именных классификаторов с системой глагольных приставок в русском языке, анализ распределения приставок и анализ их поведения.

Между системами именных классификаторов и русскими перфективизирующими приставками просматриваются четкие параллели: и именные классификаторы, и видовые приставки связаны с квантификацией. В то время как именные классификаторы распределяют в принципе ничем не ограниченное вещество по группам конкретных предметов в зависимости от их формы, глагольные приставки сортируют неограниченные состояния и действия в группы конкретных событий в зависимости от их пространственно-временных контуров. Описание русских глагольных приставок как системы классификаторов хорошо согласуется с метафорическим подходом к русскому виду, предполагающему, что глаголы несовершенного вида имеют характеристики метафорических веществ, а глаголы совершенного вида – метафорических объектов.

Русские глагольные приставки соответствуют дистрибутивным критериям, характерным для классификаторов: количественное преобладание классифицируемых единиц (= глаголов) над классификаторами (= приставками) и существование значительно

различающихся групп классифицируемых единиц, связанных с различными классификаторами.

Результаты пяти различных исследований свидетельствуют о том, что приставки демонстрируют различное поведение, как и ожидается в системе классификаторов. Анализ радиальных категорий и семантических профилей демонстрирует, что каждая из шестнадцати приставок связана с уникальным набором бесприставочных глаголов и что основание для этой классификации является семантическим: значения приставок соответствуют значениям бесприставочных глаголов и накладываются на них. Анализ конструкционных профилей показывает, что различные приставки ведут себя по-разному в том смысле, что с большей частотой встречаются в разных грамматических конструкциях. Вариативность использования приставок также находит параллели в системах классификаторов; при этом модель вариативности определяется семантикой префиксов. Наконец, исследование видовых троек также позволяет обнаружить различия в поведении приставок, так как некоторые из них чаще других бывают связаны с образованием вторичных имперфективов, и такое поведение опять же мотивировано семантически.

Как указал Дж.А. Люси в своем описании систем числовых классификаторов (см. раздел 2), ранее классификаторы считались семантически пустыми, чисто формальными маркерами при существительных. В настоящее время наличие значений у числовых классификаторов общепризнано. Если приставки в русском языке являются видовыми классификаторами, то типологическое подтверждение получает гипотеза М. Вея и К. ван Схоневельда, согласно которой приставки не являются «пустыми», а, напротив, семантически пересекаются с глаголами. Кроме того, известно, что числовые классификаторы имеют определенное назначение, преобразуя аморфную субстанцию в дискретные объекты. Это дает нам ключ к пониманию системы русских видовых классификаторов: ее назначение заключается в том, чтобы преобразовывать аморфные состояния и действия в дискретные события.

Признание приставок русского языка видовыми классификаторами дает лингвистам возможность проводить типологические сравнения между русским и другими языками. Кроме того, эта гипотеза позволяет составить такое описание русского языка, которое предусматривает четкую семантическую мотивацию для выбора приставки и функционирования всей системы видовой префиксации. Такое описание имеет важное значение для преподавания русского языка как иностранного. В настоящее время учебники русского языка представляют глагольные пары бессистемно и практически без объяснений, заставляя студентов запоминать почти две тысячи комбинаций бесприставочных глаголов и приставок, которые образуют естественные перфективы. Представленная гипотеза позволяет разработать новые учебные пособия, где глаголы и приставки могут быть представлены в рамках связной системы, опирающейся на семантические принципы. Приставки можно рассматривать как связные семантические сети: для каждого значения можно представить соответствующие специализированные перфективы (а также комплексные и однократные перфективы, где они существуют) наряду с соответствующими группами естественных перфективов. Изучение сочетаний приставок и глаголов, которое до этого было хаотичным и вызывало значительные трудности, станет таким образом гармоничным логическим упражнением. Материалы для более высокого уровня смогут познакомить учащихся с различиями между естественными перфективами, образуемыми с помощью различных приставок, а также объяснить использование вторичных имперфективов, обращая особое внимание на те тройки, где вторичный имперфектив успешно конкурирует с бесприставочным имперфективом или преобладает над ним. При такой системе ввода материала студенты получили бы шанс понять, какая на самом деле красивая и логичная система глагольной семантики и вида существует в русском языке.

Подводя итог, скажем, что принятие гипотезы о природе русских приставок как о глагольных классификаторах может быть полезно и лингвистам, и преподавателям, и студентам, изучающим русский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авилова 1959 – *Н.С. Авилова.* О категории вида в современном русском литературном языке // Русский язык в национальной школе. 1959. № 4.

Авилова 1976 – *Н.С. Авилова.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.

Алексеева 1978 – *А.П. Алексеева.* Из истории приставочного глагольного словообразования (на примере образований с ОБ и О). Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1978.

Апресян 1995 – *Ю.Д. Апресян.* Трактовка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Апресян 2005 – *Ю.Д. Апресян.* О московской семантической школе // ВЯ. 2005. № 1.

Барыкина и др. 1989 – *А.Н. Барыкина, В.В. Добровольская, С.Н. Мерзон.* Изучение глагольных приставок. М., 1989.

Виноградов 1972 – *В.В. Виноградов.* Русский язык. М., 1972.

Виноградова 1984 – *В.Н. Виноградова.* Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.

Горбова 2011 – *Е.В. Горбова.* Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // ВЯ. 2011. № 4.

Грамматика русского языка 1952 – Грамматика русского языка / Под ред. В.В. Виноградова, Л.В. Щербы. М., 1952.

Дмитриева 1991 – *О.И. Дмитриева.* Формирование семантической структуры русского глагольного префикса по- // Активные процессы в языке и речи. Саратов, 1991.

Зализняк 2006 – *Анна А. Зализняк.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

Зализняк, Микаэлян 2010 – *Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян.* О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка. М., 2010 // http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/21.htm

Зализняк, Шмелев 1997 – *Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев.* Лекции по русской аспектологии. München, 1997.

Зализняк, Шмелев 2000 – *Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев.* Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

Исаченко 1960 – *А.В. Исаченко.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Братислава, 1960.

Кронгауз 1998 – *М.А. Кронгауз.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.

Кустова и др. 2005 – *Г.И. Кустова, О.Н. Ляшевская, Е.В. Падучева, Е.В. Рахилина.* Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005.

Ляшевская, Шаров 2010 – *О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров.* Частотный словарь современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка). М., 2010.

Майсак 2005 – *Т.А. Майсак.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.

МАС – Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.

Митренина и др. 2012 – *О.В. Митренина, Е.Е. Романова, Н.А. Слюсарь.* Введение в генеративную грамматику. М., 2012.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка // http://www.ruscorpora.ru.

Ожегов, Шведова 2001 – *С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова.* Словарь русского языка. М., 2001.

Падучева 2004 – *Е.В. Падучева.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Плунгян 2011 – *В.А. Плунгян.* Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Плунгян 2012 – *В.А. Плунгян.* Предисловие // В.А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. СПб., 2012.

Русская грамматика 1980 – Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980.

Тихонов 1962 – *А.Н. Тихонов.* К вопросу о чистовидовых приставках в русском языке. Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои. Новая серия. № 118: Исследования по русскому языку. Самарканд, 1962.

Тихонов 1964 – *А.Н. Тихонов.* Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования // ВЯ. 1964. № 1.

Тихонов 1998 – *А.Н. Тихонов*. Русский глагол. М., 1998.
Храковский 2005 – *В.С. Храковский*. Аспектуальные тройки и видовые пары // Русский язык в научном освещении. 2005. Т. 9. № 1.
Шахматов 1952 – *А.А. Шахматов*. Учение о частях речи. М., 1952.
Ясаи 2001 – *Л. Ясаи*. О специфике вторичных имперфективов и видовых корреляций // И.В. Недялков (отв. ред.). Исследования по языкознанию: К 70-летию А.В. Бондарко. СПб., 2001.
Aikhenvald 2000 – *A.Y. Aikhenvald*. Classifiers: A typology of noun categorization devices. Oxford, 2000.
Andrews 1984 – *E. Andrews*. A semantic analysis of the Russian prepositions/preverbs O(-) and OB(-) // Slavic and East European journal. 1984. V. 28. № 4.
Baayen 2008 – *R.H. Baayen*. Analyzing linguistic data: A practical introduction to statistics using R. Cambridge, 2008.
Bach 1986 – *E. Bach*. The algebra of events // Linguistics and philosophy. 1986. V. 9.
Baydimirova 2010 – *A. Baydimirova*. Russian aspectual prefixes O, OB and OBO: A case study of allomorphy. Master's thesis. Tromsø, 2010 // http://www.ub.uit.no/munin/handle/10037/2767.
Boas 2003 – *H.C. Boas*. A lexical-constructional account of the locative alternation // L. Carmichael, C.-H. Huang, V. Samiian (eds.). Proceedings of the 2001 Western conference in linguistics 13. 2003.
Boas 2006 – *H.C. Boas*. A frame-semantic approach to identifying syntactically relevant elements of meaning // P. Steiner, H.C. Boas, S. Schierholz (eds.). Contrastive studies and valency. Studies in honor of Hans Ulrich Boas. Frankfurt; New York, 2006.
Bogusławski 1963 – *A. Bogusławski*. Prefiksacija czasownika we współczesnym języku rosyjskim. Wrocław, 1963.
Bowerman 1982 – *M. Bowerman*. Reorganizational processes in lexical and syntactic development // E. Wanner, L.R. Gleitman (eds.). Language acquisition: The state of the art. Cambridge, 1982.
Braginsky 2008 – *P. Braginsky*. The semantics of the prefix ZA- in Russian. PhD dissertation. Bar-Ilan University (Israel), 2008.
Brinkmann 1997 – *U. Brinkmann*. The locative alternation in German: Its structure and acquisition. Amsterdam; Philadelphia, 1997.
Brinton 1991 – *L.J. Brinton*. The mass/count distinction and Aktionsart // Belgian journal of linguistics. 1991. № 6.
Carlson 1981 – *L. Carlson*. Aspect and quantification // Ph.J. Tedeschi, A. Zaenen (eds.). Syntax and semantics. V. 14: Tense and aspect. New York, 1981.
Cohen 1988 – *J. Cohen*. Statistical power analysis for the behavioral sciences. Mahwah (New Jersey); London, 1988.
Cohen et al. 2003 – *J. Cohen, P. Cohen, S.G. West, L.S. Aiken*. Applied multiple regression/correlation analysis for the behavioral sciences. Mahwah (New Jersey); London, 2003.
Croft, Cruse 2004 – *W. Croft, D.A. Cruse*. Cognitive linguistics. Cambridge, 2004.
Cubberly 1982 – *P.V. Cubberly*. On the 'empty' prefixes in Russian // Russian language journal. 1982. V. 36.
Dąbrowska 2008 – *E. Dąbrowska*. The effects of frequency and neighbourhood density on adult native speakers' productivity with Polish case inflections: An empirical test of usage-based approaches to morphology // Journal of memory and language. 2008. V. 58.
Dąbrowska 2010 – *E. Dąbrowska*. Naive v. expert intuitions: An empirical study of acceptability judgments // The linguistic review. 2010. V. 27. № 1.
Dahl 1985 – *Ö. Dahl*. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
Dickey 2005 – *S.M. Dickey*. S-/Z- and the grammaticalization of aspect in Slavic // Slovene linguistic studies. 2005. № 5.
Dickey 2007 – *S.M. Dickey*. A prototype account of the development of delimitative PO- in Russian // D. Divjak, A. Kochańska (eds.). Cognitive paths into the Slavic domain. Berlin, 2007.
Divjak, Gries 2006 – *D. Divjak, S.Th. Gries*. Ways of trying in Russian: Clustering behavioral profiles // Corpus linguistics and linguistic theory. 2006. № 2.
Endresen, Sokolova 2011 – *A. Endresen, S. Sokolova*. Is UP always GOOD? A case of non-trivial evaluation in Russian prefixes // 44th Annual meeting of the Societas linguistica Europaea. Logroño, 2011.
Endresen et al. forthcoming – *A. Endresen, L.A. Janda, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nesset, S. Sokolova*. Russian 'purely aspectual' prefixes: Not so 'empty' after all? Manuscript.
Flier 1975 – *M.S. Flier*. Remarks on Russian verbal prefixation // Slavic and East European journal. 1975. V. 19.

Forsyth 1970 – *J.A. Forsyth*. Grammar of aspect. Cambridge, 1970.
Gao, Malt 2009 – *M.Y. Gao, B.C. Malt*. Mental representation and cognitive consequences of Chinese individual classifiers // Language and cognitive processes. 2009. V. 24. № 7.
Gallant 1979 – *J. Gallant*. Russian verbal prefixation and semantic features: An analysis of the prefix vz-. München, 1979. (Slavistische Beiträge. Bd. 135.)
Geeraerts 1995 – *D. Geeraerts*. Representational formats in cognitive semantics // Folia linguistica. 1995. V. 29.
Gerner 2009 – *M. Gerner*. Instruments as verb classifiers in Kam (Dong) // Linguistics. 2009. V. 43. № 3.
Gerner forthcoming – *M. Gerner*. Verb classifiers in East Asia. Manuscript.
Goldberg 1995 – *A.E. Goldberg*. Constructions. A construction grammar approach to argument structure. Chicago; London, 1995.
Goldberg 2006 – *A.E. Goldberg*. Constructions at Work: The nature of generalizations in language. Oxford, 2006.
Gries 2009 – *S.Th. Gries*. Statistics for linguistics with R: A practical introduction. Berlin; New York, 2009.
Gries, Divjak 2009 – *S.Th. Gries, D. Divjak*. Behavioral profiles: A corpus-based approach towards cognitive semantic analysis // V. Evans, S.S. Pourcel (eds.). New directions in cognitive linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 2009.
Hougaard 1973 – *C. Hougaard*. Выражает ли *о-/об-* совершаемость? // Scando-Slavica. 1973. V. 19.
Iwata 2005 – *S. Iwata*. Locative alternation and the two levels of verb meaning // Cognitive linguistics. 2005. V. 16. № 2.
Iwata 2008 – *S. Iwata*. Locative alternation: A lexical-constructional approach. Amsterdam; Philadelphia, 2008.
Jakobson 1971 – *R.O. Jakobson*. Shifters, verbal categories, and the Russian verb // R. Jakobson. Selected writings. V. II. Paris, 1971.
Janda 1986 – *L.A. Janda*. A semantic analysis of the Russian verbal prefixes ZA-, PERE-, DO- and OT-. München, 1986. (Slavistische Beiträge. Bd. 192.)
Janda 2004 – *L.A. Janda*. A metaphor in search of a source domain: The categories of Slavic aspect // Cognitive linguistics. 2004. V. 15. № 4.
Janda 2007 – *L.A. Janda*. Aspectual clusters of Russian verbs // Studies in language. 2007. V. 31. № 3.
Janda et al. forthcoming – *L.A. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevksaya, A. Makarova, T. Nesset, S. Sokolova*. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: Prefixes as verb classifiers. Bloomington (IN), forthcoming.
Janda, Lyashevskaya 2011 – *L.A. Janda, O. Lyashevskaya*. Prefix variation as a challenge to Russian aspectual pairs: Are *завязнуть* and *увязнуть* 'get stuck' the same or different? // Russian linguistics. 2011. V. 35. № 2.
Janda, Lyashevskaya forthcoming – *L.A. Janda, O. Lyashevskaya*. Semantic profiles of five Russian prefixes: *po-, s- za-, na- pro-* // Journal of Slavic linguistics, forthcoming.
Janda, Solovyev 2009 – *L.A. Janda, V. Solovyev*. What constructional profiles reveal about synonymy: A case study of Russian words for SADNESS and HAPPINESS // Cognitive linguistics. 2009. V. 20. № 2.
King, Minium 2008 – *B.M. King, E. Minium*. Statistical reasoning in the behavioral sciences. Hoboken (NJ), 2008.
Kresin 2000 – *S.C. Kresin*. Aspect, singularization, and pluralization in Czech and Russian // Slavic and East European journal. 2000. V. 44. № 3.
Kustova et al. 2009 – *G.I. Kustova, O.N. Lashevskaja, E.V. Paducheva, E.V. Rakhilina*. Verb taxonomy: From theoretical lexical semantics to practice of corpus tagging // B. Lewandowska, K. Dziwirek (eds.). Cognitive corpus linguistics studies. Frankfurt, 2009.
Kuznetsova 2010 – *J. Kuznetsova*. Natural and non-natural perfectives: Prefix statistics. Presentation for the cognitive linguistics: Empirical approaches to Russian research group. Tromsø, 2010.
Lakoff 1987 – *G. Lakoff*. Women, fire and dangerous things. Chicago, 1987.
Le Blanc 2010 – *N.L. Le Blanc*. The polysemy of an «empty» prefix: A corpus-based cognitive semantic analysis of the Russian verbal prefix *po-*. Ph.D. dissertation. Chapel Hill, 2010.
Lewandowska-Tomaszczyk 2007 – *B. Lewandowska-Tomaszczyk*. Polysemy, prototypes and radial categories // D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.). The Oxford handbook of cognitive linguistics. Oxford, 2007.
Lucy 1992 – *J.A. Lucy*. Grammatical categories and cognition. Cambridge, 1992.

Lucy 2000 – *J.A. Lucy*. Systems of nominal classification: A concluding discussion // G. Senft (ed.). Systems of nominal classification. Cambridge, 2000.
Lucy 2004 – *J.A. Lucy*. Language, culture, and mind in comparative perspective // S. Kemmer, M. Achard (eds.). Language, culture, and mind. Stanford, 2004.
Lyons 1977 – *J. Lyons*. Semantics. V. 2. Cambridge, 1977.
Mateu 2000 – *J. Mateu*. Lexicalization patterns and the locative alternation. GGT-01-5 research report. Barcelona, 2000.
McGregor 2002 – *W.B. McGregor*. Verb classification in Australian languages. Berlin; New York, 2002. (Empirical approaches to language typology 25.)
Mourelatos 1978 – *A. Mourelatos*. Events, processes, and states // Linguistics and philosophy. 1978. № 2.
Nichols 2008 – *J. Nichols*. Prefixation and the locative alternation in Russian contact verbs // American association of teachers of Slavic and East European languages conference. San Francisco, 2008.
Olbishevska 2004 – *O. Olbishevska*. Locative alternation in Slavic: The role of prefixes // M.O. Junker, M. McGinnis, Y. Roberge (eds.). Proceedings of the 2004 Annual conference of the Canadian linguistic association // http://http-server.carleton.ca/~mojunker/ACL-CLA/.
Pinker 1989 – *S. Pinker*. Learnability and cognition: The acquisition of argument structure. Cambridge (Mass.), 1989.
Ramchand 2004 – *G. Ramchand*. Time and the event: The semantics of Russian prefixes // Nordlyd. 2004. V. 32. № 2.
Rappaport Hovav, Levin 1988 – *M. Rappaport Hovav, B. Levin*. What to do with theta-roles // W. Wilkins (ed.). Syntax and Semantics 21. (Thematic relations). San Diego (California), 1988.
Roberts 1981 – *C.B. Roberts*. The origins and development of *o(b)*- prefixed verbs in Russian with the general meaning 'deceive' // Russian linguistics. 1981. № 5.
Rosch 1978 – *E. Rosch*. Principles of categorization // E. Rosch, B.B. Lloyd (eds.). Cognition and categorization. Hillsdale, 1978.
Russell 1985 – *P. Russell*. Aspectual properties of the Russian verbal prefix *-na* // M.S. Flier, A. Timberlake (eds.). The scope of Slavic aspect. Columbus (Ohio), 1985.
van Schooneveld 1978 – *C.H. van Schooneveld*. Semantic transmutations: Prolegomena to a calculus of meaning. V. 1: The cardinal semantic structure of prepositions, cases, and paratactic conjunctions in contemporary standard Russsian. Bloomington, 1978.
Smith 1991 – *C.S. Smith*. The parameter of aspect. Dordrecht, 1991.
Sokolova et al. forthcoming – *S. Sokolova, L.A. Janda, O. Lyashevskaya*. The locative alternation and the Russian 'empty' prefixes: A case study of the verb gruzit' 'load' // D. Divjak, St.Th. Gries (eds.). Frequency effects in cognitive linguistics (V. 2): What statistical effects can(not) explain (Trends in linguistics series). Berlin, forthcoming.
Street, Dąbrowska 2010 – *J. Street, E. Dąbrowska*. More individual differences in language attainment: How much do adult native speakers of English know about passives and quantifiers? // Lingua. 2010. V. 120.
Svenonius 2004a – *P. Svenonius*. Slavic prefixes and morphology: An introduction to the Nordlyd volume // Nordlyd. 2004. V. 32. № 2.
Svenonius 2004b – *P. Svenonius*. Slavic prefixes inside and outside VP // Nordlyd. 2004. V. 32. № 2.
Svenonius 2008 – *P. Svenonius*. Russian prefixes are phrasal // Formal description of Slavic languages. The Fifth conference. Bern, 2008.
Taylor 2003 – *J.R. Taylor*. Linguistic categorization. Oxford, 2003.
Timberlake 2004 – *A. Timberlake*. A reference grammar of Russian. Cambridge, 2004.
Townsend 1975 – *C.E. Townsend*. Russian word-formation. Columbus (Ohio), 1975.
Veyrenc 1980 – *J. Veyrenc*. Études sur le verbe russe. Paris, 1980.
Wade 1992 – *T. Wade*. A comprehensive Russian grammar. Oxford, 1992.

Сведения об авторе:

Laura A. Janda
Universitetet i Tromsø
laura.janda@uit.no

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 2012

© 2012 г. АННА А. ЗАЛИЗНЯК, И.Л. МИКАЭЛЯН

О НЕКОТОРЫХ ДИСКУССИОННЫХ МОМЕНТАХ АСПЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЛОРЫ ЯНДЫ

В статье содержится критический разбор теории русского вида, разрабатываемой Лорой Яндой и ее соавторами в рамках когнитивного подхода к грамматике и отраженной в ряде публикаций, включая статью, публикуемую в настоящем номере «Вопросов языкознания». Отмечается ряд концептуальных и методологических проблем в подходе Янды и предлагается аргументация в пользу альтернативной точки зрения на обсуждаемые вопросы, в частности, в защиту отвергаемого Яндой понятия «видовой пары», а также приводится обширный оригинальный материал по русским «видовым тройкам». Признавая заслуги Янды и ее рабочей группы, прежде всего, в применении корпусных методов исследования и в разработке аспектологической базы данных, авторы предлагают пути к интеграции результатов исследований, выполненных с различных методологических позиций.

Ключевые слова: Аспектология, видовая пара, префиксация, перфективация, имперфективация, критерий Маслова, первичный имперфектив, вторичный имперфектив, видовая тройка, аспектологическая база данных, когнитивный подход, функциональный подход, корпусные методы

The article offers a critical analysis of the theoretical approach to the Russian aspectual system developed by Laura Janda and her coauthors in a series of publications, including the article published in the present issue of the journal «Voprosy jazykoznanija». It is shown that this approach, based on the premises of cognitive grammar, has a number of conceptual and methodological flaws. Arguments for an alternative view on the discussed problems, in particular, in defense of the concept of «aspectual pair», rejected by Janda, are provided. The paper also contains a large original material on «apectual triplets». We recognize the imortant contribution of Laura Janda and her group to the development of the Russian aspectual data base with corpora-based methods. Nevertheless, we propose ways of integrating results across various methodological approaches.

Keywords: Aspectology, aspectual pair, prefixation, perfectivization, imperfectivization, Maslov criterion, simplex imperfective, secondary imperfective, aspectual triplet, aspectual data base, cognitive approach, functional approach, corpora-based approach

Лора А. Янда – автор когнитивной модели русского вида, основанной на гипотезе о существовании аналогии между значениями категории вида и некоторыми базовыми элементами человеческого сенсорного опыта в отношении восприятия окружающего мира, а именно: глаголы несовершенного вида подобны жидким или сыпучим веществам, а глаголы совершенного вида – твердым предметам. В работе [Janda 2004] Лора Янда, развивая идеи, высказанные в статье [Bach 1986], показала, что русские глаголы несовершенного вида в ряде отношений обнаруживают сходство с неисчисляемыми существительными (mass terms), а глаголы совершенного вида – с существительными предметной семантики. Концепция разрабатывается Л. Яндой в течение последнего десятилетия в университете Тромсё (Норвегия), в том числе силами руководимого ею исследовательского коллектива, и отражена в ряде публикаций, см. [Janda 2004; 2007; Janda, Nesset 2010; Janda, Lyashevskaya 2011a; 2011b; Янда 2012, публикующаяся в настоящем номере] и др.; кроме того, в рамках аспектологического проекта Лоры Янды создан электронный ресурс – база данных Exploring Emptiness, доступная на сайте http://emptyprefixes.uit.no/, с которой мы и начнем.

ВИДОВЫЕ ПАРЫ И «ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПЕРФЕКТИВЫ»

В программной статье [Janda 2007] Лора Янда предложила отказаться от «традиционного» понятия видовых пар – на том основании, что глаголы в русском языке группируются не в пары, а в «пучки», или «кластеры», т.е. группы глаголов, связанных отношением префиксации-перфективации и имперфективации. Одновременно было введено понятие «естественного перфектива» («natural perfective»), который определялся как глагол сов. вида, обозначающий «денотативно эквивалентную деятельность» и отличающийся от исходного имперфективного глагола «лишь в аспектуальном отношении» («denotationally equivalent to the Activity, differing from it only in terms of aspect» [Janda 2007: 609]). В статье [Janda, Lyashevskaya 2011a: 149] естественный перфектив определяется как глагол, имеющий то же лексическое значение, что и простой глагол несов. вида, от которого он образован («those that share the same lexical meaning as their imperfective base verbs») – в противоположность «специализированному перфективу», который отличается по значению от исходного имперфективного глагола. При этом никаких критериев установления тождества лексического значения не предлагается. Более того, сам термин «естественный перфектив» указывает на то, что префиксальный видовой коррелят как бы заложен в «природе» исходного имперфективного глагола: его значение является «логическим завершением» обозначаемого им процесса (ср.: «Natural Perfectives which describe the *logical completion* of the corresponding Imperfective Activity» [Janda 2007: 609]), и поэтому никакой процедуры его установления как будто и не требуется. Фактически это означает возврат к понятию видовой пары в самом традиционном, «домасловском» понимании. Действительно, сам принцип установления перфективного коррелята на основании нахождения «логического завершения» процесса, обозначенного имперфективным глаголом (ср. понятие «предела»), является в высшей степени традиционным; впрочем, достаточно давнюю традицию имеет и критика этого подхода (см., в частности, [Зализняк, Шмелев 2000: 45]).

Представление о видовой паре как о паре глаголов, где глагол несов. вида обозначает некий процесс, а глагол сов. вида – его результат, принадлежит «наивной лингвистике» как части языковой картины мира (ср. «наивная физика», «наивная биология» и т.д.) и отражено в названиях соответствующих категорий: совершенный – несовершенный (ср. perfectum – imperfectum). Это представление имеет глубокие корни: видовые пары с предельным соотношением, очевидно, являются когнитивно выделенными и служат образцом для построения вида как понятийной категории. Однако функционирование русского вида как грамматической категории основывается на других принципах.

Мы придерживаемся точки зрения, сформулированной впервые в основополагающей работе Ю.С. Маслова [Маслов 1948/2004; 1981/2004], что видовая пара – это чисто функциональное отношение между глагольными формами, возникающее в силу возможности замены одной на другую в определенных контекстах, а именно в контекстах обязательной имперфективации. Позволим себе привести классическую цитату из работы [Маслов 1981/2004]:

> <…> в русском языке отрезок повествовательного текста *Он надел пальто, попрощался и выбежал на улицу*, описывающий с помощью перфектных претеритов «цепь» последовательных разовых событий, при транспозиции в историческое настоящее автоматически даст *Он надевает пальто, прощается и выбегает на улицу*, где те же события обозначены формами имперфективного презенса. <…> Итеративизация – при условии сохранения претерита – также ведет в русском языке к замене перфектива имперфективом: *Каждый раз, когда он надевает пальто, прощается и выбегает на улицу* [Маслов 1981/2004: 91–92].

Только в этих контекстах значение глагола несов. вида оказывается тождественно значению глагола сов. вида. В прочих случаях между глаголами сов. и несов. вида всегда имеется некоторое различие (исключение составляют так называемые тривиальные пары, где глагол несов. вида просто не имеет никакого значения, отличного от значения его перфективного коррелята, ср. пары *прийти – приходить*, *достичь –*

достигать). Это различие называется семантическим соотношением в видовой паре. Разными авторами было выделено около десятка более или менее регулярных соотношений такого рода, большинство из которых не являются результативными (ср. *обрадоваться – радоваться*, *опоздать – опаздывать* и др.), и кроме того существуют видовые пары с индивидуальным семантическим соотношением, как, например, *догадаться – догадываться*, *заметить – замечать*, *ошибиться – ошибаться* и некоторые другие; см. [Зализняк, Шмелев 2000: 56–61]. При этом те же семантические отношения могут существовать между глаголом совершенного и несовершенного вида, не образующими видовую пару: *искать – найти* (особый подтип предельного соотношения), *любить – полюбить* (перфектное соотношение) и др.

В базе Exploring Emptiness, также как и в статьях Лоры Янды, наряду с «результативными» парами типа *вязать – связать*, *крепнуть – окрепнуть*, приводятся пары типа *пользоваться – воспользоваться*, *думать – подумать*, *требовать – потребовать* (см., в частности, [Janda 2007: 630, 632, 633, 624]), в которых семантическое соотношение не сводится к «logical completion of the corresponding Imperfective Activity». Это обстоятельство, однако, никак не комментируется автором, из чего можно заключить, что отношение «процесс-результат» рассматривается как прототипическое (ср. выше), а отклонения от него в рамках данной модели не играют существенной роли.

Первоначальная модель аспектуальных кластеров, изложенная в работе [Janda 2007], имплицитно строилась на идее, что у простого имперфектива в норме бывает лишь один «естественный перфектив» (возможность наличия нескольких «естественных» перфективов упоминается лишь в скобках [Ibid.: 624]). Одновременно предполагалось, что важнейшим свойством «естественного» перфектива и критерием его отличия от префектива «специализированного» является невозможность его имперфективации (образования от него вторичного имперфектива путем суффиксации) [Ibid.: 620, 644]. В дальнейших работах Л. Янды оба эти тезиса были пересмотрены.

Наибольшее недоумение у неподготовленного читателя вызывает наличие у одного простого глагола несов. вида нескольких «естественных перфективов» (ср. *грузить – погрузить*, *нагрузить*, *загрузить*; *жарить – пожарить*, *поджарить*, *зажарить* и т.п.). Казалось бы, одно из двух: приставочный глагол либо равен по значению бесприставочному, либо его специфицирует, т.е. не равен. Если равен, то как может быть, что два (три, четыре) разных глагола равны одному и тому же бесприставочному, а если не равен, то это не «естественный перфектив» (не видовая пара).

Ответ на этот вопрос состоит в том, что, согласно обсуждаемой модели, простой имперфектив, – это «вещество», а приставка – некая «форма», в которую это вещество помещается, образуя «твердый предмет», т.е. глагол совершенного вида; в этом состоит суть процесса префиксации-перфективации. «Сыпучее вещество», т.е. некоторый тип процесса, детерминируемый простым имперфективом, – это «лексическое значение»: *бить*, *вязать*, *жарить*, *мотать*, *резать*, *сыпать*, *пилить*, *рубить* и т.д. – все это разные «вещества». Различные приставки придают ему различную «форму», специфицируя значение исходного глагола («Two or more prefixes can provide alternate ways of focusing the meanings of a base verb» [Janda, Lyashevskaya 2011a: 165]): можно *жарить*, чтобы *зажарить*, а можно *жарить*, чтобы *обжарить* или *поджарить*, и т.д.; поскольку префиксация влечет за собой перфективацию, эта «форма» и есть «аспектуальное значение».

Однако как определить, какие из этих «форм» являются «естественными», а какие – «специализированными», при этом все равно остается непонятным. Почему, например, *распилить* – это специализированный перфектив, а *разгрызть* – естественный (именно такое решение принято в базе Exploring Emptiness и в статье [Янда 2012]): даже если подходить к проблеме с чисто семантической точки зрения, то скорее наоборот: *пилить* можно с единственной целью *распилить*, а для *грызть* даже более вероятная цель – *сгрызть*: так, например, *грызть морковку*, да и *грызть орехи*, возможно, включают идею *разгрызать*, но все равно с целью *сгрызть* (однако глагол *сгрызть* в [Janda 2007: 631] отнесен как раз к специализированным имперфективам). В перенос-

ных употреблениях (ср. *грызть гранит науки*, *совесть грызет*) также актуализируются не «разделение», а какие-то иные семы. Так или иначе, более оправданным представляется подход, согласно которому оба эти глагола сов. вида с приставкой *раз-* образуют суффиксальные видовые пары (*распилить – распиливать*, *разгрызть – разгрызать*), а с простым имперфективом (*пилить*, *грызть*) находятся лишь в словообразовательных отношениях.

С другой стороны, возникают, например, такие вопросы: входит ли в «логическое завершение» процесса, обозначаемого глаголом *ссориться*, идея «разделения»? Если да, то почему видовым коррелятом будет *поссориться*, а не *рассориться*? Именно такое решение принято в базе Exploring Emptiness, хотя общая логика модели должна была бы допускать также и *рассориться*.

База данных Exploring Emptiness содержит 1429 бесприставочных глаголов несов. вида, каждому из которых приводится в соответствие от одного до шести приставочных глаголов сов. вида, так называемых «естественных перфективов»; их число – 1981. Здесь снова возникает вопрос о трактовке случаев, когда один базовый имперфективный глагол образует несколько «естественных перфективов» (= префиксальных видовых коррелятов). Тут, очевидно, имеются разные возможности: исходный имперфектив может обладать широкой (диффузной) семантикой, и в этом случае значение каждого приставочного перфектива возникает в результате «спецификации» его значения, вносимой данной приставкой (ср.: *белье высыхает*, *мостовая просыхает*, *цветы засыхают*)[1]; он может быть полисемичен (ср.: *замотать <шарф вокруг шеи>* и *умотать <кого-то поручениями>*), возможна также омонимия (ср.: *задушить* и *надушить*). Эти три случая не различаются в базе данных Exploring Emptiness, что является одним из ее существенных недостатков.

Тот факт, что нередко глаголы сов. вида с разными приставками оказываются близкими синонимами, дал основание Лоре Янде и ее соавтору Ольге Ляшевской [Janda, Lyashevskaya 2011a] говорить о «вариативности» приставок в русском языке (в качестве образцового представителя этого феномена рассматривается пара *увязнуть – завязнуть*), которая, по мнению авторов, ставит под сомнение «парную модель» вида в русском языке.

Наша критика этого тезиса состоит в следующем. Идея «вариативности» (имеется в виду, очевидно, в выборе глагола, выполняющего определенную грамматическую функцию, а именно – функцию перфективного коррелята), возникает в этом месте в модели Янды – Ляшевской потому, что глагол сов. вида рассматривается как производный от глагола несов. вида (ср. выше). Производным он, конечно, является, но это чисто словообразовательная производность – префиксация: глагол *увязнуть*, как и глагол *завязнуть*, образованы присоединением определенных приставок, и значение полученных приставочных глаголов формируется в соответствии с семантическими механизмами префиксации (которые достаточно хорошо изучены). С аспектологической точки зрения получившийся приставочный глагол является глаголом совершенного вида, и больше ничего. Окажется ли простой имперфектив *вязнуть* коррелятом к *увязнуть*, или же к *завязнуть*, или к обоим, или ни к одному из них – надо проверять при помощи теста

---

[1] Пример Вейренка. Ср. также: «…la diversité lexicale du verbe simple a pour conséquence naturelle le développement de plusieurs perfectifs couplés, munis chacun d'un préverbe qui présente, avec l'un des sens du verbe simple, la plus grande affinité lexicale possible (voir p. ex. les trois perfectifs de *sochnut'*). Le préverbe joue donc ici le rôle d'un spécificateur lexical [Veyrenc 1980: 164] («<…> естественным следствием семантической диверсификации простого имперфектива является появление нескольких парных перфективов, каждый из которых снабжен приставкой, которая обладает наибольшим семантическим соответствием одному из вариантов значений простого глагола (см., например, три перфектива от *сохнуть*). Приставка, таким образом, играет здесь роль лексического спецификатора»). Ср. также понятие «спецификации» в [Пайар 1989; Paillard 1991]. Следует специально отметить существенную концептуальную близость модели Лоры Янды и теории перфективизации Дени Пайара.

Маслова. Если он таковым окажется (т.е. если он пройдет тест Маслова), то мы получим две видовые пары *увязнуть – вязнуть* и *завязнуть – вязнуть*.

Как уже отмечалось, в статье [Janda 2007], где было сформулировано определение «естественных перфективов» в их отношении к другим типам префиксальных глаголов сов. вида, содержалось, кроме того, утверждение, что естественные перфективы не образуют вторичных имперфективов, что должно было служить операциональным критерием их обнаружения (опять же, заметим, в точности в соответствии с «традиционной» концепцией русской аспектологии). В дальнейшем, однако, Л. Янде пришлось отказаться от этого тезиса: так, в статье [Янда 2012] указано, что примерно для половины «естественных перфективов», входящих в базу данных Exploring Emptiness, вторичные имперфективы реально встречаются в Национальном корпусе русского языка.

Отказ от запрета на образование вторичных имперфективов реабилитирует состав базы Exploring Emptiness лишь отчасти – поскольку многие включенные в базу пары глаголов не являются видовыми ни в каком смысле, в частности, не обладают свойством тождества лексического значения, ср.: *брить – выбрить*, *вертеть – свернуть*, *гнуть – загнуть*, *давить – сдавить*, *крутить – закрутить*, *точить – выточить*, *стареть – устареть*, *считать – подсчитать*, *чесать – причесать*, *вести – провести*, *есть – разъесть*, *гнать – прогнать*, *гнать – выгнать*, *колоть – заколоть* и многие другие. Объяснением того, как в базу данных попали эти пары, является, очевидно, слишком прямолинейное применение принципа «логического завершения» или же некритичное использование данных словарей (в которых традиционно используется тот же самый принцип). С другой стороны, в базу не включены некоторые префиксальные пары, которые, согласно критерию Маслова, являются видовыми, например, *хотеться – захотеться*[2].

Некоторые из включенных в базу глаголов несов. вида вообще не имеют собственного значения и используются исключительно в позиции обязательной имперфективации (и тем самым никак не могут служить исходной точкой семантической деривации), как например, глагол *беременеть*, имеющий единственное значение – событийное, т.е. равное значению глагола сов. вида *забеременеть*, субститутом которого он является и от которого он образован путем **депрефиксации**, т.е. операции отсечения приставки, что является одним из формальных показателей имперфективации, см. [Апресян 1995: 106; Зализняк, Шмелев 2000: 79; Зализняк и др. 2010: 18]. Кроме того, в базу включены в высшей степени маргинальные для современного русского языка глаголы несов. вида, например: *бессилить*, *булгачить*, *густиться*, *должать*, *ежить*, *тощать*, *пушить*, *супиться*, *рекомендоваться* (= ‘называть себя при знакомстве’), *румяниться*, *длиннеть*, *русеть* (= ‘становиться русским’) и др.; значение многих из них носителем современного языка может быть лишь «восстановлено» из значения перфективного коррелята. Тем самым здесь также направление семантической и аспектуальной деривации обратно направлению морфологической. Включены в базу также некоторые маргинальные глаголы сов. вида (ср.: *отволгнуть*, *вызябнуть* и т.п.).

Имеются также досадные формальные неточности, например, глагол *уронить* если и является «естественным перфективом», то к несуществующему в современном языке глаголу *ронить*; глагол *ронять*, являющийся синхронно имперфективным коррелятом к *уронить*, исторически сам содержит имперфективирующий суффикс, т.е. является и морфологически, и семантически производным (аналогично устроены *повесить – вешать*, *проглотить – глотать* и др.; в русском языке имеется довольно много таких видовых пар). Как кажется, обсуждать вопрос о том, содержит ли несуществующий глагол *ронить* тот или иной семантический признак, обеспечивающий ему сочетаемость с той или иной приставкой, было бы довольно странно.

---

[2] Ср. следующий пример, в котором глагол *хотеться* употреблен в типичном контексте обязательной имперфективации: *Опять **захотелось** в Словакию!! Сам смотрю на фотки и каждый раз **хочется** в Словакию!*

В базу данных вошло и некоторое количество профессиональных терминов (ср.: *ремизить, тралить, трелевать, шпунтовать*). С одной стороны, очевидно, что их множество в русском языке не ограничивается теми, которые вошли в состав словарей [МАС] и [Ожегов, Шведова 1998]. С другой стороны, реальное функционирование таких слов в речи необходимо проверять по корпусным данным, так как интуиция носителя языка – лингвиста относительно функционирования таких глаголов вряд ли может давать надежные результаты.

Причина всех этих недоразумений, очевидно, именно в том, что состав глаголов, включенных в базу, определялся на основании словарей [МАС; Ожегов, Шведова 1998] (а также работы [Cubberly 1982]). И хотя данные этих источников, как указывает Лора Янда в статье [Янда 2012], как будто корректировались в ходе работы с информантами, состав включенных в базу глаголов вызывает множество вопросов. Ценность базы данных «естественных перфективов» как лингвистического ресурса была бы существенно больше, если бы при формировании словника критическое начало было более существенным. Кроме того, для глаголов, образующих более одного «естественного перфектива», следовало бы указывать минимальный контекст, позволяющий идентифицировать значение (ср., например: *гнать* <спирт> – *выгнать*).

Как известно, списка видовых пар русского языка не существует[3]. Действительно, начать составление такого списка естественно с существующих словарей – и столь же естественно, что полученный результат окажется неудовлетворительным. Прежде всего вызывает сомнение реальность существования закрытого класса «естественных перфективов», включающего ровно 1981 элемент. Впрочем, в последней версии модели, в результате отказа от запрета на образование вторичных имперфективов, отсутствует жесткое противопоставление «естественных» и «специализированных» перфективов; тем самым сама эта цифра и породившая ее идеология являются в некоторой степени устаревшими.

В целом можно сказать, что база данных по префиксальным парам русского языка Exploring Emptiness – это замечательное начинание и очень ценный ресурс, и она должна была бы в дальнейшем совершенствоваться с применением, с одной стороны, более строгих, а с другой, – более гибких критериев. Впрочем, нельзя не признать, что составление «жесткого» списка видовых пар в русском языке – задача не слишком реалистичная, хотя бы потому, что применение критерия Маслова дает градуальный результат (см. ниже).

Возвращаясь к понятию видовой пары, подчеркнем следующее. Мы полагаем, что выходом из порочного круга, возникающего из такого понимания видовой пары, для которого образцом является пара глаголов «простой имперфектив – префиксальный глагол», обладающих интуитивно ощущаемым «тождеством лексического значения», является признание того факта, что **тождество лексического значения у членов видовой пары достигается лишь в контекстах обязательной имперфективации** (настоящее историческое и итерация): те глаголы несов. вида, которые в таких контекстах могут быть употреблены, являются парными; те, которые не могут, оказываются вне видовой корреляции (критерий Маслова). Непарными они оказываются именно потому, что у них отсутствует возможность такого употребления, при котором возникло бы тождество лексического значения с каким-либо глаголом сов. вида (см. более подробно об этом [Mikaelian et al. 2008]). Таковы, например, глаголы *любить*, *знать*, *искать*, *считать* (кого-то дураком), *беречь* (патроны), *находиться* (где-то), *состоять* (из трех частей) и множество других русских глаголов несов. вида. При этом, поскольку видовая коррелятивность устанавливается на основании возможности замены глаголов СВ глаголами НСВ в контекстах обязательной имперфективации, такая замена для одних глаголов проходит совершенно безболезненно (*написал* → *пишет*, *построил* → *строит*, *почувствовал* → *чувствует*), для других – с некоторым напряжением, и здесь мнения разных носителей

[3] Списки, приводимые в учебных пособиях (например, в [Спагис 1969]), имеют чисто практическую задачу и не претендуют ни на полноту, ни на научную обоснованность.

русского языка о возможности такой замены могут разойтись (например: *закричал → кричит*, *поел → ест*, *пропел → поет* и др., ср. анализ Аспектологической анкеты, проведенной М.Ю. Чертковой, в работе [Горбова 2011]), а для третьих подстановка окажется вовсе невозможной (*узнал → знает*, *полюбил → любит*). Тем самым здесь имеется шкала: видовые пары бывают образцовые и более или менее удаленные это этого образца (ср. [Зализняк и др. 2010; Горбова 2011]). Заметим, что чисто семантический критерий видовой коррелятивности («Что является результатом процесса *гнуть – погнуть* или *согнуть*?») порождает гораздо большую зону неопределенности, и это именно зона принципиальной неопределенности, в отличие от обсуждаемого выше промежуточного положения на шкале допустимости замены, которое можно как-то оценить и измерить.

В то же время для «парной» модели русской аспектологии не составляет никакой проблемы тот факт, что один и тот же глагол несов. вида может выступать в функции имперфективного коррелята к нескольким разным глаголам сов. вида, поскольку направление функциональной зависимости устанавливается от СВ к НСВ. Вряд ли кому-либо придет в голову усомниться в наличии у существительного *трава* формы дательного падежа по той причине, что она же является формой предложного. Так же точно у глаголов *облысеть* и *полысеть* имперфективным коррелятом будет один и тот же глагол *лысеть*. Эта возможность обеспечивается за счет того обстоятельства, что простой имперфектив *лысеть* при необходимости может брать на себя как значение, равное *полысеть* (т.е. ‘лишиться части волос’), так и значение, равное *облысеть* (т.е. ‘лишиться всех волос’), см. [Зализняк, Шмелев 2000: 58]. Как показано в [Зализняк, Микаэлян 2011], возможности русских простых имперфективов в этом отношении довольно широки, особенно в сфере жаргонной и профессиональной речи (откуда, впрочем, слова легко переходят в общелитературный язык), ср. употребления *варить трубы* вместо *сваривать*, *мыть деньги* вместо *отмывать* и т.д., где бесприставочный глагол несов. вида берет на себя значение вполне «специализированного» перфектива.

В статье [Janda, Lyashevskaya 2011b] авторы как будто возвращаются к признанию понятия видовой пары и даже упоминают критерий Маслова [Ibid.: 203]. В этой статье демонстрируется, что с точки зрения распределения частотности употребления в ряде грамматических форм (настоящее-будущее время, прошедшее время, императив, инфинитив) глаголы, входящие в префиксальные и суффиксальные видовые пары ведут себя одинаково, т.е. «грамматический профиль» глагола (как совершенного, так и несовершенного вида) не зависит от того, принадлежит ли он суффиксальной или префиксальной видовой паре. Этот вывод, полученный применением статистических методов к корпусному материалу (было обследовано 1,6 миллиона словоупотреблений для 264 префиксальных видовых пар и 4,3 миллиона для 1311 суффиксальных пар), представляет несомненный интерес и большую научную ценность. Однако, судя по тому, как производился эксперимент, полученные данные свидетельствуют скорее вообще о независимости рассматриваемых грамматических свойств русского глагола от его морфологической структуры, чем о каких-либо свойствах именно видовых пар.

В названной работе вызывает также некоторое недоумение трактовка места непарных глаголов несов. вида в русской аспектуальной системе, о которых говорится, что они представляют собой «изоляты» [Ibid.: 204]. Как уже говорилось выше, непарность глаголов несов. вида обусловлена семантически, и глаголы imperfectiva tantum составляют весьма важную категорию русских глаголов, включающую несколько семантических классов, среди которых обычно выделяют устойчивые состояния, свойства и соотношения и др.; ср. [Падучева 1996: 122–151; Зализняк, Шмелев 2000: 64–67]. Приводимый в статье глагол *здравствовать* – один из сотен русских глаголов imperfectiva tantum.

«СЕМАНТИЧЕСКИ ПУСТЫЕ» ПРИСТАВКИ

В работах [Janda, Lyashevskaya 2011a; Янда 2012] Лора Янда полемизирует с якобы доминирующим в русистике представлением о том, что в префиксальных видовых парах приставки являются «семантически пустыми». Подход, согласно которому пристав-

ка в составе префиксального видового коррелята признается «семантически пустой», обозначен как «empty prefix hypothesis». Согласно альтернативному подходу, развиваемому авторами и обозначенному ими как «overlap hypothesis», семантическая пустота приставки – это иллюзия, возникающая в результате наложения значения приставки и глагольной основы. Дальний прицел такой постановки вопроса состоит в развенчании «парной теории вида», однако недоумение возникает уже на уровне исходного предположения. Действительно, в «традиционной» русистике (в частности, в «виноградовской» грамматике) принят тезис о том, что в префиксальных видовых парах приставка выступает в роли грамматического показателя сов. вида. Однако представление о том, что семантическая пустота приставки в префиксальных видовых парах возникает в результате дублирования приставкой некоторого смыслового компонента, уже содержащегося в глаголе (так называемый эффект Вея – Схоневельда), в современной русистике достаточно широко распространено, ср.:

> Механизм возникновения эффекта семантически «пустой» приставки состоит в следующем. При определенной комбинации значения приставки со значением исходного глагола может оказаться, что значение приставки дублирует некоторый семантический компонент, уже присутствующий в глаголе; тем самым семантический вклад приставки сводится к привносимому ею значению сов. вида (так как, в соответствии с сформулированным выше законом, глагол, образованный префиксацией, всегда является глаголом сов. вида). Так, в глаголе *сверлить* есть идея 'насквозь', которая дублируется приставкой *про-*, в *писать* – идея 'на поверхности', дублируемая приставкой *на-*, в *рыть* <яму> – идея 'наружу', дублируемая приставкой *вы-*, и т.д. Естественно, что именно в таких случаях глагол сов. вида, образованный присоединением приставки к глаголу несов. вида, часто функционирует как его перфективный коррелят […] (ср. *сверлить – просверлить*, *писать – написать*, *рыть – вырыть*) [Зализняк, Шмелев 2000: 81–82].

Достаточно сказать, что в современной русской аспектологии, начиная с Ю.С. Маслова, выражение «семантически пустые» приставки обычно ставится в кавычки или сопровождается эпитетом «так называемые»; см. также критику этого термина в [Guiraud-Weber 1988/2004: 25; Кронгауз 1998: 80–82].

Особенно ясно видна работа механизма взаимодействия значения приставки и глагола при маркировании средствами префиксации употребления в значении сов. вида двувидовых глаголов: например, для *резервировать* выбирается приставка *за-* со значением 'фиксации', для *реагировать* – приставка *от-* со значением 'ответного действия', для *иллюстрировать* – приставка *про-* 'насквозь' и т.д. Тот факт, что приставка как таковая в составе префиксальных видовых коррелятов имеет совершенно определенное собственное значение, и именно оно определяет выбор данной приставки в качестве «чистовидовой» для данного глагола, является если не общепризнанным, то по крайней мере широко распространенным.

Другими словами, подход к семантике глагольных приставок, входящих в состав префиксальных видовых коррелятов, развиваемый в обсуждаемых работах Л. Янды и обозначенный ею как «overlap hypothesis», имеет солидную и достаточно давнюю традицию. Более того, мысль, что выбор приставки, фигурирующей в составе перфективного члена видовой пары, не случаен, и каждой приставке соответствует некоторый набор семантических классов глаголов, с которыми она сочетается, de facto признается даже в рамках «традиционного» подхода, ср., например [Тихонов 1998].

Другое дело, что данная проблема на самом деле относится не к аспектологии, а к словообразовательной семантике. Отнесение проблемы семантического вклада приставки в значение бесприставочного глагола к области аспектологии основано на представлении, что в видовой паре перфективный коррелят возникает путем перфективации, обеспечиваемой префиксацией, и что этот процесс может быть смоделирован на основании семантики исходного глагола несов. вида (ср. выше о «логическом завершении» процесса, обозначенного имперфективным глаголом). Это довольно распространенное мнение, характеризующее наиболее старый, «традиционный» подход к понятию

видовой пары, и основано оно на недоразумении, причина которого, как представляется, кроется в следующем.

Как уже было сказано выше, семантическое тождество в видовой паре не характеризует глаголы как лексические единицы, взятые во всех своих употреблениях. Это тождество возникает лишь за счет того, что бесприставочный глагол НСВ, входящий в видовую пару, может при определенных условиях (а именно, в контекстах Маслова) обозначать то же событие, что и глагол СВ: он *строит* (= *построил*) дачу и *селится* (= *поселился*) в ней; кошка *видит* (= *увидела*) мышь и *хватает* (= *схватила*) ее. Как уже говорилось выше, семантическое тождество глаголов СВ и НСВ в этих контекстах обеспечивается тем, что бесприставочный глагол НСВ как бы «берет на себя» значение, выражаемое его приставочным перфективным коррелятом: это оказывается возможно в силу возникающего между членами видовой пары отношения функционального тождества, и именно это обстоятельство – свидетельство существования в русском языке видовой пары как грамматического явления. Иными словами, то значение имперфективного члена видовой пары (безразлично – суффиксальной или префиксальной), которое обеспечивает ему вхождение в видовую пару, является **семантически производным от значения перфективного члена**.

Заметим, кстати, что Л. Янда в некоторых случаях фактически опирается именно на этот принцип семантической производности глаголов НСВ от глаголов СВ, ср. следующее рассуждение (о том, почему «естественным перфективом» к глаголу *вязать* является глагол *связать*):

> Существует много типов событий, включающих связывание, но наиболее характерным из них является связывание чего-либо вместе (так что оно становится полностью связанным). Это мотивирует выбор приставки *с-*, имеющей значение TOGETHER, в естественном перфективе *связать* [Янда 2012: 8].

Показательно, что при упоминании действия, описываемого имперфективным членом видовой пары, оно обозначается как *связывание,* а не как *вязание* – т.е. существительным, образованным от вторичного, а не от простого имперфектива. Тривиальный факт, что результатом действия *связывать* является *связать*; менее тривиальный – что иногда вместо глагола *связывать* **в том же значении** может быть употреблен глагол *вязать*, и только в силу этого мы можем судить о том, что бесприставочный глагол *вязать* приобретает идею «TOGETHER» и, соответственно, вступает в видовую корреляцию с *связать*. Сам по себе глагол *вязать* обладает широкой семантикой, обеспечивающей ему сочетаемость с разными приставками (*завязать*, *привязать*, *подвязать* и др.).

За пределами упомянутых контекстов обязательной имперфективации, т.е. в тех случаях, когда глагол НСВ употребляется не в событийном, а в своем собственном, независимом от перфективного члена, значении (процесса или состояния: *строит*, *видит*, *вяжет* и т.п.), семантическое тождество членов видовой пары отсутствует: дублирование семы вовсе не означает, что добавление приставки не меняет значения исходного глагола (не говоря о том, что это дублирование происходит не всегда и не обязательно). Поэтому исследование характера семантического вклада приставки для «естественных перфективов» во многих случаях оказывается столь же уместно (и, главное, реально проводится в работах, посвященных семантике русских приставок), как и в отношении «специализированных перфективов». При изучении семантики приставок (а это и значит, в первую очередь, семантического соотношения значения бесприставочного глагола несов. вида и образованного от него с помощью приставки глагола сов. вида) приставочные глаголы обычно вообще не разделяют на глаголы, входящие в префиксальные видовые пары, и прочие – т.е. непарные или входящие в суффиксальные пары (другими словами, на «естественные» и «специализированные» перфективы), поскольку с точки зрения словообразовательной семантики это различие нерелевантно: семантические механизмы взаимодействия значения приставки и глагольной основы здесь одни и те же, и именно с этих позиций они описываются в литературе (см., например, [Зализняк 1995; 2001; Кронгауз, Пайар (ред.) 1997; Кронгауз 1998; Добрушина и др. 2001; Кронгауз (ред.) 2001] и др.). Нет этого разделения и в книге [Janda 1986].

В статье [Янда 2012] выдвигается идея, что русские приставки, образующие «естественные перфективы», могут рассматриваться как классификаторы тех бесприставочных глаголов, к которым они присоединяются, – подобно числовым классификаторам (счетным словам) в тех языках, где они являются обязательными при обозначении конкретных предметов.

Таким образом, продолжается аналогия с материально-сенсорным миром: как между типом вещества и формой, в которую оно может быть помещено, имеется некая корреляция, так и определенные счетные слова используются как единицы измерения определенных «веществ» и одновременно превращают их в предметы определенной формы, ср. (пример из работы [Янда 2012: 7]: «(один длинный тонкий) воск» = *свеча*). Так же, согласно идее Л. Янды, ведут себя и приставки: они работают как «аспектуальные классификаторы», т.е. придают определенную форму исходному диффузному процессу (ср. *резать – порезать*, *нарезать*).

Мысль о том, что русские приставки являются глагольными классификаторами (в том же смысле, что счетные слова – именными), представляет собой интересный новый способ взглянуть на старую проблему, однако она все же должна рассматриваться скорее как метафора, чем как реальное грамматическое нововведение. Действительно, хотя в названной работе статистически подтверждено, что приставки распределены между глаголами с разной общей семантикой не случайным образом (например, приставка *про-* заметно превалирует в сочетании с глаголами звука и речи, а приставка *по-* чаще всего присоединяется к глаголам со значением изменения состояния), но непересекающихся классов все же установить не удается (по крайней мере, в статье [Янда 2012] они не предъявлены).

Скорее следовало бы говорить о том, что приставки не классифицируют, а специфицируют (по Вейренку) значение исходного глагола несов. вида. При этом здесь имеется непрерывная шкала от случаев типа *пожарить – зажарить – поджарить*, когда все конкретные значения совместимы с общим значением исходного глагола и говорить о разных значениях этого глагола нет смысла, – до случаев типа *надушить – задушить*, когда исходный глагол омонимичен (см. выше)[4].

ВИДОВЫЕ ТРОЙКИ

Один из выдвигаемых Л. Яндой аргументов против «парной модели» русского вида состоит в том, что в нее не укладывается факт существования видовых троек [Янда 2012].

Действительно, статус «видовых троек», т.е. троек глаголов типа *вить – свить – свивать* <гнездо> (в которых имеется простой имперфектив, образованный от него при помощи «семантически пустой» приставки префиксальный глагол сов. вида и вторичный имперфектив, весьма близкий по значению к простому), представляет собой один из спорных вопросов русской аспектологии. Имеется точка зрения, что видовые тройки – исключительное и выходящее за рамки системы явление; противоположный тезис (который в упомянутой выше работе высказывает и Л. Янда) состоит в том, что видовые тройки – явление регулярное и системное.

Мы полностью разделяем последнюю точку зрения, но, в отличие от Л. Янды и ряда других исследователей, полагаем, что существование видовых троек ни в коей

---

[4] Ср. также следующую мысль из работы [Маслов 1977/2004: 600]: «В связи с возможностью использования нескольких разных приставок для “чистой перфективации” одного и того же исходного имперфектива (*рвать – порвать бумагу*, *рвать – сорвать цветок*, *рвать – вырвать зуб* и т.д.) интересны некоторые соображения Ирены Грицкат. Она справедливо подчеркивает, что в этих случаях “перфективируемый глагол необходимо понимать как полисемантическую единицу, с потенциальными, но часто не высказанными лексическими оттенками” и что приставка присоединяется к такому глаголу “как катализатор (не классификатор), создавая полиморфию”».

мере не опровергает теорию видовой парности. В нашей статье [Зализняк, Микаэлян 2010: 130–131] было выдвинуто два тезиса, которые мы считаем уместным здесь воспроизвести:

Во-первых, видовые тройки представляют собой не периферийное, а в высшей степени регулярное явление, определяющее облик русской аспектуальной системы, поскольку они возникают в результате действия того же механизма, который обеспечивает наличие имперфективного коррелята почти для любого глагола сов. вида – ср. формы типа *рухать*, *нагрядывать*, *уцелевать* и т.п., широко употребительные не только в разговорной речи (о чем можно судить по данным Интернета), но также и в художественной литературе. Действительно, наличие имперфективного коррелята у любого глагола сов. вида – это чисто системное требование, и для его реализации имеется универсальное морфологическое средство: суффикс *-ыва-/-ива-*: так возникают глаголы типа *заблуживаться*, *встрепенывался*; они появляются, уходят и снова появляются, вспомним гоголевские формы типа *помарщивался* или *постораниваются*. […] Если он применяется к глаголу сов. вида, не имеющему бесприставочного имперфективного коррелята, то возникает суффиксальная видовая пара; она может быть словарной (ср. *опоздать* → *опаздывать*) или же окказиональной (ср. *уцелеть* → *уцелевать*, *нагрянуть* → *нагрядывать*). Если же глагол сов. вида уже имеет бесприставочный имперфективный коррелят, тот же механизм порождает тройку: например, *намазать* → *намазывать*, при уже имеющемся *мазать*. При этом граница между этими двумя случаями является нежесткой, тем самым видовые тройки и видовые пары образуют некую единую систему.

Во-вторых […] существование видовых троек никак не компрометирует понятие видовой корреляции как бинарного отношения, возникающего между глаголом совершенного и несовершенного вида в контекстах обязательной имперфективации. Однако бинарность видовой корреляции как отношения субституции затемняется тем, что здесь в игру вступают еще по крайней мере два фактора:

1) **префиксальное словообразование**, в результате которого возникает новый глагол; его собственно семантическое расхождение с исходным глаголом может быть большим или меньшим, но он всегда сов. вида (что порождает сходство и, как следствие, смешение с собственно аспектуальной корреляцией);

2) **лексическая синонимия**, связывающая между собой как глаголы сов. вида с разной приставкой (ср.: *примерить* и *померить*, *поменять* и *обменять*), так и глаголы несов. вида, один из которых является первичным, а другой – вторичным имперфективом, например: *капать/закапывать* <капли в нос>, *множиться/умножаться*, *гибнуть/погибать*, *клеить/склеивать* <коробочку>. Вообще в процессе порождения высказывания говорящий довольно часто сталкивается с проблемой выбора из ряда синонимов; эта проблема может возникать, в том числе, при выборе глагола несов. вида в контекстах обязательной имперфективации. Соответственно, говорящий оказывается вынужден выбирать между *мерить* и *примерять*, *мазать* и *намазывать* и т.п. – но это уже проблема не аспектологии, а лексической семантики.

Чаще всего простой имперфектив имеет более широкое значение, а вторичный – более специализированное, в точности соответствующее значению приставочного глагола СВ. Если говорящий хочет выразить свою мысль более кратко и емко, он выбирает простой имперфектив, а если он хочет ее сформулировать более точно, в частности, явно обозначить «достижение результата», то он выберет вторичный имперфектив (ср. [Veyrenc 1980; Маслов 1981/2004])[5]. Здесь имеются также и другие параметры варьирования, в частности, простой имперфектив тяготеет к разговорно-просторечному стилю, вторичный – к книжно-канцелярскому (ср. [Апресян 1995: 109–112])[6].

---

[5] Ср.: «Так, фраза *В 1910/1911 учебном году де Соссюр в третий раз прочитал свой курс в Женевском университете* даст в историческом настоящем *читает*. Однако при наличии подчеркнутого указания на доведение действия до конца естественной заменой перфектива *прочитать* окажется вторичный имперфектив. Глагольные формы фразы *Несмотря на болезнь, NN прочитал весь курс до конца и только тогда лег в больницу* соответственно превратятся в *прочитывает* и *ложится*» [Маслов 1981/2004: 94].

[6] Вопрос о семантическом и функциональном соотношении простых и вторичных имперфективов, входящих в видовые тройки, и о том, за счет чего значение первичного имперфектива может расширяться, так что он оказывается способным конкурировать с вторичным имперфективом, в том числе и не только в контекстах обязательной имперфективации, был нами подробно рассмотрен в статье [Зализняк, Микаэлян 2011].

Тот факт, что видовые тройки представляют собой не маргинальное, а регулярное явление и интегральную часть русской аспектуальной системы, можно продемонстрировать при помощи следующей таблицы (которая приводилась, в несколько различных вариантах, в [Зализняк, Микаэлян 2007; 2010; Mikaelian, Zalizniak 2009]):

Таблица 1

	IMPF1	PF	IMPF2
образцовые суффиксальные пары	– – – [*писать*]	*исключить* *открыть* *переписать* *записать* <на пленку>	*исключать* *открывать* *переписывать* *записывать*
суффиксальные пары с потенциальным НСВ1	[*лезть*] [*рвать*]	*залезть* <на дерево> *вырвать*<зуб>	*залезать* *вырывать*
образцовые тройки	*капать* *мазать* *есть* *читать* *гибнуть* *делить* *хватать* *комкать*	*закапать* <капли в нос> *намазать* *съесть* *прочитать* *погибнуть* *разделить* *схватить* *скомкать*	*закапывать* *намазывать* *съедать* *прочитывать* *погибать* *разделять* *схватывать* *скомкивать*
префиксальные пары с потенциальным НСВ2	*ломать* *рисовать*	*сломать* <ветку> *нарисовать*	[*сламывать*] [?*нарисовывать*]
образцовые префиксальные пары	*строить* *делать*	*построить* *сделать*	[??*постраивать*] [???*сделывать*]

В публикациях [Mikaelian, Zalizniak 2009; Зализняк, Микаэлян 2010] отражены результаты анализа всех видовых троек, которые могут быть установлены на основании критического отбора (с применением критерия Маслова) данных словаря [Ожегов, Шведова 1998]. В ходе презентации работы [Зализняк, Микаэлян 2010] демонстрировался «Фрагмент словаря видовых троек», содержащий 34 единицы, для каждой из которых возможность употребления обоих глаголов несов. вида в событийном значении подтверждалась примерами из НКРЯ и русского Интернета. Приведем здесь эти тройки (материал публикуется впервые)[7]:

• *взгромоздиться – громоздиться/взгромождаться*:

Подволакивает табуретку **и *громоздится*** на нее, тянется к запрещенной обычно полке.

...решительно ***взгромождается*** на кучку сухого корма и, оттопырив хвост, делает свои дела[8].

• *вскипеть – кипеть/вскипать*:

Кипятим воду, **как только *кипит***, выключаем газ и бросаем замороженные креветочки. **Как только *вскипает*** варю 5–7 мин.

---

[7] Примеры, приводимые без указания источника, найдены при помощи поисковой системы Яндекс; пометы со ссылками взяты из [НКРЯ]. Иллюстрируемый глагол выделен жирным курсивом, прямым жирным шрифтом – релевантные элементы контекста, указывающие на реализацию событийного значения (список таких контекстов, обеспечивающих возможность практического применения критерия Маслова, был нами разработан специально для целей экспериментального корпусного исследования видовых пар в русском языке).

[8] Здесь и далее в примерах сохраняется пунктуация оригинала. Орфографические ошибки и явные описки исправляются.

Но Россия постоянно поднимается, **как только *вскипает*** народный гнев и отчаяние.

• *вспотеть – потеть/вспотевать*:

Тот видит Миронова **и**... ***потеет*** от счастья и волнения [А. Сурикова. Любовь со второго взгляда (2001)].

Нос ее ***вспотевает***, отчего мука на нем сразу превращается в тонкий слой клецочного теста [А. Эппель. На траве двора (1992)].

• *вылечить – лечить/вылечивать*:

Panda Antivirus у меня уже 3 дня, он имеет неплохой интерфейс, при обнаружении **сразу *лечит*** вирусы.

Народная целительница, мануальный терапевт Валентина Васильевна ***лечит*** **за** один сеанс.

Посещение болгарского народного целителя г-на Ивана Милева, который ***вылечивает*** **за** 1 сеанс все формы депрессии.

• *выпить – пить/выпивать*:

...**я *пью* стакан молока** с хлопьями и отрубями и съедаю 400 г нежирного био-йогурта **в день**.

***Пью* стакан молока**, ложусь в холодную постель **и** снова пытаюсь уснуть.

...каждое утро она ***выпивает* стакан молока и** съедает бутерброд с маслом и сыром.

• *вырыть* <яму> *– рыть/вырывать*:

Самка ***роет* яму и** откладывает яйца.

Быстро ***вырывает* яму и** погружается в нее так, что сверху остается только часть туловища, две лапы и голова.

• *выучить – учить/выучивать*:

Тогда ребенок, владея грамотным литературным родным языком, **быстро *учит*** и немецкий, причем быстро достигает очень хорошего уровня.

...человек с феноменальной памятью, который ***выучивал*** тексты реплик по специальным переводам [О. Егорова. Королева Чардаша // «Спецназ России» (2003)].

• *загустеть – густеть/загустевать*:

Если льняное масло долго варить, оно ***густеет* и** превращается в олифу [Л. Шустова. Путешествие по стране Агрос (2003)].

Кроме того, масло ***загустевает***, что делает работу насоса более шумной [Новое оборудование – новые требования // «Горная промышленность» (2004)].

• *задушить – душить/задушивать*:

Мышей ловит, но не играет с ними, а **сразу *душит* и** тащит в логово.

Если он оглянется на зов, то нечистая сила свертывает голову, или ***задушивает***, или одурачивает на всю жизнь.

• *заиндеветь – индеветь/заиндевевать*:

На морозе очки **в мгновение *индевели***, а снимешь – сразу слепой [В. Песков. Зимовка (1983–1984)].

Палатка **к утру *заиндевевала*** изнутри.

• *зачерстветь – черстветь/зачерствевать*:

А то бывает что хлеб ***черствеет* за** 3–4 часа.

Практически все предприятия республики выпускают продукцию крайне низкого качества: если пекут хлеб, то **через сутки** он ***зачерствевает***.

• *написать – писать/написывать*:

Детство, детство, еще весна, а моя малая уже деду морозу **письма *написывает* и** в почтовый ящик бегает кидает.

Сначала я ***написываю*** что-то наобум, а потом определяю жанр.

• *нарисовать – рисовать/нарисовывать*:

…сидишь себе круги ***нарисовываешь***.

Или мне нравится, а окружающие шарахаются (это когда я себе черные тени ***нарисовываю***).

…чтобы пролить больше света на это место, он ***нарисовывает*** картину яростных гонений, которым подвергались первенствующие христиане.

Вот каждую сцену себе в уме ***нарисовываю***... как фильм.

• *научиться – учиться/научаться* (*научиваться*)[9]:

Свой первый стульчик современный европеец получает, **как только *учится*** сидеть.

Очень быстро он ***научается*** устанавливать зрительный контакт со взрослым, открывает зрительно свои руки.

Потом ***научивается*** вместе с формулировкой проблемы вдруг получать пару левых решений.

• *начертить – чертить/начерчивать*:

Учитель ***чертит*** на доске треугольник **и** спрашивает Вовочку: – Какой это угол – острый, прямой или тупой?

Чжу Ю Кэ обмакивает кисть в киноварь, ***начерчивает*** на земле круг, в середине круга ***начерчивает*** крест.

• *облысеть – лысеть/облысевать*:

Крыска **периодически *лысеет* и** обрастает заново.

У нас есть старенький крыс (2,5 года), везти его мы боимся (вдруг умрет, не дай Бог) – он чешется до крови, ***облысевает*** на месте сильных расчесов.

• *обнаглеть – наглеть/обнаглевать*:

…он ***наглеет* и** начинает требовать все большие и большие жертвы.

Ночью нас достает шустрая мышка, которая в конце концов ***обнаглевает*** настолько, что начинает бегать по нам, лежащим, завернутыми в спальники.

• *отлить* <колокол> – *лить/отливать*:

В 1557 году он ***льет* колокол** на Соловки совместно с Кузьмой Михайловым.

В этом году он вместе с литейщиком Гаспаром Нади ***отливает* колокол и** поднимает его на городскую башню Аринго.

• *отомстить – мстить/отмщать*:

Не мстит только трус, а ***мстит* сразу** только идиот.

Верблюд, если давно когда-нибудь ударен, долгое время таив гнев, как скоро улучает удобный случай, ***отмщает*** за обиду.

• *отравиться – травиться/отравляться*:

Но в книге логичнее получается – после этого прозрения он ***травится*** рыбой и помирает.

Дедушка, попробуйте рыбки! – предлагают они старику несвежую рыбу с сомнительным запахом. Если дедушка не ***отравляется*** рыбой, то ее ест вся семья.

Что **она *травится*** мышьяком, когда в доме заканчиваются деньги, и ей в голову не приходит пойти работать (о г-же Бовари).

До конца беспощадный художник, Флобер не дал своей героине умереть от душевных разочарований и разбитого любовью сердца. Она ***отравляется*** мышьяком, потому что запуталась в долгах.

• *перезимовать – зимовать/перезимовывать*:

Свой день рождения он встретит в Москве, где **всегда *зимует***, в Иркутск поедет на следующей неделе...

---

[9] Вариативность типа *научаться/научиваться* чисто морфологическая, к обсуждаемой проблеме отношения не имеющая.

Климат России ревень переносит вполне хорошо и в большинстве случаев ***перезимовывает*** без покрышки.

• *переночевать – ночевать/переночевывать*:

Ночует **и** утром стартует в Москву.

Для меня был бы идеальный вариант – едешь-едешь себе из Москвы и, не съезжая далеко с трассы, ***переночевываешь*** в какой-нибудь, а потом встаешь и едешь себе дальше.

• *переспать (с кем-то) – спать/пересыпать*:

Тут же все просто: женщина выбирает мальчика по своему вкусу, ***спит*** с ним **и** уезжает.

Тогда герой мутит с женой психа и ***пересыпает*** с ней, чтобы упросить ее вернуть психа обратно.

• *подготовить – готовить/подготавливать*:

В первом случае кафедра выдвигает наиболее актуальную или значимую для нее узкую проблему, ***готовит*** доклад **и** приглашает заинтересованных в этой проблематике преподавателей.

Если тема обучения является актуальной и нужной для развития большого количества сотрудников, то обучившийся ***подготавливает*** доклад в рамках программы, по которой он обучался.

• *проворонить – воронить/проворонивать*:

После этого перестал покупать ей новые – отдал ей свой, больше не теряет и не ***воронит***.

Или звенят так, что несчастный, который понадеялся на хитрый механизм, ничего не слышит **и** ***проворонивает*** самое важное дело в своей жизни.

Хотя покупать касперского как-то не хочется, потому что уже купил Norton'a, довольно неплохой антивирус, но иногда ***проворонивает***...

• *разбудить – будить/разбуживать*:

…помощник ***будит*** **его** и записывает на магнитофон рассказ о запомнившихся снах.

Утренний коньяк, вливаемый пациенту непосредственно в рот, **немедленно** ***разбуживает*** больного и мгновенно настраивает его на благодушный и деятельный лад.

• *растаять – таять/растаивать*:

За окном наблюдаю картину: мелкими крупинками падает снег на сырую землю и **сразу** ***тает***.

Затем мокрый снег **полностью** ***растаивает*** и в виде лужицы остается на поверхности льда.

• *сварить* ('соединить сваркой') – *варить/сваривать*:

…приходит газовщик, крутит что-то в плите, заявляет, что нужен сварщик – переварить трубу. Рекомендует своего знакомого. Приходит сварщик, ***варит*** трубу, теперь нужен штукатур – чтоб убрал следы на потолке.

Из таких заготовок фирма «Данхил Боутс», занимающаяся сборкой и сбытом яхт, ***сваривает*** корпуса, не требующие окраски [обобщенный. Заметки (Вокруг земного шара) // «Техника – молодежи» (1977)].

• *свариться – вариться/свариваться*:

…картошка ***варится*** **за** 20 минут.

Как картошка ***сваривается***, трем ее на крупной терке и выкладываем на тарелочке в форме ежика.

• *свить (гнездо, веревку) – вить/свивать*:

Дрейфуя так беспомощной сосновой чуркой, Вяйнямейнен высовывает колено из воды, на котором пролетавшая в поисках места для гнезда утка или другая птица ***вьет*** гнездо **и** сносит в него яйца.

…в развилке старой липы у входа в усадьбу пристроил тележное колесо, на котором каждый год ***свивает*** гнездо красноклювый аист... [Ю. Нагибин. По пути в бессмертие].

• *сломать* ('ломая, отделить') – *ломать/сламывать*:

Но санки застревают в сугробе и не могут дальше ехать, тогда Матеуш принимает решение и идет к ближайшему кусту, ***ломает*** ветку **и** создает из нее кол.
Посевы кукурузы посещаются кабанами, косулями, оленями, зайцами и барсуками с момента массового созревания. Кабан ***сламывает*** полнозрелые початки, часть их съедает, а остальное бросает.

• *схватить – хватать/схватывать*:
Мчусь к ней, ***схватываю*** ее за руки **и**... неожиданно выпаливаю: [А. Хейдок. Храм снов (1924–1934)].

Я ***хватаю*** ее за руку **и** уже громче говорю: «Какой это был день?».

• *съесть – есть/съедать*:
…я не завтракаю дома, только кофе пью и ***ем*** бутерброд с сыром, приехав на работу, я себе покупаю молока.

Умывшись и почистив зубы, ***съедаю*** бутерброд и допиваю чай.

• *ужалить – жалить/ужаливать*:

Кошка загрызает змею, но та перед смертью изловчается и ***жалит*** животное [А. Балдин. Московские праздные дни (1997)].

Вдруг из корзинки выползает змея и ***ужаливает*** баядерку в сердце.

Всего в словаре [Ожегов, Шведова 1998] нами было обнаружено около 160 видовых троек разной степени употребительности.

Возможность пользоваться корпусными данными открывает новые перспективы исследования русской аспектуальной системы. Приведенная выше таблица, в которую вошли лишь некоторые иллюстрирующие содержание каждой категории примеры, может быть достроена до базы данных, которая будет включать, помимо самих форм и примеров их употребления, указание на относительную частоту встречаемости простого и вторичного имперфектива, на вероятность реализации событийного значения у того и другого имперфектива, наличие у них прочих аспектуальных значений, функционально-стилистические пометы и другие существенные для полноты картины обстоятельства.

Аспектологическая концепция Лоры Янды (независимо от того, используется ли в той или иной версии модели понятие «видовой пары») трактует русский вид как чисто понятийную категорию, не принимая во внимание функциональный аспект, а именно он превращает вид в русском языке в категорию грамматическую. Характерно, что суффиксальные видовые пары, центральные для русского вида как грамматической категории, в обсуждаемой модели играют, наоборот, периферийную роль. Этот подход представляет собой альтернативу к более распространенному в современной русской аспектологии функциональному подходу. Авторы обосновывают его методологическими установками когнитивной лингвистики; но функциональный подход на самом деле тоже вполне «когнитивен» – в том смысле, что пытается моделировать языковое поведение носителя языка[10]. С другой стороны, понятийный подход к виду сближается с принципами исследования русского вида в русле грамматической типологии; ср. [Плунгян 2011: 377–422].

В рамках русской грамматической традиции концепция Лоры Янды принадлежит в большей степени к области глагольной словообразовательной семантики, чем собственно к аспектологии, и оцениваться должна именно в этом своем качестве. Безусловная

---

[10] Одним из центральных тезисов когнитивной лингвистики является отказ от жесткого противопоставления грамматики и семантики. Однако грамматические и лексические значения – это значения разной природы. Главное свойство грамматического значения – обязательность и тем самым автоматизм его выражения. Вследствие того, что грамматическое значение (например, значение вида) выражается автоматически, носитель языка не имеет к нему прямого доступа. В этом принципиальное отличие грамматической и лексической семантики. От различения этих двух типов значения едва ли стоит отказываться.

заслуга Лоры Янды и ее рабочей группы состоит в том, что их исследования проводятся на обширном корпусном материале с применением статистических методов, что позволило верифицировать и уточнить некоторые выводы лингвистов докомпьютерной эры, вынужденным образом строивших гипотезы на основании весьма ограниченного числа примеров.

В своих работах Лора Янда часто противопоставляет развиваемый ею когнитивный подход и «традиционную» лингвистику, куда попадают все исследователи, не работающие в русле когнитивной школы в узком смысле. Между тем, как мы попытались это показать, некоторые подходы, применяемые в когнитивной лингвистике, по существу весьма близки к самым «традиционным». Так что наиболее продуктивной является установка на максимальную интеграцию результатов исследований, выполненных с различных методологических позиций и описанных средствами разных метаязыков. Именно такую цель преследует данная статья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян 1995 – *Ю.Д. Апресян.* Трактовка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. М., 1995.

Горбова 2011 – *Е.В. Горбова.* Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // ВЯ. 2011. № 4.

Добрушина и др. 2001 – *Е.Р. Добрушина, Е.А. Меллина, Д. Пайар* (ред.). Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001.

Зализняк 1995 – *Анна А. Зализняк.* Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // Russian linguistics. 1995. V. 19. № 2.

Зализняк 2001 – *Анна А. Зализняк.* Семантическая деривация в значении приставки *у-* // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1.

Зализняк, Микаэлян 2007 – *Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян.* Видовые тройки в русской аспектуальной системе // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, 20–23 марта 2007 г.) Труды и материалы. М., 2007.

Зализняк, Микаэлян 2010 – *Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян.* О месте видовых троек в русской аспектуальной системе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Междунар. конф. «Диалог'2010». Бекасово, 26–30 мая 2010. М., 2010.

Зализняк, Микаэлян 2011 – *Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян. Рвать зубы* и *мыть деньги*: об одном типе употребления бесприставочных имперфективов в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Междунар. конф. «Диалог'2011». Бекасово, 25–29 мая 2011. М., 2011.

Зализняк и др. 2010 – *Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев.* Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // ВЯ. 2010. № 1.

Зализняк, Шмелев 2000 – *Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев.* Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

Кронгауз 1998 – *М.А. Кронгауз.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.

Кронгауз (ред.) 2001 – *М.А. Кронгауз* (ред.). Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1.

Кронгауз, Пайар (ред.) 1997 – *М. Кронгауз, Д. Пайар* (ред.). Глагольная префиксация в русском языке. Сб. статей. М., 1997.

МАС – *А.П. Евгеньева* (ред.). Словарь русского языка: В 4 т. 4-е изд. М., 1999.

Маслов 1948/2004 – *Ю.С. Маслов.* Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Ю.С. Маслов. Избранные труды. Аспектология и общее языкознание. М., 2004.

Маслов 1977/2004 – *Ю.С. Маслов.* Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет. II // Ю.С. Маслов. Избранные труды. Аспектология и общее языкознание. М., 2004.

Маслов 1981/2004 – *Ю.С. Маслов.* Функциональная полнота и морфологическая регулярность видовой парадигмы // Ю.С. Маслов. Избранные труды. Аспектология и общее языкознание. М., 2004.

Ожегов, Шведова 1998 – *С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова*. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1998.
Падучева 1996 – *Е.В. Падучева*. Семантические исследования. М., 1996.
Пайар 1989 – *Д. Пайар*. К теории перфективизации // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М., 1989.
Плунгян 2011 – *В.А. Плунгян*. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
Спагис 1969 – *А.А. Спагис*. Парные и непарные глаголы в русском языке. М., 1969.
Тихонов 1998 – *А.Н. Тихонов*. Русский глагол. М., 1998.
Янда 2012 – *Л.А. Янда*. Русские приставки как система глагольных классификаторов // ВЯ. 2012. № 6.
Bach 1986 – *E. Bach*. The algebra of events // Linguistics and philosophy. 1986. V. 9. № 1.
Cubberly 1982 – *P.V. Cubberly*. On the 'empty' prefixes in Russian // Russian language journal. 1982. V. 36.
Guiraud-Weber 1988/2004 – *M. Guiraud-Weber*. L'Aspect du verbe russe: essais de présentation. 1988. 2-е изд.: Le verbe russe. Temps et aspect. Aix-en-Provence, 2004.
Janda 1986 – *L. Janda*. A semantic analysis of the Russian verbal prefixes *za-*, *pere-*, *do-*, and *ot-* (Slavistische Beiträge. Bd. 192. 1986.)
Janda 2004 – *L.A. Janda*. A metaphor in search of a source domain: The categories of Slavic aspect // Cognitive linguistics. 2004. V. 15. № 4.
Janda 2007 – *L.A. Janda*. Aspectual clusters of Russian verbs // Studies in language. 2007. V. 31. № 3.
Janda, Lyashevskaya 2011a – *L.A. Janda, O. Lyashevskaya*. Prefix variation as a challenge to Russian aspectual pairs: Are *завязнуть* and *увязнуть* 'get stuck' the same or different? // Russian linguistics. 2011. V. 35. № 2.
Janda, Lyashevskaya 2011b – *L.A. Janda, O. Lyashevskaya*. Aspectual pairs in the Russian National Corpus // Scando-Slavica. 2011. V. 57. № 2.
Janda, Nesset 2010 – *L.A. Janda, T. Nesset*. Taking apart Russian RAZ- // Slavic and East European journal. 2010. V. 54. № 3.
Mikaelian et al. 2007 – *I. Mikaelian, A.D. Shmelev, Anna A. Zalizniak*. Imperfectivization in Russian // Meaning-Text theory 2007. Proceedings of the 3rd International conference on meaning-text theory, Klagenfurt, May 20–24, 2007. Wiener Slawistischer Almanach. Sbd. 69. München; Wien, 2007.
Mikaelian et al. 2008 – *I. Mikaelian, A. Shmelev, Anna A. Zalizniak*. Le concept de couple aspectuel est-il encore utile? // Questions de linguistique slave. Mélanges offertes à Marguerite Guiraud-Weber. Aix-en-Provence, 2008.
Mikaelian, Zalizniak 2007 – *I. Mikaelian, Anna A. Zalizniak*. Why do triplets not compromise pairs? // Annual AATSEEL Meeting, December 27–30, 2007. Book of abstracts. Chicago, 2007.
Mikaelian, Zalizniak 2009 – *I. Mikaelian, Anna A. Zalizniak*. Functional types of aspectual triplets in Contemporary Russian // The Slavic cognitive linguistic conference (SCLC-2009). Prague, 15–17 October 2009. Book of abstracts.
Paillard 1991 – *D. Paillard*. Aspect et lexique: Preverbes et *perfectivation* en russe. Le preverbe ZA- // Bulletin de la linguistique generale et appliquée (BULAG). 1991. № 17.
Veyrenc 1980 – *J. Veyrenc*. Un problème de formes concurrentes dans l'economie de l'aspect verbal en russe : imperfectifs premiers et imprefectifs seconds // J. Veyrenc. Etudes sur le verbe russe. Paris, 1980.

Сведения об авторах:

Анна Андреевна Зализняк / Anna Zalizniak
Институт языкознания РАН
anna.zalizniak@googlemail.com

Ирина Львовна Микаэлян / Irina Mikaelian
The Pennsylvania state university
irina-mikaelian@yandex.ru

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 2012

© 2012 г. Е.Э. РАЗЛОГОВА

«ПИКОВАЯ ДАМА» В ЗЕРКАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДОВ*

На материале шестнадцати французских переводов повести А.С. Пушкина «Пиковая дама», опубликованных в 1842–2012 гг., прослеживается судьба некоторых лингвостилистических особенностей оригинала. Исследование сосредоточено вокруг проблематики нарратива (статуса повествователя, внутренних точек зрения в их лексическом выражении) и проблем передачи лексических параллелизмов. Рассматриваются стилистические аспекты буквализма, иные переводческие установки при решении этих вопросов, а также различия в интерпретации пушкинского текста литературоведами и переводчиками, в частности относительно тех моментов, которые можно рассматривать либо как неаккуратность автора, либо как стилистический прием.

Ключевые слова: художественный перевод, стилистика, лингвостилистика, нарратив, буквализм, сопоставительная семантика, Пушкин, фигуры речи, французский язык

This analysis of sixteen French translations, published between 1842 and 2012, of Alexander Pushkin's short story «Queen of Spades» traces the fate of several linguo-stylistic features of the original. This study centers on the problem of narrative (the status of the narrator, internal points of view in their lexical expression) and problems of conveying lexical parallelisms. The paper also considers stylistic aspects of literalism, other ways in which translators approach these problems, as well as differences in literature scholars' and translators' interpretations of Pushkin's text, including those moments that could be interpreted alternatively as author's carelessness or stylistic devices.

Keywords: literary translation, stylistics, narrative, literalism, comparative semantics, Pushkin, figures of speech, French

0.1. Переводные художественные тексты в отличие от оригинальных редко подвергаются подробному лингвостилистическому анализу как самостоятельные произведения – они изучаются в большинстве случаев в сопоставлении с оригиналом. В области поэтического перевода роль языкового выражения, осложненная формальными моментами (размер, рифма, аллитерации и пр.), выходит на первый план и разрыв между оригиналом и переводом считается в какой-то мере легитимным. Что касается прозаического перевода, предполагается, что содержательная составляющая переводного и оригинального текстов совпадают и отличия в идеале затрагивают только область языкового выражения, не скованного в данном случае формальными ограничениями, где перифрастические и лексические возможности языка перевода могут раскрыться в полном объеме, преодолевая, насколько это возможно, трудности, связанные с различием в грамматическом строе двух языков, различной организацией их синтаксиса, лексики и пр.[1]

---

* Работа поддерживается грантом РГНФ № 10-04-00136а.

[1] Этим вопросам посвящено множество работ, в частности классическая работа Р. Якобсона «О лингвистических аспектах перевода» [Якобсон 1985]. В отношении русского и французского языков следует прежде всего упомянуть посвященные контрастивному анализу работы В.Г. Гака, в частности «Русский язык в сопоставлении с французским» [Гак 2004], а также «Французскую стилистику» Ю.С. Степанова [Степанов 1965], работы К.А. Долинина, И.Н. Кузнецовой и др.

0.2. Если абстрагироваться от отклонений, связанных с переходом в другую языковую систему, то можно выявить некоторые особенности переводных текстов как таковых, характерных для перевода в целом искажений по отношению к тексту оригинала. Эти особенности для прозаических текстов систематизировал Антуан Берман [Berman 1999]. Речь идет о таких явлениях, как рационализация синтаксиса, употребление более общей по значению лексики, о различного рода разъяснениях, облагораживании, удлинении, о более ровном и единообразном характере изложения, об исчезновении иконических слов, стилистических перепадов, об изменении ритма повествования, о нарушении лексических схем, разрушении «буквальной» семантики устойчивых выражений, полном стирании или экзотизации жаргонов, просторечья, диалектов; стирании соположения разных языков и т.п. Все эти искажения приводят к тому, что из перевода часто невозможно извлечь ту лингвостилистическую информацию, которая лежит в основе изучения стилистики оригинала и интерпретируется в рамках литературоведческих концепций.

Кроме того, в переводах можно обнаружить индивидуальные, связанные с личными пристрастиями, собственным стилем переводчика особенности. В адаптациях они могут затрагивать и когнитивную, содержательную составляющую. Автор перевода, как и автор оригинального текста, осуществляет «свой» языковой (и не только) выбор, и в этих пределах его текст может обнаруживать особенности, которые характеризуют его идиостиль в сравнении с другими переводами того же текста. Смысловые ошибки также чаще всего носят индивидуальный характер.

Между тремя основными параметрами, задействованными в сопоставлении оригинального и переводного текстов (языковым, типичным для переводов вообще, индивидуальным), может и не быть четких границ.

0.3. В любом тексте можно выделить класс «нестандартных» высказываний, которые a priori могут представлять определенные трудности при переводе. С одной стороны, это высказывания с «имплицитной» составляющей – сюда относятся многие фигуры речи (особенно в их «авторском» варианте), где имплицитная составляющая может затруднять понимание (например, в авторских метафорах и других авторских тропах, а также в некоторых морфологических, синтаксических и логических фигурах). Сюда же можно отнести высказывания с нестандартной лексикой (неологизмами, архаизмами, арготизмами, просторечными выражениями, вкраплениями на другом языке, на диалектах и т. п.), которая тоже часто вызывает затруднения при переводе. К числу таких явлений можно отнести и то, что связано с «языковой игрой». С другой стороны, это высказывания, обладающие особой, явно выраженной структурой, особым формальным устройством. К этому второму типу можно отнести размер, рифму, ритмическую организацию синтаксиса, другие формальные характеристики, а также некоторые фигуры речи (например, хиазм, поэтическую анафору и пр.), для которых характерен повтор в той или иной конфигурации.

Вместе с тем высказывания, выглядящие совершенно стандартно, которые, казалось бы, можно переводить, используя весь перефразирующий потенциал языка, при ближайшем рассмотрении могут содержать элементы, играющие существенную роль в стилистическом устройстве текста, например в его нарративной структуре, или являющиеся частью текстовых фигур, например дистанцированных повторов лексических единиц или их сочетаний, несущих определенную смысловую нагрузку. Нас будут интересовать в первую очередь именно такие, внешне совершенно стандартные, высказывания и их переводы.

0.4. Текст повести «Пиковая дама» в языковом плане проще для перевода, чем многие другие тексты А.С. Пушкина. В нем, на первый взгляд, мало нестандартных элементов. Основные трудности связаны с терминологией карточной игры, небольшим количеством национальных реалий и архаизмов, причем последние наблюдаются в двух формах – архаизмы относительно пушкинской эпохи (в речи графини) и языковые элементы языка пушкинской эпохи, которые устарели по отношению к современному русскому языку, а также с незначительными элементами просторечия (в речи графи-

ни). Имеются также вкрапления французского текста. Небольшой объем, прозаическая форма, относительно простой[2] синтаксис, в частности большое количество простых и коротких фраз, бытовая тематика – то, что В.В. Виноградов называл «средним светским стилем» [Виноградов 1980а], – все это говорит в пользу того, что текст с языковой точки зрения в целом доступен для перевода[3].

0.5. Ниже мы рассмотрим шестнадцать французских переводов «Пиковой дамы», выполненных в разное время. Их авторами являются Поль де Жюльвекур (1842)[4], Проспер Мериме (1849), Эрнест Жобер (1892), Морис Ке (1902), Андре Жид, Жак Шиффрин и Борис Шлёзер (1923), М. Витме (1940), Николай Полтавцев (1945), Мишель-Ростислав Офманн (1947), Марк Шапиро (1948), Ж.-М. Дерама (1964), Николай Варовски (1966), Жан Саван (1970), Андре Меньё (1973), Димитри Сеземанн (1989), Мишель Никё (1999) и, наконец, Андре Маркович (2012). По нашим данным, на сегодняшний день это исчерпывающий список французских переводов повести, вышедших в виде книг во Франции, Бельгии и Швейцарии. На материале этого корпуса можно решать самые разные задачи – как в синхронном плане, так и в диахронии.

«Пиковой даме» посвящено множество литературоведческих работ, она часто рассматривается также в контексте пушкинской поэтики в сочинениях как отечественных, так и зарубежных авторов. Большое количество работ посвящено Мериме и Пушкину и собственно переводу Мериме[5]. Перевод Жида – Шиффрина как «антипод» перевода Мериме также упоминается во многих исследованиях. Остальные переводные тексты, насколько нам известно, пока не стали предметом широкого обсуждения. Исключение, быть может, составляет часто цитируемая статья Элен Анри [Henry 1987], где кратко характеризуются шесть переводов: Жюльвекура, Мериме, Жобера, Жида – Шиффрина – Шлёзера, Витме и Савана, а также статья [Henry 1997], где упоминается перевод Сеземанна.

0.6. Мы сосредоточим свое внимание на вопросах, связанных с лексической дистрибуцией в оригинале и переводах. Нас будут интересовать два случая:

А. Когда при помощи лексики проявляется статус повествователя или «точка зрения» персонажей, т. е. когда, анализируя лексику, можно обнаружить нарративные приемы в тексте (раздел 1). Этот вопрос мы будем рассматривать не во всем объеме, а только в связи с проблемой наименования. Нас будет интересовать использование местоимения *мы,* отсылающего к повествователю (1.1), фрагменты, где *графиня* именуется *старухой* (1.2.1), *Лизавета Ивановна* именуется *Лизанькой* (1.2.2), *Германн* именуется *незнакомым мужчиной* (1.2.3). В пункте 1.3 мы рассмотрим явление «дописывания» пушкинского текста в переводах и некоторые приемы, которые при этом используются.

В. Когда при помощи лексической дистрибуции, а точнее при помощи повторов одних и тех же лексических характеристик, происходит «сближение» персонажей и событий (раздел 2). Мы рассмотрим способы передачи лексических параллелизмов с использованием лексем *трепетать / трепет* (2.1), *окаменеть* (2.2) и словосочетания *запереть двери / дверь заперта* (2.3).

---

[2] Заметим, что эта простота в какой-то степени кажущаяся: текст насыщен синтаксическими фигурами. Среди них эллипсисы, паратаксисы, зевгмы и др. Особенности синтаксиса «Пиковой дамы» были описаны, в частности, Виноградовым в работах «*Стиль "Пиковой дамы"*» и «О "Пиковой даме"» [Виноградов 1980а; 1980б].

[3] В гораздо большей степени, чем, например, текст «Бориса Годунова» или «Евгения Онегина», которые также неоднократно переводились на французский язык – «Евгений Онегин» практически так же часто, как «Пиковая дама».

[4] В скобках мы даем дату известного нам первого издания перевода.

[5] См., например, сборник [Кернозе 1987], а также работы А. Манго, Л.Е. Коган, Е.И. Бобровой, О.В. Тимофеевой, А.Д. Михайлова и др.

Сопоставляя стилистически релевантные моменты оригинала с их переводами, мы покажем, что возможны самые разные варианты – от полного их исчезновения из переводных текстов до более «массового» присутствия. Возможно также их смещение и возникновение новых, отсутствующих в оригинале, связей. Мы покажем, что особенности некоторых из этих контекстов (бóльшая часть которых анализируются в работах по стилистике «Пиковой дамы») часто остаются незамеченными при переводе или, быть может, рассматриваются как неаккуратность автора. Мы опишем также явление, которое можно было бы охарактеризовать как «стилистический буквализм», когда замеченные переводчиком стилистически важные элементы передаются с особой тщательностью – при этом такой «буквалистский» подход может и не распространяться на передачу других аспектов оригинала.

1. НАРРАТИВНЫЕ СХЕМЫ

1.1. Повествователь и его статус

Ряд компонентов нарративного устройства текста в прозаическом переводе, как правило, не подвергается значительным изменениям. Во всех рассматриваемых нами переводах сохраняется последовательность эпизодов, их конкретное содержание, в целом сохраняется временна́я канва и пр. Тем не менее переводчик может воздействовать на некоторые нарративные составляющие оригинала, как-то: статус повествователя[6], субъективная позиция (точка зрения) повествователя или персонажа, способ передачи слов и мыслей и пр.

Среди нарративных элементов «Пиковой дамы» значим тот единственный фрагмент (глава II), где рассказчик проявляет себя в явном виде через местоимение первого лица, инклюзивное (подразумевающее и читателя) ***мы***:

Однажды – это случилось два дня после вечера, описанного в начале этой повести, и за неделю перед той сценой, на которой ***мы*** *остановились, – однажды Лизавета Ивановна, сидя под окошком за пяльцами, нечаянно взглянула на улицу...*[7]

В переводах мы находим следующие варианты:

МЕРИМЕ[8] и МЕНЬЁ[9]: *...que* ***nous*** *venons d'esquisser...*
ЖОБЕР[10] и СЕЗЕМАНН[11]: *...où* ***nous*** *nous sommes arrêtés...*
КЕ[12] и МАРКОВИЧ[13]: *...sur laquelle* ***nous nous*** *sommes arrêtés...*
ПОЛТАВЦЕВ[14]: *Un jour, cela se passa deux jours après la soirée que* ***nous*** *avons décrite au commencement de ce récit et une semaine avant la scène à laquelle* ***nous*** *venons d'assister...*

---

[6] Мы будем использовать термин «повествователь». Во многих отечественных работах в этом значении используется термин «автор».

[7] Здесь и далее пушкинский текст цитируется по академическому изданию в 10-и томах [Пушкин 1950].

[8] Цит. по [Mérimée 1987]. Перевод переиздавался множество раз, в том числе и в Канаде в пятидесятые годы XX в. Мериме включил этот перевод в сборник своих новелл под своей фамилией.

[9] Цит. по [Pouchkine 1973]. По замыслу Меньё этот текст должен был быть отредактированным вариантом перевода Мериме, однако расхождения наблюдаются практически в каждой фразе. Перевод переиздавался несколько раз.

[10] Цит. по [Pouchkine 1989].

[11] Цит. по [Pouchkine 2008]. Перевод переиздавался несколько раз.

[12] Цит. по [Pouchekine 1902].

[13] Цит. по [Pouchkine 2012].

[14] Цит. по [Pouchkine 1945].

ВАРОВСКИ[15]: *Un jour – cela était arrivé deux jours après la soirée que* ***nous*** *avons décrite au début de ce récit et une semaine avant la scène dont* ***nous*** *venons de parler...*
ЖИД[16]: *...que* ***nous*** *venons de conter...*
ДЕРАМА[17]: *...à laquelle* ***nous*** *venons d'assister...*
САВАН[18]: *...à laquelle* ***nous*** *nous sommes arrêtés...*
НИКЁ[19]: *...à laquelle* ***nous*** *venons de nous arrêter...*

У Шапиро в этой фразе нет личных местоимений, но есть безличная конструкция *dont il vient d'être question* «о которой шла речь», у Витме эта метатекстовая ссылка отсутствует вовсе – *avant la visite de Tomsky chez la comtesse* «за неделю до того, как Томский посетил графиню»:

ШАПИРО[20]: *Il arriva une fois – c'était deux jours après la soirée décrite au début de ce récit et une semaine avant la scène* ***dont il vient d'être question****...*
ВИТМЕ[21]: *Mais voilà que – deux jours après la soirée décrite au commencement de ce récit et une semaine* ***avant la visite de Tomsky chez la comtesse*** *– Lisavétha Ivanovna...*

Жюльвекур и Офманн, напротив, вводят местоимение 1-го лица ед. числа *je*, усиливая или даже несколько меняя нарративный статус повествователя: одно дело, когда вы вместе с читателем за чем-то наблюдаете, другое – когда вы в явной форме что-то рассказываете.

ЖЮЛЬВЕКУР[22]: *Un matin, et c'était,* ***je*** *crois, deux jours après la soirée de* ***nos*** *joueurs, et une semaine avant la scène où* ***nous*** *sommes restés...*
ОФМАНН[23]: *...que* ***nous*** *observons – une fois, dis-****je****...*

Жобер вводит местоимение 1-го лица не только в переводе этой фразы, но и в переводе начала повести, делая повествователя участником событий:

Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; сели ужинать в пятом часу утра.
ЖОБЕР: *On jouait aux cartes chez le garde à cheval Naroumov. Heure par heure se passa la longue nuit d'hiver: à cinq heures du matin,* ***nous nous*** *mettions à table pour souper.*

Это *nous* 'мы' уже другого свойства, оно объединяет гостей Нарумова и повествователя[24]. Обращает на себя внимание также то, что слово *однажды* этой начальной фразы в

---

[15] Цит. по [Pouchkine 1966]. В этой книге перевод «Пиковой дамы» выполнен Николаем Варовски (Nikolaï Warowski). По нашим данным, он был издан только один раз. Парадоксальным образом этот перевод не учтен ни в одной библиографии французских переводов Пушкина, хотя книга издана в Париже.

[16] Цит. по [Pouchkine 1995]. Первоначально этот текст с некоторыми незначительными отличиями вышел в 1923 г. под тремя фамилиями: Шиффрин, Шлёзер и Жид. Но в последующих изданиях фамилия Шлёзера уже не упоминалась, что объясняется, по-видимому, тем, что Шиффрин и Жид продолжили работу над прозой Пушкина, а Шлёзер в ней уже не участвовал. Как и перевод Мериме, этот текст переиздавался множество раз.

[17] Цит. по [Pouchkine 1964].

[18] Цит. по [Pouchkine 1970]. Перевод переиздавался несколько раз.

[19] Цит. по [Pouchkine 1999]. Перевод снабжен комментарием литературоведа Мишеля Никё и лингвистическим комментарием Реми Камю.

[20] Цит. по [Pouchkine 1948]. Предисловие к этому переводу написал Сергей Карцевский.

[21] Цит. по [Pouchkine 1940]. В самом издании имя переводчика не упоминается, но в библиографии А. Меньё [Meynieux 1973] есть уточнение: trad. du russe par M. Vitmay (в переводе М. Витме). В более поздних изданиях «Пиковой дамы» издательство «Gründ» использует перевод Мериме.

[22] Цит. по [Julvécourt 1843].

[23] Цит. по [Pouchkine 1996]. Борислав Офманн также известен как Ростислав (Rostislav) и как Мишель-Ростислав (Michel-Rostislav). Первое издание этого перевода вышло при участии его отца – Модеста Офманна [Pouchkine 1947]. Перевод переиздавался несколько раз.

[24] Как замечает Е.В. Падучева, в этой начальной пушкинской фразе есть некая странность в связи с тем, что в предтексте нет местоимения *мы* [Падучева 2012].

одиннадцати переводах из шестнадцати остается без французского эквивалента (варианты перевода – *un de ces soirs* у Жюльвекура; *un jour* у Ке, Полтавцева и Савана; *une fois* у Никё). Можно предположить, что возможные французские эквиваленты *однажды* (как, впрочем, может быть, и само русск. *однажды*) предполагают некоторый общий для повествователя и читателя событийный или, по крайней мере, когнитивный фон[25], который не восстанавливается из текста, поскольку это самое его начало (в отличие, например, от *il était une fois* – русск. *жили-были*). Такое использование *однажды* можно рассматривать как эллипсис предтекста[26] – очень стертую для русского языка фигуру, которая не воспроизводится в большинстве переводов. В то же время во всех 16-и переводах четырем другим – стандартным – вхождениям *однажды* пушкинской повести практически всегда (кроме 4-х случав из 64-х) соответствует французский лексический эквивалент, будь-то *use fois, un jour, un matin* или *un soir.*

В.В. Виноградов считал свидетельством участия повествователя в самом действии конец первой главы [Виноградов 1980а]:

> *Однако пора спать: уже без четверти шесть.*
> ***В самом деле**, уже рассветало: молодые люди допили свои рюмки и разъехались.*

Если первое предложение можно отнести к прямой речи Томского (или Нарумова), то второе можно рассматривать как голос повествователя – этот момент адекватно передан во всех переводах (эквиваленты – *en effet*, реже *effectivement, de fait, en vérité*). У Мериме перевод пропозиции, вводимой *в самом деле*, отсутствует, хотя *ma foi* можно в какой-то мере считать эквивалентом *в самом деле*:

> МЕРИМЕ: *Mais voilà six heures! **Ma foi,** il est temps d'aller se coucher.*
> *Chacun vida son verre, et l'on se sépara.*

Повествователь у Пушкина (если отвлечься от этого спорного момента) не является персонажем повести (он – narrateur extradiégétique по Женетту [Genette 1972][27]), но он проявляет себя непосредственно в первом лице (как narrateur homodiégétique). Таковым он является не во всех переводах. Фрагмент *перед той сценой, на которой мы остановились* – единственный, где есть первое лицо повествователя в «диалоге» с читателем[28], и это может рассматриваться как некая странность. По-видимому, в борьбе с нею в переводах предлагаются и другие решения.

1.2. Точка зрения в переводе

Мысли и слова персонажей, отражающие именно их точку зрения, могут выражаться в тексте по-разному, как чисто описательно, так и в форме прямой, косвенной или несобственно-прямой речи[29]. Но кроме мыслей и слов, как известно, существует

---

[25] *Un jour* также, как и *однажды*, вполне органично в начале исторического анекдота, где, как предполагается, знания об исторических лицах и событиях являются общими для говорящего и слушающего. Употребление многих слов, в том числе и служебных (*но, потом, действительно, кстати* и пр.), связано с наличием общего когнитивного фона, извлекаемого из предшествующего контекста или возникшего иным путем.

[26] Другую интерпретацию *однажды* мы находим в [Гей 1989: 178].

[27] Повествователь может себя обнаруживать самыми разнообразными способами – оценочной лексикой, иронией и пр., в том числе и модальными словами, что однако вряд ли обеспечивает ему, по Женетту, статус персонажа (narrateur intradiégétique).

[28] В черновых набросках ко второй главе мы находим сходную нарративную схему: *Теперь позвольте **мне** покороче познакомить **вас** с Charlotte / с героиней моей повести.*

[29] См., например, [Gardes-Tamine 2001]. Мы понимаем термин «несобственно-прямая речь» как эквивалент устоявшегося французского термина «discours indirect libre». У последнего есть другие русские эквиваленты, а русский термин «несобственно-прямая речь» используется и в других значениях (например, в [Успенский 1970]).

еще и сфера чувственного восприятия персонажа, его интерпретации и оценки, когнитивные установки, система ценностей, расположение в пространстве и во времени, отношения с другими персонажами и т.п. Все это находит свое выражение не только в описательной форме, но и в рамках повествования в третьем лице при помощи косвенных средств, которые изучаются в связи с проблемой внутренней «точки зрения», исследованной, в частности, Б.А. Успенским [Успенский 1970][30] и Ж. Женеттом [Genette 1972]. Этот аспект особенно интересовал и В.В. Виноградова [Виноградов 1980а]. Ниже мы не будем касаться синтаксического аспекта этой проблемы, который, безусловно, чрезвычайно важен в «Пиковой даме», а сосредоточимся на ее лексической части. Речь пойдет о проблеме «наименования», которая обсуждается, в частности, Б.А. Успенским [Успенский 1970][31]. Мы рассмотрим несколько примеров подобного рода в связи с их преломлением во французских переводах. В первом примере задействована в основном точка зрения Германна, во втором и в третьем – точка зрения графини.

1.2.1. Старуха или графиня?

В повести бабушка Томского, Анна Федотовна, владеющая тайной трех карт, названа *старухой* 14 раз, 58 раз она названа *графиней,* 14 раз в речи Томского она названа *бабушкой.* Если *графиня* – слово стилистически нейтральное, *бабушка* – нейтральное скорее с положительной окраской, то *старуха* содержит явный негативный оттенок. Рассмотрим контексты со словом *старуха*.

1. *– Да что же тут удивительного, – сказал Нарумов, – что* ***осьмидесятилетняя старуха*** *не понтирует!*

Гл. 2

2. *...а кому и не знать горечь зависимости, как не бедной воспитаннице* ***знатной старухи****?*
3. *Многочисленная челядь ее <...> делала, что хотела, непрерывно обкрадывая* ***умирающую старуху****.*

Гл. 3

4. *В то самое время, как два лакея приподняли* ***старуху*** *и просунули в дверцы, Лизавета Ивановна у самого колеса увидела своего инженера...*
5. *Германн видел, как лакеи вынесли под руки* ***сгорбленную старуху****, укутанную в соболью шубу...*
6. *...смотря на нее, можно было бы подумать, что качание* ***страшной старухи*** *происходило не от ее воли...*
7. ***Старуха*** *молча смотрела на него и, казалось, его не слыхала.*
8. ***Старуха*** *молчала по-прежнему.*
9. ***Старуха*** *не отвечала ни слова. Германн встал.*

Гл. 4

10. *Он не чувствовал угрызения совести при мысли о* ***мертвой старухе****.*
11. ***Мертвая старуха*** *сидела окаменев; лицо ее выражало глубокое спокойствие.*

Гл. 5

12. *...голос совести, твердившей ему: ты убийца* ***старухи****!*

Гл. 6

13. *Тройка, семерка, туз – скоро заслонили в воображении Германна образ* ***мертвой старухи.***
14. *Необыкновенное сходство поразило его...*
    – ***Старуха****! – закричал он в ужасе.*

Старуха в этих контекстах – слово с негативной или, по крайней мере, не вполне уважительной окраской (в отличие от *графини*). Заметим, что этот оттенок не зафик-

---

[30] Ранее сходная проблематика рассматривалась, в частности, в трудах М.М. Бахтина и В.Н. Волошинова, В.В. Виноградова.

[31] Речь идет о выражении внутренней точки зрения («focalisation interne» по Женетту), соответствующей видению персонажа, а не повествователя.

сирован ни одним из доступных нам словарей русского языка. Тем не менее мы считаем его оценочным, и оценка эта должна кому-то принадлежать, выражать чью-то точку зрения. В нашем случае, когда это слово входит в состав высказываний, оформленных средствами прямой речи (контексты 1, 12 и 14 – Нарумов и Германн), косвенной речи (контекст 6 – Германн), несобственно-прямой речи (контекст 2 – Лиза), когда оно появляется при словах с «эпистемической» семантикой (контекст 10 – *при **мысли** о мертвой старухе,* контекст 13 – *в **воображении** Германна*), при глаголах восприятия (контекст 5 – Германн), – во всех этих случаях атрибуция точки зрения не вызывает затруднений. В остальных контекстах, несмотря на отсутствие формальных элементов, ее можно связать с восприятием Германна (контексты 4, 7, 8, 9, 11) и слуг (контекст 3). Между вхождениями 8 и 9 имеются две аналогичные фразы со словом *графиня: **Графиня** молчала; Германн продолжал...* и ***Графиня** молчала; Германн стал на колени.* Точка зрения Германна перемежается с «нейтральной» точкой зрения повествователя.

Такой лексический выбор вряд ли можно считать случайным: среди прочих элементов он может рассматриваться как организующий в нарративной структуре текста.

Для русск. *старуха* в этих контекстах наиболее близким по значению французским словом является субстантивированное прилагательное *la vieille*, описание которого в некоторых словарях (см., например, [Rey 1992]) содержит указание на неуважительный оттенок его значения. Именно оно чаще всего фигурирует в переводах приведенных выше фрагментов. Но используются, как мы увидим, и другие эквиваленты. Следует иметь в виду, что антецедентами местоимений в приведенных ниже отрывках являются: *comtesse* «графиня» *(son* у Жюльвекура, Витме и Оффмана; *elle* у Мериме, Жида и Меньё, *la* у Сеземанна), *la vieille femme* – букв. «старая женщина» (*elle* у Витме), *quasi-centenaire* – букв. «женщина, которой почти сто лет» (*cette* у Жюльвекура).

ЖЮЛЬВЕКУР: *...qu'une **vieille** de quatre-vingts ans ne ponte plus; ...la pauvre élève de la noble **comtesse *****; **Son** nombreux domestique...; Deux laquais s'approchèrent de chaque côté de **la vieille**...; Herman vit passer lentement, soutenue par les laquais, **la vieille**...; ...que **cette** oscillation continuelle...; **la vieille** le regardait en silence...; ...**la vieille** continua à le regarder, et toujours avec un morne silence; **la comtesse** semblait définitivement frappe de mutisme; Ce n'était pas non plus le remords d'avoir tué **la comtesse**...; **la vieille** était assise, et pour ainsi dire clouée dans son fauteuil...; ...tu es le meurtrier de **la vieille**...; ...devant cette trinité de cartes s'effaça complètement le souvenir de **la vieille comtesse**; **La vieille**, murmura-t-il avec terreur, **la vieille**!*

МЕРИМЕ: *...**une femme** de quatre-vingts ans..., ...une **vieille femme** de qualité..., ... et cependant tout chez **elle** était au pillage..., deux laquais hissaient **la vieille dame**..., Il vit deux grands laquais prendre par-dessous les bras **ce spectre cassé**..., qu'elle **(la comtesse)** ne se mouvait pas par l'action de la volonté..., **La vieille** le regardait en silence..., **La comtesse** continua à garder le silence; **La vieille comtesse** ne répondit pas un mot; Il n'avait pas un remord en songeant à la mort de **la comtesse**; **Elle** était assise dans son fauteuil...; ...Qu'il était l'assassin de cette **pauvre femme**; Trois-sept-as effacèrent bientôt <...> le souvenir des derniers moments de la **vieille comtesse**; – **Maudite vieille**! s'écria-t-il épouvanté.*

ЖОБЕР: *... qu'une **vielle dame** de quatre-vingts ans...; ... d'une **vieille noble**...; ... la **vieille mourante**; ...deux laquais enlevaient **la vieille**...; ...**la vieille** toute courbée...; ...les oscillations de la **terrifiante vieille**...; **la vieille** le regardait en silence...; **la vieille** resta aussi muette que devant; **la vieille** ne répondit pas un mot; l'idée de **la vieille morte** ne lui inspirait aucun remord; **la vieille morte** était assise, déjà glacée; C'est toi qui es l'assassin de **la vieille**; ...l'image de **la vieille morte**; – **La vieille**! cria-t-il épouvanté.*

КЕ: *…**une personne** de quatre-vingts ans...; ...la pauvre protégée d'une **vieille noble**; ...volant à qui mieux **la vieille mourante**; ...deux laquais soulevaient **la vieille**...; ...les laquais aidaient **la vieille voûtée**...; ...le balancement de **l'horrible vieille**...; **la vieille** le regardait sans parler...; **la vieille** se taisait comme auparavant; **la vieille** ne répondait pas un seul mot; ...à la pensée de **la vieille morte**; **la vieille morte** était assise, pétrifiée...; «Tu es l'assassin de **la vieille**!»; ...l'image de **la vieille morte**...; – **La vieille**! cria-t-il avec horreur.*

ЖИД: *...**une femme** de quatre-vingts ans..., ...une **vieille femme** de qualité...; ...en prenaient à leur aise avec **la vieille moribonde**...; ...hissaient péniblement **la vieille dame**...; ...**la vieille** toute courbée...; ... le mouvement de **l'horrible vieille**...; **La vieille** le regardait en silence...; **La vieille** se taisait tou-*

jours; ***La vieille*** *ne répondait pas*; *Il n'avait pas de remords en songeant à* ***la morte***; ***Elle*** *était assise toute raide*; *«C'est toi le meurtrier»...*; *...le souvenir de* ***la vieille comtesse****...*; *«****La vieille****!» s'écria-t-il, épouvanté.*

ВИТМЕ: *...****une femme*** *de quatre-vingts ans...*; *...la pauvre pupille de la noble* ***vieille femme****...*; *...engraissés et vieillis à* ***son*** *service...*; *...deux laquais soulevaient la* ***vieille femme****...*; *deux laquais apportèrent presque dans leurs bras* ***la vieille dame recroquevillée****...*; *...les mouvements de la* ***monstrueuse vieille dame****...*; ***la vieille femme*** *le regardait sans dire un mot...*; ***elle*** *persista dans son mutisme*; ***la vieille*** *ne dit mot*; *...aucun sursaut de conscience à la pensée de* ***la morte***; ***la morte*** *se tenait assise, comme pétrifiée*; *c'est toi l'assassin de* ***la vieille****!*; *...et l'image de* ***la morte***; *«****La vieille****!» s'ecria-t-il, épouvanté.*

ПОЛТАВЦЕВ: *...qu'une* ***octogénaire*** *ne joue pas*; *...la pauvre pupille d'****une vieille femme titrée***; *...la* ***vielle moribonde***; *...deux valets de pied soulevaient* ***la vieille****...*; *...****la vielle femme voûtée****...*; *... le balancement de* ***l'horrible mégère****...*; ***la vielle femme*** *continuait à le fixer...*; *...****la vieille*** *ne répondit pas*; ***la vieille femme*** *ne répondit toujours mot*; *...aucun remord au souvenir de la* ***défunte****...*; ***la vieille*** *se tenait immobile dans son fauteuil*; *«C'est toi qui a tué* ***la vieille****!»*; *...l'image de la* ***vieille défunte***; ***La vieille****! S'écria-t-il avec horreur...*

ОФМАНН: *Pour* ***une femme*** *de quatre-vingts ans...*; *...au service d'une* ***vieille femme*** *riche et de qualité...*; *...volait à qui mieux mieux* ***la vieille moribonde***; *...soulevaient sa* ***maitresse*** *et la hissaient...*; *...****la vieille****, cassée en deux et couverte d'une pelisse...*; *on aurait pu croire que* ***son*** *balancement...*; *Silencieuse,* ***la vieille*** *le dévisageait...*; ***La comtesse*** *se taisait toujours*; ***La vieille*** *se taisait toujours*; *...en songeant à* ***la vieille femme*** *morte*; ***La vieille*** *était assise dans son fauteuil, roide...*; *«Tu es le meurtrier de* ***la vieille****!»*; *...la vision de la vieille* ***comtesse*** *morte*; *«****La vieille****!», hurla-t-il, terrifié.*

ШАПИРО: *...qu'****une vieille dame*** *de quatre-vingts ans ne joue plus aux cartes*; *...une pauvre demoiselle, élevée par la charité d'une* ***vieille aristocrate***; *...volait à qui mieux mieux* ***la vieille*** *en instance de trépas*; *...deux laquais soulevaient* ***la vieille dame****...*; *...les laquais porter à bras tendus* ***la vieille*** *courbée en deux*; *...le balancement de* ***l'effrayante vieille****...*; ***la vieille dame*** *le regardait...*; *...mais* ***la comtesse*** *continuait à se taire*; ***la vieille*** *se taisait toujours*; *...de la mort de* ***la vieille comtesse****...*; ***la morte*** *était assise dans son fauteuil, comme pétrifiée...*; *...tu es l'assassin de* ***la comtesse****!*; *...l'image de* ***la vieille comtesse morte***; *–* ***La vieille****! cria-t-il d'une voix terrifiée.*

ДЕРАМА: *...****une vieille dame*** *de quatre-vingts ans...*; *...une* ***vieille dame*** *de qualité*; *...****la vieille femme*** *décrépite*; *...deux laquais soulevaient* ***la vieille dame****...*; *...****la vieille femme*** *drapée dans une pelisse de zibeline...*; *...****l'horrible vieille femme*** *se balançait...*; ***la vieille femme*** *le fixa sans mot dire...*; ***la vieille femme*** *continua de se taire*; ***la vieille*** *ne répondit mot*; *...en pensant à* ***la vieille femme morte***; ***la morte*** *était assise raide comme de la pierre*; *«Tu es le meurtrier de* ***la vieille****!»*; *...toute pensée pour* ***la vieille comtesse*** *morte*; *«****La vielle femme****!» cria-t-il épouvanté.*

ВАРОВСКИ: *...****une femme*** *de quatre-vingts ans...*; *...une* ***vieille femme*** *aristocrate...*; *...volant à tour de rôle* ***la vieille moribonde***; *...soulevaient* ***la vieille dame****...*; *...****la vieille*** *toute voûtée...*; *...le balancement de* ***l'horrible vieille****...*; ***La vieille*** *le regardait en silence...*; ***La vieille*** *se taisait comme auparavant*; ***La vieille*** *ne disait pas un mot*; *Il ne sentait pas de remords à la pensée de* ***la vieille comtesse*** *morte*; ***La morte*** *était toujours assise...*; *«Tu es l'assasin de* ***la vieille****!»*; *...l'image de* ***la vieille***; *–* ***La vieille****! cria-t-il plein d'épouvante.*

САВАН: *...****une femme*** *de quatre-vingts ans...*; *...pauvre pupille d'une* ***vieille dame*** *noble*; *...pillaient sans vergogne* ***la moribonde***; *...deux laquais soulevaient* ***la vieille dame****...*; *...portée par deux laquais,* ***la vieille dame*** *toute vôutée...*; *...ce balancement de* ***l'horrible vieille****...*; ***la vieille*** *le regardait silencieusement...*; ***la vieille*** *restait muette...*; ***la vieille*** *ne répondit pas un mot*; *...en pensant à* ***la vieille morte***; ***la morte*** *était assise, comme pétrifiée...*; *tu es l'assassin de* ***la vieille****!*; *...l'image de* ***la vieille morte****...*; ***La vieille****! S'écria-t-il, plein d'épouvante.*

МЕНЬЁ: *...****une femme*** *de quatre-vingts ans...*; *...une* ***vieille femme*** *de qualité...*; *...pillant à l'envie* ***la vieille moribonde****...*; *...soulevaient* ***la vieille dame****...*; *...****la vieille*** *toute courbée...*; *...qu'****elle*** *ne se mouvait pas par l'action de la volonté...*; ***La vieille*** *le regardait en silence...*; ***La vieille*** *gardait toujours le silence*; ***La vieille comtesse*** *ne répondit pas un mot*; *Il n'éprouvait pas de remords, en songeant à la mort de* ***la vieille comtesse***; *Le* ***cadavre de la vieille*** *était assis tout roide*; *«C'est toi le meurtrier de* ***la vieille****!»*; *...l'image de* ***feu la vieille comtesse***; *«****La vieille****!» s'ecria-t-il épouvanté.*

СЕЗЕМАНН: *...qu'une* ***vieillarde*** *de quatre-vingts ans...*; *...la pupille pauvre d'une* ***viellarde*** *titrée...*; *...et volait à qui mieux mieux* ***la vieillarde*** *cacochyme*; *...soulevaient* ***la vieille dame****...*; *Hermann vit sortir* ***la vieillarde*** *ratatinée...*; *...on aurait cru, à* ***la*** *voir...*; ***La vieillarde*** *le fixait en silence...*; ***La vieille*** *continua de se taire*; ***La vieille femme*** *demeurait muette*; *...en pensant à* ***la vieille femme*** *morte*; ***La vieille femme*** *morte était assise, petrifiée...*; *...tu es l'assasin* ***de la vieille****!*; *...le souvenir de la* ***vieille femme*** *morte...*; *–* ***La vieille****! s'écria-t-il épouvanté.*

НИКЁ: *Qu'y a-t-il d'étonnant <...> à ce qu'une* ***vieille octogénaire*** *ne ponte pas?*; *...sinon la pauvre pupille d'une* ***vieille douairière****?*; *...et volaient à qui mieux mieux la* ***vieille moribonde****...*; *...deux valets soulevaient* ***la vieille****...*; *....porter sous les bras* ***la vieille*** *toute voûtée...*; *...que le balancement de* ***l'horrible vieille****...*; ***La vieille*** *le regardait en silence...*; ***La vieille*** *se taisait toujours*; ***La comtesse*** *ne répondit mot*; *... à la pensée de* ***la vieille morte***; ***La morte*** *était assise, petrifiée...*; *«C'est toi l'assassin de* ***la vieille****!»*; *...l'image de la* ***défunte vieille****...*; *–* ***La vieille****! s'écria-t-il épouvanté.*

МАРКОВИЧ: *Qu'y a-t-il d'étonnant <...> à ce qu'une* ***vieille femme*** *de quatre-vingts ans <...>*; *...la pupille pauvre d'une* ***vieille aristocrate****?*; *...détroussant à l'envi* ***la vieille agonisante***; *...deux valets soulevaient* ***la vieille femme****...*; *...vit les valets porter à bout de bras* ***la vieille femme*** *toute courbée...*; *le balancement de cette* ***vieille femme*** *effroyable...*; ***La comtesse*** *le regardait sans rien dire...*; ***La vieille*** *restait toujours muette*; ***La vieille*** *ne répondit pas un mot...*; *...à l'idée que* ***la vieille*** *était morte*; ***La vieille femme*** *morte était assise, pétrifiée*; *...tu es l'assassin de* ***la vieille****!*; *...l'image de* ***la vieille défunte***; ***La vieille****! s'écria-t-il, pris de terreur.*

Существительное *vieille*, являясь омонимом прилагательного (в отличие от русск. *старуха*), в синтаксическом плане связано с рядом ограничений, в частности касающихся порядка слов, который в некоторых случаях автоматически переводит *vieille* в ранг прилагательного, не несущего в себе априорной негативной оценки. Таким образом, мы имеем языковую (синтаксическую и семантическую) проблему в связи с воспроизведением этого значимого нарративно-стилистического момента. В большинстве переводов *la vieille* появляется пять-восемь раз (восемь – у Жюльвекура, Ке, Варовски и Никё, семь – у Жобера и Марковича, шесть – у Жида, пять – у Полтавцева, Офманна и Меньё).

Проспер Мериме (два вхождения *la vieille*) вводит *spectre cassé* (букв. «изломанный призрак»), отсутствующую в оригинале гиперболу на основе метафоры, заменяет *старуху* на *la pauvre femme* «бедная женщина»[32] в примере 12, на *la vieille dame* «старая дама» в примере 4, на личное местоимение *elle* «она» вместо *ужасной старухи* и т. п. Тот же «облагораживающий» подход прослеживается как в переводе Шапиро (четыре вхождения), так и в переводе Сеземанна (три вхождения). Последний использует достаточно искусственный литературный архаизм *vieillarde*[33]. Дерама и Витме придерживаются нейтральных словарных эквивалентов (*vieille femme*, *vieille dame*) – у них *la vieille* используется только в двух (совпадающих – 9 и 12) контекстах.

Заметим, что Никё, который в максимальной степени поддерживает этот стилистический момент, использует сочетание *la défunte vieille*, которое вряд ли можно считать идиоматичным: более естественным здесь было бы *la vieille défunte* (которое используется Полтавцевым и Марковичем), где *vieille* переводится в статус прилагательного.

В переводе Жюльвекура существительное *vieille* встречается и в других фрагментах, его дистрибуция отличается от распределения слова *старуха* в оригинале:

...что от старой графини таили смерть ее ровесниц, и закусил себе губу. Но ***графиня*** *услышала весть, для нее новую, с большим равнодушием.*

ЖЮЛЬВЕКУР: *...qu'il était de règle dans la maison de cacher à la comtesse la mort de ses contemporaines; mais* ***la vieille*** *entendit cette nouvelle, qui n'était nouvelle que pour elle, avec le plus beau sang-froid du monde.*

Это вхождение трудно (хотя и возможно) отнести к чьей-либо внутренней точке зрения. В речи Германна оно также встречается чаще. Употребление его в диалоге без ссылки на несогласие собеседника вводит негативное *la vieille* в общий для собеседников когнитивный и эмоциональный фон, что в приведенном ниже отрывке входит в противоречие с последующим текстом – несобственно-прямой речью Лизы:

– Где же вы были? – спросила она испуганным шепотом.

– В спальне ***у старой графини****, – отвечал Германн, – я сейчас от нее. Графиня умерла. Лизавета Ивановна выслушала его с ужасом. <...> Бедная воспитанница была не что иное, как слепая помощница разбойника, убийцы старой ее* ***благодетельницы****!..*

---

[32] В тексте оригинала эпитет *бедная* относится исключительно к Лизе.

[33] Нечто сходное с русск. *старица* в значении ‘престарелая женщина’.

ЖЮЛЬВЕКУР: – *Où donc étiez-vous, lui demanda-t-elle à voix basse, et avec un sentiment d'effroi involontaire. – Dans la chambre à coucher* ***de la vieille****, dit Herman, j'en sors à l'instant. La comtesse est morte.*

La vieille проходит также в прямой речи, передающей мысли Германна, как эквивалент *престарелой его любовницы*[34]:

По этой самой лестнице, думал он, может быть, лет шестьдесят назад, в эту самую спальню, в такой же час, в шитом кафтане, причесанный à l'oiseau royal, прижимая к сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливец, давно уже истлевший в могиле, а сердце ***престарелой его любовницы*** *сегодня перестало биться...*

ЖЮЛЬВЕКУР: *...Depuis bien longtemps sans doute, ce cœur-là est réduit en poussière dans la tombe; – aujourd'hui le tour* ***de la vieille*** *est arrivé, son cœur ne battra plus!*

Подобные замены производятся только в этом переводе, где отношение Германна к графине становится более единообразным. Тем самым стираются присутствующие в оригинале нюансы. Более того, у Жюльвекура такое именование переходит и к рассказчику.

В данном примере сохранение нарративной схемы, несмотря на наличие «хорошего» эквивалента, затрудняется синтаксической проблемой. Вместе с тем во многих переводах проявляются индивидуальные, не навязанные языковыми трудностями, решения. Одни нацелены на повышение литературного статуса текста (введение фигур, использование редких эквивалентов), другие свидетельствуют о стремлении строго придерживаться словарных эквивалентов, третьи нацелены на логическое выравнивание изложения. Важной тенденцией является также стремление к стиранию негативного компонента, что может быть связано с особенностями французской культурной традиции[35].

1.2.2. Лизанька

Имя *Лизанька* встречается в повести шесть раз: пять раз в прямой речи графини и один раз в тексте от третьего лица (фрагмент 2):

1. *– Ну, Paul, – сказала она потом, – теперь помоги мне встать.* ***Лизанька****, где моя табакерка?*
2. *– Прикажи,* ***Лизанька****, – сказала она, – карету закладывать, и поедем прогуляться.* ***Лизанька*** *встала из-за пяльцев и стала убирать свою работу.*
3. *– Хорошо! Благодарить,— сказала графиня. –* ***Лизанька****,* ***Лизанька****! да куда ж ты бежишь?*
4. *– Вы всегда говорите наобум! Отворите форточку. Так и есть: ветер! и прехолодный! Отложить карету!* ***Лизанька****, мы не поедем: нечего было наряжаться.*

Чаще всего героиня повести именуется Лизаветой Ивановной. Можно считать, что во втором фрагменте воспроизводится точка зрения графини, только для графини Лизавета Ивановна – *Лизанька*[36]. Можно, конечно, считать, что это своего рода иронический

---

[34] В рамках этого перевода вряд ли прошла бы гипотеза о том, что мысли Германна в этом фрагменте переплетаются с голосом рассказчика (см., например, С.Г. Бочаров [Бочаров 1974] со ссылкой на Лернера).

[35] Можно связать это обстоятельство с тем фактом, что во французской культуре в целом, по крайней мере XVIII – первой половины XIX в., высокий социальный статус был плохо совместим с отсутствием почтительного отношения людей более низких сословий (но не принадлежащих к «низам» общества), что, как известно, не исключало насильственных действий в отношении аристократов как в жизни, так и в литературе. В переводе Жюльвекура, выполненном в духе «черного романтизма» (см. [Henry 1997]), Германн выглядит просто бандитом.

[36] Этот тезис входит в противоречие с положением Виноградова о том, что в повести есть единственный контекст (см. 1.2.3), где повествователь становится на точку зрения графини. Вместе с тем мы используем здесь аргументацию в целом аналогичную той, которая приводится Виноградовым для выявления точки зрения графини в фрагменте появления Германна в ее спальне.

повтор, передразнивание графини. В любом случае это явление вряд ли можно рассматривать как случайное и списать его на счет неаккуратности или непоследовательности автора.

Мериме, Жобер, Витме, Офманн, Дерама и Меньё не сохраняют этот прием в своих текстах: *Lisanka / Lisabeta*, *Lisagnka / Lisaveta*, *Lisahnka / la pupille*, *Lisanka / la jeune fille*, *Lisanka / Lizaveta Ivanovna*, *Lizanka / Lizavéta*. Сеземанн использует усложненный повтор *ma petite Lise / Lise*. Жюльвекур, Ке, Жид, Полтавцев, Шапиро, Варовски, Никё, Саван и Маркович полностью воспроизводят оригинальную диспозицию: *Lisinka / Lisinka*, *Lisette / Lisette*, *Lisanka / Lisanka*, *Lise / Lise*, *Lison / Lison*, *Lisan'ka / Lisan'ka*, *Lizounette / Lizounette*. Во многих переводах фигурирующее в этой паре именование появляется и в других фрагментах, что отчасти нейтрализует эту нарративную конструкцию.

Сам факт повтора связан во французском литературном языке с бóльшим сопротивлением, чем в русском. Из приведенных выше примеров следует, что даже если в диахронии изменения нормы в сторону большей толерантности к повтору и наблюдаются, мы не находим им подтверждения на данном материале: чистый повтор имеет место как в ранних переводах (Жюльвекур), так и в поздних (Никё или Маркович).

На данном примере также можно наблюдать различные способы передачи русских имен: от попыток их фонетического воспроизведения (*Lizinka*, *Lisanka*, *Lisahnka*, *Lisagnka*, *Lisan'ka*) до полной ассимиляции в рамках французского языка (*Lison*, *Lisette*, *Lise*, *Lizounette*). В первом случае мы находимся в поле ксенофилизации (экзотизации), больше свойственной «буквалистам», во втором – в поле ассимиляции, или национализации[37], к которой часто прибегают переводы, нацеленные прежде всего на читателя.

То же самое наблюдается и в передаче просторечных оборотов в речи графини (ср. *матушка – «matouchka»* у Савана, *ma petite* у Никё).

1.2.3. Незнакомый мужчина или Германн?

Если считать, что в предыдущем случае воспроизводится точка зрения графини, то то же самое можно сказать и о фрагменте, выделенном В.В. Виноградовым, где описывается появление Германна в ее спальне:

<...> ***Германн*** *был свидетелем отвратительных таинств ее туалета; наконец, графиня осталась в спальной кофте и ночном чепце: в этом наряде, более свойственном ее старости, она казалась менее ужасна и безобразна.*

Как и все старые люди вообще, графиня страдала бессонницею. Раздевшись, она села у окна в вольтеровы кресла и отослала горничных. Свечи вынесли, комната опять осветилась одною лампадою. Графиня сидела вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налево. В мутных глазах ее изображалось совершенное отсутствие мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качание страшной старухи происходило не от ее воли, но по действию скрытого гальванизма.

Вдруг это мертвое лицо изменилось неизъяснимо. Губы перестали шевелиться, глаза оживились: перед графинею стоял ***незнакомый мужчина****.*

– Не пугайтесь, ради бога, не пугайтесь! – сказал ***он*** *внятным тихим голосом. – Я не имею намерения вредить вам; я пришел умолять вас об одной милости.*

Старуха молча смотрела на ***него*** *и, казалось,* ***его*** *не слыхала.* ***Германн*** *вообразил, что она глуха, и, наклонясь над самым ее ухом, повторил ей то же самое.*

«Во всем этом пассаже слышится “непрямая речь”[38] повествователя, – пишет Виноградов. – Лишь только с точки зрения старухи можно было назвать Германна *незнакомым мужчиной*» [Виноградов 1980б: 112]. Точка зрения графини удерживается

---

[37] Оппозиции «ксенофилизация / национализация» и «архаизация / модернизация» мы находим, в частности, у Умберто Эко [Eco 2006].

[38] Словосочетание «непрямая речь» Виноградов использует для обозначения внутренней точки зрения (внутренней фокализации).

у Пушкина достаточно долго, что, однако, не отражено во всех переводах. Сразу после *незнакомого мужчины* Мериме вводит «естественное» уточнение *Это был Германн*, нарушая тем самым нарративную структуру фрагмента: вмешательство повествователя и снятие неопределенности происходит гораздо раньше, чем у Пушкина.

МЕРИМЕ: *Tout à coup ce visage de mort changea d'expression. Les lèvres cessèrent de trembler, les yeux s'animèrent. Devant la comtesse, un inconnu venait de paraître:* ***c'était Hermann***.

С аналогичной ситуацией мы сталкиваемся в переводе Жобера, с той разницей, что отождествление незнакомого мужчины с Германном происходит несколько позже, чем у Мериме, но все же раньше, чем у Пушкина:

ЖОБЕР: *Tout à coup cette figure morte se ranima; ses yeux brillèrent et sa bouche s'entr'ouvrit comme pour parler. Devant elle, venait d'apparaître un homme.*
– Ne vous effrayez pas, au nom du ciel, lui dit à voix basse ***Herman*** *(****car c'était lui****), ne vous effrayez pas! – Je n'ai pas la moindre intention de vous faire du mal; je viens au contraire vous faire une prière.*

Фрагмент *сказал он внятным тихим голосом* в переводе дополнен: *lui dit à voix basse Herman (car c'était lui)* – русск. *сказал тихим голосом Германн, ибо это был он.*

Остальные французские тексты придерживаются оригинала – Германн исчезает после передачи фразы *Германн был свидетелем отвратительных таинств ее туалета...* и появляется вновь с этим «именованием» только в аналоге фразы *Германн вообразил, что она глуха...*

Такое позднее называние Германна Германном у Пушкина создает определенное напряжение при чтении и может рассматриваться как стилистически значимая нарративная схема, а не как неаккуратность автора[39], нуждающаяся в исправлении. Мериме и Жобер увеличивают долю рассказчика, уменьшая тем самым долю восприятия героев. Нарративная структура упрощается, причем такое решение не является вынужденным, а всецело свидетельствует о личных пристрастиях авторов французских текстов.

В связи с этим можно добавить к тринадцати типам искажений, характерных вообще для прозаических переводов, описанных Антуаном Берманом [Berman 1999], и искажения нарративных схем, касающиеся статуса повествователя и внутренних точек зрения. Возможно, последние часто остаются незамеченными переводчиками, и даже если они видят их, то не обязательно стремятся воспроизвести.

1.3. О других видах искажения нарративных структур

Нарратив проявляется также и в организации содержательной части повествования. Многие дополнения в переводах являются перифразами, они направлены не столько на изменение содержательной части повести, сколько на борьбу с лапидарностью изложения и/или с недостаточной, опять же с точки зрения переводчика, эмоциональностью повествования. Действие подвергается дроблению, экспликации, часто в дополнениях появляются слова и выражения, описывающие внутренние состояния, мысли, чувства, ощущения персонажей, которых нет в оригинале, с одной стороны, а с другой – связанные с ними внешние проявления. Такого рода вставки характерны в основном для ранних переводов. Ниже для сравнения мы приводим сцену проигрыша у Пушкина и ее же у Жюльвекура в обратном переводе:

Чекалинский стал метать, руки его тряслись. Направо легла дама, налево туз.
– Туз выиграл! – сказал Германн и открыл свою карту.

---

[39] Это явление того же порядка, что и то, что обозначается получившим в последние годы распространение термином «плохопись» (А. Жолковский) или более поздним «дурнопись» (М. Шапир). Специалисты по фигурам речи, со своей стороны, также неоднократно указывали на близость и иногда неотличимость некоторых «небрежностей» от стилистических (в том числе и текстовых) приемов и фигур (см., например, [Bonhomme 2005] или описания некоторых фигур М.Л. Гаспаровым в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» [Литературная энциклопедия 2003]).

– Дама ваша убита, – сказал ласково Чекалинский.

Германн вздрогнул: в самом деле, вместо туза у него стояла пиковая дама. Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он обдернуться.

В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась. Необыкновенное сходство поразило его...

– Старуха! – закричал он в ужасе.

Чекалинский потянул к себе проигранные билеты. Германн стоял неподвижно. Когда отошел он от стола, поднялся шумный говор. – Славно спонтировал! – говорили игроки. –

ЖЮЛЬВЕКУР: *Чекалинский стал метать, руки его тряслись. Как ему было страшно!.. Направо легла дама.*

Налево туз.

– Туз выиграл! – сказал Германн, уверенный в собственной правоте, и, даже не взглянув на карту, открыл ее.

– И в правду, туз выиграл, – сказал Чекалинский ласково, но сколь коварно! – Дама ваша бита!

– Дама! – прошептал Германн, посмотрев на карту. – Возможно ль это?! Я ставил на туза, а не на пиковую даму!.. И он содрогнулся, о несчастный, всем телом, не мог поверить в то, что увидел. Не понимал он, что сотворил, как мог так ошибиться! Нет, все это обман, это была другая карта, и он вертел ее в руках, рассматривая со всех сторон, в надежде увидеть, наконец, туза.

Но тут ему показалось, что пиковая дама, которую он так внимательно разглядывал, посмотрела на него, подмигнув лукаво, поморщилась и усмехнулась.

Он чувствовал, что сломлен, уничтожен. Сходство было слишком разительно.

– Старуха! – пробормотал он с ужасом. – Старуха!!..

Чекалинский потянул к себе проигранные билеты.

Но Германн сидел не шелохнувшись и только тихо повторял: «Старуха!... Старуха!...»

Время шло. Внезапно он вскочил, прошел через толпу и исчез.

После его ухода в зале поднялся шумный говор: каждый по своему трактовал эту столь странную ошибку, необъяснимую рассеянность.

– Такое мы видим впервые. Славно спонтировал! – говорили игроки Чекалинскому. – Признайтесь, вы перепугались!

Чекалинский улыбался, но на сей раз от всей души! Он снова стасовал карты и начал новую талью: игра пошла своим чередом, играли до утра. (перевод наш. – *Е.Р.*)

Дробление действия у Жюльвекура мы видим и в эпизоде явления графини Германну в пятой главе: последний вновь погружается в дрему после того, как кто-то заглянул ему в окошко, чего (как и многого другого) нет у Пушкина:

В это время кто-то с улицы взглянул к нему в окошко, – и тотчас отошел. Через минуту услышал он, что отпирали дверь...

ЖЮЛЬВЕКУР: *À ce moment, comme il se trouvait en face de la fenêtre, il vit une forme de tête qui se dessinait à la vitre et le regardait fixement; mais comme elle disparut presque aussitôt,* ***il n'y fit pas plus d'attention, et retomba dans ses profondes et lugubres rêveries****.*

Quelques minutes se passèrent, et alors, il entendit qu'on ouvrait la porte...

В тексте повести нет эквивалента фрагмента *il n'y fit pas plus d'attention, et retomba dans ses profondes et lugubres rêveries* «он не обратил на это внимания и вновь погрузился в глубокую тяжелую дрему».

Добавления (наряду с опущениями) имеются и в тексте Мериме. Они разбираются в работах А. Манго [Mongault 1931], Л.Е. Коган [Коган 1939], О.В. Тимофеевой [Тимофеева 1953], З.И. Кернозе [Кернозе 1987] и Э. Анри [Henry 1987], поэтому мы не будем здесь останавливаться на них.

С гораздо менее ярко выраженными дополнениями мы сталкиваемся и в более позднем переводе Марка Шапиро [Pouchkine 1948]. Вот его вариант заключительной части сцены проигрыша Германна:

ШАПИРО: *Il lui sembla, à cet instant, que la dame de pique clignait d'un œuil et riait* ***sous sa cape en le regardant****. Une ressemblance* ***étrange****, incroyable, le frappa...*

– La vieille! cria-t-il d'une voix terrifiée.

Tchekalinsky empocha ***placidement*** *les billets. Hermann ne bougeait pas,* ***comme pétrifié****.*
Quand il s'éloignat de la table, ***d'un pas hésitant et lourd*** *une conversation animée jaillit* ***parmi les joueurs****. «En voici un qui sait ponter» observèrent quelques'uns. Mais Tchekalinsky avait de nouveau brassé les cartes. Le jeu continuait.*

Здесь несколько вставок: *et riait sous sa cape en le regardant* («глядя на него, посмеивалась исподтишка»), *étrange* («странное»), *placidement* («невозмутимо»), *comme pétrifié* («словно окаменев»), *d'un pas hésitant et lourd* («тяжелой неуверенной походкой»), *parmi les joueurs* («среди игроков»).

Вот еще один, характерный для него, пример:

Германн стоял, прислонясь к холодной печке. Он был спокоен...
ШАПИРО: *Hermann se tenait appuyé contre un poêle non chauffé* ***et sentait le contact, contre son corps, des froides plaques de faïence****. Il n'éprouvait aucune émotion...*

Фрагмент *...et sentait le contact, contre son corps, des froides plaques de faïence* («и всем телом ощущал холод кафельных плит») добавлен переводчиком.

Однако эти моменты никак не влияют на собственно содержательную, когнитивную часть – в отличие от интерпретации Жана д'Аржанса [Arjanse 1937][40], где сюжет сильно отличается от пушкинской повести и введены новые главные действующие лица. Именно здесь, по-видимому, следует проложить грань между собственно переводом и свободной адаптацией.

Из рассматриваемых нами переводов наиболее близок к адаптации перевод Жюльвекура. Там даже появляется отсутствующий в оригинале персонаж (игрок Pavloff в одной из реплик первой главы), имя которого упоминается лишь один раз. Однако чаще всего добавления Жюльвекура ограничиваются перефразированием, добавлением эмоциональных слов, описанием внутренних состояний, дроблением действия, экспликациями, и мы (вслед за Андре Меньё и Элен Анри) отнесли этот текст к переводам, а не к адаптациям.

В диахронии «дописывание» (и «переписывание») пушкинского текста прекратилось с момента выхода в свет перевода Жида – Шиффрина (более поздний перевод Шапиро в этом плане – исключение). Если точнее, то уже у Мориса Ке не было серьезных отклонений, однако его вариант, скорее всего, прошел незамеченным и не имел такого резонанса, как перевод, отредактированный известным писателем, который, кстати говоря, скорее всего, не владел в достаточной степени русским языком[41].

2. Лексические параллелизмы

Стилистически значимый повтор лексемы или однокоренных слов близко подходит к рассмотренной выше тематике. Но если ранее мы рассматривали вопрос, связанный с «точкой зрения», альтернативой внешней и внутренней фокализаций, переходом повествования на позицию персонажа, то здесь речь идет исключительно о точке зрения повествователя, о системе «внутренних аналогий», которую можно обнаружить в тексте. Они были описаны Ю.М. Лотманом [Лотман 2009]. Как известно, многие фигуры речи описывают ситуацию повтора слов (или появление однокоренного слова) в «близком» контексте (хиазм, поэтическая анафора, эпифора, анадиплоз и др.). Ниже мы рассмот-

---

[40] Этот текст фигурирует в числе переводов «Пиковой дамы» в библиографии Андре Меньё [Meynieux 1973]. В нем восемь глав, по объему он сильно превосходит повесть Пушкина, сюжет имеет больше общего с либретто одноименной оперы Чайковского, правда, в отличие от последней, со счастливой развязкой: любовь Лизы спасает Германна от безумия.

[41] Об этом, в частности, свидетельствует переписка Андре Жида с Жаком Шиффриным. О переводе «Пиковой дамы» Жид пишет: «Я поставил свою фамилию последней (после Шиффрина и Шлёзера на титульном листе. – *E.P.*) совсем не из ложной скромности, а чтобы указать на то, что и так сразу станет очевидным: перевод ваш – я его только отредактировал» [Gide, Schiffrine 2005: 22].

рим повтор слов, удаленных друг от друга, функция которого не в том, чтобы структурировать смежные пропозиции, а в том, чтобы структурировать повествование. Это своего рода текстовые фигуры. Такие повторы считаются маркерами, сближающими персонажей и ситуации[42].

Мы рассмотрим четыре случая подобных повторов. Нас будут интересовать повторы лексем *трепет / трепетать* (относительно Германна и Лизы), *окаменеть* (в отношении Германна и графини) и словосочетаний *запер двери / дверь заперта* (когда речь идет о Германне и графине) в пушкинском тексте и их эквиваленты в переводах.

2.1. Трепет

Трепет / трепетать (затрепетать) встречается в повести семь раз.
Три раза во второй главе:

1. *Лизавета Ивановна испугалась, сама не зная чего, и села в карету с* ***трепетом*** *неизъяснимым.*
2. *...и следовал с лихорадочным* ***трепетом*** *за различными оборотами игры.*
3. *– Чей это дом? – спросил он у углового будочника. – Графини ***, – ответил будочник. Германн* ***затрепетал****.*

Два раза в третьей:

4. *Германн* ***трепетал,*** *как тигр, ожидая назначенного времени.*
5. *Он остановился,* ***с трепетом*** *ожидая ответа.*

И два раза в четвертой:

6. *...сказала, что разденется сама, и с* ***трепетом*** *вошла к себе, надеясь найти там Германна и желая не найти его.*
7. *Вдруг дверь отворилась, и Германн вошел. Она* ***затрепетала****.*

Этот повтор можно рассматривать как стилистически значимый момент, он интерпретируется (в частности, Ю.М. Лотманом) как способ сближения персонажей Лизы и Германна, как элемент «живого» начала. Повтор поддерживается только в переводе Никё – все семь раз используются *frémir / frémissement*[43]. Рассмотрим переводы в хронологическом порядке.

ЖЮЛЬВЕКУР: *...et s'assit en voiture* ***tout émue, toute tremblante****...; suivait avec* ***des tressaillements*** *nerveux; Herman* ***tressaillit****...; Herman* ***tressaillit*** *de joie et d'espérance...;* в переводе отсутствует; *...elle était montée chez elle en* ***tremblant****...; Elle* ***tressaillit****, elle se sentit* ***trembler****...*

МЕРИМЕ: *et s'assit* ***en tremblant*** *dans sa voiture; suivant avec* ***une anxiété fébrile****; Hermann* ***trésaillit****; Hermann* ***frémissait*** *comme un tigre à l'affût; ...attendant une réponse* ***en tremblant****; ...dans son appartement,* ***tremblant*** *d'y trouver Hermann; Elle* ***trésaillit****.*

ЖОБЕР: *...et ce fut avec un* ***tremblement*** *inexplicable...; ...suivant, avec un* ***tremblement*** *fiévreux...; Hermann* ***trésaillit****; Hermann* ***frémissait*** *comme un tigre...; ...il attendit, tout* ***tremblant****, une réponse; ... toute* ***tremblante****...; Elle se mit à* ***frissonner****...*

КЕ: *...avec une* ***frayeur*** *inexplicable; ...avec une* ***fiévreuse anxiété****; Hermann* ***trésaillit****; Hermann* ***palpitait*** *comme un tigre...; ...et,* ***avec émotion,*** *attendit sa réponse; ... et,* ***avec émotion,*** *rentra chez elle; Elle se mit à* ***trembler****...*

ЖИД: *...saisie d'un* ***trouble*** *étrange...; ...avec une* ***angoisse fébrile****...; Hermann* ***trésaillit****; Hermann* ***frémissait*** *comme un tigre...; ...et attendit,* ***frémissant,*** *sa réponse; ...puis, toute* ***frémissante****, elle était montée dans sa chambre; Elle* ***trésaillit****.*

---

[42] Во французской стилистике подобные ситуации описываются термином «collocation» [Gardes-Tamine 2001].

[43] Мишель Никё пишет о значимом шестикратном повторе *трепетать / трепет* (см. его сноску 24 ко второй главе его перевода [Pouchkine 1999]), хотя все семь раз переводит единообразно. Германн у Пушкина «трепещет» чаще, чем Лиза. В нем, если следовать концепции Лотмана, больше жизни, и к тому же еще раз появляется цифра семь.

ВИТМЕ: *...et monta en voiture avec un inexprimable **frisson**; ...avec une **émotion** fébrile; Hermann **tressaillit**; Hermann **frémissait** comme un tigre...; ...attendit la réponse **en tremblant**; ...pénétra dans sa chambre toute **émue**...; Elle **trésaillit**...*

ПОЛТАВЦЕВ: *...avec une sorte d'**angoisse** inexpliquable; ...avec une **émotion** fébrile...; Hermann **trésaillit**; Hermann **bouillonna** d'impatience, mais il fallait attendre l'heure indiquée; Il se tut et attendit la réponse en **tremblant**; Elle entra **doucement** dans sa chambre, espérant y trouver Hermann...; Elle **tressaillit**...*

ОФМАНН: *s'installa dans sa voiture avec un **trouble** inexprimable; ...à suivre avec une **anxiété fébrile**...; Hermann **trésaillit**; Hermann **frémissait** comme un tigre; il s'arrêta, guettant une réponse **en tremblant**; отсутствует в переводе; Elle **trésaillit**...*

ШАПИРО: *...envahie par l'**anxiété**; ...suivre, avec des **palpitatiopns** secrètes...; Hermann **trésaillit**; Hermann **trépignait** comme un tigre à l'affût...; ...et attendit sa réponse **anxieusement**; ...et, **tremblant** d'émotion, pénétra dans sa chambrette...; Elle **trésaillit**...*

ДЕРАМА: *...prise d'une **agitation** inexpliquable; ...avec une **angoisse** fiévreuse...; Hermann **trésaillit**; ...en **frémissant** comme un tigre...; ...et attendit **en tremblant** une réponse; ...et, **le cœur battant**, elle s'était rendue dans sa chambre...; Elle **trésaillit**...*

ВАРОВСКИ: *…saisie d'un **trouble** inexplicable; ...suivant avec une **anxiété** fébrile...; Hermann **trésaillit**; Hermann **frémissait** comme un tigre...; ...et attendit, en **frémissant,** sa réponse; ...était entrée, toute **frémissante**, dans sa chambre...; Elle **trésaillit**.*

САВАН: *...et c'est prise d'un **trouble** inexpliquable qu'elle...; ...en suivant avec une **émotion** fébrile...; Hermann **trésaillit**; ...Hermann **frémissait** comme un tigre; ...et, **frémissant**, attendit la réponse; ...elle était entrée, toute **émue**, chez elle...; Elle **trésaillit**.*

МЕНЬЁ: *...et s'assit dans le coupé **en tremblant**; suivant avec **une anxiété** fébrile; Hermann **trésaillit**; Hermann **frémissait** comme un tigre...; ...et attendait sa réponse **en tremblant**; ...elle était entrée **palpitante** dans sa chambre...; Elle **trésaillit**...*

СЕЗЕМАНН: *...et monta dans sa voiture en **frissonant** de façon inexplicable; ...à suivre **fébrilement** les péripéties du jeu; Hermann **frémit**; Hermann **frémissait** comme un tigre; Il se tut et attendit, **tremblant**, sa réponse; elle avait pénétré dans sa chambre **en tremblant**; Elle **trembla**...*

НИКЁ: *…avec un **frémissement** indéfinissable; ...avec un **frémissement** fébrile; Hermann **frémit**; Hermann **frémissait** comme un tigre; ...en attendant **frémissant**...; ...elle était montée **en frémissant** dans sa chambre; Elle **frémit**...*

МАРКОВИЧ: *...et monta dans le carrosse, saisie d'un **frisson** indicidle; ...suivait, **en frissonant** de fièvre, toutes les péripéties de la partie; Hermann **trésaillit**; Hermann **frissonnait** comme un tigre...; ...et, **frissonant**, attendit sa réponse; ...et, **en frissonant**, était entrée chez elle...; Elle se mit à **frissonner**...*

В целом имеет место относительно равномерное распределение между *frémir*, *trésaillir* и *trembler*, глаголами, охватывающими как внутреннее состояние, так и его внешнее проявление; причем во *frémir* преобладает скорее первое, а в *trembler* и *trésaillir* – скорее второе (ср. русск. *дрожать*, *содрагаться*). Более редкие глаголы такого типа в текстах переводов: *palpiter*, *frissoner*, *trépigner.* У всех этих слов сходная семантика[44]. Были предложены также варианты со словами, указывающими исключительно на внутреннее состояние (*trouble*, *frayeur*, *anxiété*, *angoisse*, *émotion*, *toute émue*). Кроме того, встречаются и более редкие варианты, иногда, на наш взгляд, вполне семантически адекватные, такие как *le cœur battant* «с трепетом» (букв. «с бьющимся сердцем») – выражение, которое не было нами обнаружено в качестве французского эквивалента в двуязычных словарях. Семантика *трепетать* словарно близка семантике *frémir*; тем не менее словарь Рейфа [Рейф 1835] не дает *frémir* в качестве эквивалента русск. *трепетать*[45] в отличие от более поздних словарей, например словаря Н.П. Макарова [Макаров 1916]. Выбор Никё, быть может, объясняется очень широкой семанти-

---

[44] В качестве русских эквивалентов интересующего нас значения этих слов «Новый французский словарь» [Гак, Ганшина 1993] дает: для *frémir* – «содрогаться, дрожать, трепетать», для *trésaillir* – «вздрагивать, содрогаться», для *trembler* – «дрожать, трепетать», для *palpiter* – «трепетать, дрожать», для *frissonner* – «дрожать, содрогаться».

[45] В этом словаре предлагаются следующие эквиваленты: *трепетать – trembler, frissonner, palpiter, craindre, avoir peur, appréhender; трепет – frayeur, tremblement, frisson, peur, agitation tumultueuse.*

кой *frémir*: по описанию многих словарей французского языка слово *frémir* исторически связано в первую очередь с чувством страха, ужаса (отвращения) или гнева (словари Французской Академии до 1832 года). Более современные словари добавляют холод, наслаждение или любую другую сильную эмоцию, в том числе нетерпение (Trésor de la langue française [Trésor 1971–1994], Petit Robert [Petit Robert 2008]). С другой стороны, употребление конкурентного варианта, глагола *trésaillir* ('вздрагивать / вздрогнуть, содрогаться / содрогнуться'), крайне затруднено в имперфекте, что практически исключает возможность его использования в переводе четвертого вхождения. Вместе с тем никто, кроме Никё, не употребил *frémir / frémissement* в первом, втором и седьмом вхождении. В третьем вхождении этот глагол встречается только у Никё и Сеземанна, все остальные предпочли *trésaillir*.

Интересен также вариант Марковича, где шесть раз использованы *frissonner / frisson*, близкие по семантике к *frémir / frémissement*: отличие состоит в том, что стилистическая аура, инвариантная коннотация *frémir* отличается от инвариантной коннотации *frissonner*. У последнего не просматривается «драматическая» составляющая, которая, кстати говоря, присутствует у русск. *трепетать* и *содрогаться*, а также у франц. *trésaillir* (и даже в некоторой степени у *trembler*). *Frissonner* – слово более бытовое: оно выражает идею *озноба*, с его помощью естественно передать русск. *поёжиться* (от холода, от удовольствия), так же как, например, и русск. *от этого у меня мурашки по коже* хорошо укладывается в *ça me donne des frissons*. Именно поэтому, быть может, данный вариант встречается в других переводах только два раза, и то применительно к Лизе. В каком-то смысле это вопрос жанра[46], его завышения или занижения.

Заметим, что четырехкратный повтор *волнение / волноваться* в пушкинском тексте (слов, по-видимому, менее заметных и интересных, чем *трепетать / трепет*, не обладающих в отличие от последних иконической составляющей[47]) не поддерживается в полном объеме даже у Никё.

2.2. Окаменеть

Слово ***окаменеть***, сближающее персонажи Германна и графини (этот параллелизм также отмечен Ю.М. Лотманом), встречается в повести два раза:

Гл. III

В сердце его отозвалось нечто похожее на угрызения совести и снова умолкло. Он ***окаменел***.

Гл. IV

Мертвая старуха сидела ***окаменев****; лицо ее выражало глубокое спокойствие.*

В первой главе также есть контекст со словом *камень: Вы знаете, что он* <граф Сен-Жермен> *выдавал себя за вечного жида, за изобретателя жизненного эликсира и* ***философского камня****, и прочая.* Но здесь так же, как и в русском, франц. *pierre philosophale* образует устойчивое словосочетание и вряд ли это вхождение можно поставить в тот же ряд и считать стилистически значимым.

Что касается двух вхождений *окаменеть*[48], то в переводах мы находим следующие варианты:

ЖЮЛЬВЕКУР: *...et il redevint* ***pierre, statue****!!!... / La vieille était assise, et pour ainsi dire clouée dans son fauteuil; la mort l'avait* ***comme pétrifiée***

МЕРИМЕ: *Son coeur redevint de* ***pierre*** */ Elle était assise dans son fauteuil, toute* ***roide***[49]

---

[46] См. о проблеме жанрового «попадания» в переводе, в частности, в книге [Bellos 2011].

[47] [tr] в трепетать (и, кстати говоря, [fr] во *frémir* и *frissonner*).

[48] В словаре Рейфа [Рейф 1835] даются следующие эквиваленты: *каменеть / окаменеть – devenir pierre, se pétrifier; s'endurcir, devenir insensible, у него сердце окаменело – son coeur s'est endurci*. В переносном значении (не привязанном к слову *сердце*) Рейф не дает варианта с *pierre*, который к тому моменту уже существовал и упоминается в историческом словаре французского языка Алена Рея [Rey 1992].

[49] *Roide* – устаревший вариант *raide*.

ЖОБЕР: *…mais il la fit taire et* ***s'endurcit*** */ La vieille morte était assise, déjà* ***glacée***
КЕ: *Il resta* ***pétrifié*** */ La vieille morte était assise,* ***pétrifiée***
ЖИД: *Il se fit de* ***pierre*** */ Elle était assise toute* ***raide***
ВИТМЕ: *Il était redevenu de* ***pierre*** */ La morte se tenait assise,* ***comme pétrifiée***
ПОЛТАВЦЕВ: *Il se sentait comme* ***pétrifié*** */ La vieille se tenait* ***immobile*** *dans son fauteuil*
ОФМАНН: *Il devint de* ***pierre*** */ La vieille était assise dans son fauteuil,* ***roide***
ШАПИРО: *Il redevint de* ***pierre*** */ La morte était assise dans son fauteuil,* ***comme pétrifiée***
ДЕРАМА: *Il se fit de* ***pierre*** */ la morte était assise* ***raide, comme de la pierre***
ВАРОВСКИ: *Il se fit de* ***pierre*** */ La morte était toujours assise, comme* ***une figure en pierre***
САВАН: *Il se fit de* ***marbre*** */ La morte se tenait assise, comme* ***pétrifiée***
МЕНЬЁ: *Il se fit de* ***pierre*** */* ***Le cadavre*** *de la vieille était assis tout* ***roide***
СЕЗЕМАНН: *Il était* ***comme pétrifié*** */ La vieille femme morte était assise****, pétrifiée***
НИКЁ: *Il se fit de* ***pierre*** */ La morte était assise,* ***pétrifiée***
МАРКОВИЧ: *Il devint de* ***pierre*** */ La vieille femme morte était assise,* ***pétrifiée***

Только у Ке параллелизм оригинала[50], выраженный в повторе *pétrifié / pétrifiée*, воспроизведен в полном объеме. У Полтавцева и Сеземанна (Жан-Луи Бакес, написавший комментарии к этому переводу, специально отметил повтор *окаменеть*) в первом случае метафора заменена образным сравнением, что является некоторым смягчением этого в целом не такого частого для французского языка употребления[51]. Стандартная, в целом малозаметная, метафора *il se fit / devint de pierre* для выражения идеи бесчувственности широко используется в других переводах первого фрагмента. Антецедентами местоимения *il* в переводах первого фрагмента могут являться как *Германн*, так и *le cœur* 'сердце' – оба мужского рода (ср. у Жида: *Quelque chose qui ressemblait à un remords agita son cœur, puis se dissipa de nouveau. Il se fit de pierre*); возможность такого разночтения в русском тексте отсутствует. Более того, существует устойчивое выражение *un cœur de pierre* (букв. «каменное сердце»), которое делает иногда прочтение с антецедентом *cœur* предпочтительным, что в принципе переводит это выражение в другую, менее экспрессивную с точки зрения «фигуральности», категорию, поскольку речь идет уже о совсем стертой фигуре.

Для второго контекста, где выражена идея отсутствия движения, в четырех текстах идет смягченное образное сравнение *comme pétrifiée* и только в трех – чистая метафора с *pétrifiée*. В некоторых переводах фигура как таковая присутствует только в виде лексикализованной метафоры или вовсе отсутствует (*s'endurcit, raide / roide, immobile*). Отметим также, что у Мериме, Меньё и Офманна слово ***pierre*** встречается еще один раз, а именно во второй главе:

Горек чужой хлеб, говорит Данте, ***и тяжелы ступени чужого крыльца****, а кому и знать горечь зависимости, как не бедной воспитаннице знатной старухи?*
МЕРИМЕ и МЕНЬЁ: *...elle est haute à franchir, la* ***pierre*** *de son seuil...*
ОФМАНН: *…et la* ***pierre*** *de son seuil est pénible à franchir...*

У Полтавцева *cœur de pierre* появляется в другом контексте:

Германн смотрел на нее молча: сердце его также терзалось, но ни слезы бедной девушки, ни удивительная прелесть ее горести не тревожили ***суровой души его****.*
ПОЛТАВЦЕВ: *Hermann la contemplait en silence. Il se sentait tout aussi boulversé, mais ce n'étaient point les larmes de la pauvre jeune fille ni le charme étonnant de cette détresse qui avait ému son* ***coeur de pierre****.*

У Шапиро *pétrifié* в качестве переводческого дополнения появляется в конце повести:

Чекалинский потянул к себе проигранные билеты. Германн стоял ***неподвижно****.*
ШАПИРО: *Tchékalinsky empocha placidement les billets. Hermann* ***ne bougeait pas, comme pétrifié****.*

---

[50] Ю.М. Лотман дал литературоведческую интерпретацию этому факту [Лотман 2009], этот параллелизм упоминается и в работах Бочарова.

[51] В Trésor de la langue française [Trésor 1971–1994] для *pétrifier* приводятся такие примеры из художественной литературы с авторскими метафорами, однако в [Petit Robert 2008] это переносное значение уже зафиксировано, что нашло свое отражение в трех последних по времени переводах.

В последних двух случаях схема сближения Германна и графини не нарушается, однако члены лексического ряда появляются в иных по отношению к оригиналу контекстах.

В переводе Жобера формируется параллелизм Лизы и графини, отсутствующий у Пушкина:

Лизавета Ивановна не отвечала ничего, но ее руки и ноги похолодели...
ЖОБЕР: *Lizaveta Ivanovna ne dit rien, mais ses mains et ses pieds se transformèrent* ***en glace***

– что может восприниматься как параллельная конструкция к *La vieille morte était assise, déjà* ***glacée*** (см. выше). Если *se transformèrent* ***en glace*** (букв. «превратились в лед») соответствует русск. *похолодели*, то *déjà* ***glacée*** (букв. «уже похолодев») соответствует русск. *окаменев.*

2.3. Сквозь запертые двери

В повести два раза идет речь о запертых дверях в связи с проникновением через них Германна и графини:

А. *Германн видел, как лакеи вынесли под руки сгорбленную старуху, укутанную в соболью шубу, и как вослед за нею, в холодном плаще, с головой, убранною свежими цветами, мелькнула ее воспитанница. Дверцы захлопнулись. Карета тяжело покатилась по рыхлому снегу. Швейцар* ***запер двери****. Окна померкли. <...> Ровно в половине двенадцатого Германн ступил на графинино крыльцо и взошел в ярко освещенные сени. Швейцара не было. Германн взбежал по лестнице, отворил двери в переднюю и увидел слугу, спящего под лампою, в старинных, запачканных креслах. Легким и твердым шагом Германн прошел мимо его. Зала и гостиная были темны.*

Б. *В это время кто-то с улицы взглянул к нему в окошко, – и тотчас отошел. Германн не обратил на то никакого внимания. Чрез минуту услышал он, что отпирали дверь в передней комнате. Германн думал, что денщик его, пьяный по своему обыкновению, возвращался с ночной прогулки. <...> Дверь отворилась, вошла женщина в белом платье. <...> – и Германн узнал графиню!*

<...> Прощаю тебе мою смерть, с тем, чтоб ты женился на моей воспитаннице Лизавете Ивановне...

С этим словом она тихо повернулась, пошла к дверям и скрылась, шаркая туфлями. Германн слышал, как хлопнула дверь в сенях, и увидел, что кто-то опять поглядел к нему в окошко.

Германн долго не мог опомниться. Он вышел в другую комнату. Денщик его спал на полу; Германн насилу его добудился. Денщик был пьян по обыкновению: от него нельзя было добиться никакого толку. ***Дверь в сени была заперта****. Германн возвратился в свою комнату, засветил свечку и записал свое видение.*

В обоих приведенных выше фрагментах речь идет о том, что некто (в первом случае Германн, во втором – графиня) проникает в помещение через запертую (запертые) дверь (двери)[52]. Германн не отпирает дверь, он просто входит сначала в сени, затем в переднюю и попадает в залу и гостиную. Во втором фрагменте графиня (или ее призрак) отпирает дверь, затем уходит, и оказывается, что дверь была заперта[53]. Рассмотрим варианты переводов:

ЖЮЛЬВЕКУР: В переводе отсутствует (*Le suisse rentra...*) / *...la porte du vestibule était* ***parfaitement fermée***
МЕРИМЕ: *Le suisse ferma la porte de la rue / La porte de l'entrée était* ***fermée à clé***
ЖОБЕР: *...tandis que le suisse refermait la porte / La porte du vestibule était fermée*

---

[52] Это обстоятельство было отмечено С.Г. Бочаровым в книге «Филологические сюжеты» [Бочаров 2007] со ссылкой на статью Л. Магазиника в сб. «Пушкин и теоретико-литературная мысль» [Магазаник 1999].

[53] Существует еще и контекст с глаголом *отпереть*, когда Германн уходит из дома графини после ее смерти: однако в этом случае он отпирает две двери при помощи данного ему Лизой ключа.

Под лестницею Германн нашел дверь, которую ***отпер*** *тем же ключом, и очутился в сквозном коридоре, выведшем его на улицу.*

КЕ: *Le suisse ferma la porte / La porte d'entrée était fermée*
ЖИД: *Le suisse referma la porte d'entrée / La porte de l'antichambre était* ***fermée à clef***
ВИТМЕ: *Le suisse ferma la porte / La porte d'entrée était* ***fermée à clé***
ПОЛТАВЦЕВ: *Le suisse ferma la porte / La porte du vestibule était fermée*
ОФМАНН: *Le Suisse ferma la porte / La porte du vestibule était* ***fermée à clef***
ШАПИРО: *Le portier referma les portes de la maison... / La porte donnant sur l'antichambre était* ***fermée à clé***
ДЕРАМА: *Le portier referma le grand porche / La porte de la rue était* ***fermée au verrou***
ВАРОВСКИ: *Le suisse ferma la porte / La porte du vestibule était* ***fermée à clef***
САВАН: *Le suisse ferma la porte d'entrée / La porte d'entrée était fermée*
МЕНЬЁ: *Le suisse ferma la porte / La porte de l'entrée était* ***fermée à clé***
СЕЗЕМАНН: *Le suisse referma la porte / La porte d'entrée était* ***verrouillée***
НИКЁ: *Le suisse ferma la porte d'entrée / La porte du vestibule était* ***fermée à clé***
МАРКОВИЧ: *Le suisse referma les portes / La porte du vestibule était* ***fermée à clé***

Если во втором фрагменте 12 переводчиков из 16 настаивают на том, что дверь была не просто закрыта, а именно заперта, то в переводе первого фрагмента **ни один из них не фиксирует на этом внимания**. Употребление *запереть* в первом фрагменте с точки зрения содержания может рассматриваться в трех аспектах:

1) Как нормальное, содержательно значимое употребление, где *запереть* имеет современное значение. Тогда это своего рода «фантастический» элемент, сходный с прищуренным глазом графини. Вместе с тем эти запертые швейцаром двери никак не поддерживаются контекстом: в записке Лизы, назначающей свидание Германну у себя в комнате, ничего не сказано о том, что входная (или еще какая) дверь может быть заперта, нет также указания на особые действия Германна, направленные на преодоление препятствия в виде запертой двери. Во втором фрагменте, где эксплицитно описываются фантастические события, запертая дверь полностью согласуется с контекстом.

2) Как неаккуратность автора[54].

3) Как значение глагола *запереть*, вышедшее из употребления. Словарь Ушакова [Ушаков 2000], который, как нам кажется, лучше всего отражает современное употребление, дает первым значением ЗАПЕРЕТЬ ‘затворить что-н., пользуясь прибором (замком, засовом), не позволяющим кому-н. другому открыть’. Сходное, но менее развернутое определение дает [МАС 1981]: ‘закрыть на ключ, на замок и т. п.; замкнуть’. «Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный» [Словарь Академии 1809] первым значением дает ‘замыкать, затворять, или укреплять плотно’. *Замыкать* в свою очередь толкуется как ‘запирать что замком’. *Затворять* по этому словарю замка не предполагает. Словарь современного русского литературного языка [БАС 1955] дает в качестве первого значения ‘закрывать, замыкать’. Ни специальное «устройство», ни тем более «другие» не фигурируют в толковании, указывается лишь возможность присоединения уточнений *на замок*, *на ключ*, *замком*, *ключом*. *Замыкать* толкуется через *запирать*. Такая ситуация характерна и для других словарей. Парадоксальным образом в том же БАСе в толковании *отпирать* есть ссылка за запирающее устройство: ‘открывать запертое, закрытое на запор, замок’. Если считать, что *затворять* эквивалентно современному *закрывать*, то во фразе *Швейцар запер двери* имеет место полисемия глагола *запереть*, которой в современном русском языке уже нет и которая разрешается контекстом в пользу значения ‘затворить’, то есть просто закрыть. По этому пути идет словарь Пушкина [Словарь Пушкина 2000]:

ЗАПЕРЕТЬ (57). **1.** *Замкнуть, закрыть на замок, запор* (44 вхождения). -- Постой, -- сказал он Архипу, -- кажется, в торопях я **запер** двери в переднюю, поди скорей отопри их. <...> || *Затво-*

---

[54] С.Г. Бочаров в целом исключает такую возможность [Бочаров 2007: 142]. Не следует забывать, однако, что в двух прижизненных изданиях «Пиковой дамы» графиня три раза названа княгиней и существует некая аномалия, связанная с титулом графини и ее внука – князя Томского (проблематика оппозиции «небрежность vs. стилистический прием» затрагивается, в частности, в [Barnes 1990]).

рить. Швейцар **запер** двери. - - - Ровно в половине двенадцатого Германн ступил на графинино крыльцо и взошел в ярко освещенные сени. Швейцара не было. *ПД* 239.24. **2.** *Поместить кого-н., куда-н., закрыв на замок, запор* (13). Здесь Перовский его было заполонил; перевез к себе, **запер** под ключ и заставил работать. <...>

Однако подавляющее большинство примеров, касающихся запертых дверей[55], в пушкинских текстах однозначно понимаются в современном значении, соответствующем первому значению словаря Ушакова. Единственным явным примером на употребление *запереть* в смысле 'просто закрыть' является именно первый из рассмотренных выше контекстов, проинтерпретированный таким образом авторами словаря, возможно, прежде всего из соображений здравого смысла, который в данном случае может оказаться и не вполне уместным.

Между тем ошибки, строго говоря, во французских переводах нет, поскольку франц. *fermer* устроено примерно так же, как русск. *закрыть*, – оно может пониматься и как 'запереть'. Можно считать, что здесь происходит так часто встречающаяся в переводах замена на гипероним[56]. *Запереть* в значении 'не давать возможности *другим* открыть' имеет, как это видно из приведенных выше примеров, по крайней мере два разных французских эквивалента, противопоставленных по тому, заперта дверь на ключ (*fermer à clé*) или на засов (*vérrouiller*, *fermer au verrou*). Это значит, что в переводе первого фрагмента, если интерпретировать его с современной точки зрения, должна была произойти обязательная конкретизация, притом что никаких аргументов для предпочтения того или иного эквивалента в тексте Пушкина нет. Аналогичная ситуация совершенно не смущает переводчиков во втором фрагменте: в тех немногих случаях, когда *заперта* переводится просто без уточнения как *fermée* (Жобер, Полтавцев, Ке, Саван), это слово автоматически из контекста понимается как 'заперта', а не просто 'закрыта'. «Слабый» параллелизм в переводах тем не менее сохраняется (использование выражения *fermer la porte / les portes* в разном грамматическом оформлении), однако фантастический элемент первого контекста (если, разумеется, считать, что он там есть) полностью исчезает, и такой параллелизм вряд ли мог бы получить интересное истолкование и стать частью литературоведческой концепции.

* * *

3.1. Выше мы показали различные варианты передачи в переводах стилистически релевантных моментов текста оригинала, выраженных лексически, – будь то в отношении статуса повествователя, внутренних точек зрения или же в отношении лексических параллелизмов.

Некоторые из этих стилистических приемов воспроизводятся в большинстве переводов адекватно. Относительно других можно сказать, что преобладает тенденция к их стиранию вплоть до полного исчезновения. Некоторые приемы, наоборот, тиражируются и воспроизводятся переводчиками там, где в оригинале их нет. Может происходить также их смещение.

Воспроизведение стилистически релевантных моментов, когда их наличие не очевидно, отсутствует во многих переводных текстах. Когда же увидеть их легко, и нет ограничений языкового характера, переводчики в основной массе их передают. Но и в последнем случае препятствием может служить идиостиль переводчика, несовместимый с данным стилистическим приемом. Некоторые из существенных для оригинала

---

[55] Определенная странность с современной точки зрения наблюдается, когда речь идет о запирании окон. Несколько таких примеров есть, в частности, в «Дубровском».

[56] Антуан Берман [Berman 1999] рассматривает замену на эквивалент с более общим значением как один из типичных видов искажений при переводе: деформацию рационализации в ее лексическом воплощении. В данном случае можно дать более точный перевод, введя дополнительное уточнение примерно так же, как при переводе слов *синий* или *голубой* на французский язык, где и то, и другое *bleu*.

моментов остаются «за бортом» перевода еще и потому, что расцениваются переводчиками как странные. Не исключено, что они воспринимаются ими как неаккуратность автора.

Также можно проследить в некоторых переводах (Жюльвекур, Мериме, Шапиро) тенденцию к дописыванию пушкинского текста за счет дробления действия, экспликаций, перефразирования, описания внутренних состояний персонажей (эмоций, ощущений и пр.), использования стилистических фигур и пр.

3.2. Вносимые переводчиком коррективы в принципе не могут быть обнаружены без специального исследования. Соотношение между оригиналом и переводом непрозрачно. На всеобщее обсуждение выносится лишь конечный результат – именно он доступен читателям и критикам. И оценивается он чаще всего с точки зрения своих «литературных» достоинств, среди которых основная роль отводится содержательной составляющей текста. Лингвостилистический аспект переводного текста, если он соответствует литературной тенденции момента, оценивается как «хороший». Специальные же исследования в области переводоведения никак не влияют на судьбу художественных переводов.

Более того, такие изыскания, содержащие общую оценку переводного текста (которая в нашем исследовании отсутствует), при всей компетентности их авторов, вряд ли могут обладать достаточным уровнем объективности. Подобная оценка может исходить исключительно от билингвов, обладающих достаточно развитым стилистическим «чутьем» в обоих языковых и культурных средах[57], – а таковых не так много, если они вообще существуют. При наличии временного сдвига разобраться в ситуации еще сложнее, поскольку судить об «исходной» стилистике оригинала можно часто лишь по словарям и имеющемуся в наличии ограниченному числу письменных источников.

Интересна в этом отношении оценка переводимых текстов самими переводчиками, которые часто выступают в качестве экспертов и теоретиков в области перевода. Во многих случаях они считают, что им удалось улучшить оригинал[58]. Весьма возможно, что некоторые несоответствия, описанные нами выше, связаны именно с желанием авторов переводных текстов оптимизировать стилистику оригинала.

3.3. Как переводчики, так и филологи-литературоведы интерпретируют текст[59]. Но если переводчики оперируют в основном языковыми средствами, то литературоведы могут давать интерпретацию в более широком контексте (социальном, культурном, психологическом, общелитературном, историческом, психологическом и пр.). В области лингвостилистики последние ищут интересные, характерные для данного текста, отличные от «нормы» моменты[60] для дальнейшей интерпретации. Описываемые ими структуры признаны формировать своего рода невидимый каркас художественного тек-

---

[57] То же самое можно сказать и об «идеальном» переводчике. Может быть, именно это имел в виду под «единой сферой» Вальтер Беньямин [Benjamin 1972: IV.I].

[58] В переписке Андре Жида и Жака Шиффрина [Gide, Schiffrine 2005: 33] обсуждается их совместный перевод повестей Белкина. Андре Жид пишет: «Текст второй повести действительно ужасен. Я смогу одолеть некоторые места только с вашей помощью. Некоторые фразы настолько трудны для восприятия (и останутся таковыми несмотря на все наши усилия), настолько бесформенны, что я даже задаюсь вопросом, не лучше ли их просто выкинуть».

В книге Бермана [Berman 1999] приводятся высказывания французских переводчиков русской классической литературы (Марка Шапиро, Бориса Шлёзера и др.) о том, как «плохо» писали Толстой и Достоевский, как приходилось «причесывать» их тексты и т.п.

[59] То, что конкретный перевод является одной из возможных интерпретаций текста, явствует уже из того, что мы рассматриваем шестнадцать переводов повести. Существует также точка зрения, что классические произведения должны переводиться заново каждые 20—30 лет. «Пиковая дама» за 170 лет (с 1842 по 2012) была переведена по крайней мере 16 раз, т. е. переводилась в среднем каждые десять-одиннадцать лет, однако пики интереса к этому пушкинскому тексту приходятся на 40-е и 60-е – начало 70-х годов XX века.

[60] Стиль определяется в некоторых школах именно как отклонение от нормы, хотя большую актуальность получили на данный момент другие определения позитивного толка.

ста, его невидимую «несущую конструкцию». Но если для филологов оригинальный текст является незыблемой данностью, часто носящей сакральный характер, то для переводчиков он заведомо подлежит изменению, это основа для создания «своего» текста. Филологи-переводчики в этом отношении составляют особый случай.

Переводчики в гораздо большей степени, чем литературоведы, находятся под давлением различных факторов: это и собственная манера письма, роль которой нельзя недооценивать, и литературные тенденции на момент выполнения перевода. Но в первую очередь это давление самого иноязычного текста. Если два первых фактора не позволяют «приблизиться» к оригиналу (Жюльвекур, Мериме, Жобер), то последний не позволяет «отойти» от него на должное расстояние (Ке, Витме).

3.4. Если содержательная, событийная составляющая обычно доступна читателю (и переводчику) непосредственно, то явления, о которых шла речь выше, чаще всего требуют внимательного прочтения. Они являются предметом исследования в области стилистики; чтобы увидеть их и соответствующим образом интерпретировать часто требуются, с одной стороны, определенные навыки, которыми переводчик может и не обладать, а с другой – желание увидеть в тексте подобного рода явления, которого у переводчика может и не быть. Объективная значимость этих факторов также не всегда очевидна: то, что воспринимается как существенное одними, может остаться незамеченным или рассматриваться как несущественное другими.

Это приводит к тому, что переводчики часто не воспроизводят в своих текстах элементы, которые, напротив, привлекают внимание литературоведов. Либо, как отмечалось выше, они их не замечают, либо не хотят передавать их «от себя» в силу их странности или же потому, что они противоречат внутренней логике «их» текста. В более редких случаях они стремятся как-то их усилить, оправдать их присутствие в тексте.

3.5. Как в рамках стилистического анализа, так и при осуществлении перевода каждое входящее в состав художественного текста высказывание в принципе можно рассматривать как a priori нестандартное, возможно содержащее элементы, играющие особую роль в организации текста. Стремление к воссозданию обнаруженных нестандартных элементов можно обозначить как своего рода «стилистический буквализм». Такой вид буквализма является умеренным. Сам по себе буквализм – явление сложное: можно быть буквалистом в одном и совершенно не быть им в другом. Так, Мишель Никё не воспроизводит «близко к тексту» некоторые аспекты оригинала: в некоторых случаях его лексический выбор очень нацелен на читателя (дом графини – *hôtel*, Лизанька – *Lison* и т.п.), однако именно он в наибольшей степени передает стилистические особенности рассмотренных фрагментов.

3.6. Перевод Жида – Шиффрина, достаточно близкий к тексту оригинала, отличается от столь же близкого к тексту перевода Никё тем, что Никё отслеживает отмеченные им и другими исследователями релевантные в стилистическом отношении моменты и чаще всего воспроизводит их, а в переводе Жида – Шиффрина такой установки нет. Еще в меньшей степени такое стремление просматривается у Мериме или Жобера.

Изданный только один раз, дословный по своему духу перевод Ке в большей степени чем перевод Жида – Шиффрина (и в некоторых случаях даже больше Никё), поддерживает стилистически важные моменты. Переводы Дерама и Витме в своем стремлении ограничиться, когда это возможно, словарными эквивалентами иногда близки к воспроизведению лексических рядов. Однако эти переводы трудно причислить к умеренному стилистическому буквализму.

3.7. В этическом отношении верность стилистике оригинала, безусловно, имеет право на существование[61]. Такой подход призван обеспечить доступ к аутентичному способу самовыражения автора и в определенной степени передать особенности языка переводимого текста. Именно такой подход рекомендуется, в частности, в работах

---

[61] Об этическом аспекте перевода, связанном с бережным отношением к иным культурам, языкам и авторам, не допускающем простого поглощения иного собственным, национальным, писали такие авторы, как Ф. Шлейермахер, А. Берман, Л. Венути и многие другие.

А. Бермана. Однако эта концепция, предписывающая сознательное изживание искажающих тенденций в переводе, предполагает соблюдение очень тонкой грани: надо дать почувствовать язык и стилистику оригинала, но при этом сохранить языковую и литературную самоценность переводного текста. Переводы такого типа отличаются как от академических аннотированных переводов, так и от примитивно понятого буквализма, в борьбе с которым, кстати говоря, формировалась советская школа художественного перевода[62].

Перевод, выполненный по канонам стилистического буквализма, требует бóльших усилий и бóльших временных затрат, чем просто «хороший» в литературном отношении перевод: надо не только освоить стилистику оригинала, но и из всех допустимых вариантов выбрать те, которые лучше всего ее отражают, сохраняя при этом достаточную идиоматичность в рамках языка перевода. Баланс может сдвигаться в ту или иную сторону, и свойственная таким текстам специфика не гарантирует их успеха у читателя.

3.7.1. Сам Пушкин отрицательно относился к выполненному в ключе буквализма французскому переводу «Потерянного рая» Джона Мильтона, принадлежащему перу Шатобриана[63]. Какому из рассмотренных выше французских текстов «Пиковой дамы» отдал бы он предпочтение? Возможно, это был бы перевод Мериме, где так много неточностей и вольностей в интерпретации повести.

Но – как и всегда при временном сдвиге[64] – этот вопрос так и останется без ответа[65].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бочаров 1974 – *С.Г. Бочаров.* Поэтика Пушкина. Очерки. М., 1974.

Бочаров 2007 – *С.Г. Бочаров.* Филологические сюжеты. М., 2007.

Виноградов 1980а – *В.В. Виноградов.* Стиль «Пиковой дамы» // В.В. Виноградов. О языке художественной прозы. М., 1980.

Виноградов 1980б – *В.В. Виноградов.* О «Пиковой даме» // В.В. Виноградов. О языке художественной прозы. М., 1980.

Гак 2004 – *В.Г. Гак.* Русский язык в сопоставлении с французским. М., 2004.

Гей 1989 – *Н.К. Гей.* Проза Пушкина. Поэтика повествования. М., 1989.

Кернозе 1987 – *З.И. Кернозе* (сост.). Мериме – Пушкин. М., 1987.

Коган 1939 – *Л.Е. Коган.* Пушкин в переводах Мериме // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 1939. № 4–5.

Лотман 2009 – *Ю.М. Лотман.* «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе (Пушкин – Достоевский – Блок) // Ю.М. Лотман. Пушкин. СПб., 2009.

Магазаник 1999 – *Л. Магазаник.* «Пиковая дама»: морфология и метафизика больших тропов // Пушкин и теоретико-литературная мысль. М., 1999.

Падучева 2012 – *Е.В. Падучева.* Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // ВЯ. 2012. № 1.

Степанов 1965 – *Ю.С. Степанов.* Французская стилистика. М., 1965.

Тимофеева 1953 – *О.В. Тимофеева.* Мериме – переводчик Пушкина (Пиковая дама) // Учен. зап. Львовского гос. университета им. И. Франко. 1953. Т. XXIV. Вып. 2.

---

[62] Во Франции в разные периоды к буквализму относились толерантнее. Следует отметить тем не менее, что в период классицизма переводом считалось то, что по современным меркам было бы разве что адаптацией (см. об этом, например, в [Mounin 1994]).

[63] А.С. Пушкин. О Мильтоне и переводе «Потерянного рая» Шатобрианом (1837). Во Франции перевод Шатобриана считается классикой буквализма, ему посвящены работы А. Бермана и М. Баллара (см. об этом, например, в [Oseki-Dépré 1999: 48–53]).

[64] Среди рассмотренных французских переводов нет ни одного выполненного при жизни Пушкина.

[65] Мы выражаем глубокую благодарность Е.В. Падучевой и Н.В. Перцову за ценные замечания, а также Анне Дитерлен, Реми Камю, сотрудникам отдела иностранной литературы Национальной библиотеки Франции, сотрудникам Женевской библиотеки, Анастасии Егоровой, Александру Бондареву, Елене Разлоговой – младшей и Полю Дегре за помощь и поддержку в период работы над этой статьей.

Успенский 1970 – *Б.А. Успенский.* Поэтика композиции. М., 1970.
Якобсон 1985 – *Р. Якобсон.* О лингвистических аспектах перевода // Р. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
Barnes 1990 – *J. Barnes.* Flaubert's Parrot. New York, 1990.
Bellos 2011 – *D. Bellos.* Is that a Fish in your ear? Translation and the meaning of everything. London, 2011.
Benjamin 1972 – *W. Benjamin.* Die Aufgabe des Übersetzers // W. Benjamin. Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main, 1972.
Berman 1999 – *A. Berman.* L'analytique de la traduction et la systématique de la déformation // A. Berman. La traduction à la lettre ou l'auberge du lointain. Paris, 1999.
Bonhomme 2005 – *M. Bonhomme.* Progmatique des figures du discours. Paris, 2005.
Eco 2006 – *U. Eco.* Dire presque la même chose. Expériences de traduction. Paris, 2006.
Gardes-Tamine 2001 – *J. Gardes-Tamine.* La stylistique. Paris, 2001.
Genette 1972 – *G. Genette.* Figures III. Paris, 1972.
Gide, Schiffrine 2005 – *A. Gide, J. Schiffrine.* Correspondances (1922–1950). Paris, 2005.
Henry 1987 – *H. Henry.* Notes sur les traductions en français de *La dame de pique* // Revue des études slaves. 1987. T. LIX. F. 1–2.
Henry 1997 – *H. Henry.* Pouchkine en français // Alexandre Pouchkine. 1799–1837. Paris, 1997.
Mongault 1931 – *H. Mongault.* Introduction // P. Mérimée. Œuvres complètes. T. 1 / Publiée sous la direction de P. Trahard et E. Champion. Paris, 1931.
Meynieux 1973 – *A. Meynieux* (ed.). Bibliographie Pouchkine. Œuvres complètes. Paris, 1973.
Mounin 1994 – *G. Mounin.* Les belles infidèles. Lille, 1994.
Oseki-Dépré 1999 – *I. Oseki-Dépré.* Théories et pratiques de la traduction littéraire. Paris, 1999.

СЛОВАРИ

БАС 1955 – Большой академический словарь. М.; Л., 1955.
Гак, Ганшина 1993 – *В.Г. Гак, К.А. Ганшина.* Новый французский словарь. М., 1993.
Литературная энциклопедия 2003 – Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003.
Макаров 1916 – *Н.П. Макаров.* Полный русско-французский словарь. Петроград, 1916.
МАС 1981 – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981.
Рейф 1835 – *Ф. Рейф.* Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению. СПб., 1835.
Словарь Академии 1809 – Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. СПб., 1809.
Словарь Пушкина 2000 – Словарь языка Пушкина / Отв. ред. В.В. Виноградов. М., 2000.
Ушаков 2000 – Толковый словарь русского языка. Т. I. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000.
Petit Robert 2008 – Le nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 2008.
Rey 1992 – Dictionnaire historique de la langue française / Sous la direction d'A. Rey. Paris, 1992.
Trésor 1971–1994 – Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du XIX et du XX siècle en 16 volumes et un supplément. Paris, 1971–1994.

ИСТОЧНИКИ

Пушкин 1950 – *А.С. Пушкин.* Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л., 1950.
Arjanse 1937 – *J. d'Arjanse.* La dame de pique, inspiré de l'œuvre célèbre de Pouchkine. Paris, 1937.
Mérimée 1987 – *P. Mérimée.* La dame de pique (Traduit de Pouchkine) // Z. Kernozé (ed.). Mérimée Pouchkine. M., 1987.
Julvécourt 1843 – *P. de Julvécourt.* Le Yatagan. Paris, 1843.
Pouchekine 1902 – *A. Pouchekine.* Doubrovsky ou le brigand-gentilhomme, suivi de La dame de pique / Trad. de M. Quais. Paris, 1902.
Pouchkine 1940 – *A. Pouchkine.* La dame de pique, Doubrovski. Paris, 1940.
Pouchkine 1945 – *A. Pouchkine.* Œuvres en prose / Trad. de N. Poltavzev. Bruxelles, 1945.
Pouchkine 1947 – *A. Pouchkine.* Romans et nouvelles, Doubrovsky, La dame de pique, La nuit égyptienne / Introductions de M. Hofmann; trad. de R. Hofmann. Paris, 1947.
Pouchkine 1948 – *A. Pouchkine.* La dame de pique et Les récits de Belkine / Trad. de M. Chapiro. Genève, 1948.

Pouchkine 1964 – *A. Pouchkine*. La dame de pique. Deux récits de feu Ivan Pétrovitch Belkine. Le négre de Pierre le Grand / Trad. de J.-M. Deramat. Paris, 1964.
Pouchkine 1966 – *A. Pouchkine*. La dame de pique. Œuvres choisies. Paris, 1966.
Pouchkine 1970 – *A. Pouchkine*. La dame de pique et autres nouvelles / Trad. de J. Savant; introd. et bibl. par G. Sigaux. Paris, 1970.
Pouchkine 1973 – *A.S. Pouchkine*. Œuvres complètes / Publiées par A. Meynieux; préface de L. Martinez. Paris, 1973.
Pouchkine 1989 – *A. Pouchkine*. La dame de pique et autres nouvelles / Trad. de B. Tseytline et E. Jaubert. Paris, 1989.
Pouchkine 1995 – *A. Pouchkine*. La dame de pique / Trad. d'A. Gide et J. Schiffrine; préface et complément de notes de N. Kehayan. Paris, 1995.
Pouchkine 1996 – *A. Pouchkine*. La dame de pique et autres nouvelles / Trad. de B. Hofmann revue par W. Troubetzkoy. Paris, 1996.
Pouchkine 1999 – *A. Pouchkine*. La dame de pique / Trad. présentation et notes de M. Niqueux. Paris, 1999.
Pouchkine 2008 – *A. Pouchkine*. La dame de pique suivie de Récits de feu Ivan Petrovitch Belkine. Commentaire et notes de Jean-Louis Bakès / Trad. de D. Sesemann. Paris, 2008.
Pouchkine 2012 – *A. Pouchkine*. La dame de pique / Trad. d'A. Markowicz. Arles, 2012.

Сведения об авторе:

Елена Эмильевна Разлогова
НИВЦ МГУ
razlogova.elena@gmail.com

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 2012

© 2012 г. Б.А. УСПЕНСКИЙ

ИМЯ БОГА В СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИИ
(К вопросу о славяно-еврейских контактах в Древней Руси)

Работа посвящена еврейским фразам, относящимся к наименованию Бога, которые встречаются в русских списках Пятикнижия XV–XVII вв. Рассматривается вопрос о происхождении этого явления.

Ключевые слова: Бог, Библия, имя, гебраизмы

The paper is dedicated to Hebrew phrases referring to God found in some Russian codices of the Pentateuch of the XV–XVII centuries. The author examines the origin of this phenomenon.

Keywords: God, Bible, name, hebraisms

В библейской книге Исход (III, 13–14) Моисей спрашивает Бога о его имени, и на это Бог отвечает: «Я есмь» (*'ehyeh*). Соответственно, в следующей затем фразе библейского текста сочетание *Я есмь* выступает как имя собственное: «Так скажи сынам Израилевым, – говорит Бог Моисею, – “Я есмь” (*'ehyeh*) послал меня к вам»[1].

Исходная еврейская фраза ответа Бога Моисею *'ehyeh 'asher 'ehyeh* (אהיה אשר אהיה) выглядит как тавтология. Она означает буквально ‘Я есмь тот, кто есмь’ (и так она переводится в Вульгате: «Ego sum qui sum») или же ‘Я есмь то, что есмь’ (и так она переводится в славянской Острожской библии 1581 г.: «Азъ есмь еже есмь»). В сущности, Бог говорит: «Я – это я», где одно *я* выступает как местоимение, а другое, ему противопоставленное, оказывается на правах собственного имени.

Вместе с тем ответ Бога Моисею (*'ehyeh 'asher 'ehyeh*) может означать ‘Я есмь тот, кто существует’, и такой перевод представлен в Септуагинте: Ἐγώ εἰμι ὁ ὤν. При таком понимании переводчики Септуагинты сочли нужным ввести причастную форму, изменив синтаксическую структуру фразы (причастная форма соответствует при этом сочетанию *'asher 'ehyeh*). В результате в греческом переводе (Септуагинты) отсутствует тавтология, представленная в исходном еврейском тексте[2].

---

[1] Эта фраза не совсем точно переведена в Вульгате: «Sic dices filiis Israel: QUI EST, missit me ad vos»; между тем в еврейском тексте здесь повторена форма *'ehyeh*, и, следовательно, в переводе здесь должна стоять та же фраза, которая фигурировала раньше (в ответе Бога Моисею); в Вульгате мы могли бы ожидать «Ego sum» либо же «Qui sum». Ср. точный перевод в Авторизованной версии английской Библии (так называемой Библии короля Иакова: King James Bible): «I am hath sent me unto you» (местоимение 1-го лица употреблено здесь дважды, причем относится к разным референтам).

Иероним Стридонский, переводчик Вульгаты, исходил, однако, в данном случае не из слова *'ehyeh*, а из сочетания *'asher 'ehyeh*, которое понималось им как имя Бога: перечисляя имена Бога в послании к Марцелле 384 г., он говорит: «Sextum [Nomen Dei est] ESER IEIE, quod in Esodo legitur: “Qui est misit me”» [PL, XXII: стлб. 429]. При этом он, видимо, ориентировался на Септуагинту, где в рассматриваемой фразе представлена форма ὁ ὤν, которая как раз и соответствует еврейскому *'asher 'ehyeh* (ср. здесь: Ὁ ὢν ἀπέσταλκέν με πρὸς ὑμᾶς). О переводе Септуагинты см. ниже.

[2] Ср. между тем в греческих переводах Акилы и Феодотиона (II в.): ἔσομαι (ὃς) ἔσομαι [Field 1967–1975, I: 85]. Местоимение ὅς как у Акилы, так и у Феодотиона отсутствует.

Та или иная интерпретация зависит от того, как трактовать вторую форму *'ehyeh* в ответе Бога. Она может пониматься как повторение формы, которая стоит в начале фразы, и тогда она имеет то же значение глагольной связки (копулы), которое имеет первая форма. В этом случае вся фраза означает 'Я есмь тот, кто (или: то, что) есмь'. В то же время при другом понимании форма *'ehyeh* не выступает как связка и имеет самостоятельное значение; соответственно, вся фраза означает тогда 'Я есмь тот, кто (или: то, что) существует'[3].

Таким образом, данная фраза может указывать как на абсолютное существование Бога, так и на представление Бога как абсолютного субъекта.

В славянской Библии перевод этой фразы, как правило, в точности соответствует тексту Септуагинты: мы находим здесь причастную форму от глагола *быти*: *сущий* или *сыи*[4], причем последняя форма фигурирует иногда с усилительным удвоением: *сыи и сыи*[5]. Такой перевод представлен как в древнейших славянских рукописях, так и в печатной Елизаветинской библии 1751 г., которая воспроизводится в последующих изданиях, став стандартным текстом церковнославянской четьей Библии. Ср.: «Азъ ѥсмь сѫщии» (РГБ, ф. 304.I / Тр.-Серг., № 1, л. 59; рукопись второй пол. XIV или нач. XV в.);

---

[3] В разных языках глагол, означающий 'быть', в обычном случае предполагает наличие дополняющего его значимого компонента (предикативного члена), т.е. выступает как связка. В свою очередь, идея существования образуется опущением предикативного члена, в результате чего связка получает самостоятельный и полноценный – абсолютный – смысл. См. [Benveniste 1966: 193], ср. [Бенвенист 1974: 209; Успенский 2012: 45–46].

[4] Слово «сыи» нередко пишется с кендемой (двойным грависом) над буквой *ы* (или иногда над буквой *ъ* или *ь*). Как правило, мы передаем кендему как *и*; сделать это во всех случаях не представляется возможным, поскольку знак кендемы может ставиться по аналогии, не имея фонетического значения (в этих случаях данный знак не передается вовсе).

Обе причастные формы – *сущий* и *сыи* – отразились при наименовании Бога в тексте Апокалипсиса, ср. в Апокалипсисе с толкованием Андрея Кесарийского XIII в. (БАН, Никольск. № 1, л. 8 об.): «Бл[а]г[о]д[а]ть вамъ и миръ. ѡ᷑ соущаго иже бѣ. и грѧдоущаго» (Откр. I, 4); «Азъ ѥсмь. алфа. и ѡ начатъкъ. и коньць. гл[аголе]ть сы. бѣꙗ и грѧдыи вседьржитель» (Откр. I, 8). Аналогично в списке первой пол. XIV в.: «Бл[а]г[о]д[а]ть вамъ їмиръ. ѡ᷑ сущаго їже бѣ. ї грѧдущаго»; «Азъ есмь алъфа. і ѡ. начатокъ и конець гл[аголе]ть їсыи, ї бѣꙗ и грѧдыї вседержїтель» (РГБ, ф. 256 / Румянц., № 8, л. 7 и 8–8 об.; ср. изд. [Амфилохий 1886: 23–24, 27]). Обе формы мы встречаем в тексте Апокалипсиса в библейских сводах, см. Геннадиевскую библию 1499 г. (ГИМ, Син. № 915, л. 890; ср. изд. [Библия 1992: 427]), Острожскую библию 1581 г. [Библия 1581: л. 64 отд. фолиации], Московскую библию 1663 г. [Библия 1663: л. 503], Елизаветинскую библию 1751 г. [Библия 1751: стлб. 441 новозаветной пагинации]. Между тем в Чудовском Новом Завете сер. XIV в. в обоих случаях представлена форма *сыи*: «Бл[а]г[о]д[а]ть вам и миръ ѡ᷑ Б[ог]а. иже сыи. и еже бѣ. и грѧдыи»; «Азъ есмь алфа и ѡ. гл[аголе]ть Г[оспод]ь Б[ог]ъ. иже сыи. и еже бѣ. и грѧдыи вседержител[ь]» (Чуд. Нов. Зав., л. 149).

[5] А.А. Пичхадзе [Pichkhadze 1995: 97] предположила, что фраза *сыи и сыи* восходит к конструкции **сыи иже сыи*, которая читалась в протографе: удвоение глагола бытия (в причастной форме) соответствует удвоению глагола с этим значением в исходной еврейской фразе *'ehyeh 'asher 'ehyeh*. Это объяснение не кажется убедительным. По-видимому, и сам автор от него отказался, поскольку в более поздней версии статьи данное предположение отсутствует (ср. [Пичхадзе 1996: 13]).

Усилительное удвоение *сыи и сыи* может напоминать перевод Акилы и Феодотиона, который мы цитировали выше (в примеч. 2): ἔσομαι ἔσομαι. Едва ли, однако, здесь можно усмотреть прямую связь – скорее, речь может идти о сходстве, обусловленном одинаковым пониманием контекста. Вместе с тем источником удвоения в славянской Библии, как кажется, могла быть книга пророка Исайи, где Господь несколько раз говорит о себе с таким же усилительным повтором, ср. в Септуагинте: ἐγώ εἰμι ἐγώ εἰμι (Ис. XLIII, 25; XLV, 19; LI, 12); такого рода повтор имеет место и в еврейском тексте Библии. В еврейской Библии аналогичный повтор наблюдается еще и в Второзак. XXXII, 39, однако в Септуагинте он передается иначе (повторению местоимения 1-го лица в еврейском тексте соответствует повторение глагольной формы ἴδετε в греческом: ἴδετε ἴδετε ὅτι ἐγώ εἰμι...). Очевидно, что славянские книжники могли исходить в данном случае только из текста Септуагинты (об этом со всей определенностью говорит форма «сый»).

«Аз есмь сѫщыи» (РГБ, ф. 304.I / Тр.-Серг., № 45, л. 57 об.; рукопись XV в.); «Азъ єсмь сыи» (РГБ, ф. 304.I / Тр.-Серг., № 44, л. 54 об.; рукопись XV в.); «Азъ есмь сыи» (ГИМ, Барс. № 1, л. 57 об.; рукопись XV в.); «Азъ есмь сыи» (ГИМ, Барс. № 2, л. 67/л. 68 старой фолиации; рукопись XV в.); «Азь єсмь съи и сыи» (ГИМ, Барс. № 3, л. 48; рукопись XV в.); «Азь ѥсьмь сьи и сыи» (РГБ, ф. 270 / Севастьян., № 1 (Муз. 1431), л. 80; рукопись XV в.); «Азь есмь сыи и сыи» (РГБ, ф. 87 / Григор., № 1, л. 45; рукопись XV в.); «Азъ есмь сыи» (РГБ, ф. 256 / Румянц., № 27, л. 114 об.; рукопись второй пол. XV в.); «Азъ есмь сыи» (РГБ, ф. 173 / Моск. дух. акад., № 12, л. 58; рукопись второй пол. XV в.); «Азъ Єсмь сыи» (БАН, № 17.16.33, л. 94; рукопись второй пол. XV в.); «Азъ єсмь соущии» (РГАДА, ф. 181 / МГАМИД, № 279/658, л. 90 об.; рукопись третьей четв. XV в.); «Азъ Єсмь сыи» (БАН, № 45.10.6, л. 84; рукопись 1487 г.); «Азъ есмь сыи» (РГБ, ф. 310 / Унд., № 1, л. 43; рукопись последней четв. XV в.); «Азъ есмь сыи» (РНБ, Кир.-Бел. № 2/7, л. 80 об.; рукопись конца XV в.); «Азъ есмь сыи» (ГИМ, Син. № 915, л. 34 об.; Геннадиевская библия, рукопись 1499 г.); «Азъ есмь сыи» (ГИМ, Муз. № 358, л. 166; рукопись XVI в.); «Азь Єсмь сыи» (БАН, Доброх. № 17 (бывший № 11.8.4); рукопись XVI в., нумерация листов отсутствует); «Аз есмь сыи» (БАН, № 45.13.4, л. 27 об.; рукопись XVI в.); «Азъ есмь сыи» (Библ. Лит. акад., F19–51, л. 78; рукопись 1514 г.); «Азъ есмь сыи» (РГБ, ф. 299 / Тихонр., № 279, л. 57; рукопись первой четв. XVI в.); «Азь есмь съи и съи» (РГБ, ф. 256 / Румянц., № 29, л. 44 об.; рукопись 1537 г.); «Азъ есмь сѫщии» (Библ. Лит. акад., ф. 19, № 109, л. 97 об.; рукопись ок. 1556 г.[6]); «Аз есмь сыи» (РНБ, Погод. № 76, л. 94; рукопись третьей четв. XVI в.); «Азъ есмь сыи» (РГБ, ф. 98 / Егор., № 648, л. 100 об.; рукопись XVI–XVII в.); «Азъ єсмь СЫЙ» в Елизаветинской библии 1751 г. [Библия 1751: стлб. 89] и во всех последующих изданиях церковнославянской Библии[7]. Ср. также в Библии, переведенной на русский язык «для употребления евреям»: «Я есмь Сущий» [Библия 1897, I: 92]. Этот перевод восходит, скорее всего, к болгарскому переводу Библии эпохи царя Симеона (893–927), хотя в принципе он может восходить и к утраченному переводу Мефодия, который, по-видимому, отражается иногда в болгарских переводах[8].

Исключение составляет, однако, печатная Острожская библия 1581 г., где, как уже упоминалось, мы находим: «Азъ есмь еже есмь», ср.: «И рече Б[ог]ъ къ М[о]vсію: Азъ есмь еже есмь» [Библия 1581: л. 26 отд. фолиации][9]. Зависимость от предшествующей

---

[6] Относительно датировки см. [Мещерский 1955: 385].

[7] Слово *сый* набрано в Елизаветинской библии и ее последующих перепечатках прописными буквами, что свидетельствует, по-видимому, о восприятии этого слова как собственного имени.

[8] Считается, что Кирилл и Мефодий перевели паремейный текст Ветхого Завета – тот текст, который читается за богослужением. Интересующее нас место из книги Исход (Исх. III, 13–14) не входит в паремейные чтения (см. [Пичхадзе 1986; Prophetologium, I–II; Паремейник 1890–1893; Paroimiarion 1890–1893]) и, следовательно, в качестве богослужебного текста переведено не было. Четий текст Восьмикнижия был переведен позднее Мефодием и в целом виде до нас не дошел; не дошла, в частности, и книга Исход. В начале X в. по повелению царя Симеона в Болгарии был выполнен новый перевод Восьмикнижия; вероятно, в нем в какой-то мере был использован перевод Мефодия, но в какой мере – мы не знаем. Сохранившиеся славянские списки отражают, по-видимому, именно этот новый перевод (см. [Алексеев 1988: 134–135, 163; 1999: 142, 152 и сл.; Пичхадзе 1996: 10]).

[9] Ср. старообрядческую перепечатку [Библия 1914: л. 34 об.]. Так же читается это место и в печатной Московской библии 1663 г., которая следует Острожской библии: «И рече Б[о]гъ к' Мѡѵ̑сію: Азъ єсмь. єже єсмь», однако ко второму *есмь* здесь показан вариант *сыи* [Библия 1663: л. 20 об.]. Хотя слово *сыи* фигурирует как глосса к слову *есмь*, а не к сочетанию *еже есмь*, можно предположить, что это ошибка наборщика и что глосса должна относиться именно к данному сочетанию. О связи Острожской и Московской библий см. [Автократова, Долгова 1985].

Московская библия 1663 г. легла в основу Елизаветинской библии 1751 г., однако в данном месте, как мы видели, текст был подвергнут исправлению. В предисловии к Елизаветинской библии говорится, что она «тщателнѣе и вѣрнѣе ѡ᷑ преждепечатанной 1663 года [...] и на Славенскомъ ѧзыкѣ во всемъ СОГЛАШЕННА᪣, и въ чемъ потреба бѣ, ИСПРАВЛЕННА᪣» [Библия 1751: л. 2].

славянской традиции (и в конечном счете от перевода Септуагинты) усматривается, однако, в Острожской библии в следующей затем фразе (Исх. III, 14). Здесь представлена форма *сый*, восходящая к переводу Септуагинты, но она не выступает в виде обособленного причастия (как это имеет место в греческом тексте), а оказывается определением к слову *Бог*: «Сый мѧ посла къ вам Б[ог]ъ» [Библия 1581: л. 26 отд. фолиации][10]. Таким образом, издатели Острожской библии берут форму *сый* из текстов предшествующей традиции[11] и придают ей иное синтаксическое значение.

Как бы то ни было, текст Острожской библии не соответствует в интересующем нас случае тексту Септуагинты, обнаруживая зависимость не от греческой, а от еврейской традиции. Надо полагать, что переводчики Острожской библии основывались в данном случае непосредственно на еврейском оригинале (см. [Arranz 1991: 500; 1993: 14]). Они не могли исходить из текста Вульгаты, поскольку здесь стоит относительное местоимение *еже* (в соответствии с текстом Вульгаты ожидалось бы *иже*)[12]. Основным источником для Острожской библии была Геннадиевская библия 1499 г. (ГИМ, Син. № 915), текст которой был получен из Москвы (см. [Алексеев 1999: 204]), однако в Геннадиевской библии мы имеем иное чтение («Азъ есмь сыи», л. 34 об.), точно отвечающее тексту Септуагинты. В этих условиях отклонение от текста Геннадиевской библии представляется особенно значимым: оно свидетельствует о том, что этот текст в данном случае не удовлетворял острожских переводчиков или редакторов[13].

Представляется знаменательным в этой связи, что в целом ряде русских рукописей XV–XVI вв., содержащих (полностью или частично) текст Пятикнижия, интересующая нас фраза (*'ehyeh 'asher 'ehyeh*) вообще оставлена без перевода – видимо, потому, что она понимается как имя собственное. Соответственно, мы находим здесь еврейскую фразу, записанную славянскими (или псевдославянскими) буквами. В одних случаях она дается на полях как глосса, в других вводится в текст Библии; по-видимому, первоначально данная фраза появляется как глосса (в процессе редактирования библейского текста) и затем – на следующем этапе – попадает в основной текст книги Исход.

* * *

Так, в рукописи второй пол. XV в. Румянцевского собр. (РГБ, ф. 256 / Румянц., № 27, л. 114 об.) к фразе «азъ есмь сыи» дана на верхнем поле глосса «азъ ыгиє. ашеръ. ъгеє» (***илл. I***)[14], написанная теми же чернилами и, по-видимому, той же рукой, что и основной текст (см. об этом ниже); не исключено, что писец копировал глоссы антиграфа.

---

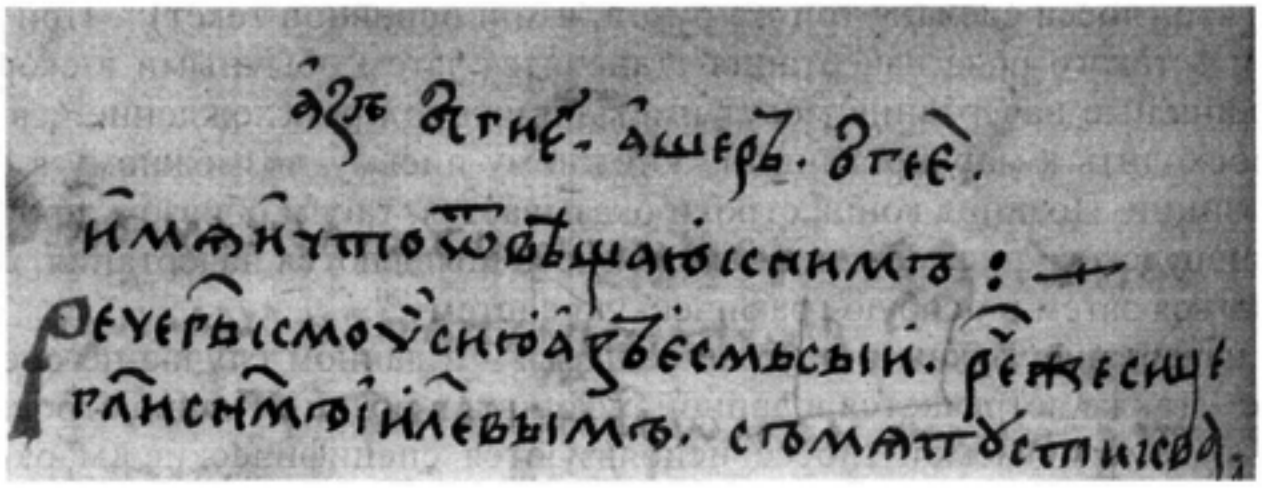
[10] Ср. старообрядческую перепечатку [Библия 1914: л. 34 об.]. То же в печатной Московской библии 1663 г. (л. 20 об.). Аналогично в рукописной Библии 1514 г. : «ѡ[те]ць сыи мѧ поусти к вамь» (Библ. Лит. акад., F19–51, л. 78). Отметим такое же употребление слова *сый* у В.К. Тредиаковского в «Парафразисе 143-го псалма»: «Боже! Ты един превечный, / Сый Господь вчера и днесь» [Тредиаковский 1963: 141].

[11] Ср., в частности, в Геннадиевской библии 1499 г. (ГИМ, Син. № 915), которая была одним из источников Острожской библии: «Сице гл[агол]и с[ы]номъ І[зра]илевымъ сыи мѧ пѹсти к вам» (л. 34 об.).

[12] Ср. в апокрифическом перечне имен Бога («Семьдесят имен Богу»): «Аз есмь иже есмь» ([Тихонравов 1863, II: 340], по рукописи XVI–XVII вв.: РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 181/554, л. 292–297). Так же и в Библии Скорины 1517–1519 гг.: «Азъ есмъ ен'жъ есмъ» [Библия Скорины, I: 208]; ср. в чешской Кутногорской библии, на которой основывался Скорина: «Ja sem kto sem» [Библия 1489: л. 1 об. тетради d]. Все эти переводы соответствуют тексту Вульгаты.

[13] О том, что издатели Острожской библии вообще могли обращаться к еврейскому тексту, см. [Лебедев 1890: 353; Алексеев 1990: 70–71; Thomson 1998: 654, 680–681, ср. с. 652]; ср. еще [Елеонский 1905: 491–492] относительно перевода Исх. III, 4. По некоторым сведениям, они основывались на тексте Антверпенской полиглотты 1569–1572 гг.; см. [Алексеев 1990: 67; Немировский 1985: 450].

[14] Иначе читает эту фразу Ф.Г. Елеонский [Елеонский 1905: 497]: «эгие ашеръ эгие». Елеонский, впрочем, подчеркивает, что чтение первой буквы первого слова как э имеет предположительный характер.



Илл. I

Обращает на себя внимание, что указанная глосса написана с элементами особой графической системы. Начертания такого рода позднее – в XVI в. – встречаются в скорописи. Так, в глоссе использовано специфическое скорописное начертание буквы *ы* в виде печной кочерги[15]. Можно предположить, что писец пытался таким образом передать начертание еврейской буквы «алеф»; иначе говоря, здесь имеет место, по-видимому, имитация еврейской буквы с помощью славянских языковых средств. Если наше предположение верно, буква *ы* не имеет прямого фонетического значения, представляя собой графический символ.

Особые начертания имеют также конечная буква *Є* в слове «ыгиє» и начальная буква ъ в слове «ъгеє», причем эта последняя буква опять-таки напоминает скорописное начертание[16].

Характерно при этом, что буква ъ в слове «ъгеє» соответствует первой части буквы *ы* в слове «ыгиє» (подобно тому, как в книжном письме буква **ъ** отвечает первому компоненту буквы **ѣ**, а буква **ь** – первому компоненту в начертании **ы**, см. в этой связи [Успенский 2002: 306, § 11.2]. Если допустить, что эта глосса воспроизводит соответствующую глоссу другого, более раннего списка (что вполне вероятно), надо полагать, что в исходной глоссе в начале первого и последнего слова стояла одна и та же буква – как это имеет место и в исходной еврейской фразе, – что и отразилось в частичном сходстве букв *ы* и ъ в нашей рукописи: либо в обоих словах в начале слова ранее стояла буква *ы*, имитирующая еврейскую букву «алеф», и впоследствии в последнем слове *ы* трансформировалось в ъ, либо, напротив, в обоих случаях значилась буква ъ, которая в начале данной фразы затем была преобразована в букву *ы*, имитирующую букву «алеф». Не исключено при этом, что буква ъ читалась как [о], как это имеет место в текстах некнижного письма (см. в этой связи [Успенский 1997])[17].

Итак, либо обе буквы не имели фонетического значения, восходя к начертанию буквы «алеф», либо они имели это значение, читаясь так же, как буква *о*. Первое предположение кажется нам более вероятным: представляется, что писец (если не данной рукописи, то какого-то ее протографа) передавал еврейские буквы с помощью знакомых ему графических средств.

К сходным выводам независимым образом пришел А.А. Алексеев; об этом будет сказано ниже.

Необходимо подчеркнуть, что точно такие же – необычные – начертания букв *ы*, *Є* и ъ, какие мы видим в рассматриваемой глоссе, можно встретить и в основном тексте данной рукописи, а именно, в позиции конца строки (это, собственно, и позволяет

---

[15] Ср. примеры такого начертания в скорописи: [Беляев 1911: 20 (седьмой и десятый варианты буквы *ы*)]; [Черепнин 1956: 363 (седьмой вариант этой буквы)].

[16] Ср. примеры такого начертания в скорописи: [Беляев 1911: 20 (третий вариант буквы ъ)]; [Черепнин 1956: 363 (второй вариант этой буквы)].

[17] См. ниже о форме «ьшеръ» в рукописи собр. Иосифо-Волоколамского монастыря (РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7, л. 74 об.).

утверждать, что глосса сделана той же рукой, что и основной текст)[18]. При этом в случае букв *ы* и *ъ* такого рода начертания становятся затем обычными в скорописи: как видим, скорописные начертания могут иметь книжное происхождение[19], в частности, они могут восходить к маркированному книжному письму, возможному в особой графической позиции. Позиция конца строки оказывается, таким образом, прогрессивным звеном древнерусского письменного текста: здесь появляются начертания, которые могут складываться затем в особую графическую систему[20].

Особое начертание буквы ъ в слове «ашеръ» – в данном случае не специфически скорописное – также встречается в данной рукописи в позиции конца строки[21].

Итак, в рассматриваемой глоссе используются специфические (маркированные) начертания, в нормальном случае возможные лишь в позиции конца строки: периферийные начертания становятся основными. Перед нами явное стремление использовать особые графические средства, приспосабливая знакомые писцу графемы для передачи иноязычного слова.

* * *

Приведем другие глоссы с интересующей нас еврейской фразой. В рукописи второй пол. XV в. (БАН, № 17.16.33) слова «азъ єсмь сыи» сопровождаются на полях глоссой «єгее ешеръ єгеє» (л. 94). В следующем затем стихе «Г[оспод]ь Б[ог]ъ ѡ[те]ць ваших, Б[ог]ъ Авраамовъ, Б[ог]ъ Ісааковь, Б[ог]ъ Ꙗковль пꙋсти мѧ к' вамъ» (Исх. III, 15) к слову «г[оспод]ь» сообщается глосса «адонаи» (там же). Совершенно то же имеем в рукописи конца XV в. собр. Кирилло-Белозерского монастыря (РНБ, Кир.-Бел. № 2/7, л. 80 об.): к словам «азъ есмь сыи» на полях следует глосса «єгее єшеръ егее», и в стихе

---

[18] См., например, соответствующее начертание буквы *ы* на конце строки в словах «пребы-ти» (л. 134, 10я строка снизу), «всадникы» (л. 138 об., 10-я строка снизу), «ты» (л. 139, 6-я строка снизу), «пꙋсты-ню» (л. 140, 8-я строка снизу); буквы *е* в словах «погре-бнꙋ» (л. 134, 12-я строка снизу), «съберите» (л. 142, 2я строка сверху), «сне-мь» (т.е. 'сонм', л. 143, 5-я строка снизу), «не» (л. 147, 4-я строка снизу), «бꙋдете» (л. 209, 9-я строка снизу); буквы ъ в словах «стоалъ» (т.е. 'стоял', л. 36 об., 10-я строка снизу), «въ-зва» (л. 41 об., 7-я строка снизу), «семъ» (л. 50 об., 7-я строка сверху), «разъ-гнѣвасѧ» (л. 86 об., 8-я строка сверху), «лѣтъ» (л. 87, 1-я строка снизу), «положимъ» (л. 115, 1-я строка сверху), «аспидъ» (л. 185 об., 10-я строка сверху), «скотъ» (л. 243 об., 7-я строка снизу).

[19] Заслуживает внимания в этой связи связь русской скорописи со вторым южнославянским влиянием; см. [Успенский 2002: 296, § 10.4].

[20] В качестве параллели можно сослаться на происхождение особого вида тайнописи, известной с XIV в., – так называемой «полусловицы», когда буквы пишутся не полностью, но частично, т.е. вместо буквы пишется ее часть (см. [Сперанский 1929: 82–86]), ср. др.-русск. *слово* 'буква'. Есть основания полагать, что такого рода письмо также восходит к начертаниям, встречающимся в конце строки. Действительно, в ту же эпоху (с конца XIV в.) русские писцы могут ставить в конце строки вместо целой буквы – ее часть (см. об этом [Турилов 2010: 212, 326–327; Лифшиц (в печати)]); отдельные случаи такого рода могут усматриваться уже в XI в. (см. [Голышенко 2000: 12]; ср. [Карский 1928: 199]); ср. воспроизведение фрагмента «Микулина евангелия» последней четв. XIV в. (БАН, № 34.5.20, л. 87 об.; ср. изд. [Бубнов и др. 1976: рис. 36]). Кажется вероятным, что оба явления связаны друг с другом – при том что знаки, приведенные у Сперанского [Сперанский 1929: 83, рис. 51], не совпадают со знаками, стоящими в конце строки в известных нам рукописях.

Использование начертаний, принятых в конце строки, в качестве маркированной графической системы прослеживается очень рано в славянской письменности. Так, в Бычковско-Синайской псалтири XI в. (РНБ, Q.п.I.73; Библ. Син. м-ря, Sin. slav. 6 и Sin. slav. 6/n; см. изд. [Altbauer 1978; Tarnanidis 1988: 249–281]) варианты букв, которые появляются в конце строки, используются для графического оформления гадательных приписок; см. [Кривко 2004, № 1: 91–92].

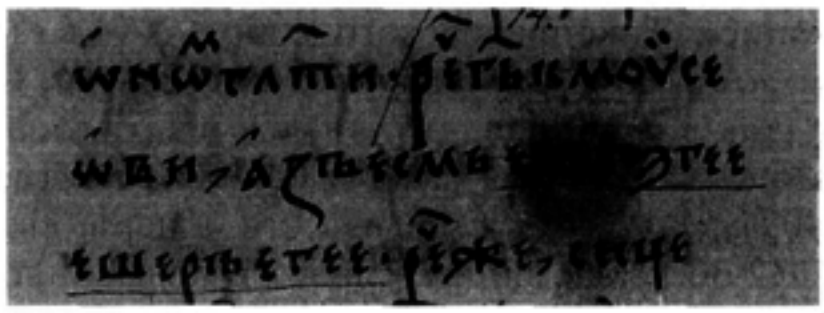
[21] См., например, в словах «сказателемъ» (л. 87, 7-я строка сверху), «фараѡнъ» (л. 88, 4-я строка снизу).

В позиции конца строки в данной рукописи можно найти особые вычурные начертания и других букв, не использованные в рассматриваемой глоссе. Отметим, в частности, лигатуру *твꙋ* (отчасти напоминающую вязь) в слове «царьствꙋ-ѧ» (л. 78, 11-я строка снизу).

«Г[оспод]ь Б[ог]ъ ѡ[те]цъ вашихъ, Б[ог]ъ Авраамовъ, Б[ог]ъ Ісааковъ, Б[ог]ъ Іаковль пᲂ҃сти мѧ къ вамъ» к слову «г[оспод]ь» относится глосса «адонаи» (там же). В рукописи XVI–XVII в. собр. Е.Е. Егорова (РГБ, ф. 98 / Егор., № 648) к слову «сыи» во фразе «азъ есмь сыи» (Исх. III, 14) дается на полях глосса «єгеєсъ. ашеръ. єгеє», а во фразе «сыи мѧ поусти к вамъ» (Исх. III, 14) – глосса «єгеєсъ» (л. 100 об.); между тем в следующем стихе к словам «Г[оспод]ь Б[ог]ъ ѡ[те]цъ ваших...» дана глосса «адонаи» (там же). Можно предположить, что окончание *-съ* в форме «єгеєсъ» осталось от формы «сыи», т.е. в антиграфе, вероятно, первоначально стояло «*єгеє сыи»[22].

В других известных нам рукописях такого рода фраза дается непосредственно в тексте, а не на полях.

Так, в рукописи Московского главного архива Министерства иностранных дел, XV в., читаем: «Реч[е] Г[оспод]ь к Моᲂ҃сеѡви, азъ есмь егее эгее ешеръ егее» – после чего употреблена форма «сыи» как ей равнозначная: «Реч[е] же, сице гл[агол] и с[ы]номь І[зра]ил[е]вымь сыи мѧ пᲂ҃сти къ вамъ» (РГАДА, ф. 181 / МГАМИД, № 354/803, л. 39). Как видим, слово «егее» повторено дважды в разном написании, причем во втором случае дается с «э оборотным». Возможно, в одном случае писец передает написание данного слова, в другом – его произношение; не менее вероятно, что он объединяет различные формы, встретившиеся ему в разных текстах[23]. Буква, которую мы идентифицируем здесь как «э оборотное», – не вполне обычной формы: она вытянута по горизонтали с выходящим за пределы строки нижним концом; средняя черточка не поставлена горизонтально, но опускается вниз под 45°, доходя до нижнего уровня строки и при этом возвышаясь над нижним концом самой буквы (***илл. II***)[24].



Илл. II

Написание данной фразы с «э оборотным» отразилось в рукописи первой трети XVI в. собр. Иосифо-Волоколамского монастыря (РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7, л. 74 об.). Здесь читаем: «Азъ есмь сыи згее ьшеръ»[25] и затем «сыи мѧ поусти к вамь»,

---

[22] Ср. в рукописи Тихонравовского собр., XVI в. (РГБ, ф. 299 / Тихонр., № 453), которую мы цитируем ниже, сочетание «єгеє съи» (вместо ожидаемого «єгеє сыи»), которое могло быть понято как «єгеєсъ и»; не исключено, что тихонравовская рукопись и является антиграфом рукописи собр. Егорова.

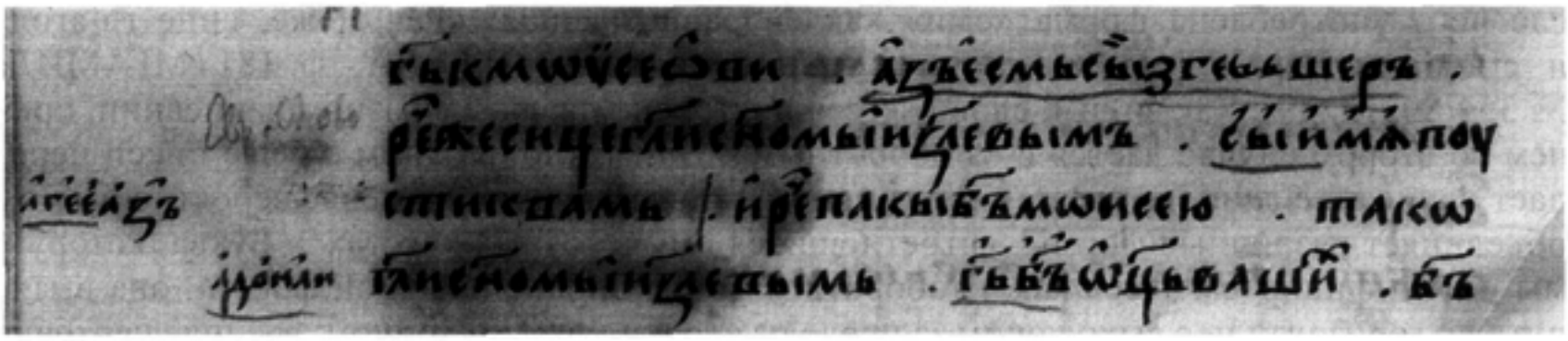
[23] Обращает на себя внимание, что в этой фразе отсутствует слово «сый». Во всех остальных известных нам случаях еврейская фраза, воспроизводящая сочетание *'ehyeh 'asher 'ehyeh*, дополняет соответствующую славянскую фразу «азъ есмь сый», но не вытесняет ее. Не исключено, таким образом, что на месте первого «егее» в свое время стояло «сый».

[24] Похожее начертание представлено в так называемой Буслаевской псалтыри или, точнее, в сборнике собр. Троице-Сергиева монастыря конца XV в., известном под этим именем (РГБ, ф. 304.I / Тр.-Серг. № 308; http://www.stsl.ru/manuscripts/index.php) в слове «вмѣщаэтьсѧ» (л. 217, 5–6 строка снизу); см. [Буслаев 1917: 166, 172] (приводя транскрипцию, Буслаев замечает: «В этом слове перевожу оборотным э очень похожее на эту букву начертание в подлиннике»). В данном случае э выступает, очевидно, не как особая буква, а как перевернутый вариант буквы *е* (буквы «есть»); иначе говоря, э не имеет здесь специального фонетического значения, отличного от *е*, предполагая произнесение с протетической йотацией. Эта часть рукописи была написана между 1485 и 1490 г., скорее всего в 1487–1489 г.; см. [Кучкин 1972: 224–225; Борисова, Турилов 2003].

[25] Несколько иное чтение у Горского [Горский 1860: 139]: «азъ есмь сый эге еьшеръ».

причем к словам «сыи мѧ» дается на полях вариант «агее азъ»[26], а к следующим затем словам «г[оспод]ь б[ог]ъ» – вариант «адонаи» (***илл. III***). Буквой *з* в слове «згее» (похожей в данном случае на арабскую цифру три, выходящую под строку), несомненно, передается буква э («э оборотное») – буква южнославянского происхождения, неизвестная, по-видимому, русскому писцу, который и отождествил ее с буквой *з* (буквой «земля»)[27]; при этом буква «земля» пишется в данной рукописи как зигзагообразное Ⱬ. Таким образом, в протографе интересующая нас фраза выглядела, видимо, таким образом: «*Азъ есмь сыи эгее ьшеръ». Что касается буквы *ь* в слове «ьшеръ», то она читалась, возможно, как [е], как это имеет место в текстах некнижного письма; см. [Успенский 1997].

Вопрос о функции «э оборотного» будет специально рассмотрен нами ниже.



Илл. III

Между тем в рукописи Тихонравовского собр., XVI в. (РГБ, ф. 299 / Тихонр., № 453, л. 123) находим: «Азъ есмь сыи, азъ єгеє ашеръ єгеє. Сице гл[агол]и с[ы]ном Ездраилевым єгеє съи [так в рукописи. – *Б. У.*] мѧ пѫсти к вам». Здесь имеет место контаминация фраз: «єгеє мѧ пѫсти к вам» и «съи мѧ пѹсти к вам». Ср. в рукописи XVI в. (РНБ, Q.I.1407): «Азъ єсмь сыи. азъ Єге. ашеръ. єгеє»; и далее: «егеє сеи мѧ пѹсти к' вамъ» (л. 132 об.). Как видим, слово *сыи* заменилось в данном случае на местоимение *сей*.

Отметим еще в рукописи конца XV – нач. XVI в. (РНБ, F.I.1): «Азъ єсмь сьї агее єше агеє»; и далее: «Г[оспод]ь Б[о]гъ ѡ[те]ць ваших Б[о]гъ Авраамовъ Б[о]гъ Ісаковъ Б[о]гъ Іаковль пѹсти мѧ к' вамь» (л. 150–150 об. / л. 146–146 об. верхней фолиации); к словам «г[оспо]дь б[о]гъ» на полях дается глосса «адонаи».

В некоторых рукописях в тексте написаны были те же, по всей видимости, слова, но бóльшая часть букв выскоблена, стерта или смыта. Так, в рукописи 1493 г. Иосифо-Волоколамского монастыря (РГБ, ф. 113/Иос.-Вол., № 8) в тексте Исх. III, 14 после слов «азъ есмь сыи» видны выскобленные слова «азъ [два слова нельзя разобрать. – *Б. У.*] єгеє» (л. 102 об.); следующая далее фраза читается «сице гл[агол]и с[ы]н[о]мъ Єздраилевымъ [одно слово выскоблено. – *Б.У.*] съи мѧ пѹсти к вамъ», т.е. ранее было, видимо, «*егее съи мѧ пѹсти к вамъ» (л. 102 об.). В рукописи рубежа XV–XVI вв. собр. Кирилло-Белозерского монастыря (РНБ, Кир.-Бел. № 3/8) в тексте Исх. III, 14 после слов «азъ єсмь сыи» можно как будто прочесть – с большой долей условности – устраненные слова «азъ єгеее ашеръ егееє» (л. 131)[28]; и далее значится: «сице гл[агол]и с[ы]нѡмь І[зра]илевымъ [одно слово устранено. – *Б. У.*] съи мѧ пѹсти к вамъ» (л. 131 об.).

---

[26] Горский [Там же] ошибочно указывает, что вариант, вынесенный на поля, относится не к словам «сыи мѧ», а к слову «сыи».

[27] Такого рода отождествлению могло способствовать начертание буквы *е* в виде перевернутой тройки, уподобленное греческому эпсилону (ε). Следует при этом отметить, что начертание *з* в виде тройки, так же как и буква э, – южнославянского происхождения (см. [Щепкин 1967: 125]); обе графемы употребляются в скорописи (относительно буквы э см. [Беляев 1911: 28]).

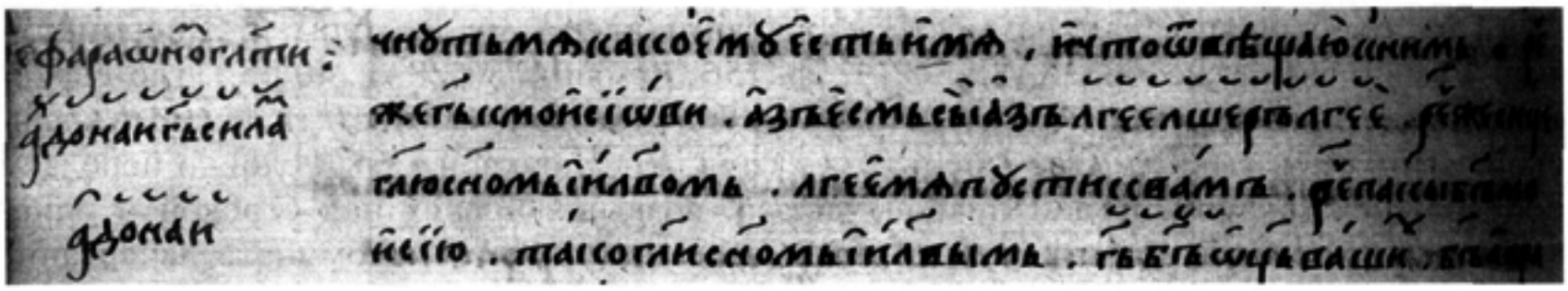
[28] Елеонский [Елеонский 1905: 497] читает: «азъ. ге...ге», отмечая, что перед вторым «ге» видны следы буквы ѥ. См. также ниже, примеч. 30.

* * *

Особый интерес представляет Пятикнижие Погодинского собр., XVI в. (РНБ, Погод. № 1435)[29]. По определению А.А. Алексеева, в интересующей нас еврейской фразе (Исх. III, 14) в начале каждого еврейского слова «находится необычный значок в виде обращенного вверх равнобедренного треугольника без нижней стороны, похожий на строчную букву *л*» [Алексеев (в печати)]; согласно Алексееву, фраза имеет такой вид: «Азъ єсмь сыи азъ ∧гее ∧шеръ ∧гее». Тот же значок усматривается им и в следующей затем фразе: «... сице гл[агол]и с[ы]нѡм Из[раи]л[е]вым ∧гее мѧ пⷭти к вамъ» (л. 455 об./л. 454 об. старой фолиации). А.А. Алексеев полагает, что этот «необычный значок соответствует еврейскому алефу и может быть объяснен только из рукописного написания буквы алеф в виде разомкнутого треугольника с тонкой косой чертой в правом верхнем сегменте»[30].

Таким образом, если мы предположили (основываясь на рукописи Румянцевского собр. № 27), что еврейская буква «алеф» может воспроизводиться с помощью знакомых писцу графических средств (начертаний), то, по гипотезе А.А. Алексеева, в рассматриваемой фразе может непосредственно передаваться начертание еврейской буквы – безотносительно к тому набору графических элементов, который был в распоряжении писца.

Обращение к данной рукописи позволяет уточнить выводы А.А. Алексеева (***илл. IV***). На месте еврейского алефа здесь стоит не какой-то «необычный значок», а самая обычная буква *л* (славянская буква «люди»), которая ничем не отличается по начертанию от других случаев употребления этой буквы у писца соответствующей части рукописи. Эта буква, так же как и буква *ы* в рассмотренном выше случае (в рукописи Румянцевского собр. № 27), очевидно, не имеет прямого фонетического значения (отвечающего чтению соответствующей буквы) и представляет собой графический символ.



Илл. IV

Как видим, этот случай в принципе не отличается от рассмотренного выше – в обоих случаях писец передает еврейскую букву с помощью знакомых ему графиче-

---

[29] Рукопись представляет собой конволют, объединяющий хронографическую Палею и Пятикнижие (без книги Бытия). Текст Пятикнижия находится на л. 454–595 об./л. 453–593 об. старой фолиации.

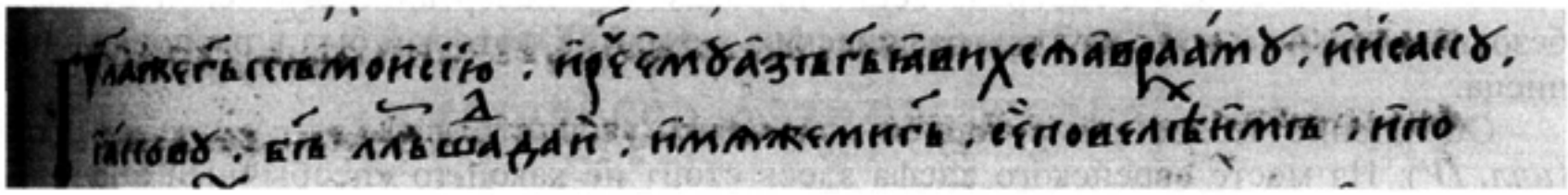
[30] А.А. Алексеев ссылается при этом на написание буквы «алеф» в сефардских и ашкеназийских почерках XI–XIII вв., воспроизведенное в изд. [Leaf 1976: 7; Birnbaum 1971: 249, 357].

Аналогичный знак А.А. Алексеев усматривает и в рукописи собр. Кирилло-Белозерского монастыря (РНБ, Кир.-Бел. № 3/8, л. 131), о которой мы только что упоминали и которую мы читаем иначе. К сожалению, текст в этой рукописи едва различим и любое чтение оказывается проблематичным. Как бы то ни было, еврейские слова, насколько мы можем судить, не начинаются здесь на одну и ту же букву, как это имеет место в погодинском Пятикнижии (РНБ, Погод. № 1435). Первая буква (буква «аз»?) слова, которое мы гипотетически читаем как «ашеръ», обведена квадратом с горизонтальным хвостиком, выступающим слева внизу (знак, отчасти напоминающий греческую строчную сигму, перевернутую как по вертикальной, так и по горизонтальной оси). Кажется, некоторые другие буквы также были обведены подобным образом – таков был, видимо, способ зачеркивания.

ских средств: буква *л* – и здесь мы должны согласиться с А.А. Алексеевым – по-видимому, восходит к особому начертанию еврейской буквы «алеф» (отличающемуся от обычного начертания буквы «алеф», которое отразилось в рукописи Румянцевского собр. № 27).

Можно думать, таким образом, что первоначально данный текст был записан (в виде глоссы) еврейским письмом, после чего появляется его транслитерация, которая в том или ином виде может отражать первоначальное написание.

Итак, наименование Бога передается в рукописи Погодинского собр. № 1435 следующим образом: «Азъ єсмь сыи азъ лгее лшеръ лгее»; и далее: «лгее мѧ пѹсти к вамъ». То, что буква *л* (славянская буква «люди» в обычном для данного писца начертании) передает здесь еврейскую букву «алеф», находит подтверждение в данной рукописи в другом еврейском наименовании Господа, на котором подробнее мы остановимся ниже: еврейское *'el šadday* (אל שדי) передается здесь как «лл҃ьшаддаи» (Исх. VI, 3; л. 458/л. 457 старой фолиации) – как видим, и в этом случае славянская буква *л* соответствует еврейскому алефу (***илл. V***).



Илл. V

К фразе «лгее лшеръ лгее» относится на полях рукописи глосса «адонаи Г[оспод]ь силам», а к следующим далее словам «Г[оспод]ь Б[ог]ъ» – глосса «адонаи».

Хотя выводы А.А. Алексеева и не подтверждаются той рукописью, на которую он ссылается, они находят яркое подтверждение в других рукописях.

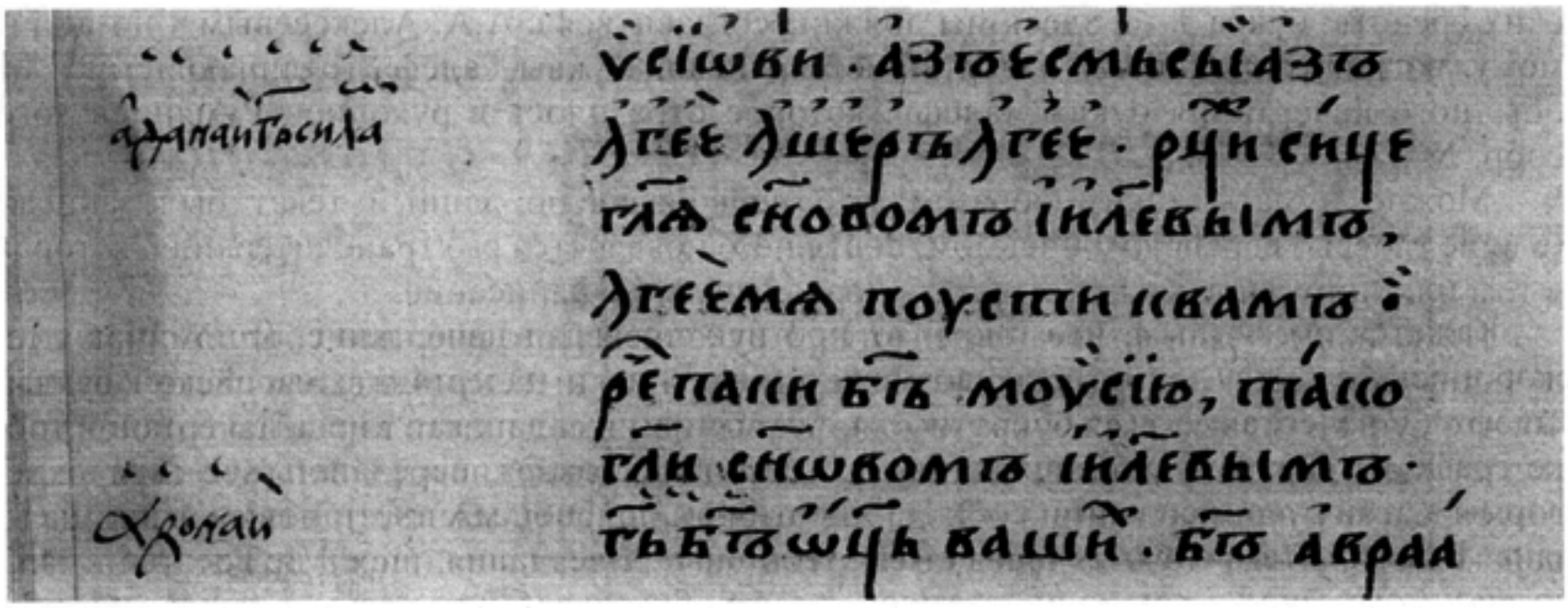
Так, необычный знак на месте еврейского алефа мы находим в Восьмикнижии Румянцевского собр., XVI в. (РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28, л. 40 об.), где еврейская фраза также дается непосредственно в тексте после соответствующей славянской: «Азъ есмь сыи азъ λгее λшеръ λгее» (***илл. VI***)[31]; буквой λ мы условно передаем особый знак (с полукруглой правой частью, возвышающейся над строкой и одновременно уходящей под строку), который отдаленно может напоминать начертание скорописной буквы *л*[32]. Не исключено, вместе с тем, что таким образом передается буква «э оборотное», но это кажется менее вероятным. Еврейская фраза, как и в предыдущем случае, сопровождается на полях глоссой: «аданаи Г[оспод]ь силам». И далее в следующих затем словах (Исх. III, 14) вместо *сыи* написано *λгее* (с тем же знаком): «λгее мѧ поусти к вамъ»; между тем в стихе (Исх. III, 15): «Тако гл[агол]и с[ы]нѡвомъ І[зра]илевымъ Г[оспод]ь Б[ог]ъ ѡ[те]ць ваших [...] пѹсти мѧ к вам» к словам «г[оспод]ь б[ог]ъ» на полях относится глосса: «адонаи»[33]. Такая же буква появляется в данной рукописи и в другом еврейском наименовании Бога «λль шаддаи» (Исх. VI, 3; л. 42), которое представляет собой транслитерацию еврейского *'el šadday* (אל שדי); см. ниже. Буква λ соответствует при этом еврейской букве «алеф» (***илл. VII***).

---

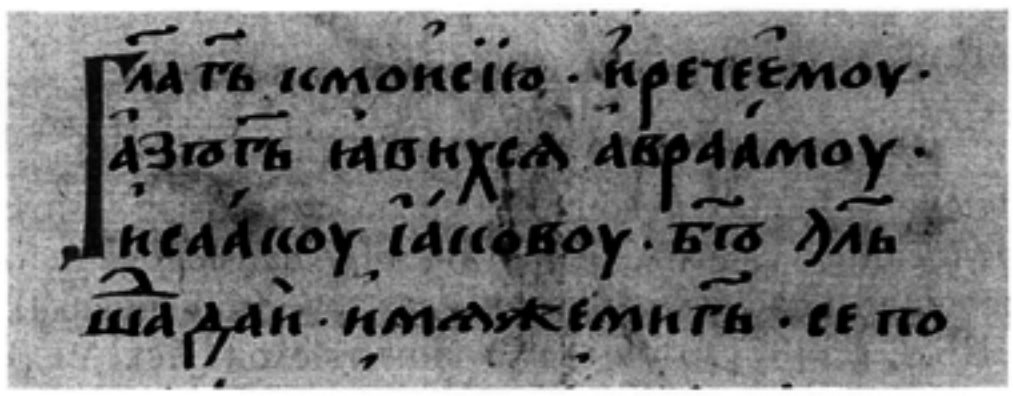
[31] Иначе читает Ф. Елеонский [Елеонский 1905: 497]: «эгее ашеръ эгее». Вопреки Елеонскому, все три слова в данной рукописи, несомненно, начинаются с одной и той же буквы (как бы ее ни интерпретировать).

[32] Ср. букву *л* в глоссе «аданаи г[оспод]ь силам» на том же листе (на полях рукописи), написанной с элементами скорописи. См. также в скорописи XVII в. [Черепнин 1956: 365 (второй вариант этой буквы)].

[33] Эта глосса как будто написана другим почерком, чем предыдущая («аданаи Г[оспод]ь силам»), хотя скорее всего писец имитирует разные почерки встретившихся ему глосс. Этому отвечает и разница в правописании в слове «адонаи».

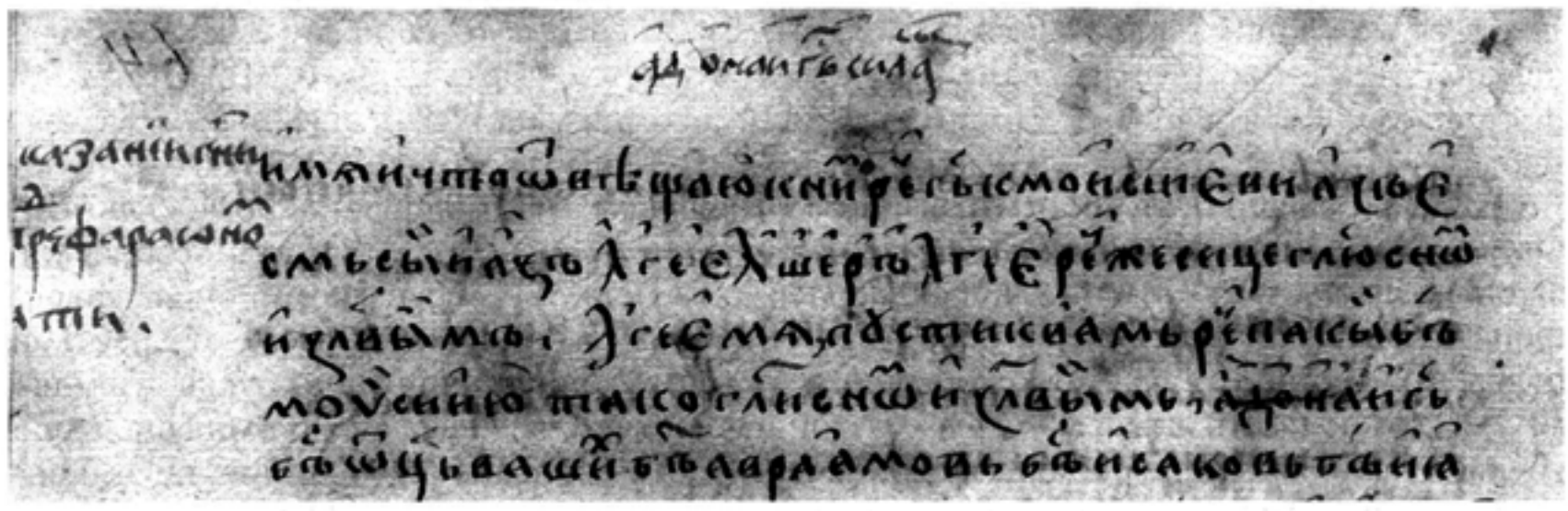


Илл. VI



Илл. VII

До некоторой степени похожую букву, еще более напоминающую скорописную букву *л* (букву «люди»)[34], имеем в рукописи Соловецкого собр., XV–XVI в. (РНБ, Солов. № 74/74, л. 62 об./л. 64 об. старой фолиации). Здесь находим: «Азъ єсмь сыи азъ λгеє λшеръ λгеє», причем еврейская фраза и здесь сопровождается на полях глоссой: «адонаи Г[осподь силам» (***илл. VIII***). И далее читаем: «λгеє мѧ пⷭти к вамь»[35]; на этот раз особая буква, которую мы условно передаем знаком λ, изменила свою форму и приближается по начертанию к букве Э, т.е. «э оборотное». Еще ближе к букве «э оборотное» эта буква становится в форме «λль шаддаи» (Исх. VI, 3; л. 65/л. 67 старой фолиации) (***илл. IX***). Несомненно, это та же буква, хотя и в трансформированном виде; если бы мы этого не знали, мы вправе были бы принять ее за «э оборотное».

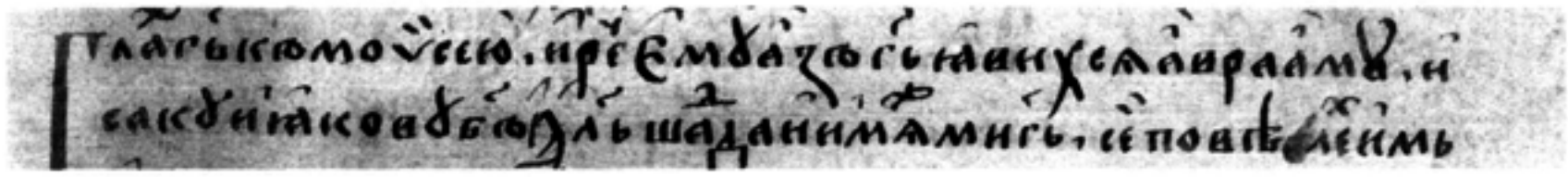


Илл. VIII

---

[34] Ср. в скорописи [Беляев 1911: 18 (третий вариант буквы *л*)].

[35] В следующей затем фразе (Исх. III, 15) слово «адонаи», которое обычно дается как глосса, вынесенная на поля, помещено непосредственно в тексте, но при этом зачеркнуто: «Реч[е] пакы Б[ог]ъ Movсиию тако гл[агол]и с[ы]нѡм Из[раи]л[е]вымь адонаи [последнее слово зачеркнуто. – *Б. У.*] сь Б[ог]ъ ѡ[те]ць ваших» (***илл. VIII***).



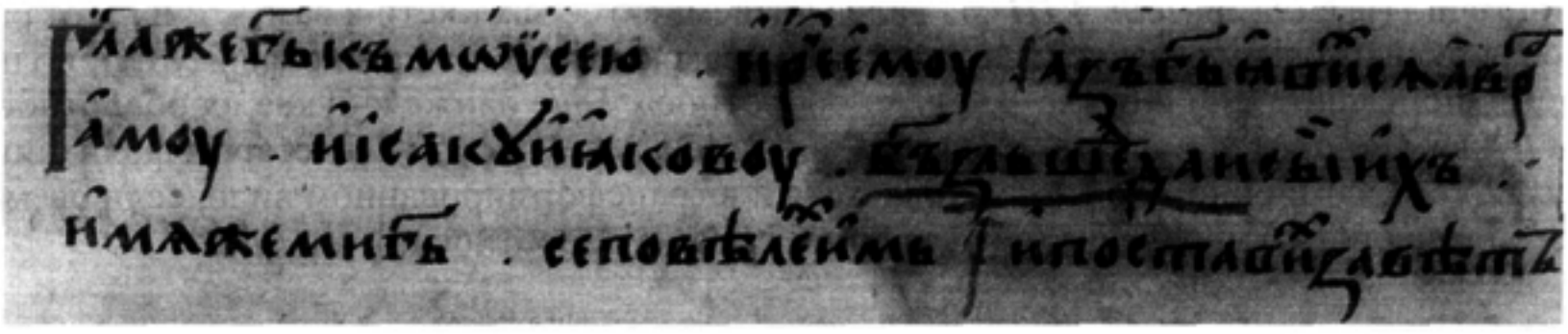
Илл. IX

Кажется очевидным, что писец не противопоставлял начертание, напоминающее скорописную букву *л* (которое, возможно, восходит к начертанию еврейской буквы «алеф»), и начертание э («э оборотное»), т.е. воспринимал их как варианты одной и той же графемы. Поэтому мы вправе были бы, вообще говоря, передавать все еврейские формы в этой рукописи через э: «Эгеє Эшеръ Эгеє [...] Эгеє мѧ пѹсти к вам», «Эль шаддаи». Вместе с тем, отождествляя столь различные начертания, писец не воспринимал, по-видимому, знак *э* как «э оборотное», т.е. как букву *є* (букву «есть»), перевернутую по вертикальной оси. Именно поэтому мы пользуемся для передачи данной графемы условным знаком λ.

Нам еще придется вернуться к этому вопросу.

* * *

Как мы уже видели, в наших рукописях можно встретить и другое еврейское наименование Бога, записанное славянскими буквами, – наименование *'el šadday* (אל שדי, условно 'Бог Всемогущий'; слово *šadday* не имеет точного перевода). Так, например, в рукописи XVI в. (РНБ, Q.I.1407) мы читаем в книге Исход (Исх. VI, 3): «Азъ Г[оспод]ь ꙗвихсѧ Авраамѹ. и Исаакѹ, Іаковѹ. Б[о]гъ єльшаддаи сыи их, имѧ же ми Г[оспод]ь» (л. 138–138 об.). Как видим, форма «єльшаддаи» сочетается со словом «сыи», восходящим к традиционному славянскому переводу ответа Бога Моисею (Исх. III, 14), в конечном же счете – к переводу Септуагинты (см. выше)[36]. Ср. еще в рукописи Тихонравовского собр., XVI в. (РГБ, ф. 299 / Тихонр., № 453): «Б[о]гъ Єльшаддаи сыи их...» (л. 127).



Илл. X

Аналогичный текст читается в соответствующем месте в рукописи Иосифо-Волоколамского собр., XVI в. (РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7, л. 78), но вместо «Б[о]гъ эль шаддаи» здесь стоит «Б[ог]ъ зль шеддаи сыи ихъ» (***илл. X***)[37]. Начертание буквы *з*, воспроизводящее, несомненно, «э оборотное» протографа, отличается здесь от арабской цифры три, но не отличается от обычного в этой рукописи написания буквы «земля» как **Ʒ**. Надо полагать, что в антиграфе рукописи соответствующее слово написано было с буквой «земля» в виде тройки; в свою очередь, это последнее начертание, несомненно, воспроизводит «э оборотное» в предшествующем протографе. Мы уже наблюдали в данной рукописи отражение «э оборотного» в виде буквы *з*, похожей на цифру три, – во фразе «азъ есмь сыи згее ьшеръ» (л. 74 об.; ***илл. III***); в данном же случае оно отразилось в виде традиционного (зигзагообразного) начертания славянской буквы

---

[36] Слово «шаддаи», как правило, пишется с выносной первой буквой *д*.

[37] Не совсем точно у А.В. Горского [Горский 1860: 139]: «Богъ эль шеддай сый ихъ».

«земля» как Ⱬ: Ⱬ заменило *з*, а *з* заменило э. Иначе говоря, выстраивается последовательность, отразившаяся при переписывании рукописей: «э оборотное» → «земля» в виде тройки → «земля» в виде зигзага. Мы можем реконструировать форму протографа: «*эль шеддаи».

В рукописи Иосифо-Волоколамского собр. 1493 г. (РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 8) слова *'el šadday* (написанные в той или иной форме) выскоблены в этом месте (л. 108); равным образом в рукописи Кирилло-Белозерского собр. XV–XVI в. (РНБ, Кир.-Бел. № 3/8) в этом месте можно прочесть стертые слова «єль шидай» (л. 137 об.).

В тех случаях, когда в ответе Бога Моисею (Исх. III, 13–14) прослеживаются элементы транслитерации еврейской фразы и когда еврейский алеф передается с помощью какой-то славянской буквы или же особой буквы, приближенной к славянской, – та же буква используется и при передаче слов *'el šadday*. Мы уже приводили эти примеры. Так, в Восьмикнижии Румянцевского собр. (РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28) мы читаем в книге Исход (Исх. VI, 3): «Азъ Г[оспод]ь ѧвихсѧ Авраамоу, Исаакоу, Іаковоу, Б[ог]ъ λль шаддаи имѧ же ми Г[оспод]ь» (л. 42; ***илл. VII***) – с такой же в точности буквой, какая представлена в данной рукописи при передаче ответа Бога Моисею (Исх. III, 14) и которую мы условно передаем как λ: «Азъ есмь сыи азъ λгее λшеръ λгее [...] λгее мѧ поусти к вамъ» (л. 40 об.; ***илл. VI***). Ср. в Пятикнижии Соловецкого собр. (РНБ, Солов. № 74/74) в книге Исход (Исх. VI, 3): «Азъ Г[оспод]ь ѧвихсѧ Авраамѵ̀. Исакѵ̀ Иѧковѵ̀ Б[ог]ъ λль шаддаи имѧ ж[е] ми Г[оспод]ь» (л. 65/л. 67 старой фолиации; ***илл. IX***), при том что в ответе Бога Моисею (Исх. III, 14) находим: «Азъ Єсмь сыи азъ λгеє λшеръ λгеє [...] λгеє мѧ пѵ̀сти к вамь» (л. 62 об./л. 64 об. старой фолиации; ***илл. VIII***). Наконец, в Пятикнижии Погодинского собр. (РНБ, Погод. № 1435), где буква «алеф» передается обычной буквой *л*, в Исх. VI, 3 имеем «лл̃ьшаддаи» («Азъ Г[оспод]ь ѧвихсѧ Авраамѵ̀, и Исакѵ̀, Іаковѵ̀, Б[ог]ъ лл̃ьшаддаи. имѧ же ми Г[оспод]ь», л. 458/л. 457 старой фолиации; ***илл. V***), в Исх. III, 14 – «Азъ єсмь сыи азъ лгее лшеръ лгее [...] лгее мѧ пѵ̀сти к вамъ» (л. 455 об./л. 454 об. старой фолиации; ***илл. IV***). Что касается рукописи Румянцевского собр. (РГБ, ф. 256 / Румянц., № 27), где в Исх. III, 14 еврейской букве «алеф» соответствует буква *ы* («азъ ыгиє. ашеръ. ъгеє», л. 114 об.; ***илл. I***), то здесь мы не находим слов *'el šadday*, но это никак не противоречит сказанному: ведь транслитерация (частичная) еврейской фразы прослеживается здесь в глоссе, приписанной на полях и перенесенной явно из другого текста; в основном же тексте данной рукописи отсутствуют еврейские формы, воспроизводящие *'ehyeh 'asher 'ehyeh* или *'el šadday*.

Во всех этих случаях интересующее нас слово появляется в тексте Библии, а не дано в виде глоссы. Между тем в рукописи собр. Е.Е. Егорова, XVI–XVII в. (РГБ, ф. 98 / Егор., № 648) слово «Єльшадаи» появляется на полях как глосса к слову «сыи» во фразе «азъ Г[оспод]ь ѧвихсѧ Авраамоу и Исаакоу и Іаковоу Б[ог]ъ сыи их...» (л. 105 – Исх. VI, 3) – при том, что ранее, как было указано выше, слово «сыи» в этой рукописи сопровождалось глоссами «Єгеєсъ. ашеръ. Єгеє» и «Єгеєсъ» (л. 100 об. – Исх. III, 14). Отметим, что в рукописи Кирилло-Белозерского собр. конца XV в. (РНБ, Кир.-Бел. № 2/7) такого рода глосса дается к тексту Исх. VI, 6 (а не Исх. VI, 3): «Сего ради иди и рцы сыномъ І[зра]илевымъ азъ Г[оспод]ь изведѵ̀ вы»: к слову «г[оспод]ь» на полях сообщается глосса: «елшадаи» (л. 84); между тем в масоретском тексте Библии *el shaddai* находится в Исх. VI, 3[38].

В еврейском Пятикнижии выражение *'el šadday* встречается не только в книге Исход (Исх. VI, 3), но также в книгах Бытия (Быт. XVII, 1; XXVIII, 3; XXXV, 11; XLIII, 14; XLVIII, 3) и Чисел (Числа XXIV, 4, 16), однако в рассмотренных нами русских списках Пятикнижия наименование, передающее еврейскую форму, представлено исключительно в книге Исход. В то же время в некоторых из этих списков слово *šadday*

---

[38] Ср. [Алексеев 1999: 183] (отмечается, что глосса взята из другого места). По предположению А.А. Алексеева, эта глосса восходит к арамейскому таргуму [Алексеев (в печати)]; о связи глосс и исправлений в наших рукописях с арамейским таргумом будет сказано ниже.

отразилось в тексте Быт. XXXV, 11: «Азъ есмь Б[ог]ъ силенъ твои расти и множисѧ» (БАН, № 17.16.33, л. 53 об.; аналогично: РНБ, Кир.-Бел. № 2/7, л. 52; РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 8, л. 62–62 об.; РГАДА, ф. 181/МГАМИД, № 354/803, л. 14 об.; РНБ, Кир.-Бел. № 3/8, л. 5 об.; РНБ, F.I.1, л. 98 об./л. 95 об. верхней фолиации; РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7, л. 40 об.; РГБ, ф. 299 / Тихонр., № 453, л. 86; РНБ, Q.I.1407, л. 85 об.): прилагательное «силенъ», не имеющее соответствия в тексте Септуагинты, является переводом евр. *šadday*[39].

Необходимо оговориться, что соответствующее наименование в двух случаях представлено – в одном и том же контексте – в славянской Библии древнейшей редакции, а именно, в книге пророка Иезекииля: Иез. I, 24 и Иез. X, 5. Так, в книге Иезекииля с толкованиями Феодорита Кирского по болгарскому списку Библии 1350–1370 гг. (РНБ, F.I.461) читаем: «И слышах глас крилъ их, вънегда парѣахѫ. ѩко и шоумъ вод многъ. ѩкѡ и глас Б[ог]а садаи» ([Тасева, Йовчева 2003: 103, л. 229]; Иез. I, 24)[40]; «И глас крилоу хровимскоу. слышашѫ ѧ до вънѣшнааго двора. ѩко и глас Божии съдаи гл[агол]ѧщоу» ([Там же: 161, л. 243 об.]; Иез. X, 5)[41]. Ср. в болгарском Григоровичеве паремейнике XII – нач. XIII в.: «И слышахъ глас крилъ ихъ. треплѧщемъ сѧ имъ. и глас водъ многъ. ѣко глас Б[ог]а сададаи» ([Григ. пар.: л. 70 об.]; Иез. I, 24); аналогично и в болгарском Лобковском паремейнике 1294–1320 гг. (ГИМ, Хлуд. № 142): «...ѩко глас Б[ог]а садъдаи», тогда как в русском Захарьинском паремейнике 1271 г. (РНБ, Q.п.I.13) в соответствующем месте значится «Савафа»; см., [Григ. пар.: л. 70 об.; Сл. ст-сл. яз., IV: 6–7]. Интересующее нас чтение отразилось в Острожской библии 1581 г.: «...ѩко и гласъ Г[оспод]а садда» ([Библия 1581: л. 125 об. отд. фолиации]; Иез. I, 24), «...ѩко и гласъ Б[о]жіи сад'да» ([Там же: л. 128 об.]; Иез. X, 5). Точно так же и в Елизаветинской библии 1751 г. – и, соответственно, в современных изданиях церковнославянской Библии – находим: «...ѩкѡ гласъ Б[о]га Саддаі» ([Библия 1751: стлб. 1374]; Иез. I, 24), «...ѩкоже гласъ Б[о]га Саддаі» ([Там же: стлб. 1385]; Иез. X, 5).

Цитированные формы восходят не непосредственно к еврейскому тексту Библии, а к греческому переводу Септуагинты, см. здесь: ὡς φωνὴ θεοῦ Σαδδαι ([Rahlfs 1935, II: 783] Иез. X, 5)[42]. Между тем в рассмотренных выше рукописях Пятикнижия слова *ель шаддаи* (или *эль шеддаи* и т. п.) восходят, по-видимому, непосредственно к еврейскому оригиналу. Таким образом, слово *саддаи* (или *садъдаи*, *сададаи*, *садда*, *садаи*, *съдаи* и т. п.) можно считать грецизмом, поскольку оно заимствовано из греческого и отражает специфическое греческое произношение еврейской формы (со свистящим вместо шипящего). Напротив, сочетание *ель шаддаи* (или *эль шеддаи* и т.п.) является прямым заимствованием из еврейского, т.е. самым настоящим гебраизмом.

* * *

Наконец, как мы видели, в тех же рукописях Пятикнижия неоднократно встречается и слово *адонаи* как обозначение Бога (*'adōnāi* אדני 'Господь мой' – в усиливающей форме множественного числа). Приходится отметить, что и это слово встречается в славянской Библии достаточно рано, по преимуществу в той же книге пророка Иезекии-

---

[39] В Вульгате евр. *šadday* всегда передается как «omnipotens» (соответственно, *'el šadday* переводится как «Deus omnipotens»).

[40] Ср. толкование Феодорита Кирского: «Сказоуетъ же намъ и шоумъ бываѫщии оттѫдоу. ѡво ли множъство вод прилагаѫ. ѡво ли пльцѣ. ѡво ли Б[о]зѣ садаи. садаи же естъ постиженъ. постиженъ сыи Б[ог]ъ и въсесиленъ Б[ог]ъ. въсе творитъ оудобѣе елико хѡщет» [Тасева, Йовчева 2003: 103].

[41] Ср. толкование: «Великь бо глас исхождааше. движѫщем сѧ криломъ херовимскымъ. ѩкоже мнѣти грѡмъ сѫщи. или глас Б[о]га постижна. садаи бо сѧ жидовскы реч[е]ть постижень» [Там же: 163].

[42] В тексте Иез. I, 24 слово σαδδαι, как правило, отсутствует в Септуагинте, однако оно отмечено в изд. [Ziegler 1977: 95 (примеч.)]. Приведенными примерами (Иез. I, 24; X, 5) исчерпываются вообще случаи употребления данного слова в Септуагинте. В переводе Симмаха (II в.) это слово встречается в книге Иова (Иов, VI, 4); см. [Field, II: 14].

ля[43]; однако, в отличие от только что рассмотренного случая (со словом «садаи»), слово *адонаи* употребляется в данной книге регулярно – как правило, в сочетании со словом *господь* («Адонаи Господь»). Так, в Изборнике 1073 г. в отрывке из Иезекииля читаем: «Живоу азъ гл[агол]ет[ь] Адонаи Г[оспод]ь...» ([Изб. 1073 г.: л. 103 об.]; ср.: Иез. VII, 5); «Падохъ ниць. и възъпихъ и рѣхъ. оухъ Адонаи Г[оспод]и. погоубл҃ѥши ты про[ро]къ Из[раи]левъ» (л. 104 об.; Иез. IX, 8); здесь же в отрывке из слова Феодорита (Кирского?) «О св. Троице» перечисляются еврейские наименования Бога Отца: *Адонай*, *Елохим* и *Саваоф*: «Нечистии же ѥретици ѥврѣискыи [...] именъ съказанїа не разоумѣвъше различьны мьнѣша богы сѫшта. Адонаи и Ѥлои и Савао҃въ» (л. 244)[44]. Слово «аданаи» несколько раз встречается в Паремейнике Григоровича XII – нач. XIII в. – во фразе «(Тако) гл[агол]етъ Аданаи Г[оспо]дъ» ([Григ. пар.: л. 71 об., 79–79 об.]; Иез. II, 4, XXXVII, 5, 9, 12, 14); то же и в Лобковском паремейнике 1294–1320 гг. (ГИМ, Хлуд. № 142); между тем в Захарьинском паремейнике 1271 г. (РНБ, Q.п.I.13) соответствующее имя («аданаѥ») представлено в другом месте книги Иезекииля, а именно в Иез. XLIII, 27 [Сл. ст-сл. яз., I: 15]. Остается добавить, что это слово многократно употребляется – в основном в книге пророка Иезекииля – как в Острожской библии 1581 г., так и в Московской 1663 г. и Елизаветинской 1751 г. Любопытно, что Иван Бегичев в послании «о видимом образе Божием» (1640-х гг.) употребляет это слово, цитируя Иез. II, 1: «И видѣхъ и падохъ ниць, и паки воздвиженъ быхъ, и слышах глас глаголющъ [на полях: реченъ]: Се глаголетъ Аданай Господь» [Яцимирский 1898: 10]; в Острожской, Московской, а также Елизаветинской библиях слово *адонаи* в этом месте отсутствует.

Так же, как и в предыдущем случае, слово *адонаи* в только что рассмотренных текстах восходит не непосредственно к еврейскому тексту Библии, а к греческому ее переводу, представленному в различных списках Септуагинты, см., например: Τάδε λέγει Ἀδωναὶ Κύριος ([Rahlfs 1935, II: 776 примеч., 780 примеч., 782 примеч., 838 примеч. и т.д.]; Иез. V, 7, VIII, 1, IX, 8, XXXVII, 12)[45]. Напротив, появление слова *адонаи* в цитированных выше текстах Пятикнижия XV–XVI вв. обусловлено, по-видимому, непосредственным влиянием еврейской традиции чтения библейского текста, согласно которой это слово принято произносить вместо имени Бога (записанного тетраграммой).

* * *

В заключение нашего обзора мы остановимся на истории буквы «э оборотное» и подытожим то, что было сказано о ее употреблении в рассмотренных выше текстах. Эта буква приходит на Русь из южнославянской письменности, где она встречается в памятниках XIII–XIV вв. [Карский 1928: 186][46]. Принято считать, что она восходит к

---

[43] В Острожской, Московской и Елизаветинской библиях, помимо книги пророка Иезекииля, это слово встречается в книге Судей (Суд. XVI, 28) и в книге Царств (I Царств I, 11). См. [Библия 1581: л. 118, 123 об. отд. фолиации; Библия 1663: л. 95 об., 100; Библия 1751: стлб. 403, 420].

[44] Ср. в Острожской библии: «Помолисѧ м[о]л[и]твою къ Г[оспод]ꙋ гл[агол]юще Аданаи Г[оспод]ь Ел'ло Саваоѳъ» [Библия 1581: л. 123 об. отд. фолиации; I Царств, I, 11]. Тот же текст в Московской библии [Библия 1663: л. 100], аналогично в Елизаветинской библии [Библия 1751: стлб. 420].

[45] В других случаях еврейское слово *adōnāi* передается в Септуагинте словом κύριος и вместо Ἀδωναὶ Κύριος ('Адонай Господь'), соответствующего евр. אדני יהוה, мы находим κύριος κύριος; если первое слово κύριος является нарицательным именем, то второе предстает как имя собственное. Списки Септуагинты демонстрируют вариативность этих выражений в цитированной фразе, см. [Rahlfs 1935, II: 811, 812, 824, 831, 832, 836, 837] (Иез. XXIII, 28, 46, XXX,10, XXXIII, 26, XXXIV, 10, XXXVI, 13, 33); ср. также в этой связи [Idem.: 772, примеч.] (Иез. II, 4). Равным образом в богослужебных чтениях находим: Τάσε λέγει Κύριος Κύριος (Иез. XXXVII, 5), λέγει Κύριος Κύριος (Иез. XXXVII, 14) [Steininger 1856: 90].

[46] Ср. фототипическое воспроизведение южнославянского текста с этой буквой (сербского Евангелия из собр. А.Ф. Гильфердинга, РНБ, Гильф. № 3, XIII–XIV в.): [Лавров 1915: 210]. Относительно датировки см. [Гранстрем 1953: 98] (XIII–XIV в.); [Мошин 1958: 411] (XIII в.); [Св. кат. XIV в.: 415–416, № 276] (первая пол. или сер. XIV в.; описание А.А. Турилова).

глаголической букве Э (букве «есть»): см., например, [Щепкин 1967: 131]. Естественно полагать поэтому, что появление буквы э на Руси связано со вторым южнославянским влиянием [Успенский 2002: 306–307, § 11.2]. Это влияние преимущественно проявляется – в интересующем нас аспекте – в Юго-Западной Руси: действительно, с конца XV в. эта буква характерна для письменности Юго-Западной Руси[47], где ее усвоение может объясняться специальными причинами[48]. Не случайно Юрий Крижанич приписывал изобретение «э оборотного» «билорѹ́сјанам», т.е. югозападнорусским книжникам; см. [Крижанич 1859: 128]; ср. [Križanić 1983: 44].

Тем не менее впервые на Руси эта буква фиксируется в письменности великорусской, а именно, в апокрифическом Откровении Авраама (памятнике южнославянского происхождения), входящем в Сильвестровский сборник второй пол. XIV в. (РГАДА, ф. 381, № 53); буква э появляется здесь при наименовании Бога – в еврейском слове *элъ* ‘Бог’[49]. Здесь читаем: «Прѣвѣчне крѣпче с[вя]те Элъ. Б[ож]е ѥдиневластне самородене нетлѣѥме [...] вѣчныи крѣпце с[вя]те Саваофе преславне. Элъ. Элъ. Элъ. Элъ» (л. 173 об.; см. изд. [Тихонравов, I: 43]). Сильвестровский сборник был написан до второго южнославянского влияния, однако уже в то время могли наблюдаться тенденции, окончательно оформившиеся несколькими десятилетиями позже (ср. в этой связи [Успенский 2002: 281–283, § 9.3]). Буква э в цитированном тексте более или менее отвечает принятому сейчас начертанию (с той лишь разницей, что горизонтальная черта в середине буквы не укорочена, а доходит до ее левого края): эта буква не выходит за пределы строки, вертикально поставлена и в принципе соответствует букве є, перевернутой по вертикальной оси.

И в дальнейшем «э оборотное» фигурирует в великорусской письменности в еврейских словах, относящихся к наименованию Бога. Примеры были рассмотрены выше. Как мы видели, в Пятикнижии Московского главного архива Министерства иностранных дел, XV в., в ответе Бога Моисею (Исх. III, 14) форма *егее* дублируется формой *эгее*: «азъ есмь егее эгее ешеръ егее» (РГАДА, ф. 181 / МГАМИД, № 354/803, л. 39; ***илл. II***). В других случаях мы наблюдаем рефлексы этой буквы. Так, в Пятикнижии Иосифо-Волоколамского монастыря, первой трети XVI в., мы встречаем форму *згее*: «азъ есмь сыи згее ьшеръ» (РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7, л. 74 об.; ***илл. III***); это означает, несомненно, что в протографе была форма *эгее* – как мы уже отмечали, писец отождествил, по-видимому, букву э, ему неизвестную, с буквой *з* в форме арабской цифры три (этому отождествлению могло способствовать то обстоятельство, что обе буквы

---

[47] Ср.: «От югославян этот знак проник в Западную Русь» [Карский 1928: 186]; «Появляется [со вторым южнославянским влиянием. – *Б. У.*] є оборотное (глаголического происхождения), которое уже с конца XV в. встречается в западнорусской письменности для выражения э (не је!) в начале слога...» [Щепкин 1967: 131, ср. с. 125]. См. еще [Булыка 1970: 40–43].

[48] С XI в. на Руси существовало две нормы книжного (церковного) произношения начального [е]: в одной из них различалось произношение иноязычных и славянских слов (это различие передавалось буквами ѥ и ѥ), которые были противопоставлены по признаку наличия йотации, тогда как в другой норме все слова без различения читались с йотацией перед [е]. В дальнейшем первая норма была усвоена книжной традицией Юго-Западной Руси, вторая – книжной традицией Московской Руси. Со вторым южнославянским влиянием в русских памятниках исчезает ѥ и, соответственно, теряется графическое различие между [је] и [е] в начале слова, сохранявшееся в Юго-Западной Руси. С утратой ѥ в Юго-Западной Руси ощущается необходимость в адекватных графических средствах для этого различия, что и способствует появлению здесь буквы э. Иначе говоря, прежнее противопоставление ѥ и ѥ может трансформироваться здесь в противопоставление ѥ и э: в обоих случаях первый член противопоставления соответствует произношению с йотацией [је], второй член – произношению с отсутствием йотации [е]. См. [Успенский 2002: 178–180 (§ 7.10.1), 306–307 (§ 11.2), 355–356 (§ 13.4)].

[49] Ср. цитированные места из Изборника 1073 г. и Осторожской библии: «различьны мьнѣша богы сѫшта. Адонаи и ѥлои и Саваѡѳъ» ([Изб. 1073 г.: л. 244]; из слова «О св. Троице»); «Помолисѧ м[о]л[и]твою къ Г[оспод]ѹ́ гл[агол]юще Аданаи Г[оспод]ь Ел’ло Саваоѳъ» ([Библия 1581: л. 123 об. отд. фолиации]; I Царств, I, 11); см. выше, примеч. 44. Ср. также формы «ели», «елои» и т. п. в словах Христа, обращенных к Богу Отцу (Мф. XXVII, 46; Мк. XV, 34) [Сл. ст-сл. яз., I: 569].

южнославянского происхождения). В той же рукописи мы находим «зль шеддаи» (л. 78; ***илл. X***), где буква *з* (буква «земля») представлена в традиционном начертании ⱬ (в виде зигзага, а не в виде буквы, похожей на цифру три), и это позволяет реконструировать в протографе написание с «э оборотным»: «эль шеддаи». Особенно характерно, что особая буква, восходящая, как кажется, к начертанию еврейской буквы «алеф», в Пятикнижии Соловецкого собр. XV–XVI в. (РНБ, Солов. № 74/74) может представать как в форме, напоминающей скорописную букву *л* (букву «люди»), так и в форме, напоминающей «э оборотное»: в одном случае пишется нечто похожее на «лгеє лшеръ лгеє» с особой буквой, в какой-то мере напоминающей букву *л* (л. 62 об. / л. 64 об. старой фолиации; ***илл. VIII***), в других случаях тот же писец пишет «Эгеє мѧ пѹсти к вамь» (там же; ***илл. VIII***) или «Эль шаддаи».; л. 65 / л. 67 старой фолиации; ***илл. IX***) с буквой, похожей на «э оборотное». Поскольку речь идет о видоизменении одной и той же буквы, мы условно обозначили ее особым знаком λ.

Во всех этих случаях «э оборотное» фигурирует в начале иноязычных слов. Правомерно думать поэтому, что данная буква читалась без начальной йотации (это подтверждается также произношением старообрядцев, о котором мы скажем ниже).

Лишь с XVII в. «э оборотное» начинает встречаться в великорусских текстах вообще в словах иностранного происхождения (не ограниченных наименованием Бога), что естественно объяснить влиянием Юго-Западной Руси (о влиянии Юго-Западной Руси на великорусскую книжную культуру в XVII в. см. [Успенский 2002: 411–426, § 16.1–16.4])[50].

Остается добавить, что эта буква встречается в певческих рукописях. Так, в Стихираре собр. Троице-Сергиева монастыря конца XV в. (РГБ, ф. 304.I / Тр.-Серг., № 409; http://www.stsl.ru/manuscripts/index.php) мы находим ее в глоссолалических попевках (так называемых аненайках и хабувах), ср. обращение к Марии архангела Гавриила: «Денесь радѹисѧ безневѣстнаа мати и бракѹ неискѹсимаѧ. не дивисѧ страненѡмоу моемоу видоу ни ѹжасаисѧ архангелъ бо есмь. змиѧ же Эинеине преЭЭЭниеинеЭЭЭлести еввоу иногда нынѣ же и азъ благовѣствоую ти ѡ дѣво радосте. и пребѹдеши нетлѣнна. и родиши чистаѧ господа. чистаа цѧрѧ. аина ани Эине и Эине но аино таино» (л. 116 об.–117; ***илл. XI***)[51]; или обращение св. Иосифа к Марии: «Чето дѣло ѡѡѡ се Эиихебоуве

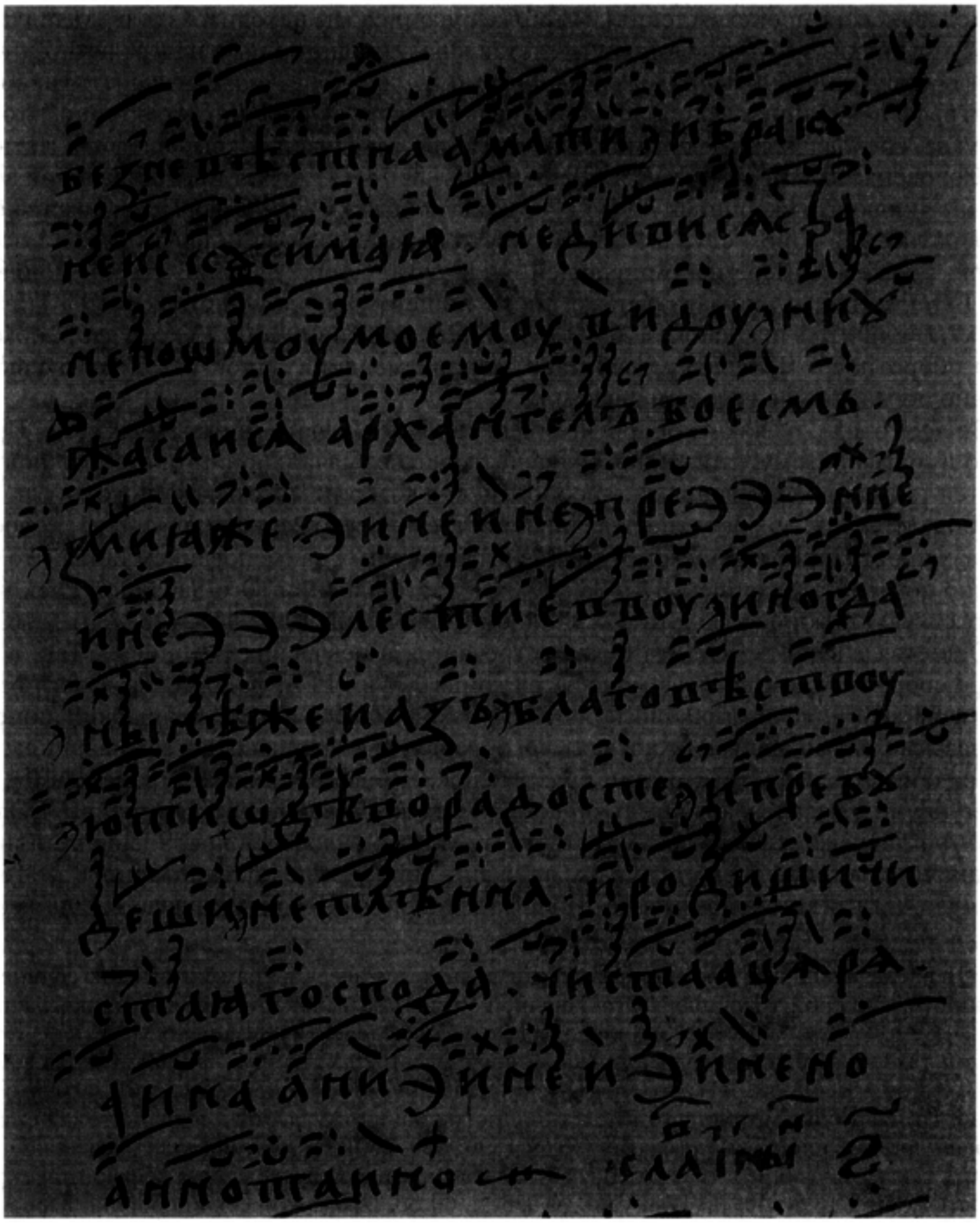
---

[50] Первоначально эта буква спорадически появляется здесь в грамматических сочинениях, связанных с книжной традицией Юго-Западной Руси. Так, великорусские книжники начинают писать «этѵмологїѧ», заимствуя это слово из грамматик Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого, см. такое написание в грамматическом сборнике 1620-х гг. (РГБ, ф. 299 / Тихонр., № 336, л. 1 об., 18 об., 82, 93 об., 111; ср. изд. [Кузьминова 2002: 19, 46, 153, 174, 206]), в московском издании грамматики Смотрицкого [Мелетий Смотрицкий 1648: л. 76] и в трактате «О еже како просодия достоит писати и глаголати» [Ягич 1896: 459–460]; см. в этой связи [Успенский 1975: 188]. Ср. также замечание в трактате об азбуке, что славянской букве «есть» соответствует у греков «эсть» [Ягич 1896: 409]; ГИМ, Син. № 933, л. 60 об. (грамматический сборник первой пол. XVII в.); то же в букваре Федора Поликарпова 1701 г. см. [Поликарпов 1701: л. 8, ср. л. 11, 36] – буква э выступает при этом как элемент транскрипции.

Как отмечает И.С. Беляев [Беляев 1911: 28], буква «э оборотное», отсутствующая в церковнославянской азбуке, в XVII в. употребляется в скорописи, причем – характерным образом – пишется в начале иностранных фамилий (наиболее ранний пример относится к 1640 г.). Примерно тогда же буква э появляется в перечне русских букв, помещенных в печатном лютеранском катехизисе («Alfabetum Rutenorum»), который был напечатан в Стокгольме до 1639 г.; составителем катехизиса был немец Ганс Флерих (Hans Flörich), служивший ранее переводчиком в Москве при Борисе Годунове; см. [Sjöberg 1975: 19–22, 13].

Показательно, что эта буква в 1710 г. вводится Петром I в гражданскую азбуку, преемственно связанную со скорописью. См. азбуку, правленную Петром: [Обнорский, Бархударов 1949: 152]; о связи гражданской азбуки со скорописью см. [Успенский 1994: 115–116].

[51] С устранением элементов хомонии (см. об этом явлении [Успенский 1997: 179–182; 2002: 145–146, § 7.5.3]) и глоссолалических вставок это означает: «Дьнесь радѹисѧ безневѣстнаа мати и бракѹ неискѹсимаѧ, не дивисѧ страньнѡмоу моемоу видоу, ни ѹжасаисѧ: архангелъ бо есмь; змиѧ же прельсти Еввоу иногда, нынѣ же и азъ благовѣствоую ти, ѡ дѣво, радость, и пребѹдеши нетлѣнна и родиши, чистаѧ, Господа, – чистаа, цѧрѧ».



Илл. XI

еже во тебѣ вижю недооумѣю и дивлюсѧ» (л. 74)[52]; ср. еще в стихире Никите мученику: «...творѧщимо вѣрено памѧте твою єдиномꙋ человѣколюбецю избавитисѧ ааине нааинаниЭине ине иneЭно» (л. 16 об.)[53]. Повторение ЭЭЭ может напоминать повторение имени Бога *Элъ Элъ Элъ Элъ* в Сильвестровском сборнике, который мы цитировали выше.

Помимо того, в певческих рукописях встречается буква э со значением музыкального знака, предваряющего, по-видимому, кульминационный момент песнопения (например: «Э слава бо Господнѧ на тобѣ восиѧ...»; «Э на рѣцѣ Вавилонстѣй...» и т. п.). Мы встречаем ее, в частности, в только что цитированном Стихираре собр. Троице-Сергиева монастыря конца XV в. (РГБ, ф. 304.I / Тр.-Серг., № 409; ***илл. XI***) – в песно-

[52] То есть: «Чьто дѣло се еже въ тебѣ вижю недооумѣю и дивлюсѧ».

[53] То есть: «... творѧщимъ вѣрьно памѧть твою єдиномꙋ человѣколюбьцю избавитисѧ».

пениях знаменного распева[54]. «Э оборотное» при этом отличается от соответствующей буквы, которая представлена в той же рукописи в глоссолалических попевках (аненайках и хабувах): она меньше по размеру и другой формы[55]; как правило, она написана другими чернилами – теми же, которыми написаны надстрочные музыкальные знаки. В некоторых случаях (л. 28 об., 57, 62, 81, 103, 111, 112 об., 128, 131, 132, 136 об., 144 об., 148, 152, 180 об., 181 об, 204 об., 218, 236, 241 об., 242, 260, 261, 289, 300 об.) буква эта в какой-то мере может напоминать букву, которая находится на месте алефа при воспроизведении еврейских слов в Библиях конца XV–XVI вв. (РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28, л. 40 об., 42; РНБ, Солов. № 74/74, л. 62 об., 65/л. 64 об., 67 старой фолиации; ***илл. VI–IX***) и которую мы передаем знаком λ. В других случаях перед нами, по-видимому, «э оборотное», форма которого явно соотносится с начертанием буквы «есть». В позднейших рукописях буква эта не отличается от обычного начертания буквы «э оборотное», см., например, репродукции песнопений демественного распева из певческого сборника второй четв. XVII в. собр. Д.В. Разумовского (РГБ, ф. 379 / Разум. (= Муз. 3954), № 23, л. 203) и из старообрядческой лицевой рукописи «Река Вавилонская демественная в лицах» нач. XIX в. (ГИМ, Син. певч. собр. № 17, л. 20): [Кудрявцев 1960: 66; Смоленский 1901: 88, илл. 33].

Над буквой э, выполняющей функцию музыкального знака в певческом тексте, может стоять нотный знак, следовательно, она несомненно выпевалась: старообрядцы, которые сохранили традицию знаменного пения, выпевают ее в виде чистого гласного [е], не имеющего начальной йотации (см. [Успенский 1971: 300; 2002: 307, § 11.2; Григорьев 2001: 35)[56].

Можно думать, что и в этом случае буква э восходит к слову *элъ/эль*, подобно тому как буква ѳ («фита») в качестве элемента знаменного распева восходит к греч. Θεός с тем же значением ‘Бог’[57].

В целом мы наблюдаем достаточно устойчивую традицию – по крайней мере с XIV в. – использования «э оборотного» при передаче имени Бога. Мы можем заключить, что «э оборотное» в свое время воспринималось как особая буква, призванная передать сакральное содержание слова (этому не противоречит и употребление этой буквы в певческих текстах). Сама перевернутость данной буквы (по отношению к букве є) могла способствовать восприятию ее как сакрального знака – подобно тому, как это может происходить в тайнописи[58].

---

[54] На употребление буквы э в качестве музыкального знака в знаменном распеве указала О.В. Шангина, которая ссылается при этом на тот же Троицкий стихирарь (РГБ, ф. 304.I / Тр.-Серг., № 409, л. 152–152 об.), см. [Шангина 2011: 83]. Особенно же характерна эта буква для песнопений демественного и путевого распевов; помимо того, она встречается в светильнах (которые поются на утрене после канона); см. [Смоленский 1901: 87–88; 1904: 34; Григорьев 2001: 35]. Отметим специально сборник песнопений путевого распева старца Варфоломея, инока Кириллова Белозерского монастыря XVI в. («Книжица пѣвчаѧ пѫтнаѧ Варфоломѣева» – РНБ, Кир.–Бел. № 623/880), где буква э встречается почти в каждом песнопении.

[55] Если «э оборотное» в глоссолалических попевках соответствует букве Є, т.е. «якорному є» (см., например [Щепкин 1967: 126, рис. 58, строка 1-я, знак 13]), перевернутому по вертикальной оси, которое как сверху, так и снизу выходит за пределы строки, то э как музыкальный знак лишь нижней своей частью выходит за пределы строки, причем язычок в данном случае устремлен вниз, а не лежит параллельно строке. В какой-то мере ее начертание соответствует букве є (см. [Там же: 111, рис. 56, строка 4-я, знак 9; Карский 1928: 184, строка 3-я, знак 3]), перевернутой по горизонтальной оси; иногда оно может отчасти напоминать вариант этой буквы, изображенный у Щепкина [Щепкин 1967: 111, рис. 56, строка 4-я, знак 12 или 13], – перевернутый опять-таки по горизонтальной оси.

[56] Речь идет о старообрядцах-беспоповцах. Старообрядцы–поповцы пользуются текстами другой, позднейшей редакции, отредактированными и исправленными специальной певческой комиссией в сер. XVII в. Буквы э в этих текстах нет.

[57] Относительно этимологии музыкального термина «фита» см. [Владышевская 1993: 191].

[58] По верной формулировке А.А. Архипова, «тайнопись не стремилась что-либо скрыть, скорее она была нацелена на некоторые узловые моменты текста, на подчеркивание их значимости. Тайнопись по основной своей функции можно определить, таким образом, как средство повышения сакрального достоинства личных имен или важных элементов текста» [Архипов 1995: 144].

Итак, в передаче еврейского наименования Бога могут наблюдаться элементы как транслитерации, так и транскрипции. В обоих случаях возможно использование как обычных букв славянского (кириллического) алфавита, так и особых знаков. Так, еврейский алеф в слове *'ehyeh* может транслитерироваться через букву *ы* (*ыгиє* – РГБ, ф. 256 / Румянц., № 27, л. 114 об.; ***илл. I***), через букву *л* (*лгее* – РНБ, Погод. № 1435, л. 455 об./л. 454 об. старой фолиации; ***илл. IV***) или же передаваться особой буквой, которую мы условно воспроизводим как λ (*λгее/λгеє* – РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28, л. 40 об.; РНБ, Солов. № 74/74, л. 62 об./л. 64 об. старой фолиации; ***илл. VI***, ***VIII***). Точно так же транскрипция слова *'ehyeh* может осуществляться как с помощью букв *е/є* (*єгеє* – РГБ, ф. 299 / Тихонр., № 453, л. 123) или *а* (*агее* – РНБ, F.I.1, л. 146–146 об.; РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7, л. 74 об.; ***илл. III***), так и с помощью специальной буквы э (*эгее* – РГАДА, ф. 181 / МГАМИД, № 354/803, л. 39; ***илл. II***).

* * *

Рассмотренные случаи представляют собой, может быть, наиболее яркие, но отнюдь не единственные примеры гебраизмов в русских списках Пятикнижия. В целом ряде рукописей – в том числе и тех, которые мы цитировали выше, – мы наблюдаем многочисленные случаи еврейских глосс или исправлений по еврейскому тексту, которые отражают, видимо, сверку славянского Пятикнижия с еврейским текстом Торы; см. [Алексеев 1999: 182–184; Пичхадзе 1996: 20; Thomson 1998: 652–653][59]. Необходимо отметить при этом, что воспроизведение еврейского наименования Бога – будь то *'ehyeh 'asher 'ehyeh* или *'el šadday* – встречается не во всех рукописях книги Исход, которые отражают сверку с еврейским текстом[60].

---

[59] Впервые на это явление обратил внимание А.Х. Востоков [Востоков 1842: 30], который отметил еврейские формы собственных имен в Пятикнижии второй пол. XV в. Румянцевского собр. (РГБ, ф. 256 / Румянц., № 27). В частности, в 5-й главе книги Бытия, где перечисляются имена и сроки жизни библейских патриархов, здесь представлены глоссы с еврейским произношением (написанные киноварью): так, формам Еносъ, Каинанъ, Малелеилъ, Енохъ, Маѳусаилъ, Ламех в основном тексте Библии соответствуют на полях Енѡш, Кенан, Маглавѣел, Ханох, Матѹшелах, Мелех (л. 13 об. – 14). Такие же глоссы (также в киноварном написании) представлены и в Пятикнижии XVI в. Тихонравовского собр., XVI в. (РГБ, ф. 299 / Тихонр., № 453, л. 23–24; отдельные глоссы находятся также в Пятикнижиях Основного собр. БАН, второй пол. XV в. (БАН, № 17.16.33, л. 7 об.), Кирилло–Белозерского собр. конца XV в. (РНБ, Кир.-Бел. № 2/7, л. 12) и Иосифо-Волоколамского собр., XVI в. (РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7, л. 10). Очевидно, что глоссы могли переписываться из рукописи в рукопись; надо полагать, что и в рукописи, исследованной Востоковым, они были переписаны с другого, более древнего текста. Добавим, что указания на возраст патриархов в глоссах отличаются от указаний в основном тексте, соответствуя при этом масоретскому тексту Библии, а не тексту Септуагинты (в некоторых рукописях на полях не указаны еврейские формы имен патриархов, а указаны только сроки их жизни в соответствии с масоретским текстом; таково Пятикнижие Погодинского собр. третьей четв. XVI в. – РНБ, Погод. № 76, л. 12–12 об.).

Следующим исследователем, обратившимся к данной теме, был А.В. Горский [Горский 1860], который подверг подробному рассмотрению гебраизмы в двух Пятикнижиях Иосифо-Волоколамского собр. (РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7 и 8). Горский предположил связь правки по еврейскому тексту, прослеживаемую в этих рукописях, с ересью жидовствующих. Несостоятельность этого предположения (которое было поддержано другими исследователями) была показана А.А. Алексеевым (см. ниже).

[60] Так, например, еврейские глоссы или исправления по еврейскому тексту находятся в Пятикнижии 1514 г. (Библ. Лит. акад., F19–51), в Хронографическом сборнике первой четв. XVI в. (РГБ, ф. 299 / Тихонр., № 279), в Пятикнижии Погодинского собр. третьей четв. XVI в. (РНБ, Погод. № 76) и в Библейском лицевом своде XVI в. (ГИМ, Муз. № 358), см. об этом [Пичхадзе 1996: 21]. Во всех этих рукописях отсутствуют еврейские фразы, относящиеся к имени Бога.

Между тем в Пятикнижии второй пол. XIV или нач. XV в. собр. Троице-Сергиева монастыря, где еврейские глоссы и исправления, вообще говоря, не наблюдаются, после слов «Азъ ѥсмь сѵщии [...] Тако гл[агол]и с[ы]н[о]мь Изр[аи]л[е]вомъ Б[ог]ъ» оставлено незаполненной полстроки (примерно 14 букв), после чего следует продолжение фразы: «посла мѧ к вамъ» (РГБ, ф. 304.I / Тр-Серг., № 1, л. 59). На полях приписано другими чернилами: «Б[ог]ъ Авраам[овъ], Б[ог]ъ Ісак[овъ] Б[ог]ъ ꙗковль». Кажется, что оставленное место должно было быть заполнено каким-то наименованием Бога – может быть, еврейским?

Рукописи, в которых представлены эти глоссы и исправления, безусловно принадлежат христианской традиции: они были созданы в русских монастырях, христианскими книжниками. Вместе с тем после работ А.А. Алексеева стало очевидно, что первоначально они появились в иудейской конфессиональной среде и именно оттуда они попадают затем в христианский текст четьей Библии (Пятикнижия) [Алексеев 1999: 182–185; Алексеев (в печати)][61]. Вне всякого сомнения, это случилось задолго до XV в. (времени, которым датируются самые ранние из известных нам рукописей с интересующей нас правкой) и, следовательно, данное явление не имеет отношения к ереси жидовствующих, как это предполагалось до недавнего времени. Дошедшие до нас рукописи отражают многослойную правку, в процессе которой еврейские глоссы во многих случаях попадали в основной текст Библии (Пятикнижия) и даже могли вытеснять на поля исконные формы, так что еврейские и славянские слова могли меняться местами[62]. Очевидно, что этот процесс должен был занять значительный период времени[63].

А.А. Алексееву удалось показать, что в славянских рукописях Пятикнижия с глоссами и исправлениями по еврейскому тексту значительная часть глосс и исправлений следует не масоретскому тексту Библии, а арамейскому таргуму, отражая таким образом традицию толкования библейского текста в синагогальной практике: глоссы и исправления по арамейскому таргуму даются именно там, где нужно указать на правильную интерпретацию оригинала [Алексеев (в печати)]; ср. примеры [Алексеев 1999: 183–184, группы «d» и «e»]. Это означает, по-видимому, что славяноязычные евреи пользовались славянской Библией (Пятикнижием) в качестве таргума; при этом они вносили в христианский перевод Библии глоссы по арамейскому таргуму[64]. Впоследствии эти исправленные в еврейской среде тексты попадают к славянским книжникам и переписываются в русских монастырях.

Синагогальную практику отражает и деление текста на части в русских списках Пятикнижия; оно соответствует делению текста еврейской Библии (Торы) на «параши» или «парашиот», т.е. делению по субботним чтениям, принятому в синагогах; см. [Алексеев 1999: 30, 182; Алексеев (в печати)][65]. Такое деление представлено, между

---

[61] Ранее считалось, что сверка с еврейским текстом Торы была делом рук русских книжников и обратившихся в православие евреев, см. [Соболевский 1903: 396, 399, примеч. 1].

[62] Приведем характерный пример. Мы упоминали две рукописи Пятикнижия с еврейскими глоссами: РГБ, ф. 256 / Румянц., № 27 и РГБ, ф. 299 / Тихонр., № 453 (см. выше, примеч. 59). В обеих рукописях в книге Левит (Лев. V, 15) мы неожиданно находим в основном тексте еврейскую форму, а на полях вынесена традиционная славянская (по происхождению греческая) форма, т.е. соотношение здесь прямо противоположное, как если бы еврейская Библия сверялась со славянской, а не наоборот. Так, в Румянцевской рукописи в основном тексте находим «сребра шакалимъ» и к слову *шакалимъ* (ср. *шекель* как название денежной единицы в Израиле) относится на полях глосса «сиклин» (л. 197 об.). Равным образом в Тихонравовской рукописи к словам «сребра шакалимъ» в основном тексте дается на полях глосса «сиклионъ» (л. 217 об.); аналогично и в рукописи XVI–XVII в. собр. Е.Е. Егорова (РГБ, ф. 98 / Егор., № 648, л. 172 об.). Очевидно, что сначала в основном тексте Библии стояло славянское слово (представляющее собой грецизм, а не гебраизм), потом появилось еврейское в качестве глоссы, в дальнейшем эта глосса оказалась в основном тексте, и, наконец, вновь появилось славянское слово – на этот раз на правах глоссы.

[63] Согласно А.А. Алексееву, этот процесс начался не позднее XIII в. Ср.: «Обозначение идола словом *блъванъ*, как это в наших глоссах, вероятно, указывает на время появления глосс не позже XIII в., когда старый термин был вытеснен заимствованием из греческого – *идолъ*» [Алексеев (в печати)].

[64] По правдоподобному предположению А.Я. Гаркави, евреи, жившие на Руси, пользовались в быту славянским языком [Гаркави 1865]; лишь в XIV в. в Восточной Европе появляются евреи, пользующиеся в быту языком идиш, который со временем становится общим разговорным языком (см. также [Kulik 2012: 373–374]. Ср. в этой связи славянскую азбуку XIII в. с названиями букв в еврейской транскрипции из Бодлеанской библиотеки в Оксфорде (MS. Bodl. Or. 3, л. 72 об. – 73 об.; [Kulik 2012: 389–399]).

[65] См. таблицу соответствий деления на «параши» и принятого сейчас деления библейского текста на главы и стихи [Востоков 1842: 29–30; Горский, Невоструев 1855–1917, I: 8].

прочим, и в рукописях, на которые мы ссылались; делению на «параши» может предшествовать оглавление с описанием содержания каждой части[66].

* * *

Итак, наряду с заимствованиями из масоретского текста Библии мы находим в наших текстах заимствования из арамейского таргума. Если заимствования из таргума, как правило, имеют смысловой, интепретационный характер (будучи направлены на правильное понимание библейского текста), то заимствования из масоретского текста представлены в разного рода гебраизмах – в частности, в еврейских формах собственных имен[67].

К формам собственных имен, вообще говоря, мы вправе были бы отнести и ответ Бога Моисею в книге Исход (Исх. III, 14). Такое восприятие вполне естественно в контексте книги Исход (Моисей спрашивает Бога, каково его имя, и Бог отвечает *'ehyeh 'asher 'ehyeh*, говоря в заключении «Се ми имѧ вѣчное»). Соответственно, в некоторых рукописях слова «адонаи Господь силам» фигурируют на полях как глосса к словам *'ehyeh 'asher 'ehyeh*, представленным в кириллической транслитерации или транскрипции (РНБ, Погод. № 1435, л. 455 об./л. 454 об. старой фолиации; РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28, л. 40 об.; РНБ, Солов. № 74/74, л. 62 об./л. 64 об. старой фолиации; ***илл. IV***, ***VI***, ***VIII***). Как уже упоминалось, в еврейской традиции чтения Библии слово «адонаи» принято произносить вместо имени Бога; таким образом, фраза *'ehyeh 'asher 'ehyeh*, по-видимому, понимается в данном случае как собственное имя.

Собственные имена могут не переводиться, а воспроизводиться в исходной форме. Возможно, поэтому в сирийской Библии («Пешитте») эта фраза оставлена без

---

[66] Деление на «параши» может наблюдаться и в текстах Пятикнижия, прямо не затронутых еврейским влиянием, – например, в Пятикнижии Московской Духовной академии, второй пол. XV в. (РГБ, ф. 173 / Моск. дух. акад., № 12; см. [Горский, Невоструев 1855–1917, I: 9]), а также в Геннадиевской библии 1499 г. (ГИМ, Син. № 915) и в печатной Московской библии 1663 г. [Библия 1663]. При этом в Геннадиевской Библии деление на «параши» отразилось как в разделении на части книг Пятикнижия, так и в оглавлении, где описывается содержание этих книг (л. 8–10); одновременно текст здесь делится на главы согласно делению Вульгаты, принятому и в настоящее время (под влиянием Вульгаты Геннадиевская библия названа «Библией» – это первая фиксация данного слова в русской письменности). Между тем в Московской библии 1663 г. есть только оглавление, соответствующее делению на «параши» (л. 6–7 отд. фолиации), которое при этом никак не отражается в самом тексте.

Любопытно, что такого рода оглавление отсутствует в Острожской библии (равным образом и текст не разделен здесь на сответствующие части): источником Острожской библии, как мы уже отмечали, была Геннадиевская библия 1499 г., но издатели Острожской библии посчитали нужным снять оглавление, основанное на делении на «параши». Непосредственным источником Московской библии была Острожская библия, но издатели Московской библии сочли необходимым, напротив, вставить соответствующее оглавление, взяв его из Геннадиевской библии. Надо полагать, что издатели Острожской библии, которые были знакомы, по-видимому, с еврейской традицией (см. выше, примеч. 13), отдавали себе отчет в том, что данное оглавление было связано с синагогальной богослужебной практикой.

Оглавления (с объяснением деления на части книг Пятикнижия) в Геннадиевской и в Московской библиях совпадают. Особенно показательно в этом отношении содержание Второзакония, которое, в отличие от других книг Пятикнижия, в обоих случаях излагается в оглавлении суммарно, одним предложением, без какого бы то ни было подразделения на части (при том, что в самом тексте Геннадиевской библии Второзаконие в соответствии с традицией делится на 10 частей), см. л. 10 Геннадиевской библии, соответствующий л. 7 об. Московской библии. Надо сказать вообще, что вводные главы в Московской библии, в которых объясняется содержание Ветхого и Нового завета (л. 1–9 об.), непосредственно соответствуют вводным главам в Геннадиевской библии (л. 3–15) и не имеют ничего общего с вводными главами в Острожской библии. Необходимо признать, таким образом, что Геннадиевская библия была одним из непосредственных источников Московской.

[67] Ср. имена библейских патриархов, которые мы приводим в примеч. 59.

перевода (см. [Елеонский 1905: 498]), как это имеет место и в рассмотренных нами рукописях[68]. Сходным образом, по свидетельству Иеронима Стридонского (в предисловии к книге Царств), в древнейших греческих переводах Библии имя Бога (тетраграмма) писалось «древними» (еврейскими) буквами: «Nomen Domini tetragrammaton in quibusdam graecis voluminibus usque hodie antiquis expressum litteris invenimus» [PL, XXVIII: стлб. 550][69].

Таким образом, казалось бы естественным предположить, что фраза *'ehyeh 'asher 'ehyeh*, записанная славянскими или псевдославянскими буквами в русских списках Пятикнижия, наряду с другими еврейскими формами (в частности, формами собственных имен), восходит непосредственно к масоретскому тексту Библии. Так, насколько можно понять, полагает и А.А. Алексеев. В действительности дело обстоит иначе: можно с уверенностью утверждать, что и это явление также объясняется из арамейского таргума. Мы имеем возможность, таким образом, дополнить выводы А.А. Алексеева, распространив их на интересующий нас текст.

Так, в наиболее известном и представительном таргуме Онкелоса[70] – стандартном таргуме на Пятикнижие, который был принят в синагогальном богослужении[71], – ответ Бога Моисею (*'ehyeh 'asher 'ehyeh*) в книге Исход (Исх. III, 14) оставлен без перевода, т.е. дан по-еврейски, а не по-арамейски; равным образом не переведено здесь и слово *'ehyeh* в следующем затем поручении Моисею: «Так скажи сынам Израилевым: *'ehyeh* послал меня к вам» [Sperber 1959–1973, I: 93; Drazin 1990: 58–59; Grossfeld 1988a: 8; Etheridge 1968: 350][72]. Между тем в таргуме Неофитов (названном так по своему происхождению из Collegio dei Neofiti в Риме) по-еврейски представлен ответ Бога, тогда как слово *'ehyeh* во второй фразе (в поручении Моисею) в основном тексте дано в интерпретационном парафразисе; вместе с тем это слово написано по-еврейски в глоссах на полях текста [Diez Macho 1970: 15; Diez Macho 1977–1988, II: 14; McNamara et al. 1994: 19–20 и примеч. 13][73]. Добавим еще так называемый Фрагментарный таргум, в одном из списков которого (Ватик. библ., Ebr. 440) как слова *'ehyeh 'asher 'ehyeh* в ответе Бога, так и слово *'ehyeh* в поручении Моисею также оставлены без перевода [Klein

---

[68] Еврейская фраза передана в Пешитте сирийскими буквами, подобно тому как в русских списках Пятикнижия она передается буквами славянскими.

[69] Это свидетельство подтверждается переводами Акилы второй пол. II в.; см. [Burkitt 1897: 15–16; Cohn 1899: 521–522; Reider 1914: 347–348; Traube 1907: 27–28].

В греческих списках Библии тетраграмма может передаваться также формой πιπι, которая появляется в результате имитации еврейских букв, ее составляющих: ΠΙΠΙ = YHWH/WHWH (буквы «йод» и «вав» смешивались в старой письменности). Иначе говоря, еврейское слово передавалось схожими по облику греческими буквами (это очень близко к тому, что мы наблюдаем в русских рукописях, см. выше); при этом если еврейские буквы предполагали чтение справа налево, то греческие читались слева направо. См. [Traube 1907: 28–30; Mercati 1941: 341; Taylor 1900: 26–27]; ср. [Follieri 1969: 14–15 (и табл. 5)]. Иероним Стридонский в послании к Марцелле 384 г. говорит по этому поводу: «τετράγραμμον, quod ἀνεκφώνητον id est, *ineffabile* putaverunt, quod his litteris scribitur, *jod*, *he*, *vav*, *he*. Quod quidam non intellegentes propter elementorum similitudinem, cum in Graecis libris repererint, πιπι legere consueverunt» [PL, XXII: стлб. 429].

[70] Онкелоса, переведшего Библию на арамейский язык во II в., отождествляют с Акилой, переведшим ее на греческий. См. [Silverstone 1931].

[71] В свое время таргум Онкелоса читался в синагогах после прочтения на еврейском языке отрывка из Пятикнижия. Эта практика по сей день сохраняется у йеменских евреев.

[72] Так обстоит дело в большинстве списков таргума Онкелоса. В некоторых списках в первой фразе эти слова даны в переводе, однако таких списков относительно меньше; вместе с тем даже и в этих списках по-еврейски воспроизводится слово *'ehyeh* во второй фразе (см. [Grossfeld 1988a: 8–9, примеч. 16]). Можно предположить, таким образом, что вариант с сохранением еврейских слов в обеих фразах является более древним.

[73] Эти глоссы сделаны другой рукой, нежели основной текст. См. [Fitzmaurice Martin 1963: 26–27; McNamara 1966: 106].

1980, I: 164, II: 123; Diez Macho 1977–1988, II: 14][74]. Остается отметить, что еврейские слова в обоих случаях воспроизводятся также в самаритянском таргуме, написанном на самаритянском арамейском [Tal 1980–1983, I: 228–229; Brüll 1873–1876, II: 65]; то же имеет место в персидской Библии, написанной еврейскими буквами на так называемом иудео-персидском языке, которая могла, видимо, служить аналогом таргума для персидских евреев [Paper 1973, II: 59][75]. Не исключено, что сохранение еврейской фразы в сирийской «Пешитте», о котором мы упоминали выше, объясняется влиянием таргума.

Мы должны заключить, таким образом, что транскрипция или транслитерация еврейских слов в русских списках Библии – в словах Бога, обращенных к Моисею, – восходит к арамейскому таргуму.

К тому же источнику могут восходить, наконец, и слова *эль шаддаи*, *эль шеддаи* и т. п., встречающиеся в той или иной форме в рассмотренных нами рукописях. Действительно, еврейское (*'el*) *šadday* остается непереведенным в арамейском таргуме – в таких его версиях, как таргум Онкелоса или таргум Псевдо-Йонатана, так же как и в самаритянском таргуме; то же и в переводах Библии на иудео-персидский язык[76]. Что же касается слова *'adonai*, то оно, как кажется, не встречается в таргуме – очевидно, это слово не воспринималось как имя собственное.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ КНИГОХРАНИЛИЩ

БАН – Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)

Библ. Лит. акад. – Библиотека Академии наук Литвы им. Врублевских (Вильнюс)

Библ. Моск. ун-та – Библиотека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)

Библ. Син. м-ря – Библиотека Синайского монастыря св. Екатерины (Синай)

Ватик. библ. – Ватиканская библиотека (Ватикан)

---

[74] См. в этой связи [Hayward 1981: 18–19].

Иначе в таргуме Псевдо-Йонатана (известном также как Иерусалимский таргум): еврейские слова здесь не воспроизводятся, а пересказываются: дается интерпретация этих слов, далекая от буквального перевода [Diez Macho 1977–1988, II: 15; McNamara et al. 1994: 168; Etheridge 1968: 450]; ср. [Grossfeld 1988a: 9, примеч. 16]. То же и в парижском списке Фрагментарного таргума (Париж. нац. библ., Hébr. 110) [Klein 1980, I: 70, II: 36; Diez Macho 1977–1988, II: 15]. Впрочем, в фрагменте Иерусалимского таргума, который приводит Этеридж, слово *'ehyeh* в поручении Моисею оставлено без перевода: «EHEYEH hath sent me unto you» [Etheridge 1968: 450].

[75] Так обстоит дело в большинстве переводов Пятикнижия на иудео-персидский язык. Из четырех текстов, которые вошли в сводное издание Геберта Пейпера [Paper 1973], в трех случаях интересующие нас слова даны по-еврейски, а не по-персидски, а именно, в рукописи Ватик. библ. (Pers. 61; ср. изд. [Paper 1965–1968, XXIX: 78]), в константинопольском издании Иакова бен-Йосифа Тавуса 1546 г. (ср. переиздание в арабской транскрипции [Walton 1657/1964: 107 шестой пагинации]) и в новейшем переводе Шимона Хахама, опубликованном в Иерусалиме в 1904 г.

[76] См. в таргуме Онкелоса: [Sperber 1959–1973, I: 22, 74, 83, 97, 265, 266; Grossfeld 1988b: 73, 143, 155; 1988a: 14; 1988c: 136] (Быт. XVII, 1, XLIII, 14, XLVIII, 3; Исх. VI, 3; Числа XXIV, 4, 16). В таргуме Псевдо-Йонатана: [Diez Macho 1977–1988, I: 103, 191, 253, 325, 367; II: 31; IV: 231, 237; Maher 1992: 64, 98, 120, 142, 155; McNamara et al. 1994: 175; McNamara, Clarke 1995: 259, 261] (Быт. XVII, 1, XXVIII, 3, XXXV, 11, XLIII, 14, XLVIII, 3; Исх. VI, 3; Числа XXIV, 4, 16). В самаритянском таргуме: [Tal 1980–1983, I: 108, 144, 184, 206, 240; Brüll 1873–1876, I: 32, 42, 53, 59; II: 68] (Быт. XXVIII, 3, XXXV, 11, XLIII, 14, XLVIII, 3; Исх. VI, 3). В то же время в таргуме Неофитов слова *'el šadday* не воспроизводятся, а переводятся или интерпретируются (см. [McNamara 1992: 100, примеч. 1, 138, примеч. 1]). Слово *šadday* встречается также в таргуме на книгу Руфь [Sperber 1959–1973, IVA: 121; Beattie, McIvor 1994: 21] (Руфь, I, 20).

Относительно Пятикнижия на иудео-персидском языке см. сводное изд. [Paper 1973, I: 399, 776, 1022, 1290, 1434; II: 124; IV: 804, 816]; ср. также [Paper 1965–1968, XXIX: 82; Walton 1657/1964: 28, 52, 68, 86, 95, 111] (Быт. XVII, 1, XXVIII, 3, XXXV, 11, XLIII, 14, XLVIII, 3; Исх. VI, 3; Числа XXIV, 4, 16).

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
Париж. нац. библ. – Парижская национальная библиотека (Париж)
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ – Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Автократова, Долгова 1985 – *М.И. Автократова, С.Р. Долгова.* К истории издания и распространения первой московской Библии (Острожская Библия ЦГАДА – наборный экземпляр для Библии 1663 г.) // Федоровские чтения 1981. М., 1985.

Алексеев 1988 – *А.А. Алексеев.* Кирилло-Мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы: Переводы св. Писания в славянской письменности // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов (София. Сентябрь 1988): Доклады советской делегации. М., 1988.

Алексеев 1990 – *А.А. Алексеев.* Место Острожской библии в истории славянского текста Священного Писания // Острожская библия: Сб. статей. М., 1990.

Алексеев 1999 – *А.А. Алексеев.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Алексеев (в печати) – *А.А. Алексеев.* Русско-еврейские литературные связи Киевской эпохи: Результаты и перспективы исследования // Jews and Slavs. Vol. XXI (в печати).

Амфилохий 1886 – *Архим. Амфилохий* [*Сергиевский-Казанцев*]. Апокалипсис XIV в. Румянцевского музея... М., 1886 (= *Архим. Амфилохий*. Древнеславянский Карпинский Апостол, т. III, ч. 1).

Архипов 1995 – *А.А. Архипов.* О происхождении древнеславянской тайнописи // А. Архипов. По ту сторону Самбатиона: Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контекстах в X–XVI веках. Oakland (California), 1995 (= «Monuments of Early Russian Literature». Vol. 9).

Беляев 1911 – *И.С. Беляев.* Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV–XVIII столетий. 2-е изд., испр. и доп. М., 1911.

Бенвенист 1974 – *Э. Бенвенист.* Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Э. Бенвенист. Общая лингвистика / Под ред., с вступит. статьей и коммент. Ю.С. Степанова. М., 1974.

Библия 1489 (Bible Kutnohorská) – Bible. Kutná Hora, 1489. Репринт: Kuttenberger Bibel bei Martin von Tišnov. Bde I–II. Paderborn; München; Zürich; Wien, 1989 (= «Biblia Slavica». Reihe: Tschechische Bibeln. Bde 2.1–2.2).

Библия 1581 – Библїа сирѣчь книгы ветхаго и новаго завѣта, по ꙗзыкꙋ словенскꙋ. Острог, 1581.

Библия 1663 – Библия. М., 1663.

Библия 1751– Бібліа, сирѣчь книги Священнагѡ писанія Ветхагѡ и Новагѡ завѣта. СПб., 1751[77].

Библия 1897, I–II – Священные книги Ветхого Завета, переведенные с еврейского языка для употребления евреям. Т. I–II. М., 1897.

Библия 1914 – Библия. М., 1914[78].

Библия 1992 – Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе, т. VIII (Деяния и послания апостолов. Апокалипсис). М., 1992.

Библия Скорины – Біблія. Факсимильнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай *Францыскам Скарынаю* ў 1517–1519 гадах. Т. I–III. Мінск, 1990[79].

Борисова, Турилов 2003 – *Н.С. Борисова, А.А. Турилов.* Буслаевская псалтирь // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003.

Бубнов и др. 1976 – *Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачева, В.Ф. Покровская* (сост.). Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: Описание русских и славянских рукописей XI–XVI веков. Л., 1976.

Булыко 1970 – *А.М. Булыка.* Развіццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы. Мінск, 1970.

Буслаев 1917 – *Ф.И. Буслаев.* Исторические очерки по русскому орнаменту в рукописях. Пг., 1917. (То же: *Ф.И. Буслаев.* Сочинения. Т. III. Сочинения по археологии и истории искусства. Л., 1930.)

---

[77] Все последующие издания славянской четьей Библии воспроизводят этот текст.

[78] Старообрядческая перепечатка Острожской библии; см. [Библия 1581].

[79] Ссылаемся на пагинацию внизу страницы. Книга Исход вышла в 1519 г.

Владышевская 1993 – *Т.Ф. Владышевская*. Музыка Древней Руси // Г.К. Вагнер, Т.Ф. Владышевская. Искусство Древней Руси. М., 1993.
Востоков 1842 – *А. Востоков* (сост.). Описание русских и славянских рукописей Румянцовского музеума. СПб., 1842.
Гаркави 1865 – *А.Я. Гаркави.* Об языке евреев, живших в древнее время на Руси, и о славянских словах, встречаемых у еврейских писателей (из исследований об истории евреев в России). Извлечено из «Трудов Восточного отделения имп. Археологического общества». СПб., 1865.
Голышенко 2000 – *В.С. Голышенко.* Конец строки и приемы его маркирования в раннем восточнославянском письме // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2000). М., 2000.
Горский 1860 – [*А.В. Горский*]. О славянском переводе Пятокнижия Моисеева, исправленном в XV веке по еврейскому тексту // Прибавления к изданию творений святых Отцев в русском переводе. Ч. XIX. М., 1860.
Горский, Невоструев 1855–1917 – [*А.В. Горский, К.И. Невоструев*]. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. Отд. I–III. М., 1855–1917.
Гранстрем 1953 – *Е.Э. Гранстрем* (сост.). Описание русских и славянских пергаменных рукописей [хранящихся в РНБ]: Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские. Л., 1953.
Григ. пар. – Григоровичев паремейник XII – нач. XIII в. (РГБ, ф. 87 / Григор., № 2 = Муз. № 1685) См. изд. *З. Рибарова, З. Хауптова*. Григоровичев паримејник, I. Текст со критички апарат. Скопје, 1998[80].
Григорьев 2001 – *Е. Григорьев.* Пособие по изучению церковнаго пения и чтения. 2-е изд., доп. и перераб. Рига (Рижская Гребенщиковская старообрядческая община), 2001.
Елеонский 1905 – *Ф. Елеонский.* Древнеславянский перевод Исх. I, 7 и III, 4 // Христианское чтение. Т. CCXIX. 1905, апрель.
Елизаветинская библия – см. [Библия 1751].
Изб. 1073 г. – Изборник 1073 г. (ГИМ, Син. № 1043). См. изд. Изборник Святослава 1073 года: Факсимильное изд. / [Под ред. Л. П. Жуковской]. М., 1983.
Карский 1928 – *Е.Ф. Карский.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. Репринт: М., 1979.
Кривко 2004 – *Р.Н. Кривко*. Графико-орфографические системы Бычковско-Синайской псалтири. I–II // Русск. яз. в науч. освещении. 2004. № 1 (7), № 2 (8).
Крижанич 1859 – Граматично изказâње об Руском језику попа Ју҃рка Крижанища [...] писано вь Сибири лита 7174 [1666 г.]. Изд. О. Бодянского. М., 1859. Оттиск из изд. «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при имп. Московском университете». 1848. Кн. 1; 1859. Кн. 4.
Кудрявцев 1960 – *И.М. Кудрявцев* (сост.). Собрания Д.В. Разумовского и В.Ф. Одоевского; архив А.В. Разумовского: Описания. М., 1960.
Кузьминова 2002 – Грамматический сборник 1620-х годов / Изд. и исслед. Е.А. Кузьминовой. Napoli, 2002 (= «Annali dell'Istituto Orientale di Napoli: Slavistica», Quaderno № 1).
Кучкин 1972 – *В.А. Кучкин.* О времени написания Буслаевской псалтыри // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. I. М., 1972.
Лавров 1915 – *П.А. Лавров*. Палеографическое обозрение кирилловского письма. СПб., 1915 (= «Энциклопедия славянской филологии». Вып. 4.1).
Лебедев 1890 – *В. Лебедев.* Славянский перевод книги Иисуса Навина по сохранившимся рукописям и Острожской библии: Исследование текста и языка. СПб., 1890.
Лифшиц (в печати) – *А.Л. Лифшиц.* О лицевом Евангелии Алексейки // Лицевые рукописи XI–XVII веков: Проблемы и аспекты изучения» (в печати).
Мелетий Смотрицкий 1648 – [*Мелетий Смотрицкий*]. Грамматика. М., 1648.
Мещерский 1955 – *Н.А. Мещерский*. К вопросу о датировке Виленского хронографа // ТОДРЛ. Т. XI. М.; Л., 1955.
Московская библия – см. [Библия 1663].
Мошин 1958 – *В.А. Мошин.* К датировке рукописей из собрания А.Ф. Гильфердинга Государственной Публичной библиотеки // ТОДРЛ. Т. XV. М.; Л., 1958.
Немировский 1985 – *Е.Л. Немировский.* Иллюминированный экземпляр Острожской библии 1581 г. с рукописными дополнениями // ТОДРЛ. Т. XXXVIII. Л., 1985.

---

[80] В этом издании приведены варианты из Лобковского паремейника 1294–1320 гг. (ГИМ, Хлуд. № 142) и Захарьинского паремейника 1271 г. (РНБ, Q.п.I.13).

Обнорский, Бархударов 1949 – *С.П. Обнорский, С.Г. Бархударов*. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. II. Вып. 1. М., 1949.

Острожская библия – см. [Библия 1581].

Паремейник 1890–1893 – Парїмíйникъ сиесть собрáнїе парїмíй на все лѣто. Кн. I–II. СПб., 1890–1893. Переиздано: СПб., 1904; СПб., 1913.

Пичхадзе 1986 – *А.А. Пичхадзе*. Типология паримийных чтений книги Исход // Palaeobulgarica – Старобългаристика. Т. X. 1986. № 1.

Пичхадзе 1996 – *А.А. Пичхадзе*. К истории четьего текста славянского Восьмикнижия // ТОДРЛ. Т. XLIX. СПб., 1996.

Поликарпов 1701 – [*Федор Поликарпов*]. Алфавитарь, рекше бꙋкварь славенскими, греческими, римскими писмены, оучитисѧ хотѧщымъ и любомꙋдрїе в' ползу д[ꙋ]шеспасителнꙋю ѡбрести тщащымсѧ. М., 1701.

Св. кат. XIV в. – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, СНГ и Балтии: XIV век. Вып. 1: Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская. М., 2002.

Сл. ст-сл. яз. – Slovník jazyka staroslověnského – Lexicon linguae paleoslovenicae. T. I–IV. Praha, 1958–1997. Репринт: Словарь старославянского языка. Т. I–IV. СПб., 2006.

Смоленский 1901 – *С. Смоленский*. О древнерусских певческих нотациях: историко-палеографический очерк. СПб., 1901 (= «Памятники древней письменности и искусства», CXLV).

Смоленский 1904 – *С.В. Смоленский*. О ближайших практических задачах и научных разысканиях в области русской церковно-певческой археологии. СПб., 1904 (= «Памятники древней письменности и искусства», CLI).

Соболевский 1903 – *А.И. Соболевский*. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903 (= Сб. ОРЯС. Т. LXXIV. № 1). Репринты: Köln; Wien, 1989 (= «Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven». Bd. 34); Leipzig, 1989.

Сперанский 1929 – *М.Н. Сперанский*. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. Л., 1929 (= «Энциклопедия славянской филологии». Вып. 4.3).

Тасева, Йовчева 2003 – Старобългарският превод на Стария Завет / Под общ. ред. и с въведение от Светлина Николова. Т. II. Книга на пророк Иезекиил с тълкования. Изд. е подгот. от Лора Тасева, Мария Йовчева. Подбор на гръцкия текст Татяна Илиева. София, 2003.

Тихонравов 1863 – Памятники отреченной русской литературы (Приложение к сочинению «Отреченные книги древней России»). Собраны и изданы Николаем Тихонравовым. Т. I–II. М., 1863.

Тредиаковский 1963 – *В.К. Тредиаковский*. Избранные произведения / Вступит. ст. Л.И. Тимофеева, примеч. Я.М. Строчкова. М.; Л., 1963.

Турилов 2010 – *А.А. Турилов*. О времени и месте создания пергаменного Евангелия «Мемнона книгописца» // А.А. Турилов. Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси; межславянские культурные связи эпохи Средневековья. М., 2010.

Успенский 1971 – *Б.А. Успенский*. Книжное произношение в России (Опыт исторического исследования). Дис. … докт. филол. наук. М., 1971.

Успенский 1975 – *Б.А. Успенский*. Первая русская грамматика на родном языке (Доломоносовский период отечественной русистики). М., 1975.

Успенский 1994 – *Б.А. Успенский*. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.

Успенский 1997 – *Б.А. Успенский*. Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров) // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. III. Общее и славянское языкознание. М., 1997.

Успенский 2002 – *Б.А. Успенский*. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.

Успенский 2012 – *Б.А. Успенский*. Ego loquens: Язык и коммуникационное пространство. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012.

Черепнин 1956 – *Л.В. Черепнин*. Русская палеография. М., 1956.

Чуд. Нов. Зав. – Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси. [Фототипич. изд. Леонтия, митрополита Московского]. М., 1892[81].

---

[81] Новый Завет сер. XIV в. из московского Чудова монастыря. Рукопись утрачена.

Шангина 2011 – *О.В. Шангина.* Евангельское чтение и славник Преображению Господню // Древнерусское песнопение: пути во времени. Вып. V. СПб., 2011.
Щепкин 1967 – *В.Н. Щепкин.* Русская палеография. 2-е изд. М., 1967.
Ягич 1896 – *И.В. Ягич.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке – V. Jagić. Codex slovenicus rerum grammaticarum. СПб., 1896. Оттиск из изд. «Исследования по русскому языку». Т. I. СПб., 1885–1895. Репринт: München, 1968 (= «Slavische Propyläen». Bd. 25).
Яцимирский 1898 – *А.И. Яцимирский.* Послание Ивана Бегичева о видимом образе Божием. По ркп. XVII века собрания А.И. Яцимирского // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при имп. Московском университете. 1898. Кн. 2.
Altbauer 1978 – *M. Altbauer* (ed.), with the collobaration of H.G. Lunt. An early Slavonic Psalter from Rus'. Vol. I. Photoreproduction. Cambridge (Mass.), 1978. Фототип. изд. рукописей РНБ (Q.п.I.73) и Библ. Син. м-ря (Sin. slav. 6).
Arranz 1991 – *M. Arranz.* Une traduction du tétragramme divin dans quelques textes liturgiques slaves // R. Perić (ed.). Homo imago et amicus Dei. Miscellanea in honorem Ioannis Golub. Roma, 1991.
Arranz 1993 – *M. Arranz.* Une traduction du tétragramme divin dans quelques textes liturgiques slaves // W. Moskovich, Sh. Shvarzband, A. Alekseev (eds.). Jews and Slavs. Vol. I. Jerusalem; St. Petersburg, 1993.
Beattie, McIvor 1994 – The Targum of Ruth / Transl., with introduction, apparatus and notes by D.R.G. Beattie; The Targum of Chronicles / Transl., with introduction, apparatus and notes by J. Stanley McIvor. Edinburgh, 1994 (= «The Aramaic Bible». Vol. 19).
Benveniste 1966 – *É. Benveniste.* «Être» et «avoir» dans les leurs fonctions lingustiques // É. Benveniste. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966.
Birnbaum 1971 – *S.A. Birnbaum.* The Hebrew Scripts. Leiden, 1971.
Brüll 1873–1876 – *A. Brüll* (Hrsg.). Das samaritanische Targum zum Pentateuch. Zum erstenmale in hebräischer Quadratschrift nebst einen Anhange textkritischen Inhaltes. Theile I–V (und Anhänge I–II). Frankfurt an Main, 1873–1876 (I. Genesis, 1873; II. Exodus, 1874; III. Leviticus, 1874; IV. Numeri, 1874; V. Deuteronomium, 1874; I. Anhang: Kritische Studien über Oxforder Manuscript-Fragmente, 1875; II. Anhang: Zur Geschichte und Literatur der Samaritaner nebst Varianten zum Buche Genesis, 1876). Репринт: Sieben Teile in einem Band. Hildesheim; New York, 1971.
Burkitt 1897 – *F.C. Burkitt* (ed.). Fragments of the Books of Kings according to the translation of Aquila from a MS. formerly in the Geniza at Cairo now in the possession of C. Taylor... and S. Schechter. Cambidge, 1897.
Cohn 1899 – *L. Cohn.* Mr. Burkitt's «Aquila» [рец. на: F.C. Burkitt (ed.). Fragments of the Books of Kings According to the Translation of Aquila from a MS formerly in the Geniza at Cairo... Cambridge, 1897] // The Jewish Quarterly Review. Vol. XI. 1899. № 3.
Diez Macho 1970 – *A. Díez Macho.* Neophyti 1. Targum Palestinense, ms de la Biblioteca Vaticana. T. II: Ésodo. Edición príncipe, introducción y versión Castellana. Madrid; Barcelona, 1970 (= «Textos y estudios», 8).
Diez Macho 1977–1988 – *A. Díez Macho.* Targum Palaestinense in Pentateuchum. Additur Targum Pseudojonatan ejusque hispanica versio. L[ibros] I–V. Editio critica. Matriti, 1977–1988 (= «Biblia Polyglotta Matritensia», Series IV, 1–5) (I. Genesis, 1988; II. Exodus, 1980; III. Leviticus, 1980; IV. Numeri, 1977; V. Deuteronomium, 1980).
Drazin 1990 – *I. Drazin.* Targum Onkelos to Exodus. An English translation of the text with analysis and commentary (based on A. Sperber and A. Berliner editions). New York, 1990.
Etheridge 1968 – The Targums of Onkelos and Jonathan Ben Uzziel on the Pentateuch with the fragments of the Jerusalem Targum. From the Chaldee by J.W. Etheridge. Vol. I. Genesis and Exodus. New York, 1968. First published: 1862.
Field 1967–1975 – Origenis Hexaplorum quae supersunt sive veterum interpretum Graecorum in totum Vetus Testamentum fragmenta. Post Flaminium Nobilium, Drusium et Montefalconium adhibita etiam versione Syro-Hexaplari, concinnavit, emendavit, et multis partibus auxit F. Field. T. I–II. Oxford, 1967–1975.
Fitzmaurice Martin 1963 – *M. Fitzmaurice Martin.* The Palaeographical character of Codex Neofiti 1 // Textus. III. 1963.
Follieri 1969 – *H. Follieri* (ed.). Codices graeci Bibliothecae Vaticanae selecti temporum locorumque ordine digesti commentariis et transcriptionibus instructi. [Città di Vaticano], 1969 (= «Exempla scriptorum edita consilio et opera procuratorum bibliothecae et tabularii Vaticani». Fasc. IV).
Grossfeld 1988a – The Targum Onqelos to Exodus / Transl., with apparatus and notes by B. Grossfeld. Edinburgh, 1988 (= «The Aramaic Bible». Vol. 7).

Grossfeld 1988b – The Targum Onqelos to Genesis / Transl., with a critical introduction, apparatus and notes by B. Grossfeld. Edinburgh, 1988 (= «The Aramaic Bible». Vol. 6).
Grossfeld 1988c – The Targum Onqelos to Leviticus and The Targum Onqelos to Numbers / Transl., with apparatus and notes by B. Grossfeld. Edinburgh, 1988 (= «The Aramaic Bible». Vol. 8).
Hayward 1981 – *R. Hayward*. Divine Name and Presence: the Memra. Totowa, 1981.
Klein 1980 – *M.L. Klein*. The Fragment Targums of the Pentateuch accoding to their extant sources. Vol. I–II. Rome, 1980 (= «Analecta biblica». Vol. 76) (I. Texts, indices and introductory notes; II. Translation).
Križanić 1983 – *J. Križanić*. Objasnьenje vivodno o pismě slověnskom [1661] / Priredio, uvod napisao e tekst preveo J. Hamm. Zagreb, 1983 (= J. Križanić. Sabrana djela, knjiga 1).
Kulik 2012 – *A. Kulik*. Jews from Rus' in Medieval England // The Jewish Quarterly Review. Vol. CII. 2012. № 3.
Leaf 1976 – *R. Leaf*. Hebrew Alphabets: 400 B.C.E. to our days. New York, 1976.
Maher 1992 – Targum Pseudo-Jonathan: Genesis / Transl., with intduduction and notes by M. Maher. Edinburgh, 1992 (= «The Aramaic Bible». Vol. 1B).
McNamara 1966 – *M. McNamara*. The New Testament and the Palestinian Targum to the Pentateuch. Rome, 1966 (= «Analecta biblica». Vol. 27).
McNamara 1992 – Targum Neofiti 1: Genesis / Transl., with apparatus and notes by M. McNamara. Edinburgh, 1992 (= «The Aramaic Bible». Vol. 1A).
McNamara, Clarke 1995 – Targum Neofiti 1: Numbers / Transl., with apparatus and notes by M. McNamara. Targum Pseudo-Jonathan: Numbers / Transl., with notes by E.G. Clarke with the assistance of Sh. Magder. Edinburgh, 1995 (= «The Aramaic Bible». Vol. 4).
McNamara et al. 1994 – Targum Neofiti 1: Exodus / Transl., with introduction and apparatus by M. McNamara and notes by R. Hayward. Targum Pseudo-Jonathan: Exodus / Transl. with notes by M. Maher. Edinburgh, 1994 (= «The Aramaic Bible». Vol. 2).
Mercati 1941 – *G. Mercati*. Note bibliche, 1: Sulla scrittura del tetragramma nelle antiche versioni greche del Vecchio Testamento // Biblica. Commentarii editi cura Pontificii Instituti Biblici. Vol. 22. 1941.
Paper 1965–1968 – *H.H. Paper*. The Vatican Judeo-Persian Pentateuch: Vatican Judeo-Persian Bible Translation [Vat. Pers. 61] // Acta Orientalia ediderunt Societates Orientales Danica Norvegica Svecica. Vol. XXVIII–XXXI. Hauniae, 1965–1968. Genesis – Vol. XXVIII. № 3–4. 1965; Exodus and Leviticus – Vol. XXIX. № 1–2. 1965–1966; Numbers – Vol. XXIX. № 3–4. 1966; Deuteronomy – Vol. XXXI. 1968.
Paper 1973 – *H.H. Paper*. Biblia Judaeo-Persica: editio variorum. I–V. Ann Arbor, 1973 (University microfilms. A XEROX Company). Микрофильм в пяти частях (I. Genesis; II. Exodus; III. Leviticus; IV. Numbers; V. Deuteronomium).
Paroimiarion 1890–1893 – Παροιμιάριον τουτέστι, τῶν παροιμιῶν συναγωγή εἰς ὅλον ἔτος. Ἐ Πετροπόλει, 1890–1893.
Pichkhadze 1995 – *A. Pichkhadze*. К истории четьего текста славянского Восьмикнижия // Jews and Slavs. Vol. III. Jerusalem, 1995[82].
PL – Patrologiae cursus completus. Accurante J.-P. Migne. Series Latina. T. I–CCXXI. Paris, 1844–1865.
Prophetologium 1939–1981 – Prophetologium, partes I–II. Hauniae, 1939–1981 (= «Monumenta Musicae Byzantinae. Lectionaria». Vol. I). Pars prima: Lectiones anni mobilis, fasc. 1–6 / Ed. C. Höeg et G. Zuntz. Hauniae, 1939–1970. Pars altera: Lectiones anni immobilis, fasc. 1–2 / Ed. G. Engberg. Hauniae, 1980–1981.
Rahlfs 1935 – *A. Rahlfs* (ed.). Septuaginta id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes. Vol. I–II. Stuttgart, 1935. Репринт: Stuttgart, 1979.
Reider 1914 – Prolegomena to a Greek-Hebrew and Hebrew-Greek Index to Aquila // The Jewish Quarterly Review. N. s. Vol. IV. 1914. № 3. См. продолжение той же работы: там же, N. s. Vol. IV. 1914. № 4; N. s. Vol. VII. 1917. № 3.
Sjöberg 1975 – *A. Sjöberg*. Первые печатные издания на русском языке в Швеции (Катехизис Лютера и «Alfabetum Rutenorum» // Slavica Lundensia. 3(p). Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции. Lund, 1975.
Silverstone 1931 – *A.E. Silverstone*. Aquila and Onkelos. Manchester, 1931 (= «Publications of the University of Manchester», CCXIV. Semitic languages series. № 1).

[82] Предварительная версия работы [Пичхадзе 1996].

Sperber 1959–1973 – *A. Sperber* (ed.). The Bible in Aramaic based on Old Manuscripts and Printed Texts. Vol. I–IV. Leiden, 1959–1973 (I. The Pentateuch according to Targum Onkelos, 1959; II. The Former Prophets according to Targum Jonathan, 1959; III. The Latter Prophets according to Targum Jonathan, 1962; IVA. The Hagiographia: Transition from translation to Midrash, 1968; IVB. The Targum and the Hebrew Bible).

Steininger 1856 – *R.M. Steininger* (ed.). Codex Sancti Simeonis exhibens Lectionarium Ecclesiae graecae DCCC circiter annorum vetustate insigne. Editio secunda. Augusta Trevirorum, 1856.

Tal 1980–1983 – *A. Tal*. The Samaritan Targum of the Pentateuch: A critical edition. Pt. I–III. Tel Aviv, 1980–1983 (= A. Dotan (ed.). Texts and studies in the Hebrew language and related subjects. Vol. IV–VI) (I. Genesis, Exodus, 1980; II. Leviticus, Numeri, Deuteronomium, 1981; III. Introduction, 1983).

Tarnanidis 1988 – *I.C. Tarnanidis*. The Slavonic manuscripts discovered in 1975 at St Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988[83].

Taylor 1900 – *Ch. Taylor*. Hebrew-Greek Cairo Genizah palimpsestes from the Taylor-Schechter collection: Including a fragment of the twenty-second Psalm according to Origen's Hexapla. Cambridge, 1900.

Thomson 1998 – *F.J. Thomson*. The Slavonic translation of the Old Testament // Interpretation of the Bible – Interpretation der Bibel – Interprétation de la Bible – Interpretacija Svetega pisma. Lubljana; Sheffield, 1998.

Traube 1907 – *L. Traube*. Nomina sacra: Versuch einer Geschichte der christlishen Kürzung. München, 1907 (= «Quellen und Untersuchungen zur lateinischen Philologie des Mittelalters». Bd. 2). Репринт: Darmstadt, 1967.

Ziegler 1977 – *J. Ziegler* (ed.). Ezechiel. Mit einem Nachtrag von D. Fraenkel. Göttingen, 1977 (= «Septuaginta: Vetus Testamentum Graecum». T. 16/1).

Walton 1657/1964 – Triplex targum, sive versio Pentateuchi: I. Chaldaica Jonathani ben Uziel ascripta. II. Chaldaica Hierosolymitana. III. Persica Jacobi Tawusi. Cum versionibus singularum Latinis // B. Waltonus (ed.). Biblia Sacra Polyglotta... T. IV. Londini, 1657. Репринт: Graz, 1964.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

I. РГБ, ф. 256/Румянц., № 27, л. 114 об.
II. РГАДА, ф. 181/МГАМИД, № 354/803, л. 39.
III. РГБ, ф. 113/Иос.-Вол., № 7, л. 74 об.
IV. РНБ, Погод. № 1435, л. 455 об.
V. РНБ, Погод. № 1435, л. 458.
VI. РГБ, ф. 256/Румянц., № 28, л. 40 об.
VII. РГБ, ф. 256/Румянц., № 28, л. 42.
VIII. РНБ, Солов. N 74/74, л. 62 об.
IX. РНБ, Солов. N 74/74, л. 65.
X. РГБ, ф. 113/Иос.-Вол., № 7, л. 78.
XI. РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409, л. 117.

Сведения об авторе:

Борис Андреевич Успенский
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
borisusp@gmail.com

[83] Фототип. изд. рукописи Библ. Син. м-ря (Sin. slav. 6/n).

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 2012

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2012 г. Н. П. ШУМАРОВА

СОЦИОЛИНГВИСТИКА УКРАИНЫ: ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В настоящей статье рассмотрены направления развития украинской социолингвистики в постсоветский период, очерчены основные проблемы, вызывающие споры современных исследователей. Помимо работ, посвященных изучению языковой ситуации на Украине, языковой политики, вопросов смешения языков, в ней также упомянуты исследования по русистике, которые могут заинтересовать российских читателей.

Ключевые слова: социолингвистика, билингвизм, суржик, анкетирование населения, языковая политика, языковая ситуация

The article describes ways of development of the Ukrainian language during the post-Soviet period. Basic problems (language situation in the Ukraine, language policy and mixing of languages) are discussed. Controversial problems of the language situation in the Ukraine are also treated.

Keywords: sociolinguistics, bilingualism, dialect, language policy, language situation

В развитии украинской социолингвистики четко прослеживаются два периода – советский (с 1970-х годов и до распада СССР) и постсоветский (с 1991 года). На первом этапе социолингвистика на Украине развивалась в русле российской, и ее результаты, опубликованные на русском языке, хорошо известны исследователям. Отметим, что в 1979 г. книга «Языковые контакты» У. Вайнрайха была издана в Киеве. Появление этого важного для социолингвистики труда стимулировало интерес украинских ученых к проблеме языкового сосуществования и, безусловно, способствовало развитию всей советской социолингвистики – разработке ее теоретических основ [Вайнрайх 1979].

Настоящий обзор посвящен работам, вышедшим на украинском языке после 1991 года и представляющим разные направления современных украинских социолингвистических исследований.

Ко времени распада СССР языковая жизнь (языковое поведение, языковые потребности и предпочтения) населения Украины только начинала изучаться. Первое исследование языкового поведения жителей различных регионов было опубликовано в 1988 году – монография «Украинско-русское двуязычие» [УД 1988], подготовленная отделом русского языка Института языковедения им. А.А. Потебни АН Украины (теперь НАН Украины). Инициатива изучения речевых процессов в динамике, степени владения двумя языками представителями различных слоев населения Украины, и прежде всего, конечно, русским, исходила от соответствующего отдела ЦК Компартии Украины, а задача ее претворения в жизнь была возложена на русистов, акцентировавших внимание на русском языке как главном средстве межнациональной коммуникации.

Ученые, занимавшиеся вопросами функционирования украинского языка, отнеслись к этому проекту достаточно безразлично, поскольку было ясно, что результаты объективных исследований, касающихся использования украинского языка в жизни общества, невозможно опубликовать без соответствующей политико-идеологической интерпретации; также невозможно провести объективное описание смешанного язы-

ка, так называемого *суржика*[1]. В советское время суржик вообще не рассматривался как объект научного исследования. То же можно сказать и об объективном изучении билингвизма со всеми плюсами и минусами, способствующими и препятствующими сохранению этнокультурной традиции. Таким образом, к началу постсоветского периода в украинской социолингвистике наблюдается перекос в научном изучении проблемы двуязычия в пользу русского языка как социально более престижного и индивидуально более перспективного с точки зрения официальной идеологии.

В конце 1980-х годов в Институте языковедения им. А.А. Потебни АН Украины был создан сектор социолингвистики, впоследствии реорганизованный в отдел теории языковой коммуникации и социолингвистики Института украинского языка НАН Украины (1991), а еще через несколько лет – в отдел социолингвистики. Сектор (впоследствии отдел) занимался проблемами функционирования близкородственных языков, их взаимодействия и взаимовлияния в устной речи билингвов, изучением языкового поведения и языковых потребностей различных слоев населения в разных областях Украины, что предполагало сбор статистических данных и анкетирование различных социальных групп. Его наработки были опубликованы уже в постсоветский период, но методическое обеспечение формировалось на стыке эпох (результаты анкетирования в г. Хмельницком см. [Бріцин 1991]). В целом шлифовка методики сбора и обработки материала, проведение анкетирования в разных регионах Украины и получение данных о знании двух языков от самих говорящих являются положительным результатом исследований того времени в отличие от интерпретации этих данных, носившей ярко выраженный идеологический характер.

Языковая ситуация: просветительская и статистическая социолингвистика

Постсоветский период начиная с 1990-х гг. характеризуется изменением тематики: появляются работы, содержащие описание причин задержки развития национального украинского языка, осмысливающие проблемы его функционирования в различных сферах жизнедеятельности общества. Вышедшая в США еще в период перестройки работа Ю. Шевелева «Украинский язык первой половины 20 столетия: состояние и статус»[2] [Шевельов 1987] была переиздана на Украине (Черновцы, 1998) для более широкого распространения в научной среде как важный документ определенной исторической эпохи.

В это время социолингвистическое исследование русского языка по вполне понятным причинам почти прекращается (отдельные случаи будут отмечены ниже), а функционирование украинского изучается в сравнительно-динамическом аспекте на материале документальных источников.

На первом этапе о языковой ситуации пишут скорее в историко-культурном плане (не только лингвисты), чем на основании социолингвистического изучения реальных языковых практик. В работах этого типа осмысливается состояние культурно-языковой жизни Украины на протяжении нескольких столетий, описываются причины, приведшие к денационализации, русификации значительной части населения, недостаточной развитости национального самосознания; сопоставляются определенные демографические и социокультурные показатели с показателями других постсоветских и европейских стран; рассматриваются вопросы языковой политики, отстаивается статус украинского языка как государственного, намечаются пути преодоления затяжного «языкового конфликта», делаются прогнозы развития языковой ситуации в целом (см., например [Ткаченко 1990; 1999; Прадід 2000; Тараненко 2001; 2003; 2009; МК 2002; Масенко 1999; 2004; 2010; Радчук 2002; 2007] и многие другие). Эти работы, несомненно, обогатили украинскую социолингвистику, способствовали уточнению терминологического

---

[1] Прямое значение слова – «смесь различных злаков невысокого качества».

[2] Как правило, в тексте обзора названия работ даются в переводе на русский, хотя подавляющее большинство их опубликовано на украинском языке. Оригинальные названия см. в списке литературы в конце обзора.

аппарата, ввели в научный обиход малоизвестные или замалчиваемые документы и факты[3], в определенной степени отшлифовали систему аргументаций, хотя для некоторых из них характерна публицистическая экспрессия в оценке сложившегося положения вещей.

Ко второму типу можно отнести работы, базирующиеся на конкретном материале (опросы, наблюдения) и демонстрирующие реальное языковое поведение населения. Говорить о большом их количестве, безусловно, не приходится, однако ряд исследований, выполненных в разные годы и в разных населенных пунктах, достаточно подробно (хотя и не исчерпывающе) представляют языковую ситуацию на Украине в ее количественно-качественных и территориальных параметрах.

В постсоветские годы первой большой работой, построенной на данных анкетирования широких слоев населения (3 803 чел.), проведенного в 15 городах разных регионов Украины, в том числе и в Киеве, стало исследование Н.П. Шумаровой [Шумарова 1994; 2000]. Материалы для работы собирались на стыке двух эпох и отразили как устоявшиеся стереотипы поведения, так и новые ценностные ориентации общества. В работе описано языковое поведение трех национально-языковых групп населения: украинцев с родным языком украинским, украинцев, назвавших родным русский язык, и русских. Впервые объектом исследования стала столица Украины и ее коммуникативно-языковая система в сопоставлении с «языковой жизнью» 14 областных и районных центров разных регионов Украины, что позволяло установить характер реального двуязычия в столице и стране в целом. Основными социолингвистическими результатами, полученными на основе статистической обработки значительного анкетного материала с применением статистических формул, является количественное определение широты и глубины массового и индивидуального билингвизма, вывод о неодинаковой готовности городов, где проводилось анкетирование, к изменению языковой ситуации (что требует гибкого подхода при выборе средств языкового регулирования), определение силы влияния пяти социодемографических и социокультурных факторов[4] на знание и употребление языка. Показатели силы этого влияния для продуктивной компетенции уменьшаются в направлении «язык семьи > язык школьного обучения > социальное положение > возраст > уровень образования», что подтверждено статистическими расчетами.

Языковая ситуация в Херсонской области описана в кандидатской диссертации В. Демченко [Демченко 1996], вышедшей в виде монографии [Демченко 2001]. В ней содержится анализ украинско-русского билингвизма, в частности на основе результатов анкетирования, проведенного в населенных пунктах различного типа – селе, райцентре сельского типа, райцентре городского типа, пригородном селе, городе. Всего было собрано 990 анкет, для анализа тенденций развития языковой ситуации в регионе отобрано 630.

Изучив материал, сопоставив его результаты с данными переписей, архивными материалами и представив становление языковой ситуации в диахронии – с начала массового заселения территории (XV в.) и до конца XX в., автор приходит к выводу о доминировании в этом регионе украинского языка на протяжении всего исследуемого периода в соответствии с доминированием украинцев в структуре населения (с. 187). Основные проблемы языковой ситуации Юга Украины, по его мнению, аналогичны соответствующим проблемам, проявляющимся на всей территории Украины: это структурная близость языков, облегчающая переход на русский и стимулирующая функционирование и в сельской, и в городской местности украинского языка в форме регионального койне; оппозиция «город – село» как главный фактор создания ряда этнопсихологических и социокультурных проблем; доминирование украинско-русского билингвизма, кото-

---

[3] Так, в сборнике [УМ 2005] содержатся документы и материалы, касающиеся языковой политики, проводимой советским руководством на Украине, а также реестр «репрессированных слов», заменяемых начиная с 1930-х гг. кальками с русского языка (с. 354–399).

[4] Исследовалось влияние языка семьи, языка школьного обучения, социального положения, уровня образования и возраста на уровень знания и употребления украинского языка (продуктивная и рецептивная компетенция).

рый является намного более жизненным, чем русско-украинский; русскоязычные СМИ, влияющие на выбор языка общения; наличие регионального варианта русского языка с элементами просторечия и различных арго. Украинская и русская речь, по мнению автора, являются «взаимно интерферированными»: «Украинский язык попадает под влияние русского в основном на лексическом уровне, а русский язык ощущает влияние украинского на фонетическом уровне» [Демченко 2001: 189]. Автор также подтверждает готовность населения к обучению детей в украиноязычных школах и к поддержке украинского языка как государственного.

Следующей работой со статистическими данными, увидевшей свет в 2001 г., является работа А. Зализняк и Л. Масенко [Залізняк, Масенко 2001]. Это исследование языковой ситуации в Киеве 2000-го года, проведенное на основании опроса 890 чел. Авторы проанализировали уровень активного и пассивного владения украинским языком, оценили языковую ситуацию в городе с точки зрения соответствия нормам европейских столиц, описали факторы, формирующие отношение жителей столицы к украинскому языку, определили меру конфликтности современной языковой ситуации в городе и др. Для получения данных об общественном мнении студентов были опрошены 664 чел. из высших учебных заведений Киева, в экспертном опросе приняли участие 42 эксперта. Сравнение результатов А. Зализняк и Л. Масенко с результатами, полученными автором этого обзора в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и опубликованными в уже упомянутой работе, позволяет проследить динамику развития языковой ситуации на основе данных о языковом поведении и сделать выводы о положительных изменениях функциональной и демографической мощности государственного языка.

Следует отметить также изучение функционирования украинского языка в семье, системе образования, в сфере науки и культуры, проведенное в рамках проекта «Украинский язык вчера, сегодня, завтра на Украине и в мире» (руководитель проекта П.П. Кононенко) при подготовке одноименного Международного конгресса (2005), результаты которого отражены в [СМ 2006]. Было разработано 19 видов анкет – для родителей, для студентов, работников культуры и СМИ и т. д. Мониторинг охватил 24 области Украины, Крым и 22 страны, где проживает украинская диаспора. Как отмечают исследователи, было разослано несколько тысяч анкет.

На протяжении двух лет, с августа 2006 г. по июль 2008 г., на Украине осуществлялся проект «Языковая политика на Украине: антропологические, лингвистические аспекты и дальнейшие перспективы», поддержанный Международной ассоциацией по развитию сотрудничества с исследователями новых независимых государств бывшего СССР (INTAS). Целью проекта было изучение языковой ситуации и различных аспектов языкового регулирования. В проекте участвовали исследователи из Австрии, Англии и Украины, проводившие опрос населения методом индивидуального интервью в 132 населенных пунктах (72 городах и 60 селах, общее количество опрошенных 2 015 чел.), а также методом фокус-групп в пяти городах: Киеве, Донецке, Львове, Луцке и Одессе. Результаты проекта опубликованы в сборнике [МП 2010]. В нем, в частности, содержится социолингвистический анализ языковой ситуации в целом (Л. Масенко) и в отдельных сферах жизни общества: образовании (О. Калиновская), массмедиа (Ю. Бестерс-Дильгер), судопроизводстве и делопроизводстве (Н. Трач).

Опросы населения в разной форме проводят также отдельные исследователи. Статистические материалы, полученные в результате анкетирования, содержатся, например, в кандидатской диссертации Т.В. Кузнецовой [Кузнєцова 2000], в ряде статей В.Ф. Чемеса [Чемес 2000; 2001а; 2001б; 2002], Л.В. Корновенко [Корновенко 2005; 2008; 2010], в том числе в соавторстве с В.П. Мусиенко [Корновенко, Мусієнко 2004], в работах Ю.Ю. Саплина [Саплін 1991; 2004], И.И. Браги [Брага 2011] и др.

Экспертный метод использован при изучении путей гармонизации языковой ситуации на Украине в исследованиях Г. Черненко, выделившей на основании мнения экспертов ряд «конфликтных сфер», в частности официально-деловую, массмедийную, образования и науки [Черненко 2009; 2010].

Таким образом, можно утверждать, что «статистическое» направление украинской постсоветской социолингвистики представлено достаточно четко и последовательно, хотя в последнее десятилетие такие исследования перестали быть приоритетом сугубо социолингвистики. Статистические показатели языковых практик появились в работах отдельных политологов, социологов, в работах целых институтов, занимающихся политическими и этнокультурными проблемами (см., например, [УС 2004; Паніна 2005; МСУ 2008; Вишняк 2009] и др.), а также социологических центров, в частности Центра Разумкова[5].

В постсоветское время растет интерес к языку украинской диаспоры, активизируются научные связи с украинцами, проживающими в разных странах, особенно активным стало сотрудничество с диаспорой США и Канады. В результате сотрудничества появилась работа Б.Н. Ажнюка [Ажнюк 1999], посвященная вопросам сохранения украинского языка за пределами метрополии.

Выше отмечалось, что изучение русского языка в социолингвистическом аспекте в 1990-е гг. почти прекратилось, однако в 2004 г. было опубликовано исследование Е.Н. Степанова [Степанов 2004], где рассмотрены фонетические, лексические, фразеологические, словообразовательные, грамматические особенности русской речи жителей Одессы. Формирование одесской речи – городского койне – представлено на фоне процессов заселения города представителями различных национальностей, что, безусловно, повлияло на формирование разговорной нормы. Автор выделяет несколько этапов в развитии вышеназванного идиома: 1790–1820 гг. – этап формирования койне на базе русского языка, 1830–1890 гг. – выработка норм этого «городского диалекта», 1900–1930 гг. – период «имплантации» одессизмов в разговорную, в том числе и литературную, речь, 1940 гг. и до настоящего времени – период угасания койне (с. 83–89). Работа базируется на материале устной и письменной речи одесситов разного возраста и этнической принадлежности, а также на результатах анализа анкет и тестов, заполненных 11 120 жителями Одессы в 1992–2003 гг.

Отдельные аспекты социолингвистического изучения русского языка и проблем языковой политики содержатся в работах Л.А. Кудрявцевой, представляющих результаты исследования языка СМИ [Кудрявцева 2010], нового городского просторечия – общего сленга [Кудрявцева 2001], языковой самоидентификации личности [Кудрявцева 2011] и языковой политики Украины [Кудрявцева 2005; 2007; 2008].

Русский язык как самостоятельный объект традиционных (несоциолингвистических), в частности сопоставительных, исследований остается в поле зрения отдела русского языка Института языковедения им. А.А. Потебни НАН Украины (руководитель отдела Н.Г. Озерова) и соответствующих кафедр высших учебных заведений Украины. В последнее десятилетие научный коллектив вышеназванного отдела опубликовал сопоставительную грамматику русского и украинского языков [СГРУЯ 2003], ряд статей (см., например, [Озерова 2001; 2002; 2005; 2009; 2010]) и подготовил к печати сопоставительную стилистику. Объектом анализа в монографии И.А. Синицы, легшей в основу ее докторской диссертации, стала языковая личность ученого-гуманитария XIX в., представленная через русские тексты украинских исследователей: М.М. Максимовича, Н.И. Костомарова, А.А. Потебни, П.И. Житецкого, М.П. Драгоманова [Синица 2006]. Среди работ, выполненных в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко, выделим монографии Л.А. Кудрявцевой о моделировании динамики словарного состава языка [Кудрявцева 1993], Н.В. Слухай об образной мифопоэтической картине мира двух великих писателей – М. Лермонтова и Т. Шевченко [Слухай 1995], а также работы Е.С. Снитко, рассматривающие русский язык в когнитивном, психолингвистическом, прагматическом и этнолингвистическом аспектах [Снитко 2005; 2007; 2009; 2010; Слухай, Снитко 2011], и Л.П. Дядечко, представляющие крылатые слова как объект лингвистического описания [Дядечко 2002; 2007а; 2007б; 2008]. Из работ Л.П. Ивановой (Национальный педагогический университет им. М. Драгоманова) отметим мо-

[5] См. http://www.razumkow.org.ua/ukr/index/php

нографию, посвященную изучению русского языкового сознания [Иванова 2004а] и ряд статей о различных аспектах культурно-языковой ситуации на Украине [Иванова 2004б; 2007; 2011].

В исследовании Н.П. Тропиной (Херсонский государственный университет) представлено описание семантических инноваций в русском языке с позиций семасиологии и ономасиологии [Тропина 2003], работа В.Н. Манакина (Кировоградский государственный педагогический университет) посвящена контрастивному изучению близкородственных и родственных языков [Манакин 1994].

Вопросы языковой политики

Еще одним направлением постсоветской социолингвистики является разработка основ языкового обустройства. Работы в этой сфере содержат анализ языковой политики, существовавшей в СССР, обоснование необходимости ее изменения в сегодняшней Украине и определение приоритетов в языковом регулировании[6]. В таких исследованиях темы 'языковая политика' и 'языковая ситуация' оказываются тесно переплетенными, тесно связанными между собой.

Главной проблемой языковой политики Украины на протяжении всего постсоветского периода является необходимость усиления позиций украинского языка как de jure, так и de facto. Закрепление его как государственного в Законе «О языках в Украинской ССР» (1989) и Конституции Украины (1996) еще не гарантирует ему всесторонней поддержки со стороны государства и местных административных органов.

Стремясь выработать основы нового типа языкового обустройства общества, социолингвисты, работающие в сфере языковой политики и высказывавшие свое мнение по этому вопросу, в подавляющем большинстве объясняют необходимость сохранения статуса государственного языка только за украинским, требуют от государственных органов усилить работу по изменению ситуации в сфере образования, книгопечатания, науки, массмедиа и т. д. Нередко работы содержат критику национальной политики СССР, которая определяется как имперская, не учитывающая интересов национальных (этнических) меньшинств.

Активным защитником русского языка и прежде всего возможностей получения образования на русском языке выступает УАПРЯЛ (Украинская ассоциация преподавателей русского языка и литературы) – коллективный член МАПРЯЛ, президентом которого является Л.А. Кудрявцева. Ассоциация издает сборник научных трудов «Русистика» (с 2001 г.), журнал «Русский язык, литература, культура в школе и вузе» (с 2005 г.), тематические сборники статей.

Современная языковая политика считается с языковыми меньшинствами, Хартию о языках национальных меньшинств Украина ратифицировала в 2003 г., вписав туда 13 языков, которым требуется государственная поддержка для выживания и развития (о венгерском языке см. подробно [Соколовский 2011: 34–39]. Однако реальных дел в этом плане осуществляется мало. В Институте языковедения им. А.А. Потебни НАН Украины создан отдел языков Украины, научная проблематика которого связана с их социолингвистическим изучением, но это сугубо научная работа, не подразумевающая административных действий, оговоренных в Хартии.

Среди социолингвистических работ, активно отстаивающих статус украинского языка как государственного и его ведущую роль в формировании языковой ситуации на Украине, выделяются прежде всего работы Л. Масенко [Масенко 1999; 2004; 2010; 2011]. Так, в работе «Язык и политика» [Масенко 1999: 95–97] исследовательница в популярной форме объясняет читателю значение некоторых терминов социолингвистики и описывает задачи культурно-языковой политики Украины, среди которых выделяет

---

[6] В начале 1990-х гг. на Украине сам термин «языковая политика» подвергся критике как унаследованный от советской идеологии, но затем – возможно, под влиянием европейской, в частности польской, традиции – был сохранен и сейчас не вызывает негативных ассоциаций.

необходимость преодоления культурной экспансии России в сфере шоу-бизнеса, необходимость осознания элитой Украины своей роли в языковом обустройстве государства, реассимиляцию украинских городов и четкую позицию власти в культурно-языковых процессах, происходящих на Украине.

О необходимости придания русскому языку статуса государственного пишут Президент УАПРЯЛ Л.А. Кудрявцева [Кудрявцева 2007] и Е.А. Титаренко [Титаренко 2006].

Проблемы языковой политики рассматривают и другие исследователи, прежде всего А.А. Тараненко [Тараненко 1999; 2001; 2003]. В частности, в работе 2001 г. исследователь подводит итоги языковой политики в первом десятилетии существования независимой Украины в связи с окончанием срока действия «Государственной программы развития украинского языка и других национальных языков в Украинской ССР на период до 2000 года». Автор рассматривает языковую политику на двух уровнях – общегосударственном и региональном – и определяет ее взаимосвязь с языковой ситуацией. Определяющими факторами становления последней, по мнению ученого, является наличие регионов с различными национально-культурными и языковыми традициями; широкое распространение русского языка и разделение населения на украиноговорящих и русскоговорящих (что делает языковой вопрос чрезвычайно важным и одновременно конфликтогенным); языковая политика государства, роль общественных и политических организаций, а также СМИ. Языковую политику на общегосударственном уровне исследователь определяет как осторожную и недостаточно последовательную, характеризующуюся стремлением избегать радикальных мер (с. 9).

Появляются исследования и отдельных периодов языковой политики в истории Украины. Это, например, статья Ю. Прадеда [Прадід 2000], а также кандидатская диссертация О.Н. Данилевской [Данилевська 2004] и изданная на ее основе монография [Данилевська 2009], посвященные анализу политики Центральной Рады, Гетьманата и Директории УНР (1917–1920 гг.). Молодая исследовательница доказывает, что языковая политика того времени представляла собой политику официального одноязычия, где функции государственного языка выполнял украинский. Эта политика реализовалась как в статусном, так и корпусном регулировании: под эгидой УАН (Украинской Академии наук) была создана украинская лингвистическая школа, труды которой и их социокультурное значение позволяют говорить о досоциолингвистическом периоде, оказавшем влияние на формирование будущей науки.

Как и в случае с изучением языковой ситуации, исследованием языковой политики занимаются не только социолингвисты, но и представители «смежных направлений», что, безусловно, способствует более глубокому изучению проблемы (см., например, [Нагорна 2005]).

Результаты смешения языков: суржик и интерференция

Последние 20 лет суржик как смешанный язык находится в центре внимания многих исследователей (см., в частности, [Руда 2000; Труб 2000; Ставицька 2001а; 2001б; Shumarova 2004a; Жиронкіна и др. 2006; Ставицька, Труб 2007; Дзюбишина-Мельник 2010; Брага 2011; Масенко 1999; 2004; 2010; 2011; Romanova et al. (in press)]), описывается в энциклопедии «Українська мова» [Тараненко 2007], (см. также [Тараненко 2008а; 2010а]), но комплексного исследования речевой практики значительной части населения, говорящей на нем, нет. В работах, иногда носящих ярко выраженный оценочный характер, рассматриваются лексические, в меньшей мере грамматические, отчасти фонетические особенности суржика, его место в системе функциональных разновидностей украинского языка.

Описание суржика ставит перед социолингвистами задачу определения его места в системе функциональных разновидностей украинского языка. Так, например, В. Труб [Труб 2000] считает его заместителем просторечия, разговорным языком, с чем не соглашается Л. Масенко [2004: 110–114], определяя его как смешанный субъязык (с. 114), механизм формирования которого подобен механизму пиджинизации [Масенко

1999: 28][7]. Взгляда на суржик как пиджин придерживается и Н. Дзюбишина-Мельник [Дзюбишина-Мельник 2010: 16]. В работе 2011 г. Л. Масенко отмечает, что вопрос о рассмотрении суржика как идиома, аналогичного пиджину, «остается открытым» [Масенко 2011: 9], хотя приводимые аргументы в пользу такого определения позволяют думать, что автор не изменил своего мнения.

В работе о суржике Л. Ставицкая и В. Труб, рассматривая терминологический ряд «язычие, территориальный диалект, социальный диалект, жаргон, макароническая речь, пиджин, креольский язык», уточняют социолингвистический статус суржика и определяют его как некодифицированный просторечный язык [Ставицька, Труб 2007: 59, 77].

Проблеме суржика посвящена большая часть сборника научных трудов [УРД 2007], где опубликована совместная работа вышеназванных исследователей. В ней представлены проявления суржика на различных языковых уровнях, описаны социопсихологические и коммуникативные аспекты речевой деятельности говорящего на нем, в частности социально значимые переключения кодов. В настоящее время, по данным авторов, эти переключения в зависимости от коммуникативных ситуаций осуществляются в таких вариациях: 1) русский → суржик; 2) русский → суржик → украинский ; 3) украинский → суржик [Там же: 98–99]. Кроме совместного исследования о суржике, в сборнике изложен возможный вариант развития языковой ситуации на Украине в сфере взаимодействия украинского, русского и английского языков вплоть до появления различных смешанных вариантов, что подтверждается аналогичными процессами в других странах (В. Радчук), некоторые вопросы истории двуязычия на Украине на материале прессы 1917–1920 гг. (О. Данилевская) и т.п.

Исследуя суржик, А.А. Тараненко рассматривает наиболее дискуссионные моменты, которые и выносит в название статьи: статус идиома, тенденции (развития), оценки и прогнозы [Тараненко 2008а]. Для определения статуса автор сопоставляет различные трактовки явления, базирующиеся на определенных основаниях. Первым выступает принадлежность суржика к какому-либо языку – украинскому, промежуточному между украинским и русским или к третьему языку – не украинскому и не русскому. Второе основание, выделяемое в случае отнесения идиома к украинскому языку, – это признание идиома явлением речи (идиолекты), либо языка (определенный социолект), либо того и другого одновременно. За пределами украинского языка суржик рассматривается как промежуточное явление между украинским и русским или даже как отдельный (не украинский и не русский) язык [Там же: 14].

Автор подробно анализирует взгляды других исследователей и предлагает рассматривать объект исследования и как явление речи, и как явление языка [Там же: 15–16], т.е. как совокупность идиолектов и социолект, которые различаются собственно языковыми признаками и психологическими установками их носителей. Ученый различает два вида суржика – украинско-русский и русско-украинский: первый как социолект выступает в индивидуальных идиолектах, последний существует только как идиолекты, оба суржика относятся к «периферийным ответвлениям» «своих» языков [Там же: 20]. Украинско-русский суржик представляет собой смешение кодов, а не их переключение, поэтому не может прямолинейно считаться формой перехода к одноязычию в условиях грамотности населения, осознающего ненормативность, «неправильность» этого идиома. Отношение к суржику, по мнению автора, является неоднозначным, а массовое распространение – деструктивным как для самого языка, так и для его носителей. Судьба суржика на Украине непосредственно связана в настоящее время с последствиями конкуренции между литературными языками и «зависит уже от общего развития языковой ситуации в стране» [Там же: 29].

В работах по билингвизму, имеем в виду прежде всего украинский и русский языки, в той или иной степени затрагиваются и вопросы интерференции, заимствований и кодовых переключений. Среди них выделим исследования А.А. Тараненко [Тараненко 2008б; 2010а; 2010б] и работу В.П. Мусиенко [Мусієнко 2004], в последней речь идет об

---

[7] Критику этого мнения см. [Тараненко 2008а: 21].

украинских заимствованиях в русской речи массмедиа и современной украинской художественной литературы. Переключения кодов в ситуации полилингвизма на материале идиолекта Ольги Кобылянской в кандидатской диссертации описала О.М. Палинская [Палінська 2004], а на материале живой разговорной речи болгар, гагаузов, русских и украинцев, живущих в одном населенном пункте, – Н.Н. Бикова [Бікова 2006].

Социальная дифференциация языка

Изучению социальной дифференциации украинской речи посвящена монография безвременно ушедшей из жизни в 2010 г. Л.А. Ставицкой [Ставицька 2005], в которой объектом анализа стала система украинских арго (лирников, ремесленников, нищих и под.) и бурсацко-семинаристского жаргона XIX в., а также современные социолекты в коммуникативном и функциональном аспектах. Работа над этой книгой, как отмечает на обложке издания автор, шла параллельно с работой над словарем жаргонной лексики [Ставицька 2003]. По реакциям на его выход стало ясно, что украинскому обществу не хватает знаний о жаргонологии вообще и об украинских жаргонах в частности, этот пробел и призвана восполнить указанная монография. Исследовательница считает, что, несмотря на сильное влияние русского языка, украинские жаргоны как стиль общения существуют и имеют давнюю традицию употребления.

Современный молодежный сленг неоднократно становился объектом диссертационных исследований (см., например, [Шовгун 2000; Приходько 2006; Гордієнко 2006; Грабовий 2010]). Особенно ценным для социолингвистики является изучение его украиноязычного варианта – одного из источников развития украинского просторечия. Так, в работе Н.А. Шовгун рассмотрено формирование украинского сленга в малых социальных группах – в среде «металлистов» Киева и Львова и студентов двух киевских университетов – проанализированы особенности словоупотребления, использования штампов и клише, взаимодействия вербальных, просодических и жестовых компонентов коммуникации, определены отличия в речевом поведении групп. В работе И.Г. Приходько описан русский молодежный сленг Киева, определен его статус в системе просторечия, круг носителей и их социальный статус, проанализированы особенности номинации и способы сленговой деривации, рассмотрены параметры лексикографического описания. Основой фактического материала стали записи устной речи учащихся, студентов, представителей неформальных объединений (хиппи, панки, реперы и т.п.). В работе В.А. Гордиенко рассмотрено понятие «общего сленга» как специфического явления русского языка, установлены критерии его отделения от сленга определенных социальных групп, выявлены источники формирования и развития. Материалом послужили тексты украинских русскоязычных газет, записи теле- и радиопередач, а также устной спонтанной речи. Последняя упоминаемая работа, П.Н. Грабового, не является в чистом виде социолингвистической, но она интересна тем, что на основании записей устной речи представителей разных социальных групп молодежи гг. Умань, Черкассы и Киев рассматривается именно украинский сленг.

Теоретико-методологические работы

Среди теоретических работ по социолингвистике, часть из которых уже рассмотрена выше, следует выделить работы О.Б. Ткаченко и Г.М. Яворской. О.Б. Ткаченко разрабатывает теорию связи языка и этноса, исследует причины и признаки приверженности своему языку[8] (language loyalty) как фактору защиты, сохранения (или возрождения)

[8] Автор использует термин «языковая стойкость» и пишет, что ее питают четыре источника: национальная традиция, национальное сознание и солидарность, национальная культура, национальный мир и сотрудничество с другими народами, живущими на одной территории или по соседству [Ткаченко 1990: 4]. О различии в понятиях языковой стойкости и языковой стабильности см. также [Ткаченко 2008: 51–52].

этноса в тяжелых условиях [Ткаченко 1990; 1991; 2007], описывает языковую ситуацию на Украине, на примерах европейских языков определяет пути языкового самоутверждения [Ткаченко 2005б, 2005в, 2005г, 2007; 2010], обосновывает социолингвистическую классификацию языков [Ткаченко 2003, 2005а], ищет пути возрождения языков в условиях формирования «неполных наций»[9] [Ткаченко 2002]. Автора волнуют проблемы возвращения к украинскому языку русскоязычных граждан Украины, пути возрождения и развития национальной ментальности, культурного и языкового становления духовной составляющей украинской государственности.

Еще в начале 1990-х годов, когда шло активное обсуждение сложившейся языковой ситуации, О.Б. Ткаченко отстаивал мнение, что основной потерей для украинского национального самосознания в результате глубокой русификации Украины стала смена значительной частью украинцев языка общения, появление русскоязычных украинцев, отошедших от языка своих предков, но так и не ставших русскими. Образцом возрождения языка в работах О.Б. Ткаченко выступает иврит как язык, возвращенный в широкую практику во многом благодаря энтузиазму одного человека – Э. Бен Иегуды.

В монографии «Язык и национальная ментальность» [Ткаченко 2006: 3] исследователь сосредоточивается на вопросах национальной ментальности, соотносящейся с языком «как содержание и форма национальной словесно-умственной культуры в самом широком смысле этого понятия». Автор рассматривает связь между национальным языком и национальной ментальностью на различных уровнях, от фонетического до грамматического, наибольшее внимание уделяя, естественно, лексико-фразеологическому. Это позволяет исследователю показать украинский язык и украинскую ментальность на фоне иных ментально-языковых групп, рассмотреть ее промежуточную (внеязыковую) форму и описать упоминаемое выше явление возрождения иврита в связи с проблемой русскоязычных украинцев.

Помимо решения чисто теоретических вопросов в работах О.Б. Ткаченко много откликов-предложений, касающихся практических задач, стоящих перед социолингвистами, политологами, обществом в целом.

Рассматривая вопрос государственного языка, ученый считает, что им должен быть только украинский, но при этом допускает в местах компактного проживания представителей иных этносов (при условии их численного преобладания) возможность существования «частично государственного языка» [Ткаченко 1999; 2006].

Г.М. Яворскую интересуют теоретико-методологические вопросы социолингвистики [Яворская 1992], и в частности проблемы литературной нормы, социально-семиотические аспекты формирования современного украинского литературного языка. Этим вопросам посвящена монография [Яворська 2000]. В ней, в частности, рассмотрены проблемы языкового пуризма, влияние идей романтизма на пуристические течения в истории украинского литературного языка. Особое внимание исследовательница уделяет бытующим в обществе взглядам на язык («языковым идеологиям») и их влиянию на критерии языковой правильности [Yavorska 2010], а также проблемам социолингвистического изучения языковых конфликтов с использованием результатов, полученных по методу фокус-групп [Яворська 2011]. Кроме того, Г.М. Яворская работает над вопросами лингвистического конструирования идентичностей (разделы в монографии [Яворська 2005а; 2005б], занимается описанием украинского политического дискурса, широко применяя концептуальный анализ [Яворська, Богомолов 2010].

Объектом внимания украинских социолингвистов стали вопросы не только статуса, но и корпуса украинского языка. Орфографической комиссией под руководством академика В.В. Нимчука был создан «Проєкт нового правопису» (1999 г.), одобренный украинской диаспорой и вызвавший бурные дебаты среди лингвистов и широких слоев населения. Авторы этого проекта предлагают вернуть украинскому языку его «естественное лицо»: изменить написание и произношение некоторых слов (в основном

---

[9] Неполными нациями автор называет нации, утратившие свою элиту – высшие слои общества, ставшие носителями чужого языка и культуры.

заимствованных) и грамматических форм, например, убрать грамматическую омонимию существительных женского рода 3 склонения в родительном и дательном падежах (*радость*), начать склонять слова *метро* и *кино* и некот. др. (слова *пальто* и *ситро* в украинском языке склоняются давно). Сторонники нового свода правописания ориентируются на свод правил, объединивших две части Украины в 1929 г., противники выдвигают конкретные аргументы, касающиеся того или иного предложения и собственно процедуры введения новых норм (упадет уровень грамотности населения, некоторые явления, которые предлагалось отразить в правописании, уже исчезли из современной украинской речи, мероприятие потребует больших денежных затрат и т.п.). Ввиду отсутствия согласованности во мнениях и действиях ученых и, как говорят, широких кругов общественности Л. Кучма – в то время Президент Украины – приостановил принятие этой реформы.

Центры изучения социолингвистических проблем

Несколько слов об институциональной стороне вопроса. В современной Украине существует несколько центров, в которых в разной степени исследуется социолингвистическая проблематика. Это прежде всего Киев (Институт украинского языка НАН Украины, Институт языковедения им. А.А. Потебни НАН Украины, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Национальный университет «Киево-Могилянская Академия»), филологические факультеты национальных университетов во Львове, Сумах, Одессе, Черкассах. В каждом из них в той или иной степени поднимаются вопросы, касающиеся функционирования украинского языка в различные исторические периоды, языковой компетенции личности (Киев, Черкассы, Сумы), языкового поведения в разных ситуациях общения, языковой ситуации в том или ином населенном пункте, социальных вариантов речи, языков национальных меньшинств, в частности языка болгар [Стоянов, Стоянова, Дадіверін 2002], румын [Лазаренко 2001], крымских татар [Емірова 1994], гагаузов [Бікова 2006].

В большинстве случав выбор территории исследования совпадает с местом проживания и работы исследователя, что облегчает сбор анкетного материала, но есть и работы более широкого охвата [Кузнєцова 2000]. При этом говорить о какой-либо специфике в подходах в зависимости от региона проживання и исследований, на наш взгляд, не приходится, речь может идти лишь об особенностях интерпретации того или иного явления.

Поднимаются социолингвистические проблемы и на научных конференциях разного уровня. Во Львовском национальном университете им. И. Франко совместно с Институтом украинского языка НАН Украины и Научно-исследовательским институтом украиноведения МОНмолодежьспорта Украины уже восьмой год подряд проводится Всеукраинский социолингвистический семинар, в котором участвуют исследователи и студенты высших учебных заведений. Перед семинаром проводится конкурс студенческих работ. Там же с 2010 г. издается периодический сборник «Язык и общество» [МС 2010–2011]. Двумя годами ранее в первом выпуске серии «Мова і соціум» была опубликована монография организатора и руководителя данного семинара Г.П. Мацюк «К истокам социолингвистики: Социологическое направление в языкознании» [Мацюк 2008]. В ней рассмотрена история становления науки, взгляды представителей различных школ и, что особенно важно, украинских ученых на социальную природу языка. Для украинской социолингвистики эта монография является важным шагом в создании собственной научно-методической базы обучения, т. к. современного учебника по социолингвистике на Украине еще нет[10]. Во втором выпуске серии опубликовано учебное пособие «Прикладная социолингвистика. Вопросы языковой политики» [Мацюк

[10] Первым методическим пособием по социолингвистике было пособие Н.П. Шумаровой и Т.К. Монжалей, изданное на основании решения ученого совета Сумского государственного педагогического института им. А.С. Макаренко в 1995 г. [Шумарова, Монжалей 1995].

2009], которое частично восполняет указанный пробел. В нем описан опыт языкового обустройства в разных странах, этапы языковой политики на Украине, современная ситуация и т.п.

В 2007 г. учебное пособие по социолингвистике издали преподаватели Бердянского университета менеджмента и бизнеса [Соціолінгвістика 2007].

В 2010 г. вышли «Очерки по социолингвистике» Л. Масенко. В них изложена история украинской социолингвистики и рассмотрены понятия, с помощью которых можно описать языковую ситуацию на Украине, – литературный язык, билингвизм, суржик и т.п.

В 2004 г. в Польше на польском языке вышло учебно-методическое пособие «Основы социолингвистики» автора этого обзора [Shumarova 2004b], но для украинских студентов, слушающих спецкурсы по социолингвистике в высших учебных заведениях Украины, оно практически недоступно.

Изучение социолингвистических проблем на Украине свидетельствует, что языковые процессы, происходящие в государстве, соотносимы с аналогичными процессами, происходящими в других постсоветских и постсоциалистических странах. Осмысление сущности этих процессов, их специфики в каждой конкретной стране является важной задачей современной социолингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ажнюк 1999 – *Б.М. Ажнюк.* Мовна єдність нації: діаспора й Україна. Київ, 1999.

Бікова 2006 – *Н.М. Бікова.* Типи мовної поведінки в мультилінгвальній ситуації: Дис…канд. філол. наук. Рукопис. Київ, 2006.

Брага 2011 – *І.І. Брага.* Українсько-російський суржик в соціокомунікативній ситуації ринку // Мова і суспільство. Вип. 2. Львів, 2011.

Бріцин 1991 – *В.М. Бріцин.* Мовна ситуація в УРСР і актуальні питання розвитку соціолінгвістичних досліджень // Функціонування і розвиток сучасних слов'янських мов. Київ, 1991.

Вайнрайх 1979 – *У. Вайнрайх.* Языковые контакты. Київ, 1979.

Вишняк 2009 – *О. Вишняк.* Мовна ситуація та статус мов в Україні: динаміка, проблеми, перспективи (соціологічний аналіз). Київ, 2009.

Гордієнко 2006 – *В.А. Гордієнко.* Формування загального сленгу в сучасній російській мові: Дис. … канд. філол. наук. Рукопис. Київ, 2006.

Грабовий 2010 – *П.М. Грабовий.* Когнітивні параметри українського молодіжного сленгу: Дис. … канд. філол. наук. Рукопис. Київ, 2010.

Данилевська 2004 – *О. Данилевська.* Мовна політика Центральної Ради, Гетьманату, Директорії УНР: Дис. … канд. філол. наук. Рукопис. Київ, 2004.

Данилевська 2007 – *О. Данилевська.* Суспільне протистояння чи компроміс: з історії двомовності в Україні (на матеріалі преси періоду Української революції 1917–1920 рр.) // Українсько-російська двомовність. Лінгвосоціокультурні аспекти. Київ, 2007.

Данилевська 2009 – *О. Данилевська.* Мова в революції та революція в мові. Мовна політика Центральної Ради, Гетьманату, Директорії УНР. Київ, 2009.

Демченко 1996 – *В. Демченко.* Мовна ситуація на Півдні України: Дис. ... канд. філол. наук. Рукопис. Одеса, 1996.

Демченко 2001 – *В. Демченко.* Мовне середовище: екстралінгвістичний нарис про південь України. Херсон, 2001.

Дзюбишина-Мельник 2010 – *Н. Дзюбишина-Мельник.* Суржик і суржикізми // Наукові записки НаУКМА. Т. 111. Філологічні науки. Київ, 2010.

Дядечко 2002 – *Л.П. Дядечко.* Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. Киев, 2002.

Дядечко 2007а – *Л.П. Дядечко.* «Крылатый слова звук», или Русская эптология. Учебное пособие. 2 изд. Київ, 2007.

Дядечко 2007б– *Л.П. Дядечко.* Вокруг да около рекламы: фразообразовательный словарь. Київ, 2007.

Дядечко 2008 – *Л.П. Дядечко.* Крылатые слова нашего времени: толковый словарь. М., 2008.

Емірова 1994 – *А.М. Емірова.* Кримськотатарська мова: сучасні проблеми функціонування // Мовознавство. 1994. № 6.

Жиронкіна и др. 2006 – *О. Жиронкіна, К. Романова, Н. Вахтін.* Каламповання над долею української мови // Схід / Захід: Історико-культурологічний збірник. Вип. 8. Спеціальне видання: Порубіжжя. Харків; Київ, 2006.

Залізняк, Масенко 2001 – *Г. Залізняк, Л. Масенко.* Мовна ситуація Києва: день сьогоднішній та прийдешній. Київ, 2001.

Иванова 2004а – *Л.П. Иванова.* Кавказ в русском языковом сознании XIX–XX столетий. Киев, 2004.

Иванова 2004б – *Л.П. Иванова.* Когнитивные аспекты билингвизма // Актуальные проблемы вербальной коммуникации: Язык и общество: Сб. науч. трудов. Киев, 2004.

Иванова 2007 – *Л.П. Иванова.* Диалог двух культур или двух вариантов одной культуры? // Учен. зап. Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. 2007. Т. 20 (59). № 4.

Иванова 2011 – *Л.П. Иванова.* Трансляция языковой ситуации современной Украины в языковом сознании киевских студентов // Русский язык в поликультурном мире: IV Междунар. науч.-практич. конф. (7–10 июня 2010 г., г. Ялта): Сб. науч. трудов. Київ, 2011.

Корновенко 2005 – *Л. Корновенко.* Мовна компетенція підлітків м. Черкаси: за результатами соціолінгвістичного опитування // Актуальні проблеми менталінгвістики: Зб. статей за матеріалами IV-ї міжнар. наукової конф. Черкаси, 2005.

Корновенко 2008 – *Л. Корновенко.* Демолінгвістичний портрет міста Черкаси: за матеріалами соціолінгвістичних спостережень // Мовне обличчя міста. Черкаси-2008. Матеріали науково-практич. конф. (Черкаси, 9 листоп.) Черкаси, 2008.

Корновенко 2010 – *Л. Корновенко.* Языковой портрет города Черкассы: социолингвистическое анкетирование 2009 г. // Мовне обличчя міста. Черкаси-2010. Матеріали науково-практичної конф. (Черкаси, 1 червня 2010). Черкаси, 2010.

Корновенко, Мусієнко 2004 – *Л. Корновенко, В. Мусієнко.* Мовний портрет міста Черкаси (за результатами соціолінгвістичного опитування) // Вісник Черкаського університету. 2004. Вип. 60.

Кудрявцева 1993 – *Л.А. Кудрявцева.* Моделирование динамики словарного состава языка. Киев, 1993.

Кудрявцева 2001 – *Л.А. Кудрявцева.* Русское городское просторечие: Киев-2000 // Русистика. Киев, 2001. Вып. 1.

Кудрявцева 2005 – *Л.А. Кудрявцева.* Русский язык на Украине: до и после «оранжевой революции»// Информационный бюлетень УАПРЯЛ. Киев, 2005. Вып. 11.

Кудрявцева 2007 – *Л.А. Кудрявцева.* Русский язык в законодательном пространстве Украины // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. Киев, 2007. № 4.

Кудрявцева 2008 – *Л.А. Кудрявцева.* О выполнении Украиной Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств // Русский язык, литература и культура в школе и вузе. Киев, 2008. № 4.

Кудрявцева 2010 – *Л.А. Кудрявцева.* Особенности массмедийного политического дискурса Украины «послемайданного» периода // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. Киев, 2010. № 4.

Кудрявцева 2011 – *Л.А. Кудрявцева.* О языковой самоидентификации граждан Украины и государственной языковой политике // Русистика. Киев, 2011. Вып. 11.

Кузнєцова 2000 – *Т.В. Кузнєцова.* Мова білінгвальної сім'ї: функціонально-комунікативний аспект: Дис. ... канд. філол. наук. Рукопис. Київ, 2000.

Лазаренко 2001 – *Л. Лазаренко.* Лексична інтерференція в усному румунському мовленні в Україні (лінгвістичний та соціолінгвістичний аспекти). Київ, 2001.

Манакин 1994 – *В.Н. Манакин.* Основы контрастивной лексикологии: близкородственные и родственные языки. Киев; Кировоград, 1994.

Масенко 1999 – *Л. Масенко.* Мова і політика. Київ, 1999.

Масенко 2004 – *Л. Масенко.* Мова і суспільство. Постколоніальний вимір. Київ, 2004.

Масенко 2010 – *Л. Масенко.* Нариси з соціолінгвістики. Київ, 2010.

Масенко 2011 – *Л. Масенко.* Суржик. Між мовою і язиком. Київ, 2011.

Мацюк 2008 – *Г. Мацюк.* Соціологічний напрям у мовознавстві // «Мова і соціум». Вип. 1. Львів, 2008.

Мацюк 2009 – *Г. Мацюк.* Прикладна соціолінгвістика. Питання мовної політики // «Мова і соціум». Вип. 2. Львів, 2009.

МК 2002 – Мовні конфлікти і гармонізація суспільства. Київ, 2002.

ММ 2007 – Мова і мовознавство в духовному житті суспільства. Київ, 2007.

МП 2010 – Мовна політика та мовна ситуація в Україні. Аналіз і рекомендації. Вид. 2. Київ, 2010.

МС 2010–2011 – Мова і суспільство / Львів. нац. ун-т ім. І. Франка. Вип. 1. Львів, 2010; Вип. 2. Львів, 2011.
МСУ 2008 – Мовна ситуація в Україні: між конфліктом і консенсусом. Київ, 2008.
Мусієнко 2004 – *В.П. Мусієнко.* Активізація українського мовного коду в російському мовленні в Україні // Мовознавство. 2004. № 5–6.
Нагорна 2005 – *Л. Нагорна.* Політична мова і мовна політика. Діапазон можливостей політичної лінгвістики. Київ, 2005.
Озерова 2001 – *Н.Г. Озерова.* Обиходно-литературный стиль в русской и украинской стилистических системах // Проблеми зіставної семантики: Зб. наук. ст. Вип. 5. Київ, 2001.
Озерова 2002 – *Н.Г. Озерова.* Основные релевантные характеристики разговорной речи (на материале русского и украинского языков // Мовні і концептуальні картини світу: Зб. наук. праць. № 6. Кн. 2. Київ, 2002.
Озерова 2005 – *Н.Г. Озерова.* Українські культуреми в російському художньому дискурсі 20-х рр. XX ст. // Мовознавство. 2005. № 3–4.
Озерова 2009 – *Н.Г. Озерова.* Українські культуреми в текстах В. Некрасова // Мовознавство. 2009. № 3–4.
Озерова 2010 – *Н.Г. Озерова.* Міжмовна взаємодія в сучасному російському газетному дискурсі // Мовознавство. 2010. № 4–5.
Палінська 2004 – *О.М. Палінська.* Переключення мовного коду в ситуації полілінгвізму (на матеріалі ідіолекту Ольги Кобилянської: Дис. … канд. філол. наук. Рукопис. Київ, 2004.
Паніна 2005 – *Н. Паніна.* Українське суспільство 1994–2005: соціологічний моніторинг. Київ, 2005.
Прадід 2000 – *Ю. Прадід.* Мовна політика Центральної Ради // Українська мова. 2000. № 3.
Приходько 2006 – *І.Г. Приходько.* Російський молодіжний сленг Києва (кінець XX – початок XXI ст.): Дис. … канд. філол. наук. Рукопис. Київ, 2006.
Радчук 2002 – *В. Радчук.* Мова в Україні: стан, функції, перспективи // Мовознавство. 2002. № 2–3.
Радчук 2007 – *В. Радчук.* Параметри і взаємодія мов // Українсько-російська двомовність. Лінгвосоціокультурні аспекти. Київ, 2007.
Руда 2000 – *О.Г. Руда.* Суржик, або напівмовність // Українська мова та література. 2000. № 41 (201).
Саплін 1991 – *Ю.Ю. Саплін.* Внутрішні і зовнішні чинники білінгвістичної взаємодії лексики // Мовознавство. 1991. № 3.
Саплін 2004 – *Ю.Ю. Саплін.* Семантика кодових переключень у розмовному дискурсі білінгвів // Держава та регіони. Серія: Гуманітарні науки. Запоріжжя, 2004. № 2.
СГРУЯ 2003 – Сопоставительная грамматика русского и украинского языков. Киев, 2003.
Синица 2006 – *И.А. Синица.* Языковая личность ученого-гуманитария XIX века. Монография. Киев, 2006
Слухай 1995 – *Н.В. Слухай.* Художественный образ в зеркале мифа этноса. Киев, 1995.
Слухай, Снитко 2011 – *Н.В. Слухай, О.С. Снитко.* Когнітологія та концептологія в лінгвістичному висвітленні. Навч. посібник. Київ, 2011.
СМ 2006 – Соціолінгвістичний моніторинг мовою статистики. Київ, 2006.
Снитко 2005 – *Е.С. Снитко.* Русский язык в этнолингвистическом освещении: Учебное пособие. Киев, 2005.
Снитко 2007 – *Е.С. Снитко.* Коммуникативная стратегия поощрения и речевые тактики ее реализации // Русистика. 2007. Вып. 7.
Снитко 2009 – *Е.С. Снитко.* Русский язык как деятельность: современные направления научного описания. Учебное пособие. Киев, 2009.
Снитко 2010 – *О.С. Снитко.* Особливості номінації в онтогенезі // Відображення історії та культури народу в словотворенні. Київ, 2010.
Соколовский 2011 – *С.В. Соколовский.* Европейский опыт использования Хартии региональных языков и языков меньшинств в сфере поддержки финно-угорских языков // В.А. Тишкова (ред.). Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы. М., 2011.
Соціолінгвістика 2007 – Соціолінгвістика: навчальний посібник. Донецьк, 2007.
СС 2010 – Соціолінгвістичні студії. Київ, 2010.
Ставицька 2001а – *Л. Ставицька.* Кровозмісне дитя двомовності // Критика. 2001. Ч. 10 (48).
Ставицька 2001б – *Л. Ставицька.* Суржик: соціо- та етнопсихологічні передумови виникнення і побутування // Наукова спадщина професора С.В. Семчинського і сучасна філологія: Зб. наук. праць: У 2 ч. Київ, 2001. Ч. 2.

Ставицька 2003 – *Л. Ставицька.* Короткий словник жаргонної лексики української мови. Київ, 2003.
Ставицька 2005 – *Л. Ставицька.* Арго, жаргон, сленг. Київ, 2005.
Ставицька, Труб 2007 – *Л. Ставицька, В. Труб.* Суржик: міф, мова, комунікація // Українсько-російська двомовність. Лінгвосоціокультурні аспекти. Київ, 2007.
Степанов 2004 – *Є.М. Степанов.* Російське мовлення Одеси. Одеса, 2004.
Стоянов, Стоянова, Дадіверін 2002 – *І.А. Стоянов, Е.П. Стоянова, І.Г. Дадіверін.* Мова болгар України в її усній та писемній формі. Одеса, 2002.
Тараненко 1999 – *О.О. Тараненко.* Мовна ситуація і мовна політика часів «перебудови» та державної незалежності України (кінець 80-х – 90-і роки) // Українська мова. Opole, 1999.
Тараненко 2001 – *О.О. Тараненко.* Українська мова і сучасна мовна ситуація в Україні // Мовознавство. 2001. № 4.
Тараненко 2003 – *О.О. Тараненко.* Мовна ситуація та мовна політика в сучасній Україні (на загальнослов'янському тлі) // Мовознавство. 2003. № 2–3.
Тараненко 2007 – *О.О. Тараненко.* Суржик // Українська мова. Енциклопедія. Вид. 3, зі змінами і доповненнями. Київ, 2007.
Тараненко 2008а – *О.О. Тараненко.* Українсько-російський суржик: статус, тенденції, оцінки, прогнози // Мовознавство. 2008. № 1.
Тараненко 2008б – *О.О. Тараненко.* Сучасні тенденції до перегляду нормативних засад української літературної мови і явище пуризму // Мовознавство. 2008. № 2–3.
Тараненко 2009 – *О.О. Тараненко.* Український і російський мовно-культурні вектори в сучасній Україні: реальність, політизація, міфи // Мовознавство. 2009. № 3–4.
Тараненко 2010а – *О.О. Тараненко.* Українсько-російські мовні контакти на сучасному етапі: притягування і відштовхування. 1. Впливи, інтерференція, запозичення // Мовознавство. 2010. № 2–3.
Тараненко 2010б – *О.О. Тараненко.* Українсько-російські мовні контакти на сучасному етапі: притягування і відштовхування. Текстуальні вкраплення, прецедентні тексти мовою оригіналу // Мовознавство. 2010. № 4–5.
Титаренко 2006 – *Е.А. Титаренко.* Особенности национальной языковой политики в Украине // Информационный бюлетень УАПРЯЛ. Киев, 2006. Вып. 15.
Ткаченко 1990 – *О.Б. Ткаченко.* Проблема мовної стійкості та її джерел // Мовознавство. 1990. № 4.
Ткаченко 1991 – *О.Б. Ткаченко.* До проблеми мовної стійкості // Мовознавство. 1991. № 2.
Ткаченко 1999 – *О.Б. Ткаченко.* Чи можуть бути в Україні дві загальнодержавні мови? // Мовознавство. 1999. № 4–5.
Ткаченко 2002 – *О.Б. Ткаченко.* Проблема типології мовно-літературного розвитку неповних націй (і насамперед української) // Мовні і концептуальні картини світу. № 6. Кн. 2. Київ, 2002.
Ткаченко 2003 – *О.Б. Ткаченко.* Соціолінгвістична класифікація мов у її слов'янській специфіці й динаміці // Мовознавство. 2003. № 2–3.
Ткаченко 2005а – *О.Б. Ткаченко.* Соціолінгвістична класифікація мов у її слов'янській специфіці й динаміці // Мовознавство. 2005. № 3–4.
Ткаченко 2005б – *О.Б. Ткаченко.* Шляхи мовного самоствердження і становище української мови (1) // Українська мова. 2005. № 1.
Ткаченко 2005в – *О.Б. Ткаченко.* Шляхи мовного самоствердження і становище української мови (2) // Українська мова. 2005. № 2.
Ткаченко 2005г – *О.Б. Ткаченко.* Шляхи мовного самоствердження і становище української мови (3) // Українська мова. 2005. № 3.
Ткаченко 2006 – *О.Б. Ткаченко.* Мова і національна ментальність. Київ, 2006.
Ткаченко 2007 – *О.Б. Ткаченко.* Проблеми захисту мов і мовного відродження // Мова і мовознавство в духовному житті суспільства. Київ, 2007.
Ткаченко 2008 – *О.Б. Ткаченко.* Письма далекого друга. Васолъгань сёрмат. 2-е изд., перераб. и доп. Саранск; Киев, 2008.
Ткаченко 2010 – *О.Б. Ткаченко.* Українська мова як державна у труднощах її становлення // Мовознавство. 2010. № 6.
Тропина 2003 – *Н.П. Тропина.* Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование. Херсон, 2003.
Труб 2000 – *В.М. Труб.* Явище «суржику» як форма просторіччя в ситуації двомовності // Мовознавство. 2000. № 1.
УД 1988 – Украинско-русское двуязычие. Киев, 1988.

УМ 2005 – Українська мова у XX сторіччі: історія лінгвоциду / За ред. Л. Масенко. Київ, 2005.
УРД 2007 – Українсько-російська двомовність. Лінгвосоціокультурні аспекти. Київ, 2007.
УС 2004 – Українське суспільство 1994–2004: соціологічний моніторинг / За ред. Н. Паніної. Київ, 2004.
Чемес 2000 – *В. Чемес.* Зміна мовної ситуації і проблема моделювання її динаміки // державність української мови і мовний досвід світу: матеріали Міжнародної конф. Київ, 2000.
Чемес 2001а – *В. Чемес.* Суб'єктивне і об'єктивне в оцінці проблем вживання державної мови представниками різних соціальних груп мовців (зіставний аспект) // Наукова спадщина професора С.В. Семчинського і сучасна філологія: Зб. наук. праць. Ч. 2. Київ, 2001.
Чемес 2001б – *В. Чемес.* Персоналізація суб'єктивного уявлення про еталонний зразок національної мови (за матеріалами анкетування київських студентів) // Українське мовознавство. Вип. 23. Київ, 2001.
Чемес 2002 – *В. Чемес.* Динаміка співвідношення української і російської мов як рідних серед студентів різних груп філологічного фаху // Мовні і концептуальні картини світу. Збірник наукових праць. № 6. Кн. 2. Київ, 2002.
Черненко 2009 – *Г. Черненко.* Мовна ситуація в Україні: шляхи гармонізації // Українська мова. 2009. № 3.
Черненко 2010 – *Г. Черненко.* У пошуках соціолінгвістичної відповіді на мовне питання в Україні (за результатами експертного опитування). Київ, 2010.
Шевельов 1987 – *Ю. Шевельов.* Українська мова першої половини 20 століття: стан і статус. [Б.М.], 1987.
Шевельов 1998 – *Ю. Шевельов.* Українська мова першої половини 20 століття: стан і статус. Чернівці, 1998.
Шовгун 2000 – *Н.О. Шовгун.* Формування українського сленгу в мовленнєвій діяльності малих соціальних груп: Дис. … канд. філол. наук. Київ, 2000.
Шумарова 1994 – *Н.П. Шумарова.* Мовна компетенція особистості: соціопсихолінгвістичний аспект: Дис. … докт. філол. наук. Рукопис. Київ, 1994.
Шумарова 2000 – *Н.П. Шумарова.* Мовна компетенція особистості в ситуації білінгвізму. Київ, 2000.
Шумарова, Монжалей 1995 – *Н.П. Шумарова, Т.К. Монжалей.* Социолингвистика: теория, история, методы (Методическое пособие). Сумы, 1995.
Яворская 1992 – *Г.М. Яворская.* Принципы социолингвистического подхода к изучению языка // Методологические основы новых направлений в мировом языкознании. Киев, 1992.
Яворська 2000 – *Г.М. Яворська.* Прескриптивна лінгвістика як дискурс: мова, культура, влада. Київ, 2000.
Яворська 2005а – *Г.М. Яворська.* Дискурс та ідентичність // Ісламська ідентичність в Україні. Київ, 2005.
Яворська 2005б – *Г.М. Яворська.* Концептуалізація ісламу та мусульман в українських дискурсивних практиках // Ісламська ідентичність в Україні. Київ, 2005.
Яворська 2011 – *Г.М. Яворська.* Языковые конфликты и языковые идеологии в Молдове // Studia Linguistica. Зб. наукових праць. Вип. 5, ч. 1. 2011.
Яворська, Богомолов 2010 – *Г.М. Яворська, О.В. Богомолов.* Непевний об'єкт бажання: ЄВРОПА в українському політичному дискурсі. Київ, 2010.
Romanova et al. (in press) – *E. Romanova, O. Zhironkina, N. Vakhtin.* Surzhik: In Search of an Object // Harvard Ukrainian Studies. (in press). V. 29. № 1–4.
Shumarova 2004a – *N. Shumarova.* A propos de l'interaction des langues apparentées en Ukraine // Des langues collatérales. Problèmes linguistiques, sociolinguistiques et glottopolitiques de la proximité linguistique. Actes du Colloque international réuni à Amiens, du 21 au 24 novembre 2001. V. 2. Paris, 2004.
Shumarova 2004b – *N. Shumarova.* Podstawy socjolingwistyki. Tyczyn, 2004.
Yavorska 2010 – *G. Yavorska.* The impact of ideologies on the standardization of modern Ukrainian // International journal of the sociology of language. 2010. V. 201.

Сведения об авторе:

Наталия Петровна Шумарова
Институт журналистики Киевского национального университета имени Тараса Шевченко
natshumarova@ukr.net

РЕЦЕНЗИИ

***G. Booij.* Construction morphology.** Oxford: Oxford university press, 2010. xii + 289 p. ISBN 978-0-19-957192-5

Известный нидерландский морфолог Герт Боой – профессор университета в Лейдене, автор популярного введения в морфологию [Booij 2005a/2007], обобщающих монографий по фонологии и морфологии нидерландского языка [Booij 1995; 2002a] и многочисленных статей по общей теории морфологии и фонологии и по различным аспектам морфологии германских языков, см., например, [Booij 1979; 1984; 1990; 1992; 1996; 1997], соредактор международной энциклопедии по морфологии [Booij et al. 2000] и первого специализированного альманаха по морфологии «Yearbook of morphology», издававшегося в Нидерландах в 1991–2005 гг., а также продолжившего это издание международного журнала «Morphology». Его новая книга «Конструкционная морфология» является обобщением целого ряда публикаций последних нескольких лет (см., например, [Booij 2002b; 2004; 2005b; 2007; 2009a; 2009b]), в которых Г. Боой разрабатывал концепцию морфологии в рамках более общего популярного ныне подхода к грамматике как к системе конструкций (см. об этом подходе, в частности, [Рахилина (ред.) 2010]). Теория «грамматики конструкций» ранее в основном применялась к синтаксису, см. в первую очередь [Goldberg 1995; 2006; Fried, Östman (eds.) 2004; Östman, Fried (eds.) 2004], так что монография Г. Booя заполняет важную лакуну в этой теории и открывает разнообразные пути развития морфологических концепций в рамках конструкционного подхода.

В книге, которая состоит из одиннадцати глав (включая введение и заключение), излагаются теоретические основы конструкционной морфологии и разбирается несколько эмпирических проблем, для которых, по мнению автора, именно такой понятийный аппарат оказывается наиболее адекватным. Проблемы, изучаемые в книге преимущественно на нидерландском материале (привлекаются также данные английского, немецкого, итальянского, новогреческого, японского и целого ряда других языков, но по большей части лишь в иллюстративных целях), обычно рассматриваются как находящиеся на пересечении собственно морфологии и синтаксиса: структура и интерпретация композитов, сложных глаголов с отделяемыми компонентами, аналитических конструкций, числительных и т.п. Напротив, таким традиционным вопросам теоретической морфологии, как алломорфия при словообразовании или структура словоизменительных парадигм, в книге почти не уделяется внимания. Такой выбор рассматриваемых вопросов неслучаен и объясняется как эволюцией научных интересов автора – именно детальное изучение указанных «пограничных» проблем и привело Г. Booя к формулировке концепции конструкционной морфологии, – так и тем, что в этой области преимущества «гибридного» конструкционного подхода перед строго синтаксическими или чисто морфологическими оказываются наиболее очевидны.

Первые три главы посвящены разработке конструкционной теории морфологии (справедливости ради стоит отметить, что сама идея распространения понятия конструкции как «языкового выражения, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей»[1] на морфологический уровень, высказывалась и ранее, ср. [Goldberg 2006]; в этом смысле заслуга Г. Booя состоит в первую очередь в последовательной и формализованной разработке этой идеи). В первой главе «Morphology and construction grammar» (с. 1–24) излагаются наиболее общие основы концепции морфологии в грамматике конструкций. Г. Боой опирается на принятый в когнитивной лингвистике «словоцентрический»

[1] [Рахилина (ред.) 2010: 19], перевод формулировки из [Goldberg 1995: 4].

(word-based) подход к морфологии, предполагающий, в противоположность «морфемоцентрическому» (morpheme-based) подходу (см. обсуждение в статье [Алпатов 1982]), что минимальной значащей единицей языка является слово(форма), а морфемы существуют не сами по себе как «кирпичики», из которых строятся слова, а лишь как производные от имеющейся в языке системы формальных и семантических отношений между словами. Так, при этом подходе, иначе называемом «словесно-парадигматическим» [Плунгян 2000: 71–78] и более всего популярном при описании словоизменения, см. [Anderson 1992; Stump 2001] и др., словообразовательное отношение между англ. *buy* 'купить' и ***buyer*** 'покупатель' описывается не как соединение независимо существующих в словаре глагольной основы и суффикса, а как применение к глаголу словообразовательной схемы вида $[[x]_V er]_N$ 'тот, кто делает V', которая, в свою очередь, является абстракцией от множества аналогичных по формальному и смысловому соотношению пар слов.

В рамках предлагаемого Г. Бооем подхода, в котором морфологические операции (основосложение, аффиксация, редупликация и др.) описываются при помощи схем, подобных приведенной выше, решается известная проблема «порождение vs. хранение»: морфологически сложные слова образуются в соответствии с морфологическими схемами и одновременно хранятся в «ментальном лексиконе» носителей языка и могут подвергаться конвенционализации и лексикализации. Морфологические же схемы служат не только для образования новых слов от уже имеющихся, но также для формулировки обобщений о морфосемантических связях между словами и для придания лексикону иерархической структуры. Кроме того, как показано в 3-й главе, снимается проблема дихотомии образования слов по продуктивным моделям и по аналогии: теория предполагает оба механизма, причем новые морфологические схемы могут возникать в результате обобщения первоначально чисто аналогических новообразований, вроде распространившихся в разных языках композитов на *-гейт* (от *Уотергейт*, англ. *Watergate* со значением 'скандал в связи с X') или *-бургер* (от *гамбургер*, англ. *hamburger*). Важным отличием морфологических схем от морфологических правил вида $[x]_V \rightarrow [[x]_V er]_N$ 'тот, кто делает V', является отсутствие у первых направленности или даже их «ориентация на результат» (output-orientation): схема может фиксировать лишь характеристики производного слова, оставляя неспецифицированными свойства исходного.

Следуя предложенной в работах Р. Джэкендофа [Jackendoff 2002; Culicover, Jackendoff 2005] «тройственной параллельной архитектуре» (tripartite parallel architecture) языка, в которой структуры существуют на уровнях фонологии, морфосинтаксиса и семантики и попарно соотносятся между собой при помощи интерфейсных правил и ограничений, Г. Боой формулирует морфологические схемы с учетом информации всех трех уровней и демонстрирует, что в понимании грамматики конструкций между такими схемами и конструкциями нет принципиального различия – морфологические схемы суть лишь аналоги конструкций на уровне слова. Подобно синтаксическим конструкциям, морфологические могут обладать разной степенью общности – от полностью свободных, вроде схемы словосложения в германских языках: $[[a]_{Xk}\ [b]_{Ni}]_{Nj} \leftrightarrow [SEM_i$ с отношением R к $SEM_k]_j$, где X и N – символы синтаксических категорий, SEM – значение элемента, а подстрочный индекс служит идентификации элементов на разных уровнях представления, – до содержащих заполненные конкретным материалом позиции, наподобие синтаксических фразем с переменными компонентами (constructional idioms), вроде схем деривации английских глаголов типа ***out****dance* 'превзойти кого-либо в танце': $[[out]_{ADV}\ [x]_{Vi}]_{Vj} \leftrightarrow$ [превзойти что/кого-либо в $SEM_i]_j$. Как показано во 2-й главе, морфологические схемы могут естественным образом, без чисто технических ухищрений, вроде нулевых элементов, отражать те характеристики сложных слов, которые не выводятся из свойств их составных частей.

Вторая («The lexicon as a network of relations», с. 25–50) и третья («Schemas and subschemas in the lexicon», с. 51–93) главы книги посвящены более детальной разработке теории лексикона в конструкционной морфологии. Центральная роль лексикона, который в когнитивных теориях языка понимается не как «хранилище исключений», а как структурированная система, определяется словоцентрическим подходом – морфологические схемы и конструкции существуют не сами по себе, а лишь отражают связи между лексическими единицами, как хранящимися в словаре, так и потенциальными. Лексикон в концепции Г. Бооя, во-первых, иерархически организован от наиболее общих категорий, вроде «слово» или «существительное» вплоть до групп слов, объединенных каким-либо общим формальным или семантическим признаком, и собственно конкретных слов и, во-вторых, пронизан сетью «горизонтальных связей» между парадигматически соотносящимися словами, имеющими общую часть. Принципы иерархической организации

и парадигматической сети действуют не только для слов, но и для морфологических схем. Соответственно, последние могут иметь разную степень общности (так что одна схема может быть подсхемой другой) и вступать в парадигматические отношения, ср. отношения между схемами для существительных с суффиксами *-изм* и *-ист*: $<[\text{x-}изм]_{Ni} \leftrightarrow SEM_i> \approx <[\text{x-}ист]_{Nj} \leftrightarrow$ [человек со свойством Y, связанным с $SEM_i]_j>$, где знак ≈ обозначает парадигматическую связь морфологических схем. Наконец, морфологические схемы могут объединяться в более сложные схемы, в связи с чем Г. Боой описывает интересное явление «вложенной продуктивности» (embedded productivity), когда сам по себе непродуктивный морфологический процесс становится продуктивным при сочетании с другим процессом. Так, например, в нидерландском (как, по всей вероятности, и в русском) словосложение с участием глагольного компонента продуктивно лишь при «вложении» данного процесса в номинализацию – путем дальнейшего словосложения либо аффиксации. Иерархические отношения между морфологическими схемами и подсхемами оказываются необходимы как для формулировки частных правил на уровне синтаксических свойств и интерпретации морфологически сложных слов (в частности, для описания полисемии и алломорфии, которым посвящены отдельные разделы в 3-й главе), так и для объяснения распространенной диахронической эволюции элементов композитов в аффиксы: морфологизация возможна при «обособлении» конкретного элемента в конкретном значении от более общей морфологической схемы и формировании с его помощью новой продуктивной более частной морфологической модели.

Главы с 4-й по 10-ю посвящены частным проблемам и путям их решения в рамках понятийной системы конструкционной морфологии. В 4-й главе («Quasi-noun incorporation», с. 94–117) речь идет о так называемой квазиинкорпорации в нидерландском и японском, когда нереферентное имя может образовывать с глаголом комплекс, обладающий определенным формальным и смысловым единством. Г. Боой показывает с помощью морфосинтаксических тестов, что такие конструкции могут получать разные, более и менее «спаянные», интерпретации, тем самым оказываясь на границе морфологии и синтаксиса. 5-я глава («Separable complex verbs», с. 118–145) посвящена нидерландским сложным глаголам с отделяемым компонентом, которые ставят перед грамматической теорией целый комплекс проблем: с одной стороны, элементы сложного глагола могут функционировать как самостоятельные словоформы, а их позиция в предложении подчиняется синтаксическим правилам, с другой стороны, такие глаголы явным образом хранятся в лексиконе и могут как целое участвовать в морфологических операциях. Г. Боой предлагает для сложных глаголов анализ в терминах морфосинтаксических фразем, адекватно отражающий обе стороны их амбивалентной природы. В 6-й главе («Progressive constructions», с. 146–168) на примере нидерландской конструкции «*aan het* + инфинитив» со значением прогрессива обсуждается проблема аналитического выражения грамматических значений, к которой в последнее время привлекает внимание ряд исследователей-морфологов (см., например, [Ackerman, Stump 2004; Kiparsky 2005; Blevins 2008]). Прогрессивная конструкция также трактуется как морфосинтаксическая фразема со сложным устройством, в которой фиксированы не только конкретные единицы (предлог *aan* и определенный артикль *het*), но и форма смыслового глагола (инфинитив). На примере взаимодействия данной конструкции с квазиинкорпорацией и сложными глаголами автор демонстрирует действие механизма унификации морфологических схем.

В 7-й главе («Phrasal names», с. 169–192) обсуждается нетрадиционное для морфологических работ явление – синтаксически сложные выражения, конвенционализованные в качестве названий или терминов (ср. русск. *железная дорога* или *полис обязательного медицинского страхования*). Такие сочетания, нередко содержащие несколько словоформ, тем не менее могут обладать рядом свойств, отличающих их от полностью свободных групп и сближающих их с композитами (фиксированный порядок, фиксированная форма одного из компонентов, неспособность модифицирующего компонента к распространению, ср. **совсем железная дорога*), и кроме того должны храниться в словаре. Г. Боой показывает, как демонстрирующие различные степени морфосинтаксической спаянности сложные имена в новогреческом, нидерландском и ряде других языков могут быть описаны при помощи аппарата конструкционных схем. 8-я глава («Numerals as lexical constructions», с. 193–210) посвящена морфологическим свойствам нидерландских сложных числительных, также занимающих промежуточное положение между синтаксисом и морфологией. Г. Боой показывает, как в системе числительных (количественных, порядковых и дробных) общая модель именного сочинения реализуется в виде конкретных более или менее ограниченных в употреблении подсхем с индивидуальными свойствами и как при образовании того или иного типа числительных взаимодействуют между собой различные морфологические конструкции.

В 9-й главе («Construction-dependent morphology», с. 211–236) обсуждаются случаи, когда прежний показатель полноценной граммемы превращается в морфологически связанный элемент конкретной конструкции или небольшого семейства конструкций. Данное явление, интересное как с теоретической, так и с диахронической точек зрения, разбирается на примере судьбы генитива в германских языках, в первую очередь в нидерландском. В 10-й главе («Stem allomorphy and morphological relatedness», с. 237–254) речь идет об описании в рамках конструкционной морфологии морфонологических вариантов основ и их выбора, опять же преимущественно на нидерландском материале. Г. Боой показывает, что одни и те же морфонологические чередования могут быть обусловлены как фонологическим, так и морфологическим или лексическим контекстом и что тем самым информация о ступени чередования должна учитываться в морфологических конструкциях.

В заключительной 11-й главе («Taking stock», букв. «инвентаризация», с. 255–259) Г. Боой кратко подводит итоги своей книги и предлагает способы, которыми в рамках разработанного им подхода можно изучать более традиционную морфологическую проблематику, например структуру морфологических парадигм и связанные с нею явления. Важным теоретическим выводом своей монографии Г. Боой считает подкрепленное новыми данными и аргументами утверждение об отсутствии четкой границы между грамматикой и лексиконом: единицы, создаваемые по продуктивным морфологическим моделям, пополняют лексикон, а абстракция на основании сходств хранящихся в словаре слов в свою очередь обогащает грамматику новыми продуктивными моделями.

В книге имеются также обширная библиография и подробный указатель, не разделенный, правда, на обычные в таких случаях рубрики.

Книга Г. Booя сочетает в себе не всегда легко совместимые достоинства краткости и сжатости изложения с детальностью и точностью в обсуждении разнообразного и богатого материала, а также с живостью языка, которая делает книгу увлекательным чтением. При том, что основная цель автора состоит в разработке теории, не менее половины объема книги посвящено обладающему несомненно самостоятельной ценностью подробному и скрупулезному рассмотрению эмпирического материала, щедро иллюстрированного примерами и снабженного основной библиографией. Благодаря этому книга Г. Booя может служить важным источником по целому ряду интересных проблем морфосинтаксиса, в первую очередь нидерландского языка. С теоретической точки зрения книга чрезвычайно актуальна, так как в ней обсуждаются весьма непростые и вызывающие немало контроверз «пограничные» проблемы грамматики, не получившие удовлетворительного анализа в других теориях. Одно из основных достоинств конструкционной морфологии, на наш взгляд, состоит в том, что данная концепция не только преодолевает ряд «мнимых» дихотомий лингвистики (такие, как противопоставление порождения и хранения в словаре или грамматики и лексики), но и «наводит мосты» между синтаксисом и морфологией, удачным образом отражая в рамках единой понятийной системы и единого формализма как наличие несомненных различий между этими двумя компонентами языковой системы, так и отсутствие между ними четких непроницаемых границ.

В качестве еще одного достоинства книги Г. Booя хотелось бы отметить осторожность и сдержанность его общетеоретических формулировок, не всегда характерную для когнитивных лингвистов. В целом подход Г. Booя можно назвать разумным и взвешенным сочетанием популярного ныне конструкционного подхода с традиционными методами строгого грамматического анализа и даже элементами генеративного формализма. Если некоторым представителям противоборствующих лагерей свойствен редукционизм (желание объяснить все грамматические явления либо абстрактной синтаксической структурой, либо столь же абстрактными «когнитивными схемами»), то морфосинтаксическая концепция, представленная в рецензируемой монографии, явным образом лишена этого недостатка.

В порядке критики можно отметить лишь ряд незначительных опечаток. В целом книгу Г. Booя можно рекомендовать к прочтению всем, кто интересуется современными проблемами морфологии и ее взаимодействия с синтаксисом, семантикой и лексикой, а также весьма многочисленным российским приверженцам конструкционных подходов к грамматике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов 1982 – *В.М. Алпатов*. О двух подходах к выделению основных единиц языка // ВЯ. 1982. № 6.

Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.

Рахилина (ред.) 2010 – *Е.В. Рахилина* (ред.). Лингвистика конструкций. М., 2010.

Ackerman, Stump 2004 – *F. Ackerman, G. Stump*. Paradigms and periphrastic expression: A study

in realization-based lexicalism // L. Sadler, A. Spencer (eds.). Projecting morphology. Stanford, 2004.
Anderson 1992 – *S.R. Anderson*. A-morphous morphology. Cambridge, 1992.
Blevins 2008 – *J.P. Blevins*. Periphrasis as syntactic exponence // F. Ackerman, J.P. Blevins, G.T. Stump (eds.). Patterns in paradigms. Stanford, 2008.
Booij 1979 – *G. Booij*. Semantic regularities in word formation // Linguistics. 1979. V. 17. № 11/12.
Booij 1984 – *G. Booij*. Principles and parameters in prosodic phonology // Br. Butterworth, B. Comrie, Ö. Dahl (eds.). Explanations for language universals. Berlin, 1984.
Booij 1990 – *G. Booij*. The boundary between morphology and syntax: Separable complex verbs in Dutch // G. Booij, J. van Marle (eds.). Yearbook of morphology 1990. Dordrecht, 1990.
Booij 1992 – *G. Booij*. Morphology, semantics, and argument structure // I. Roca (ed.). Thematic structure: its role in grammar. Dordrecht, 1992.
Booij 1995 – *G. Booij*. The phonology of Dutch. Oxford, 1995.
Booij 1996 – *G. Booij*. Inherent versus contextual inflection and the split morphology hypothesis // G. Booij, J. van Marle (eds.). Yearbook of morphology 1995. Dordrecht, 1996.
Booij 1997 – *G. Booij*. Allomorphy and the autonomy of morphology // Folia linguistica. 1997. V. 31.
Booij 2002a – *G. Booij*. The morphology of Dutch. Oxford, 2002.
Booij 2002b – *G. Booij*. Separable complex verbs in Dutch: A case of periphrastic word formation // N. Dehé, R. Jackendoff, A. Macintyre, S. Urban (eds.). Verb-particle explorations. Berlin, 2002.
Booij 2004 – *G. Booij*. Constructions and the interface between lexicon and syntax // H. Aertsen, M. Hannay, G. Steen (eds.). Words in their place. Festschrift for J.L. Mackenzie. Amsterdam, 2004.
Booij 2005a/2007 – *G. Booij*. The grammar of words. An introduction to linguistic morphology. Oxford, 2005/2007.
Booij 2005b – *G. Booij*. Compounding and derivation: evidence for construction morphology // W.U. Dressler, Fr. Rainer, D. Kastovsky, O. Pfeiffer (eds.). Morphology and its demarcations. Amsterdam; Philadelphia, 2005.
Booij 2007 – *G. Booij*. Construction morphology and the lexicon // F. Montermini, G. Boyé, N. Hathout (eds.). Selected proceedings of the 5th Décembrettes. Morphology in Toulouse. Somerville, 2007.
Booij 2009a – *G. Booij*. Compounding and construction morphology // R. Lieber, P. Stekauer (eds.). The Oxford handbook of compounding. Oxford, 2009.
Booij 2009b – *G. Booij*. Phrasal names: A constructionist analysis // Word structure. 2009. V. 2. № 2.
Booij et al. 2000 – *G. Booij, Chr. Lehmann, J. Mugdan* (eds.). Morphologie / Morphology. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung / An international handbook on inflection and word formation. V. 1–2. Berlin; New York, 2000.
Culicover, Jackendoff 2005 – *P. Culicover, R. Jackendoff*. Simpler syntax. Oxford, 2005.
Fried, Östman (eds.) 2004 – *M. Fried, J.-Ö. Östman* (eds.). Construction grammars. Cognitive grounding and theoretical extensions. Amsterdam; Philadelphia, 2004.
Goldberg 1995 – *A.E. Goldberg*. Constructions. A construction grammar approach to argument structure. Chicago; London, 1995.
Goldberg 2006 – *A.E. Goldberg*. Constructions at work. The nature of generalization in language. Oxford, 2006.
Jackendoff 2002 – *R. Jackendoff*. Foundations of language. Brain, meaning, grammar, evolution. Oxford, 2002.
Kiparsky 2005 – *P. Kiparsky*. Blocking and periphrasis in inflectional paradigms // G. Booij, J. van Marle (eds.). Yearbook of morphology 2004. Dordrecht, 2005.
Östman, Fried (eds.) 2004 – *J.-Ö. Östman, M. Fried* (eds.). Construction grammar in a cross-language perspective. Amsterdam; Philadelphia, 2004.
Stump 2001 – *G.T. Stump*. Inflectional morphology. A theory of paradigm structure. Cambridge, 2001.

П.М. Аркадьев

Сведения об авторе:

Петр Михайлович Аркадьев
Институт славяноведения РАН
peterarkadiev@yandex.ru

***R. Benczes, A. Barcelona, F.J. Ruiz de Mendoza Ibáñez* (eds.). Defining metonymy in cognitive linguistics: Towards a consensus view.** Amsterdam: John Benjamins, 2011. 292 p. (Human cognitive processing. V. 28.)

В 1980 г. вышла в свет книга Д. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson 1980]. Оригинальность подхода, представленного в ней, состояла прежде всего в смещении акцента: если раньше метафора считалась чисто языковой конструкцией, то теперь она становится объектом когнитивного исследования, важнейшим инструментом человеческого мировосприятия. Между тем обсуждению метонимии в этой книге посвящена лишь одна глава. И несмотря на то, что, по словам Лакоффа и Джонсона, метонимия также является важным когнитивным механизмом, ее вторичность по отношению к метафоре видна уже из названия их книги. Однако со временем столь пристрастное отношение к метафоре постепенно сменилось вниманием к метонимии. Пожалуй, первым значимым шагом в этом направлении стала публикация К. Пантера и Г. Раддена «Метонимия в языке и мышлении» [Panther, Radden 1999], где авторы подчеркнули, что роль метонимии в языке, возможно, является даже более фундаментальной, нежели роль метафоры. Эта идея получила развитие в целом ряде работ, см., например [Dirven, Pörings 2002; Panther, Thornburg 2003] и др.; среди них был и ставший затем популярным сборник под редакцией испанского когнитивиста Антонио Барселоны [Barcelona 2000]. Рецензируемый сборник «Определяя метонимию в когнитивной лингвистике: путь к консенсусу» – его новая работа, на этот раз совместная с двумя другими соредакторами: Р. Бенцеш и Ф. Руисом де Мендосой. Книга продолжает ту же тему и преследует ту же цель: прояснить природу и функционирование метонимии как фундаментального явления в когнитивной деятельности человека.

Основу сборника составили статьи, написанные по материалам докладов, представленных на семинаре «Что мы хотим называть метонимией? Попытка прийти к общему мнению относительно границ метонимии в когнитивной лингвистике». Этот семинар был проведен А. Барселоной и Ф. Руисом де Мендосой в рамках X Международной конференции по когнитивной лингвистике в Кракове в 2007 г.

Как отмечают редакторы в своем предисловии к сборнику, хотя большинство лингвистов согласны с концептуальной природой и фундаментальной важностью метонимии, по ряду вопросов, связанных с этим явлением, мнения существенно расходятся. В связи с этим, цель научной встречи заключалась в том, чтобы сделать понятие метонимии более четким и удобным для дальнейших исследований.

Таким образом, в задачи авторов сборника входило:

1) определить границы понятия метонимии на данный момент развития когнитивной лингвистики;

2) прояснить те аспекты этого понятия, которые вызывают основные споры;

3) предложить концепцию, которая нашла бы поддержку и среди когнитивных лингвистов, и в лингвистическом обществе в целом.

Сборник поделен на две части: «Метонимия и близкие к ней когнитивные, семантические и риторические явления» и «Метонимия и метонимические цепи как отображения либо процессы внутри матрицы / сети доменов». Этим двум частям предшествует вводная статья Антонио Барселоны, в которой он формирует «теоретический фундамент» для последующих статей, перечисляя основные проблемы, которые будут рассматриваться в книге, и предлагая свой способ их решения.

В первой части статьи Барселона обращается к спорным местам в традиционном понимании природы метонимии. Так, он ставит вопрос, следует ли считать метонимию процессом, который связывает между собой сущности внутри одного и того же домена или же домены в матрице доменов. Автор утверждает, что с термином «сущность» ассоциируется представление об индивидуальных объектах, которые мы воспринимаем изолированно, отдельно от той концептуальной структуры, которая всегда с ними связана в языке. Переводя это свое рассуждение в терминологию когнитивной грамматики Лангакера [Langacker 1987], Барселона определяет сущность как профиль без базы. Напомним, что по Лангакеру, значение языковой единицы состоит из профиля и базы, причем под профилем понимается сущность, непосредственно обозначаемая языковой единицей, а под базой – та (подразумеваемая) часть значения этой языковой единицы, которая необходима для понимания профиля. В этом смысле профиль значения слова «банан» – это тропический фрукт определенного вида, тогда как в его базу входит спецификация по нескольким доменам: ФОРМА, ЦВЕТ, РАЗМЕР, ЕДА, ТРОПИЧЕСКИЕ РАСТЕНИЯ.

Логика выбора Антонио Барселоны состоит в том, что профиль не может существовать без своей базы, а значит, в отношении между сущностью и доменом первая лишена индивидуальности, необходимой для установления

метонимии. Но тогда, определяя метонимическое отношение, следует использовать пару «домен – матрица доменов».

Однако на протяжении своей статьи Барселона не раз меняет термины. Так, рассуждая о необходимости функциональной связи между *источником* и *целью* в метонимии (подробнее об этом см. ниже), он, вслед за Пантером и Раденом (см. [Panther, Radden 1999]), утверждает, что метонимию можно рассматривать как процесс, проходящий внутри фрейма, или «функционального домена» (введенный им термин). А значит, в этом случае, поле действия метонимии уже не матрица доменов, а домен; а элементы, которые «меняются местами», не домены, а субдомены. Таким образом, у читателя складывается впечатление, что здесь авторская концепция еще недостаточно устоялась, и он не может предложить нам однозначной терминологии.

Другая проблема, указанная в вводной статье, – интерпретация отношения, которое возникает между (суб)доменами в процессе метонимии, и выбор термина для него. Известно, что в свое время В. Крофт [Croft 2002] предлагал термин «выделенность домена» («domain highlighting»), Руис де Мендоса в статье, опубликованной в данном сборнике, говорит о редукции и расширении домена, Кёвечес и Радден в [Kövecses, Radden 1998] вообще избегали четкого термина, говоря лишь об отношении («relationship»), возникающем на базе смежности. Автор вводной статьи предлагает называть данную связь «отображением» («mapping»), используя тот же термин, который описывает и отношение, возникающее при метафоре. Однако он указывает на несколько другой характер метонимического отображения: оно, в отличие от метафорического, асимметрично. При метафоре два домена, участвующие в процессе, структурно схожи (по крайней мере, отчасти), и домен-источник проецирует свою структуру на результирующий домен таким образом, что слоты первого начинают соответствовать слотам второго, как в классическом примере «Жизнь – это путешествие», где начало путешествия отображается в рождение, преграды в *пути соответствуют жизненным препятствиям* и т.п. При метонимии (суб)домены не похожи, у них разная структура: ч а с т ь устроена совсем не так, как ц е л о е. Верен этот тезис и в случае переноса с ч а с т и на ч а с т ь. Например, в предложении «Пруста очень трудно читать» (суб)домен ‘автор’ имеет структуру, в корне отличную от (суб)домена ‘произведение’. Эта разница и подчеркивается в термине «асимметричное отображение»: метонимический домен-источник (автор) отображает свою структуру на результирующий домен, не проецируя свои элементы в аналогичную («симметричную») структуру (как в метафоре), а накладывая на него, или, как говорит Барселона, проецируя на него («map») новую концептуальную перспективу, которая активирует домен-цель (произведение).

Следующий вопрос, который ставится в статье, – стоит ли считать метонимию однонаправленным или двунаправленным процессом. Барселона утверждает, что метонимия, как и метафора, процесс однонаправленный («unidirectional»), однако, в отличие от последней, обратимый («reversible»). Например, в метонимии ч а с т ь – ц е л о е иногда ч а с т ь отображается в ц е л о е, иногда ц е л о е отображается в ч а с т ь (в чем и проявляется «reversibility»), но этого никогда не происходит одновременно (что было бы при двунаправленности): в данном предложении в данный момент времени имеет место только одно направление.

Спорность этой аргументации видится в том, что Барселона, как и в случае с «сущностью», трактует общепринятый термин таким образом, что объекта, им обозначаемого, просто не существует. Действительно, ситуация двунаправленности, определенная таким образом, не представляется возможной в языке: как можно представить себе предложение, в котором первый домен активирует второй и одновременно с этим второй активирует первый? Кроме того, термин «обратимость», как кажется, не совсем удобен. Ведь обратимый процесс – это процесс, который можно обратить, тем самым вернуть к первоначальному состоянию. А возможность источника и цели при метонимии «меняться местами» («часть → целое» vs. «целое → часть») обычно возникает не для данной конкретной пары, где оно, как правило, однозначно определено, а для разных примеров. И такого рода эффект логичнее описывать через смену направлений, чем через возврат к начальной структуре.

Можно сказать, что автор пытается проводить четкие формальные параллели между метафорой и метонимией: оба процесса связывают домены, оба представляют собой отображения, *оба однонаправленны*. Учитывая разную природу метафоры и метонимии, необходимость этого сближения представляется неочевидной: при таком поразительном (внешнем, чисто терминологическом) сходстве теряется возможность их противопоставления. Возникает естественное недоумение, почему, собственно, эти процессы разные? Только потому, что один из них оказывается асимметричным?

Важный теоретический вклад Барселоны в понимание метонимии – его гипотеза о степенях метонимичности. Как он утверждает, есть,

по крайней мере, три степени метонимичности. Метонимии бывают схематичные (самая слабая степень), типичные и прототипические.

Прототипическая метонимия обладает целым рядом свойств. Во-первых, она представляет собой асимметричное отображение (суб) домена-источника в (суб)домен-цель, причем источник и цель находятся в одном и том же общем функциональном домене (= фрейме) и связаны прагматической функцией. Под прагматической функцией Барселона, вслед за Фоконье [Fauconnier 1994; 1997], понимает функциональную связь между ролями в домене: причина – результат, автор – произведение, действующее лицо – действие и др. Во-вторых, в прототипической метонимии (суб)домен-источник должен быть четко отделен от результирующего (суб)домена. Проблема отделимости цели от источника, как утверждает автор, существенна только для метонимии «часть – целое». Если 'часть' активируется через 'целое', то во многих случаях цель от источника отделима слабо. Наконец, прототипическая метонимия должна, помимо всего вышеперечисленного, быть референциальной (см. [Croft 2002]); источник и цель должны представлять собой индивидуальные объекты либо их множество.

Прототипическая метонимия возникает, например, в предложении *Весь Париж замер в ожидании результатов состязания*, в котором 'город' отсылает к 'населению города'.

В типичной метонимии, которая представляет собой второй класс, снимается требование референциальности и необходимость для (суб)домена-источника и результирующего (суб)домена быть индивидуальными объектами. Типичной, например, является метонимия глагола *have* в предложении *The saxophonist had to leave early* 'Саксофонист был вынужден рано уехать'. В английском предложении используется модальный глагол *to have to*, обозначающий долженствование. Это значит, что необходимость совершить действие в этом предложении заменяет само свершение действия: активируется стадия, предшествующая данному поступку. Эту метонимию можно интерпретировать как «целое–часть», однако она не является прототипической, так как (суб)домены, участвующие в процессе, не представляют собой индивидуальных объектов.

Наконец, метонимия третьего, схематичного типа не требует отделимости источника от цели. Примером здесь может служить предложение *Книга очень толстая*, где, по словам Барселоны, целое ('книга') активирует часть (субдомен 'физический объект').

Заметим, что при такой трактовке у слова «книга» просто не будет прямого значения – любое употребление окажется переносным.

Во второй части статьи Барселона рассуждает о трудностях, связанных с различием между метафорой и метонимией. Часто лингвистическое выражение может в зависимости от контекста или желания интерпретатора рассматриваться либо как метонимическое, либо как метафорическое. Ср:

*He **fell** in the First World War. He was buried in Paris* (букв.: 'Он пал на Первой мировой войне. Он похоронен в Париже').

Гибель солдата можно рассматривать как сложный процесс. С этой точки зрения падение – часть этого процесса. Таким образом, можно считать, что данный пример иллюстрирует метонимию «предшествующее действие – последующее действие». Но, по словам Барселоны, то же предложение верно и в ситуации, если солдат погиб не в бою, а, например, от бомбы, попавшей в землянку. Такой случай естественнее трактовать как метафору «падение – смерть». Рассматривая это предложение в целом и имея в виду, что оно может подразумевать как гибель в бою, так и случайную смерть, Барселона предлагает соединить два типа перехода: он интерпретирует этот случай как метафору, которая мотивирована метонимией и основана на де-контекстуализации и генерализации последней.

Вопросы, поставленные во вводной части, обсуждаются другими авторами сборника.

Так, Карита Парадис в статье «Метонимизация: ключевой механизм сдвига значения» тоже исследует языковые эффекты, которые можно считать пограничными с метонимией. Ее интересуют фасетизация и активация зоны. Под активацией зоны понимается процесс, схожий с метонимией «часть – целое»: языковая единица обозначает целый объект, а в ситуации участвует лишь его часть либо идет речь лишь об одном его аспекте. Например, в предложении *У Сьюзан во рту сигарета* (пример [Langacker 1984]) в ситуации непосредственно участвует только кончик сигареты. В словосочетаниях *высокий мужчина*, *ленивый мужчина*, *настоящий мужчина* (примеры Парадис) речь идет не о концепте 'мужчина' в целом, а об отдельных его аспектах: физическом (высокий), функциональном (ленивый) и аспекте личных качеств (настоящий) соответственно. Важной характеристикой активации зоны является то, что при ней, в отличие от метонимии, не происходит изменения значения: активация зоны ведет лишь к сдвигу внимания на другой аспект того же значения. А значит, этот процесс к метонимии отнести нельзя. Парадис постулирует континуум промежуточных случаев между активацией зоны и метонимией. К ним, по ее мнению, относится фасетизация. Ср.:

Судья был вынужден признать, что исковое заявление верно.

Как говорит Парадис, этот пример очень похож на метонимию «часть – целое» («заявление как содержание» в отличие от «заявление как физический объект») и намного ближе к ней, чем к явлению активации зоны. Однако свести полностью к метонимии его не получается, и демонстрируют это некоторые синтаксические тесты. Главный из них – возможность применения з е в г м ы. Зевгма – это использование слова в нескольких значениях в одном предложении. Этот прием часто используется специально для создания комического эффекта, как в известном примере «Шел дождь и два студента», где обыгрываются разные значения слова «идти», связанные метафорическим переносом. Если два значения одной лексемы, активированные в одной фразе, связаны метонимией, это также ведет либо к особым прагматическим эффектам, либо просто к неграмматичному высказыванию. Например, предложение

The piano was in a bad mood and in black mahogany

букв.: 'Пианино было в плохом настроении (активация игрока) и из черного махогании (активация инструмента)'

неправильно. Между тем использование значений, связанных фасетизацией, в одном предложении вполне грамматично. Ср.:

Исковое заявление небольшое, но верное.

Итак, Парадис постулирует континуум «активация зоны – фасетизация – метонимия».

Но представление этих процессов в одном ряду порождает другую проблему. Дело в том, что и активация зоны, и фасетизации представляют собой «недометонимии» типа «часть – целое». Значит ли это, что и метонимию нужно свести лишь к этому типу? Ответа на такой вопрос автор не дает.

Сходство метонимии и близких к ней процессов рассматривается и в статье «Зоны, фасеты и прототипическая метонимия» Герартса и Пирсмана. Проанализировав три группы примеров (*Эта собака покусала мою кошку* = активация зоны; *Чайник кипит* = метонимия, *Эта книга скучная* = фасетизация), авторы также приходят к выводу, что активация зоны – процесс, отличный от метонимии, так как не предполагает вынужденной смены референта («coercion»). Действительно, обращаясь к примеру про собаку и кошку, видим, что в реальном естественном языке мы просто не можем буквально выразить тот смысл, который нам нужен, что-то вроде 'зубы собаки кусают определенные части кошки', так как глагол «кусать» требует агентивного субъекта. Явление же фасетизации авторы статьи сводят к подтипу метонимии: анализируя прагматический, синтаксический и семантический аспекты обоих процессов, Герартс и Пирсман утверждают, что значительной разницы между ними нет: зевгма, как утверждается, разделяет не метонимию и фасетизацию, а метонимию «часть – целое» и «целое – часть».

В статье Ф. Руиса де Мендосы «Метонимия и когнитивные операции» также осмысляются термины «активация зоны» и «фасетизация», однако автор представляет нам другое их понимание. Сводя метонимию к двум процессам – сужению и расширению домена, – он предлагает считать, что сужение домена, в свою очередь, делится на активацию зоны и фасетизацию. Различие между этими процессами автор иллюстрирует примером *She held my hand against her cheek* 'Она прижала мою руку к своей щеке'. С точки зрения активации зоны в данной ситуации задействована не вся рука, а ее часть – ладонь. В терминах же фасетизации Руис де Мендоса противопоставляет это предложение фразе *He decided to try his hand at shooting* 'Он решил попробовать свои силы (букв.: руку) в стрельбе', так как в первом предложении выделен фасет физического объекта, а во втором активирован нефизический фасет концепта 'рука'.

В статье Аны Коскела «Метонимия, сужение и расширение категории, вертикальная полисемия» речь идет о вертикальной полисемии. Это явление, при котором слово в разных контекстах может обозначать как сам объект, так и его гипоним / гипероним. Например, лексема *кошка* может обозначать 'семейство кошачьих' в предложениях типа *Размеры кошек широко варьируют: от 34 см до 3,8 м*. Вертикальную полисемию принято считать подтипом метонимии «часть – целое». Автор не согласна с этой точкой зрения. В своей статье она приводит доказательства в пользу того, что это явление другого рода. Один из ее аргументов – невозможность объяснить вертикальную полисемию в терминах профиля и базы [Langacker 1987]. Если метонимия – это сдвиг доменов в матрице, то метонимия «часть – целое» – ситуация, при которой один домен замещает всю матрицу доменов. Но в то же время матрица доменов – это база данного профиля, это концептуальный материал, необходимый для понимания значения данной лексемы. Действительно, в предложении *Нам нужны рабочие руки* домен 'руки' замещает матрицу доменов 'человек'. При этом в данном примере 'человек' – база профиля, обозначаемого лексемой *руки*: нам абсолютно необходимо понимать, что такое 'человек', чтобы понять, что такое 'руки'. С вертикальной полисемией ситуация совсем другая.

В подтверждение своей идеи автор приводит следующий пример:

Кошки очень свободолюбивы.

В данном предложении гипоним *кошка* = 'домашняя кошка' замещает гипероним 'семейство кошачьих'. Однако, в отличие от обычной метонимии, здесь мы не можем сказать, что 'семейство кошачьих' является базой для гипонима 'домашняя кошка'. Ведь база – это концептуальная схема, которая необходима для понимания профиля. А для понимания концепта 'кошка' нам отнюдь не обязательно знать, что такое 'семейство кошачьих'. А значит, по утверждению автора, это явление другого рода.

Следующая статья сборника – «Метонимия на перекрестке: случай эвфемизмов и дисфемизмов» Тани Градечак-Эрдельич и Горана Милича – рассматривает вопросы иного рода. В ней приводится анализ дисфемизма *chikenhawk*, образованного соединением двух слов (*chicken* 'цыпленок' и *hawk* 'ястреб'). Это выражение обозначает публичного человека, который поддерживает решение политических проблем военным путем, однако сам уклоняется от возможности надеть солдатскую форму, и эвфемизма *body count* (дословно *подсчет тел* обозначает 'подсчет людей, убитых при военных действиях'). На примере этих конструкций доказывается исключительная роль метонимии в политическом дискурсе.

Хавьер Херреро Руис в статье «Роль метонимии в сложных тропах: когнитивные операции и прагматические импликации» продолжает идею связи метонимии с фигурами речи. Помимо эвфемизмов и дисфемизмов он рассматривает такие тропы, как ирония, оксюморон, преувеличение («overstatement»), преуменьшение («understatement»). Автор интерпретирует эти тропы в терминах идеализированных когнитивных моделей (ICM, см. [Lakoff 1987]) и рассматривает случаи, в которых они осложнены метонимией. Примером одного из таких случаев может послужить диалог:

– Ты съел половину пирога!
– Нет, только ложечку.

Простым преуменьшением послужил бы ответ *Нет, только маленький кусочек*. Здесь же это значение осложнено метонимией «контейнер – содержимое контейнера».

Река Бенцеш в статье «Возвращение понятия домена обратно в метонимию: материал сложных слов» утверждает, что при любом определении метонимии необходимо понятие домена. При этом сама она предлагает понимать домен как семантический конструкт, который вместе со связанными с ним другими доменами образует сеть доменов («domain network»). Метонимия, по утверждению автора, оперирует внутри этой сети. Иллюстрацией может служить структура выражения *couch potato*. Есть две отдельных сети доменов: одна для концепта 'диван', другая для концепта 'картошка'. Сеть доменов первого концепта включает в себя домены 'форма' (= большой, удобный), 'функция' (для того, чтобы на нем сидеть, лежать), 'местонахождение' (обычно в гостиной, около телевизора), 'приобретение' (может быть приобретен в магазинах мебели) и др. Сеть второго состоит из доменов 'овощ' (= сорт овоща), 'потребление' (= съедобный), 'типичные блюда' (= чипсы, пюре…) и др. При их соединении новое слово получает значение «лентяй». Для того чтобы это было возможно, одни домены внутри каждой сети доменов выдвигаются вперед, другие уходят в тень. Так, в сети доменов 'диван' выделяются домены 'функция', 'местонахождение', в сети 'картошка' – 'потребление', 'типичные блюда'. Этот процесс порождает множество метонимий. Например, домены местонахождения и функции в сети доменов 'диван' делают возможным переход с места действия на само действие. В данном случае место, диван, замещает действие, которое состоит в том, чтобы лежать на диване и смотреть телевизор. Другая метонимия – «материал, из которого изготовлен объект – сам объект» – проявляется в том, что 'картошка' замещает 'чипсы'; этот переход ведет к более общему «представитель категории – категория», так как 'чипсы' олицетворяют любую закуску, которую едят перед телевизором. Возникает и метонимия «объект, вовлеченный в действие, – агенс», таким образом, через закуску активируется человек. В результате создается образ человека, который проводит все свое время с чипсами на диване перед телевизором, из чего следует, что он лентяй.

Главный вопрос, поставленный в статье Риты Брдар-Сзабо и Марио Брдар «Что метонимические цепи говорят о природе метонимии?», – стоит ли понимать метонимию как отображение («mapping»)? Авторы рассматривают это явление в дискурсе СМИ, анализируя в основном метонимию «столица страны – правительство страны». На этом материале они показывают, что часто одному домену-источнику соответствуют различные результирующие домены, а иногда и неясно, какой домен является результирующим (например, под той или иной столицей может пониматься не только правительство государства, но и закон страны, обсуждаемый в данной статье, или же событие, которое должно здесь произойти и о котором идет речь). Это свидетельствует в пользу предположения, что связь, возникающая при метафоре, существенно отличается от

связи в метонимии: в метафоре она статична, а в метонимии динамична и может изменяться по мере развития дискурса. Но в таком случае лучше отказаться от «метафорического» термина «отображение». Авторы предлагают вслед за Руисом де Мендосой понимать метонимию как изменение (расширение или сужение) домена.

В последней статье сборника «Матрица доменов при метонимии и составные конструкции» Ксианглан Чен продолжает дискуссию о термине «домен». Автор также изучает функционирование метонимии в дискурсе, однако на этот раз материалом исследования стала одна китайская пьеса. Как и Рита Брдар-Сзабо и Марио Брдар, исследователь показывает, что даже внутри одного дискурса матрицы доменов могут иметь различные конфигурации: один домен-источник может быть связан с несколькими результирующими доменами, и наоборот, один результирующий домен может иметь несколько доменов-источников.

В целом рецензируемый сборник оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, в нем ставятся вопросы, которые раньше, как кажется, подробно не обсуждались: например, проблема разграничения метонимии и пограничных явлений (фасетизации и активации зон) или противопоставление метафоры и метонимии по признаку статичности – динамичности. Есть в нем и интересные типы примеров, которые стоит принять во внимание, исследуя природу метонимии. С другой стороны, создается впечатление, что цельная концепция отсутствует: каждый автор сборника придерживается своего подхода и своей терминологии, многие заявленные проблемы остаются нерешенными. А значит, как представляется, главная задача, поставленная редакторами в предисловии и фактически вынесенная в заголовок, не решена: единая теория пока не найдена и путь к консенсусу в рамках этой теории не определен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Barcelona (ed.) 2000 – *A. Barcelona* (ed.). Metaphor and metonymy at the crossroads: A cognitive perspective. Berlin; New York, 2000.

Croft 2002 – *W. Croft*. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies // R. Dirven, R. Pörings (eds.). Metaphor and metonymy in comparison and contrast. Berlin; New York, 2002.

Dirven, Pörings (eds.) 2002 – *R. Dirven, R. Pörings* (eds.). Metaphor and metonymy in comparison and contrast. Berlin; New York, 2002.

Fauconnier 1994 – *G. Fauconnier*. Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language. Cambridge, 1994.

Fauconnier 1997 – *G. Fauconnier*. Mappings in thought and language. Cambridge, 1997.

Kövecses, Radden 1998 – *Z. Kövecses, G. Radden*. Metonymy: Developing a cognitive linguistic view // Cognitive linguistics. 1998. 9(1).

Lakkof, Johnson 1980 – *G. Lakkof, M. Johnson*. Metaphors we live by. Chicago, 1980.

Lakoff 1987 – *G. Lakkof*. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.

Langacker 1984 – *R.W. Langacker*. Active zones // Proceedings of the Annual meeting of the Berkeley linguistics society. 1984. 12.

Langacker 1987 – *R.W. Langacker*. Foundations of cognitive grammar. V. 1. Theoretical prerequisites. Stanford, 1987.

Panther, Radden (eds.) 1999 – *K.-U. Panther, G. Radden* (eds.). Metonymy in language and thought. Amsterdam; Philadelphia, 1999.

Panther, Thornburg (eds.) 2003 – *K.-U. Panther, L.L. Thornburg* (eds.). Metonymy and pragmatic inferencing. Amsterdam; Philadelphia, 2003.

Panther, Thornburg 2007 – *K.-U. Panther, L.L. Thornburg*. Metonymy // D. Geeraerts, R. Dirven, H. Cuyckens (eds.). Handbook of cognitive linguistics. Oxford, 2007.

М.В. Кюсева

Сведения об авторе:

Мария Викторовна Кюсева
МГУ им. М.В. Ломоносова
mkyuseva@gmail.com

B. Hansen, J. Grković-Major **(eds.). Diachronic Slavonic syntax: Gradual changes in focus.** München etc.: Sagner, 2010. 208 p. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 74.)

Рецензируемый сборник («Диахронический славянский синтаксис: акцент на градуальных изменениях») под редакцией Б. Ханзена и Я. Гркович-Мейджор посвящен диахроническим изменениям в синтаксисе и морфосинтаксисе славянских языков. Он составлен по итогам международной конференции с тем же названием, проведенной в Регенсбургском университете. Характерный для британского английского термин «Slavonic» – вместо более принятого сейчас «Slavic» – в названии сборника и в текстах англоязычных статей относится именно к славянским языкам вообще, а не специально к старо/церковнославянскому (Church Slavonic). Представлены работы о русском, чешском, западнорусском письменном языке, или «простой мове» (Ruthenian), нижнелужицком и польском языках. Сборник состоит из семнадцати статей, для лучших из которых характерно удачное сочетание традиционной славянской филологии с современными лингвистическими теориями и типологическим контекстом, а также корпусными технологиями. Большинство статей написано на английском языке, три – по-немецки. В сборнике представлены сторонники различных теорий, как функциональных (грамматика конструкций, теория грамматикализации), так и формальных (различные версии генеративизма). Вместе с тем все работы объединены и одним общим принципом. В славистике, прошедшей период увлечения чисто синхронными описаниями, ощущается необходимость обращения к прошлому языка для адекватного отображения тех или иных синхронных процессов и постоянное сопоставление нескольких планов, следы которых сосуществуют в языке – «бисинхрония», по определению французского слависта П. Гарда. Слово «градуальный» в названии отражает некоторое общее рамочное допущение всех работ, представленных в сборнике, согласно которому природа языка в принципе динамична и должна описываться с учетом переходных явлений, существующих в нем в каждый момент.

Порядок авторов в сборнике – алфавитный, и это не всегда удобно: в ряде случаев желательна была бы тематическая группировка статей (например, публикаций, посвященных проектам разработки корпусов, грамматикализации причастий, общей движущей силе изменений славянского синтаксиса или истории отрицания).

Первая статья в сборнике, написанная д-ром Х. Бартельсом, сотрудником Лужицкого института в Котбусе, посвящена созданию и использованию диахронического корпуса нижнелужицкого языка. Проблема документирования исчезающих языков и подготовки унифицированных электронных корпусов, включающих максимум доступных источников и снабженных единой разметкой, уже ставилась в науке, однако на материале языков других регионов. Нижнелужицкий язык относится к тем языкам Европы, которым в настоящее время угрожает вымирание, при этом он сравнительно хорошо документирован литературными текстами (а не только полевыми записями, как подавляющее большинство «угрожаемых языков» мира). На материале корпуса автор исследует как ряд долгосрочных феноменов, например пуристическое вытеснение в пассивной конструкции германизма *wordowaś* ‘становиться’ (< *werden*) исконным *byś* ‘быть’, так и очень динамичных изменений нормы, связанных с влиянием крупных писателей. Корпус начал создаваться еще в начале 1990-х гг. и охватывает 23 миллиона словоупотреблений почти за 200 лет. Проблемы, возникающие при составлении этого корпуса, представляют общетеоретический интерес для работы над корпусами малых литературных языков (мощное влияние одного-двух авторов, редакций конкретных газет).

В статье Я. Бьёрнфлатена рассматривается образование русских деепричастий через призму теории грамматикализации (в том ее понимании, которое отражено в работах П. Хоппера и Э. Траугот, Б. Хайне и Т. Кутевой и др.). Согласуемые причастия в предикативной функции превратились в истории древнерусского языка в несогласуемые причастия, изменив как тип словоизменения, так и синтаксическую функцию, причем изменение формы и значения шло одновременно. Исследуется употребление предикативных причастий и вариативность их форм в текстах XVI–XVII вв., в том числе в их различных редакциях, и демонстрируется отрыв формы от первоначальных значений числа и рода. К сожалению, автор мало упоминает собственно о древнерусских памятниках, фактически переходя от старославянского сразу к XVI в.; между тем известно, что в XII–XIV вв. разрушение механизма согласования причастий и грамматикализация деепричастий уже начались (например, в новгородских берестяных грамотах).

Статья М. Дочекала посвящена явлению отрицательного согласования (повтора отрицания при местоимениях и глаголе типа *Никто не видел никого*) в современном чешском языке в сопоставлении со старославянскими памятниками. Автор использует аппарат формальной семантики и современные логические и типо-

логические работы по отрицанию, предлагая «частичное синтаксическое решение», объясняющее эволюцию праславянской системы с «нестрогим отрицанием» в современные славянские языки, где повтор отрицания обязателен. Как известно, в древних индоевропейских языках сфера действия отрицания независимо от его позиции могла охватывать все предложение: по М. Дочекалу, неоднозначность трактовки отрицания перед местоимением (как сентенциального либо относящегося к местоимению) диктовала необходимость формирования особых отрицательных местоимений. И здесь можно повторить критическое замечание к предыдущей статье: автор не привлекает свидетельств памятников, промежуточных между старославянским и современным чешским: история чешского языка, как известно, неплохо документирована, и в ней засвидетельствованы некоторые архаизмы, утраченные, например, в восточнославянской ветви.

В статье Х. Экхофф и Д. Хауга представлена синтаксическая разметка разрабатываемого сейчас корпуса ранних переводов Нового Завета (корпус PROIEL, с недавнего времени открытый для свободного доступа в Интернете). Для синтаксического представления используется грамматика зависимостей. В отличие от других корпусов с зависимостной разметкой синтаксиса (например, Prague dependency treebank, созданного командой Чешского национального корпуса), норвежские исследователи используют более широкий инвентарь типов зависимости и допускают «вторичные зависимости» для обозначения кореферентности. Представляет большой интерес используемая коллективом технология автоматического пословного (а не по предложениям, как обычно в параллельных корпусах) выравнивания (token alignment). Эта технология опирается на словарь, генерируемый на основании мер коллокаций; разумеется, учитывается разница в порядке слов и синтаксической структуре. В статье приводится пример конкретного грамматического исследования – сравнение конструкций с выражением принадлежности в греческом и старославянском. Указывается, что выбор дативной или адъективной конструкции в старославянском связан с определенностью именной группы (однако не диктуется греческим выбором артикля непосредственно).

Работа М. Фрид использует теоретические предпосылки грамматики конструкций, одним из видных представителей которой является автор. Здесь анализируется эволюция «полных» причастных форм в древнечешском языке. Автор исследует специфические контексты этих форм («укрупненные модели», larger patterns) и переинтерпретацию причастий в рамках этих моделей. Ключевую роль здесь играют «периферийные» (переходные) контексты, в которых проявляются черты нескольких типичных конструкций. Целый ряд факторов (как синтаксических – например, залог, так и семантических – например, одушевленность субъекта) способствует неоднозначной интерпретации этих форм и переходу их от предикативного значения к хабитуальному и атрибутивному.

Я. Гркович-Мейджор в статье под названием «Роль синтаксической переходности в развитии славянских синтаксических структур» считает эту роль «основной движущей силой» не только для истории славянских, но и остальных индоевропейских языков. Автор следует за гипотезой Вяч.Вс. Иванова и Т.В. Гамкрелидзе, согласно которой праиндоевропейский язык изначально был языком активного строя. Затем типологическая революция привела к формированию в индоевропейских языках субъектно-объектных отношений, растянувшемуся на многие века и затронувшему различные ветви этой семьи. В частности, формирование пассивного залога, винительного падежа как показателя пациенса и т. п. еще не завершилось в греческом языке гомеровской эпохи; в старославянском изначально не были образованы модели управления отдельных глаголов, поскольку падежи прямо отражали семантические роли, а категория переходности выработалась позже. Под влиянием этого процесса в модель управления стали втягиваться также предикативные клаузы (сентенциальные актанты) и выработалась система подчинительных предложений и собственно подчинительных союзов, первоначально еще не строго отграниченных от сочинительных (например, слова *а*, *и*, *ти*, *то* носили полифункциональный статус).

Статья Б. Ханзена посвящена грамматикализации русского эпистемического сентенциального наречия (в традиционной терминологии – вводного слова) *может* [*быть*], восходящего к модальному глаголу *мочь*. В этом смысле русский язык типологически близок ряду других, где сосуществуют как не полностью грамматикализовавшаяся конструкция с модальным глаголом и союзом, так и наречный элемент, ср. англ. *It may be that...* и *maybe*. Отмечено, что грамматикализованное вводное *может* [*быть*] не изменяется по времени и наклонению, не принимает отрицания (**могло быть*, **могло бы быть*, **не может*), хотя вводное *может быть*, в отличие от вводного *может*, модифицируется наречиями *очень* и *вполне*. Рассматривается также конструкция, включающая подчинительный союз: *может быть, что P* – так называемая «фокусная оценочная конструкция». В отличие от вводного *может* [*быть*], в данной конструкции на первый план выходит

оценка вероятности говорящим (а не само положение дел). Далее, на материале Регенсбургского диахронического корпуса русского языка автор анализирует историю возникновения грамматикализованного вводного *может*, прошедшую шесть стадий:

1) конструкция возможности действия (*могоу вдати*);

2) конструкция, совместимая со статическими глаголами и связкой *быть* (*можеть мои оученикъ быти*);

3) модально-экзистенциальная конструкция с собственно бытийным глаголом (*не можеть никтоже быти и ражати ся*);

4) конструкция *может быть, что* (появилась в среднерусский период, хотя с другими модальными предикатами такой тип отмечен и раньше);

5) вводное *может быть* (редкие примеры с XVI в., но массово только с XVIII в.);

6) вводное *может* (приводится пример из Гоголя, однако в текущей версии НКРЯ представлены многочисленные примеры уже из авторов XVIII в., начиная с Татищева и Ломоносова).

В интересной статье Б. Ханзена есть некоторые досадные неточности: так, 1499 г. – это еще не «начало XVI в.», *плод того и другого будет одинакий* нельзя перевести как *some of the fruit will be the same*, произведения Гоголя не могут датироваться 1863 г. и др. Сомнительно также, что вводное *может* «все еще неприемлемо в формальной речи»: конечно, в нем есть определенный оттенок разговорной интонации, и в официально-деловом стиле его, как и многие другие общелитературные слова и конструкции, не употребляют, однако его использовали в своих научных работах, например, М.М. Бахтин и Д.С. Лихачев.

Статья Чун Хакъюн (Jung Hakyung) «Предпосылки и мотивация в грамматикализации русского перфекта с глаголом *быть*» посвящена истории севернорусской диалектной конструкции с неизменяемым причастием типа *у меня* [*было*] *куплено корову/корова* ‘я купил корову’ (на эту тему автором в 2008 г. была защищена диссертация в Гарвардском университете). Исследователь использует понятийный аппарат как генеративного синтаксиса, так и теории грамматикализации, применяя его к большому числу источников – от берестяных грамот до современных диалектных записей (она даже работала с информантом из Карелии). Первоначально именная группа *у Х-а* означала обстоятельство места при пассиве, затем через стадию бенефактива перешла к выражению агентивного субъекта. Условием такого преобразования стала изначальная синтаксическая двусмысленность конструкции с предлогом *у*, а также применение принципа маркированности к агенсу. В статье, как и в предыдущей, также есть неточности с глоссированием русских примеров (например, в берестяных грамотах *отчина наша и дѣдина* – цитирую в нормализованном виде – это пословно не «fathers’ our belongings», а «достояние отцов и достояние дедов», при этом дается правильный литературный перевод *what belonged to our ancestors*).

В работе П. Карлика речь идет о чешских прилагательных на *-telný* с потенциально-пассивным значением (‘такой, которого можно Р’, ср. русск. *съедобный*, *познаваемый*, латинские прилагательные на *-bilis* и отсюда заимствованный англ. суффикс в *readable* и т. п.). Используется понятийный аппарат распределенной морфологии (distributed morphology) и генеративизма (обобщение Бурцио). Автор обращает внимание на то, что синхронный анализ, выделяющий два «композициональных» суффикса (*-tel-*, приписывающий агентивное значение, и *-n-*, исключающий прямое дополнение), вступает в видимое противоречие с историческими данными, согласно которым в этих прилагательных выступал суффикс *tedl-*, и предлагает анализ древнечешских морфологических данных с целью решения этого противоречия.

В работе Суррейской морфологической группы – коллектива с участием А. Красовицкого, М. Баермана, Д. Брауна, Г. Корбета и П. Уильямса – представлено корпусное исследование согласования сказуемого в русском языке. Показано, что одна из моделей согласования – множественное число с сочиненными именными группами (*в углу стояли стол и кресло*) демонстрирует плавный рост частотности и продуктивности (от 80 % до более 90 %) по сравнению с более ранней моделью *в углу стоял стол и кресло*. Вариативность здесь проявляется прежде всего в контекстах с постпозицией подлежащих, причем чаще с неодушевленными подлежащими. Для соотношения множественного и единственного числа в конструкциях с квантификаторами (*у меня обедает / обедают десять человек*) корпусные данные дают кривую без четкой тенденции, колеблющуюся вокруг значения 70 % в пользу множественного числа. Здесь основная зона вариативности связана с числительными от *пять* и выше, а также с местоименными квантификаторами типа *мало*, *несколько*, *много*. Отсутствие явно выраженного роста числового согласования объясняется его противоречием с другими морфосинтаксическими механизмами, которые не блокируют смыслового согласования по числу, но накладывают серьезные ограничения на его развитие. Дело в том, что числительные от *пять* и выше с синтаксической точки зрения продолжают управлять зависимыми сущест-

вительными (в древнерусский период они и сами, как известно, были существительными), не говоря уже о словах типа *мало* и *несколько*. Поэтому по-прежнему стабильна модель согласования, приравнивающая числовые группы к существительным единственного числа.

В статье М. Лазар исследуется позиция возвратной клитики *ся* в древнерусской и среднерусской деловой письменности – грамотах различных регионов (возможно, избранный исследовательницей английский термин «Russian business writing», буквально калькирующий принятое в славистике сочетание *деловая письменность*, не совсем удачен и вызывает скорее современные ассоциации). Данный тип источников сравнительно мало привлекался в предыдущих исследованиях проблемы, в том числе в книге А.А. Зализняка «Древнерусские энклитики» (2008). Обнаружено, что на порядок клитики влияет жанр делового документа и его региональная принадлежность (так, в новгородском и полоцком регионах скорость грамматикализации *ся* как постфикса была разной), а также вхождение клитики в те или иные устойчивые формулы. В заключение автор оспаривает необходимость понятия «ритмико-синтаксического барьера», предложенного А.А. Зализняком в указанной работе.

Дж. Маканаллен исследует развитие предикативных посессивов в славянских языках: как известно, в праславянском изначально конкурировали конструкции типа *имею*, *мне есть* и *у меня есть*. Демонстрируется «победа» конструкции с *имею* в истории чешского языка под влиянием немецкого языка (при том что, например, латинский текст не оказал существенного влияния на выбор посессивной конструкции в ранних чешских переводах Библии), аналогично и для русской конструкции *у меня есть* автор предполагает финно-угорский субстрат.

В статье К. Мигдальского речь идет о диахроническом синтаксисе польских клитик, происходящих из вспомогательного глагола ‘быть’ в праславянском и древнепольском перфекте (типа *kupiliśmy* ‘мы купили’). Автор не вполне удачно использует термин «perfective», за которым в грамматической типологии закрепилось значение ‘совершенный вид (славянского или близкого типа)’, а не ‘относящийся к перфекту’, тем более что синхронно в польском языке эти формы имеют значение претерита (а не перфекта). Позиция этих клитик типологически любопытна: они могут встречаться строго либо при глаголе, либо при первом слове фразы (в вакернагелевой позиции). К. Мигдальский привлекает материал других славянских языков и исторические данные, а также анализирует контексты, при которых в клитизации вспомогательного глагола участвуют также транскатегориальные частицы *by*, *li*, *że*. Автор приходит к выводу о принципиальной независимости процессов аффиксации и клитизации вспомогательного глагола, обусловленных разными синтаксическими явлениями; так, клитизация связана с коммуникативным или модальным выделением.

Статья А. Рабуса «Релятивизаторы в западнорусском» посвящена стратегии построения относительных предложений в западнорусском письменном языке (также известном как «простая мова», «руська мова», «староукраинский/старобелорусский» и т. п.) XVI–XVIII вв. Исследуется корпус, состоящий из уже оцифрованных западнорусских текстов, и показано, что в XVIII в. круг релятивизаторов резко расширяется: к релятивизатору *который* (преобладавшему с показателем примерно 90 % в текстах XVII в.) в текстах разных регистров под различными влияниями добавляются церковнославянское *иже*, а также сохраняемые современным украинским *котрий* и *який*.

Г. Раппапорт исследует грамматикализацию категории «лично-мужского» в западнославянских языках. Как известно, она характерна для литературного польского языка, где во множественном числе выделяется класс личных существительных (обозначения людей) мужского рода, противопоставленных обозначениям животных и неодушевленных предметов мужского рода, а также всем существительным женского и среднего родов. Помимо польского, эта категория выражается также в словацком и верхнелужицком, хотя и не столь последовательно. Различные группы польских диалектов также отличаются в данном отношении от литературной нормы; сильнее всего этот процесс продвинулся в южных диалектах. Это разграничение возникло как результат двух независимых процессов, характерных для истории различных славянских языков – замены аккузативной формы на генитивную (ср. русск. *на кони* > *на коней*) и замены номинатива множественного числа в мужском роде на форму аккузатива, в соответствии с исконным синкретизмом этих форм для других родов (ср. русск. *вълци* > *волки*). Первый процесс изначально затрагивал лексемы, стоящие выше в так называемой «иерархии одушевленности», хорошо известной типологически (обозначения Бога и высокопоставленных мужчин, затем всех мужчин, затем, как в русском языке – всех людей и, наконец, всех одушевленных существ), второй, наоборот, начинал действие с противоположного конца шкалы, с неодушевленных предметов. Эти два изменения «столкнулись» друг с другом на некоторой промежуточной точке шкалы (а именно, на точке противопоставления обозначений одушевленных существ муж-

ского пола остальным существительным), в результате чего набор лексем, расположившихся по обе стороны этой границы, стал противопоставляться по двум признакам. Почему же в русском языке, в отличие от польского, этого «столкновения» не произошло? Ведь в русском совпадение генитива с аккузативом (кроме женского морфологического рода в единственном числе) отделяет все одушевленные имена от неодушевленных, а исторический номинатив множественного числа заменился аккузативом вообще у всех имен. Ответ на этот вопрос связан с относительной хронологией процессов в русском и польском. В польском языке они совпали во времени и смогли повлиять друг на друга, в то время как в русском языке к моменту начала распространения категории одушевленности на множественное число процесс вытеснения старой формы номинатива множественного числа аккузативом уже завершился.

Статья Р. Вечерки «Предпосылки развития и движущие силы славянского синтаксиса» содержит несколько утверждений принципиального характера, главное из которых связано с характером грамматикализации праславянских синтаксических конструкций. С точки зрения автора, они исторически связаны с разного рода элементарными коммуникативными единицами (для которых в историческом синтаксисе также употребляется термин «предложение» – «Satz»; автор предлагает называть их «относительно автономными синтаксическими единицами»): так, условные предложения восходят к самостоятельным восклицательным оптативным предложениям, конструкции типа *человек идет босой* – к бессоюзным сочетаниям типа *человек идет*; *он босой* и т. п. В процессе грамматикализации происходит введение формальных правил синтаксического построения, «интеллектуализация» и «рационализация» синтаксиса. Автор иллюстрирует этот тезис, в частности, при помощи диалектных примеров, с его точки зрения, более информативных для истории живого языка, чем показания литературных письменных памятников.

Заключительная статья Л. Веселиновой посвящена синхронии и диахронии стандартных (глагольных) и частных отрицаний в славянских языках. Анализируется материал 13 языков, в качестве основы исследования выбраны типологические работы об отрицании Э. Даля, У. Крофта, М. Миестамо. Отдельно разобраны предложения с экзистенциальным отрицанием (*В саду нет диких котов*), с отрицанием при глаголе (*Мария не поет*) и при связке (*Мария не счастлива*). По выражению этих трех видов отрицания выделяются различные стратегии, естественно, тесно связанные с выражением в языке связки и экзистенциального предиката. При контрастивном отрицании (*Мария не в Лондоне, а в Москве*) в большинстве языков используется такое же отрицание, как и при глаголе, в отличие от «абсолютного отрицания» (*Марии нет дома*). Отмечено, что по противопоставлению типов отрицания внутри славянских языков выделяются ареалы, пересекающие границы трех традиционных подгрупп (например, ареал экзистенциального отрицания, образованного от глагола «иметь», типа болгарского или белорусского *няма*, охватывает южнославянские языки плюс польский, украинский и белорусский). Рассмотрена история грамматикализации этих отрицаний и уточняется предложенная У. Крофтом идея диахронического «отрицательно-экзистенциального цикла» с целью сделать ее применимой к славянскому материалу.

В целом рецензируемый сборник представляет собой весьма интересное собрание диахронических исследований, посвященных различным сюжетам в истории славянских языков, с привлечением достаточно больших корпусов памятников и различных современных теорий. Принципиальную открытость редакторов для представителей самых разных теоретических направлений нельзя не приветствовать. Многие статьи данного сборника обязательно должны быть учтены при дальнейших исследованиях грамматической эволюции конкретных явлений как в славянских языках, так и в типологическом освещении.

Д.В. Сичинава

Сведения об авторе:

Дмитрий Владимирович Сичинава
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
mitrius@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Международный коллоквиум «Розалия Шор (1894–1939) и ее культурное окружение»

7–9 июня 2012 г. в Кюйи (Швейцария) состоялся международный коллоквиум «Розалия Шор (1894–1939) и ее культурное окружение». Коллоквиум был организован отделением славистики Лозаннского университета, возглавляемым П. Серио, в котором более двадцати лет активно ведется изучение русской и советской науки о языке. Ранее уже было проведено несколько коллоквиумов по этой теме, коллоквиум 2012 г. был посвящен деятельности первой в нашей стране женщины – специалиста по теоретическому языкознанию Розалии Осиповны Шор. Участники коллоквиума отмечали, что роль Р.О. Шор в советском языкознании 1920–30-х гг. была очень активной, а ее разносторонняя деятельность отразила многие существенные черты развития советской науки того времени, поэтому многие доклады затрагивали это развитие в целом, сопоставляли идеи Р.О. Шор с идеями ее предшественников и современников.

В нескольких докладах рассматривались источники идей Р.О. Шор, влияние на нее популярных в ее время философов и языковедов. И. Тылковска (Швейцария) анализировала отражение в ее ранних работах концепции философии языка Г.Г. Шпета, воздействие которой было значительным среди сотрудников ГАХН, где она в 20-е гг. работала. А. Исанина (Санкт-Петербург) отметила использование у Р.О. Шор через посредство Г.Г. Шпета идей Ф. Брентано и Э. Гуссерля. Еще более значительным и продолжительным было влияние на нее «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, специально рассмотренное в докладе И.С. Ивановой (Швейцария). В нем показано, как Р.О. Шор использовала идеи «Курса» в работах 20-х гг., в том числе пытаясь применить их для построения марксистской лингвистики, от чего она затем должна была отказаться. С соссюровской проблематикой был связан и доклад Е. Вельмезовой (Швейцария / Россия), посвященный трактовке междометий в работах Р.О. Шор; показано, что она решалась ею на основе концепции произвольности знака. С.А. Ромашко (Москва) рассмотрел комментарии Р.О. Шор к изданной под ее редакцией в 1938 г. книге А. Мейе «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков», где она, принимая некоторые идеи этого ученого, критикует его с позиций марксистской лингвистики.

С конца 20-х гг. основополагающим для Р.О. Шор стало влияние марксизма, что также нашло отражение в ряде докладов, авторы которых стремились подойти к данной проблеме объективно, отмечая в попытках ряда ученых того времени построить марксистское языкознание положительные и отрицательные стороны. Ю.А. Клейнер (Санкт-Петербург), отмечая во многом вынужденный характер таких попыток в марксистской стране, в то же время обратил внимание на их многообразие в 20-е гг. и в начале 30-х гг.; между взглядами Е.Д. Поливанова, В.Н. Волошинова и Р.О. Шор имелись существенные различия, и именно последней был в наибольшей степени свойствен системный подход. В.М. Алпатов (Москва) посвятил доклад концепции истории языкознания у Р.О. Шор в 30-е гг.; она сложилась под влиянием тогдашних подходов к истории других общественных наук, основанных на исторической концепции марксизма. В соответствии с ней всякая наука, кроме марксистской (которую для языкознания, согласно Р.О. Шор, еще предстояло создать), является буржуазной, повторяя судьбу породившего ее класса: подъем до начала XIX в. и последующий упадок. Эта схема давала возможность внимательно изучать науку XVII–XVIII вв., но сильно упрощала последующее развитие науки о языке. М. Шёненбергер (Швейцария) представила разработку в ряде публикаций Р.О. Шор проблемы национального языка на фоне дискуссий по этим вопросам в советской лингвистике.

В ряде докладов речь шла о соотношении взглядов Р.О. Шор и ее современников в СССР и за рубежом, как в сопоставительном плане,

так и в связи с ее полемическими высказываниями. И.С. Иванова (Швейцария) сопоставляла благожелательное отношение Р.О. Шор к Ф. де Соссюру с гораздо более резкими его оценками у Л.П. Якубинского. М. Улик (Словения) рассмотрел поиски новой лингвистики в 20-е гг. у Р.О. Шор и Г.О. Винокура, находя у обоих стремление объединить идеи Ф. де Соссюра и Г.Г. Шпета. П. Серио (Швейцария) сравнил интерпретацию языкознания конца XVII – начала XIX в. у Р.О. Шор и В.Н. Волошинова, которые абсолютно различны и сходятся лишь в положительной оценке В. фон Гумбольдта, представленного по-разному; для Р.О. Шор XVIII в. – вершина лингвистической мысли, а В.Н. Волошинов отвергал (наряду с многим другим) и «абстрактно-объективистскую» науку до В. фон Гумбольдта. Е. Алексеева (Швейцария) провела неожиданные параллели между близкими по времени, но никак между собой не связанными рассуждениями о языке у Р.О. Шор и С.Н. Булгакова в его эмигрантский период. В двух докладах описывалась полемика Р.О. Шор с формальной школой в литературоведении. П. Флак (Чехия / ФРГ) исследовал эволюцию представителей этой школы, в частности, в связи с переходом части из них к марксизму, и позицию Р.О. Шор по этим вопросам. Т. Гланц (Чехия / ФРГ) специально рассмотрел статью Р.О. Шор 1927 г. «Формальный метод на Западе», в которой она, критикуя это направление, выводила его генезис не из русской традиции, как это делали сами формалисты, а из западного поэтического канона.

Еще в ряде докладов рассматривались те или иные аспекты научно-организационной, публицистической и просветительской деятельности Р.О. Шор. К. Брандист (Великобритания) на основе архивных данных представил ее деятельность в Государственной академии художественных наук (ГАХН), Институте языка и литературы, Институте народов востока и Азербайджанском государственном научно-исследовательском институте. Р. Комте (Франция) посвятил доклад активной работе Р.О. Шор в Литературной энциклопедии, где она вместе с Л.И. Тимофеевым заведовала редакцией языкознания и поэтики и опубликовала большое количество статей. В докладе А. Исаниной (Санкт-Петербург) описывались газетные выступления Р.О. Шор, посвященные вопросам художественного перевода. С. Море (Швейцария) исследовал ее взгляды по проблемам искусственных языков, прежде всего эсперанто, отметив ее в целом положительное отношение к эсперантистскому движению. Е. Симонато (Швейцария) изучила деятельность Р.О. Шор во Всесоюзном центральном комитете нового алфавита и ее выступления по вопросам латинизации алфавитов, в том числе латинизации китайского письма.

Особое место на коллоквиуме занимал доклад Б. Гаспарова (США) «Академик Т.Д. Лысенко как философ», выходивший за рамки изучения наследия Р.О. Шор. В нем рассматривались теоретические идеи этого биолога, высказанные в начале 30-х гг., с точки зрения общего климата эпохи его полемика с классической генетикой была сопоставлена с полемикой П.Н. Медведева с формалистами.

В целом коллоквиум, в котором многие докладчики – ученики П. Серио, работающие в Лозанне, показал, что и в России, и еще в большей степени в Западной Европе вызывает интерес советская лингвистика 20–30-х гг. XX в., в особенности те ее представители, которые вели поиски в области марксистского языкознания. Эти поиски не могут быть поняты только как конъюнктурные и/или выполненные по принуждению; в них присутствовало искреннее стремление по-новому подойти к «вечным вопросам» языка, и многое здесь представляет интерес и сейчас. А Р.О. Шор, что подчеркивали многие участники коллоквиума, занимала в этой области одно из ведущих мест.

В.М. Алпатов

Сведения об авторе:

Владимир Михайлович Алпатов
Институт языкознания РАН
v-alpatov@ivran.ru

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» В 2012 г.

СТАТЬИ

Бабаев К.В. Реконструкция личных местоимений в языках гур 3

Бахмутова И.А. Лингвистические и социолингвистические особенности литературного немецкого языка российских немцев-меннонитов Омской области 3

Бичурина Н.М. «Малые романские языки»: металингвистический дискурс и языковая политика Франции (на примере окситанского / провансальского и арпитанского / савойского) 1

Богомолова Н.К. Личное согласование в табасаранском языке: концептуализатор и его адресат в структуре ситуации 4

Ганенков Д.С. Инфинитив в даргинском языке и типология контроля 2

Глебкин В.В. Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа – Джонсона 3

Гришина Е.А. Указания рукой как система (по данным Мультимедийного русского корпуса) 3

Дацишина М.В. Язык как инструмент власти: немецкий язык для временно оккупированных советских территорий. 1941–1944 гг. 1

Журавлев А.Ф. Категория числа у русского наречия 5

Зализняк Анна А., Микаэлян И.Л. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды 6

Казкенова А.К., Арзиев Р.У. К вопросу о грамматическом освоении глаголов с заимствованной основой в разноструктурных языках (на материале русского и уйгурского языков) 2

Касаткина Р.Ф. Русский язык ищет артикль 2

Касьян А.С. Отражение праславянской фонемы **ы* в старопсковском диалекте разговорника Т. Фенне как архаизм 4

Летучий А.Б. О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке 5

Мельчук И.А. Зависимости-2011: отношение зависимости в языке и в лингвистике 1

Нагапетова Р.Р. Граубюнденский ретороманский: тенденции развития языковой ситуации (по данным переписей населения Швейцарии 1880–2000 гг.) 1

Падучева Е.В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект 1

Пекелис О.Е. Двухместные сочинительные союзы: опыт системного анализа (на основе корпусных данных) 2

Подлесская В.И. Структурная и линейно-просодическая целостность именных групп по данным корпусного исследования: сочиненные и комитативные группы с личным местоимением первого лица в русском языке 1

Разлогова Е.Э. *Пиковая дама* в зеркале французских переводов 6

Савинов Д.М. О причинах эволюции систем предударного вокализма в южнорусских говорах 2

Савова Д.В. Предикативная структура высказывания в болгарском языке 3

Скрибник Е.К., Зезинг О.А. К описанию эвиденциальности и миративности в калмыцком языке 4

Стойнова Н.М. Рефактив: типологические данные 2

Успенский Б.А. Имя Бога в славянской Библии (К вопросу о славяно-еврейских контактах в Древней Руси) 6

Циммерлинг А.В. Системы порядка слов в славянских языках 5
Циммерлинг А.В. Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте 4
Янда Л.А. Русские приставки как система глагольных классификаторов 6

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Перехвальская Е.В. Рукописный архив Е.Н. Баскаковой 1936 г. (тексты на самаргинском диалекте удэгейского языка) 5

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Бердичевский А. Языковая сложность (language complexity) 5
Шумарова Н.П. Социолингвистика Украины: постсоветский период 6

Рецензии

Алпатов В.М. *С.А. Бурлак.* Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, 2011 4
Андронов А.В. *N. Nau.* A short grammar of Latgalian. München: LINCOM GmbH, 2011 .. 4
Аркадьев П.М. *A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie* (eds.). Studies in ditransitive constructions: A comparative handbook. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010 1
Аркадьев П.М. *G. Booij.* Construction morphology. Oxford: Oxford university press, 2010 6
Баранов А.Н. *A. Naciscione.* Stylistic use of phraseological units in discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2010 2
Добрушина Н.Р. *B. Rothstein, R. Thieroff* (eds.). Mood in the languages of Europe. Amsterdam: John Benjamins, 2010 1
Живлов М.А. *C. Hasselblatt, P. Houtzagers, R. van Pareren* (eds.). Language contact in times of globalization. Amsterdam: Rodopi, 2011 2
Живлов М.А. *F. Kortlandt.* Studies in Germanic, Indo-European and Indo-Uralic. Amsterdam: Rodopi, 2010 4
Запольская Н.Н. *E. Bláhová* (red.). Řecko-staroslověnský index. Index verborum graeco-palaeoslovenicus. Praha: Slovanský ústav AV ČR, Euroslavica, 2008–2010 3
Зеленин А.В. *Н.А. Козулина, Е.А. Левашов, Е.Н. Шагалова.* Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб.: Нестор-История, 2009 1
Иванов Вяч.Вс. *R. Watson, W. Horosowitz.* Writing science before the Greeks. A naturalistic analysis of the Babylonian astronomical treatise MUL.APIN. Leiden: Brill, 2011 5
Иткин И.Б. *M. Malzahn.* The Tocharian verbal system. Leiden: Brill, 2010 2
Косогорова М.А. *Ch. Seydou.* L'épopée peule de Boûbou Ardo Galo: Héros et rebelle. Paris: Éditions Karthala, 2010 3
Кюсева М.В. *R. Benczes, A. Barcelona, F.J.Ruiz de Mendoza Ibáñez* (eds.). Defining metonymy in cognitive linguistics: Towards a consensus view. Amsterdam: John Benjamins, 2011 6
Мечковская Н.Б. *М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова.* Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010 5
Панов В.А. *S. Van Laer.* La préverbation en latin: étude des préverbes *ad-*, *in-*, *ob-* et *per-* dans la poésie républicaine et augustéenne. Bruxelles: Latomus, 2010 2
Светозарова Н.Д. *Ю.А. Клейнер.* Очерки по общей и германской просодике. СПб.: Изд-во факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2010 5

Семёнова Кс.П. *A. Bonola, O. Inkova* (dir.). Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi Slavo-Romanzi. Milano: EDUCatt, 2011 1

Сердобольская Н.В. *Е.Л. Рудницкая*. Спорные вопросы корейской грамматики: Теоретические проблемы и методы их решения. М.: Восточная литература, 2010 2

Сичинава Д.В. *B. Hansen, J. Grković-Major* (eds.). Diachronic Slavonic syntax: Gradual changes in focus. München: Sagner, 2010 6

Шибасова Н.Л. *V. Hasko, R. Perelmutter* (eds.). New approaches to Slavic verbs of motion. Amsterdam: John Benjamins, 2010 1

Шибасова Н.Л. *А.И. Кузнецова*. Динамика русских глаголов движения с XI по XX век. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2010 4

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Алпатов В.М. Международный коллоквиум «Розалия Шор (1894–1939) и ее культурное окружение» 6

Бергельсон М.Б. Российский гуманитарный научный фонд: поддержка лингвистических мероприятий 2010–2011 годов 1

Варбот Ж.Ж., Куркина Л.В. Международный этимологический симпозиум. Брно 2011. Теория и практика в славянском диахроническом языкознании 3

Гайдамашко Р.В., Малышев А.А. Академическая школа-семинар для молодых ученых «Современная русская лексикография» 3

Гик А.В., Кулева А.С. Расширенный научный семинар «Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет "Словаря языка Пушкина"» 4

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Никитина Е.Н. Научная история Виноградовских чтений в МГУ 1999–2011 гг. 2

Капитанова Ю.С. Виноградовские чтения 2012 г. 5

Левина И.Н. Слово. Словарь. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня (к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова) 5

Онипенко Н.К., Никитина Е.Н. XLIII Виноградовские чтения в МГУ 4

Оскольская С.А. Рабочее совещание «Взаимодействие языков малочисленных народов РФ с русским языком» 4

Потапова Р.К., Потапов В.В. XIV Международная конференция SPECOM'2011 «Speech and computer» («Речь и компьютер») 5

Старовойтова О.А. IV Всероссийская конференция «Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе» 3

Холкина Л.С., Кузнецова Ю.Л., Макарова А.Б. XI Международная конференция по когнитивной лингвистике (ICLC-XI) 5